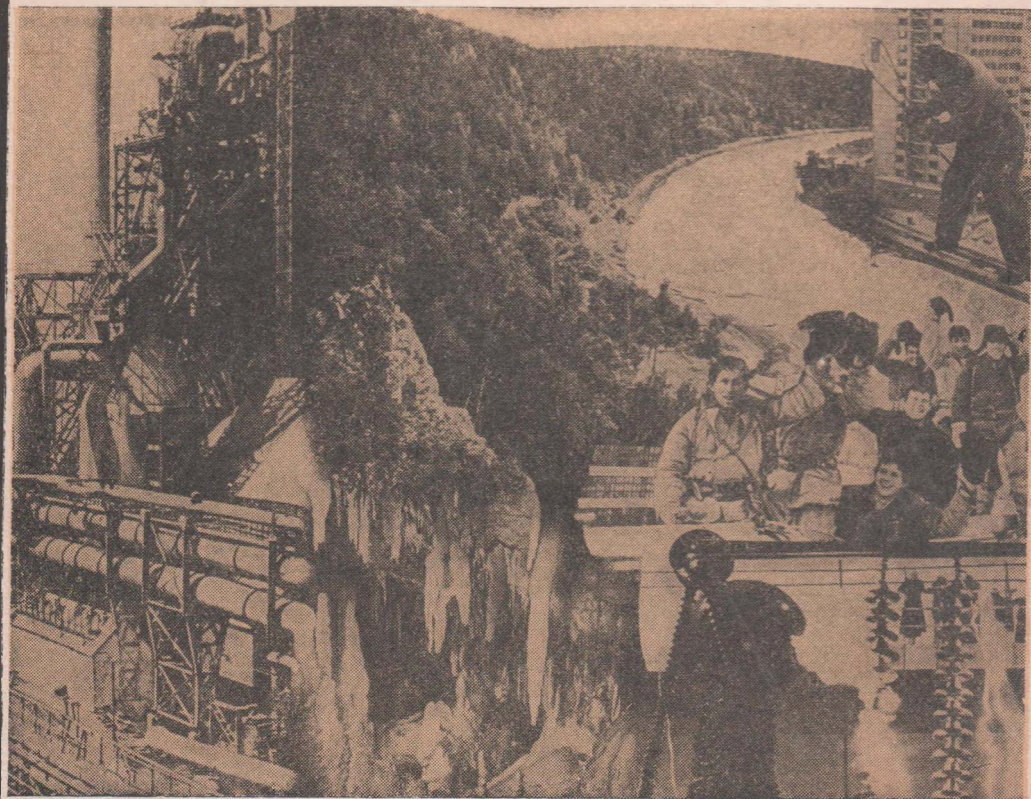

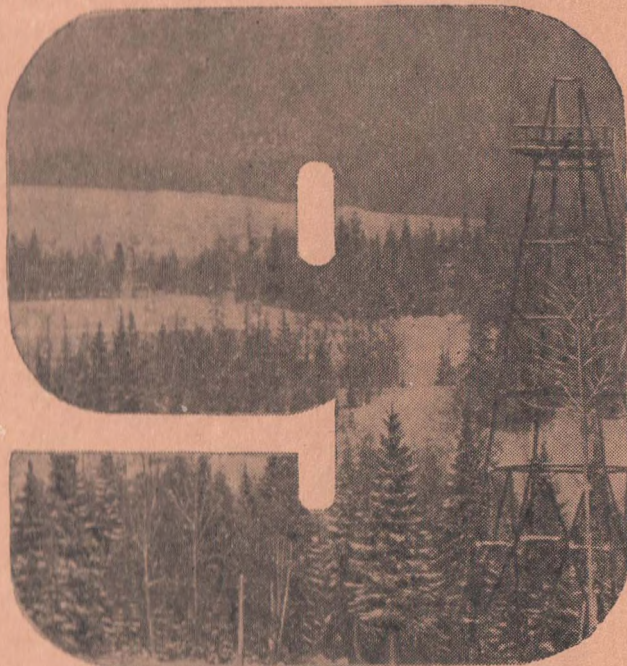
сб
0-11

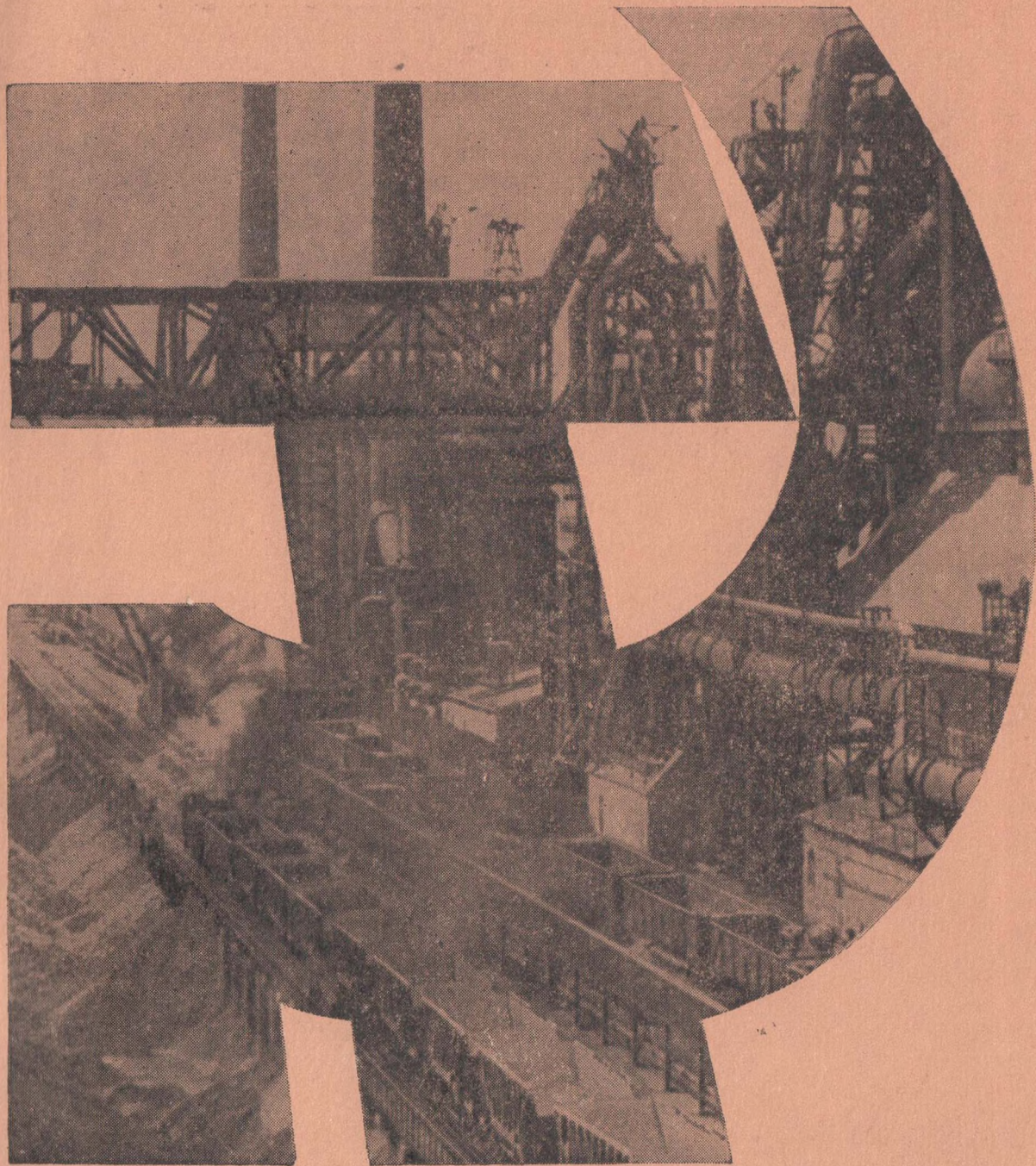
ОТЧИЙ КРАЙ

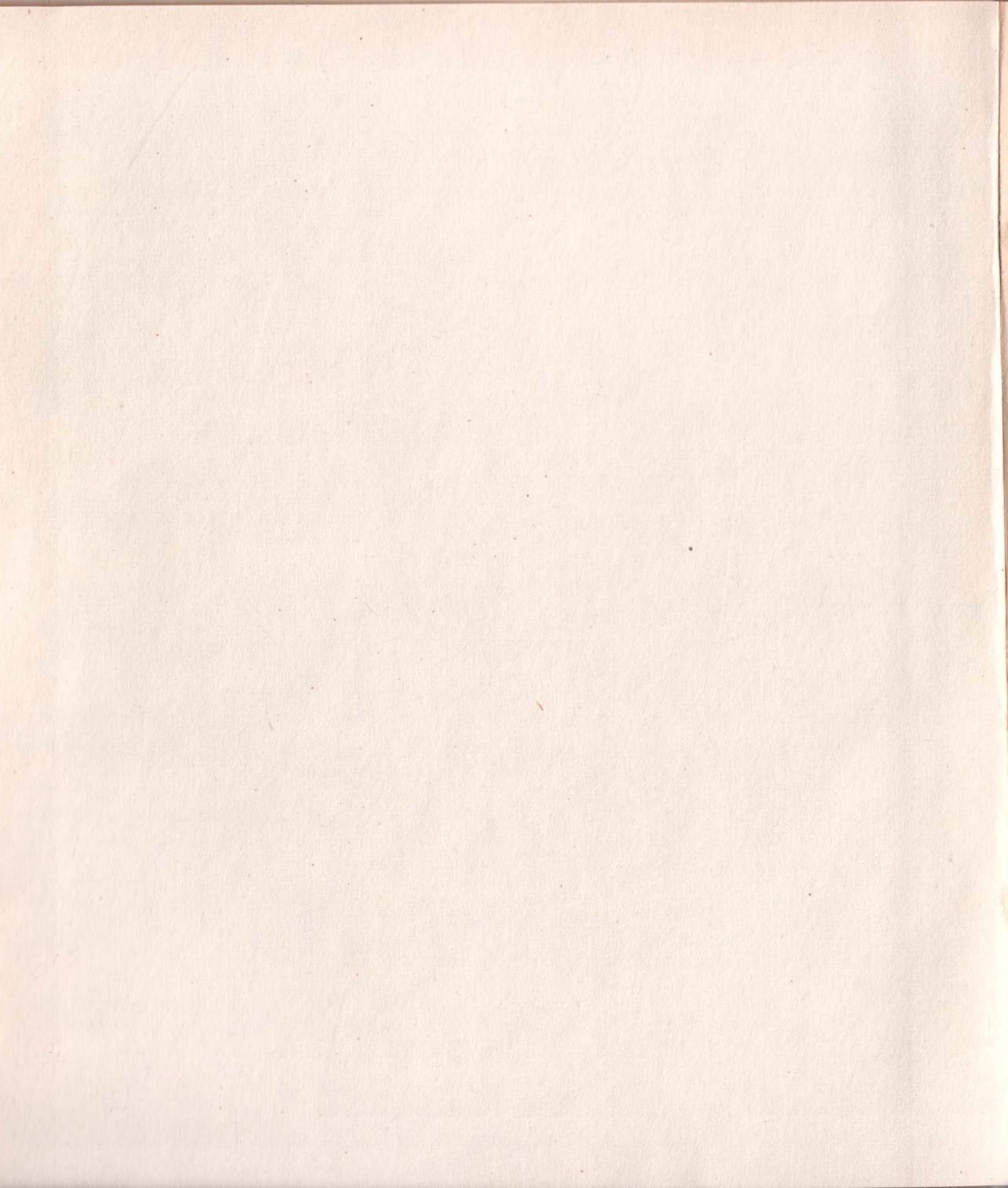
Краеведческий
сборник

1975

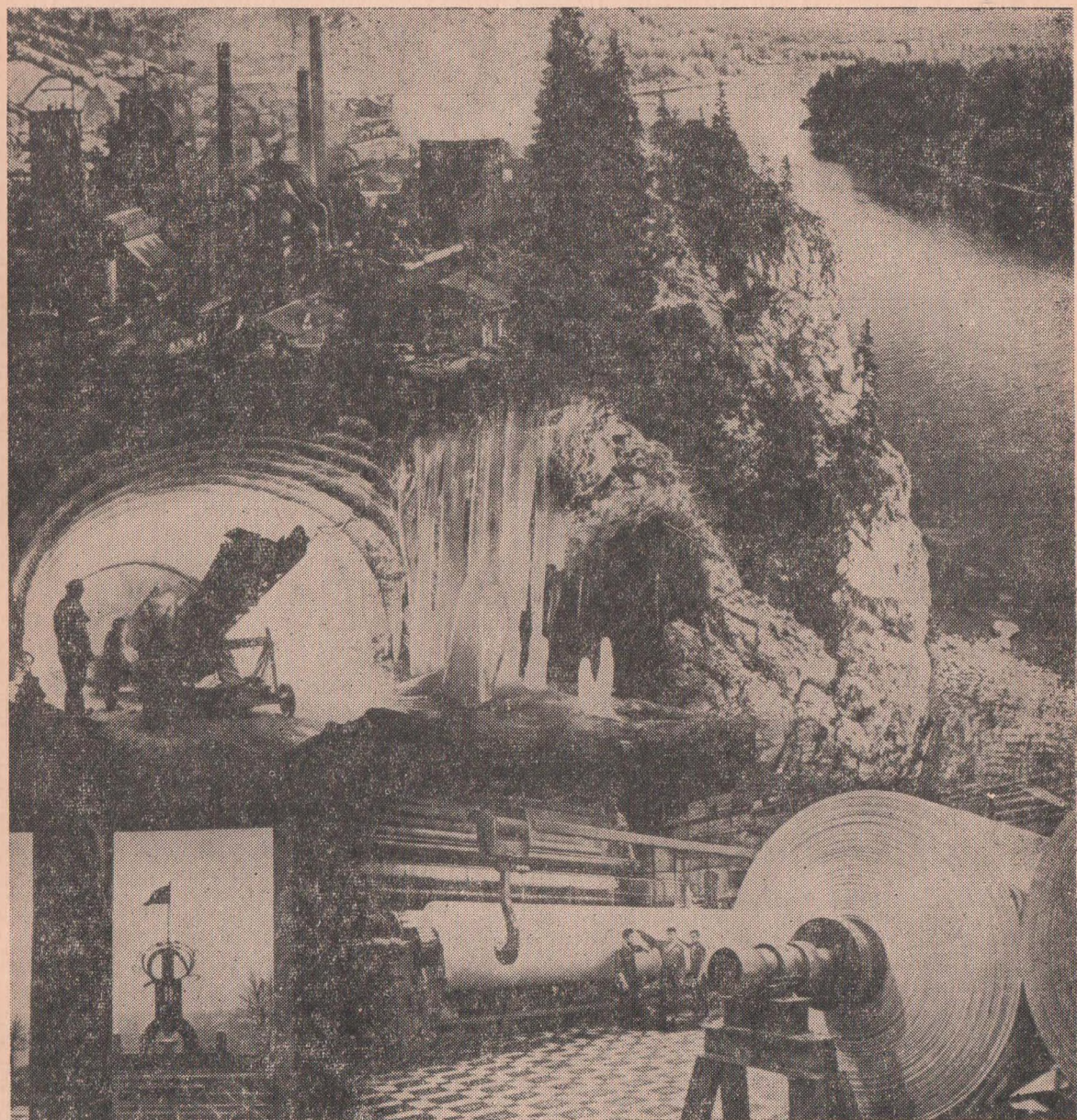

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1975

ОТЧИЙ КРАЙ

Краеведческий
сборник
1975

Пермское книжное издательство. 1975. 4-3.54862

W

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

**ПО СЛЕДАМ
ЛЕНИНСКИХ
ДОКУМЕНТОВ**

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ

К 30-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

КОМИ- ОКРУГУ -50

**ПРОБЛЕМЫ
КРАЯ**

история фабрик и заводов

*Литература, искусство,
культура*

Эхо далеких лет

Общественная редколлегия:

Председатель **П. И. Хитров** —
доцент, кандидат исторических
наук;

члены редколлегии:

Н. Д. Аленчикова —
старший научный сотрудник
Государственного архива
Пермской области;

Н. А. Аликина —
заведующая партийным архи-
вом Пермского обкома КПСС;

Л. Г. Дворсон —
директор краеведческого музея,
заслуженный работник культу-
ры РСФСР;

А. Д. Крашенинников —
писатель;

А. С. Кривощекова-Гантман —
кандидат филологических
наук;

С. Ф. Николаев —
краевед;

М. Н. Степанов —
кандидат географических наук;

С. А. Торопов —
краевед.

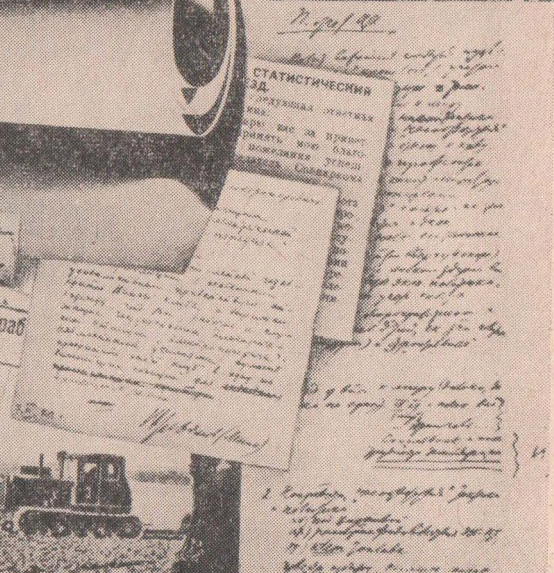
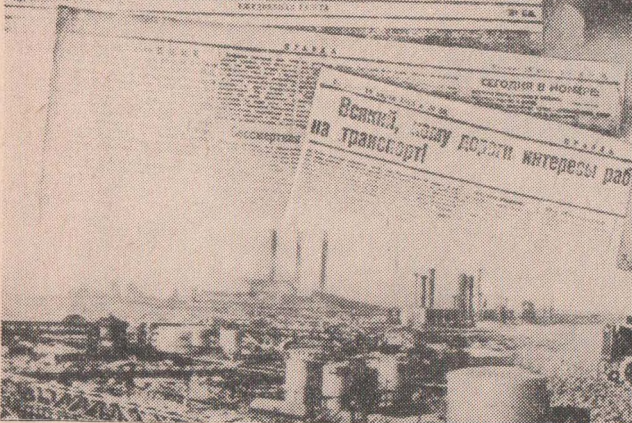
Составитель
Арнольд Ожегов
Художник
Станислав Ковалев

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

ПО СЛЕДАМ
ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Н. АЛИКИНА

ПЕРВЫЙ
СОВЕТСКИЙ
РАДИЙ

ПО СЛЕДАМ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

Н. АЛИКИНА

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ РАДИЙ

Осенью 1918 года в стране бушевала гражданская война. Все уже сжималось кольцо интервентов. Контрреволюционные эсеров-кулацкие мятежи лишали рабочие центры хлеба. Молодая Советская Республика находилась в отчаянном положении.

В это трудное время В. И. Ленин, который глубоко верил в светлое будущее России и предвидел могучий прогресс науки и промышленности, проявил особую заботу и внимание к получению радиия, не имевшего в восемнадцатом году видного значения не только для народного хозяйства, но и для многих ученых-специалистов.

28 октября 1918 года В. И. Ленин подписал телеграмму следующего содержания:

Пермь, Уралсовнархоз
Копии Усолье, исполкому,
Усолье, заводууправлению Березниковского завода

Предписываю Березниковскому заводу немедленно начать работы по организации радиевого завода согласно постановления Высовнархоза. Необходимые средства отпущены Совнаркомом. Работы должны вестись под управлением и ответственностью инженера-химика Богоявленского, которому предлагаю оказать полное содействие.

Предсовнаркома Ленин¹

В связи с чем была послана телеграмма и что было принято для осуществления этого ленинского предписания? Найти ответы на все эти вопросы было непросто. Еще несколько лет назад история телеграммы выглядела не совсем ясной. Деятельные розыски документов в библиотеках, архивах, музеях, воспоминания ветеранов помогли во всем разобраться.

Задолго до Октябрьской социалистической революции «Частное общество по добыче редких металлов» располагало 60 тысячами пудов руды.

¹ Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 50, стр. 375. Телеграмма подписана также заведующим химическим отделом ВСНХ Л. Я. Карповым и заведующим научно-техническим отделом ВСНХ Н. П. Горбуновым.

Это было необычайно редкое и ценное сырье. Из него извлекали уран, ванадий и медь. Было также известно, что руда содержит редчайший элемент — радий. Но как получить его из руды, этого никто из предпринимателей «Частного общества» не знал.

«Общество» неоднократно обращалось за помощью к известным ученым Марии Склодовской-Кюри, Белневицу, Рамзаю Эблеру и другим. Немецкий физик Данич специально приезжал в Россию, брал образцы руды, но метод, с помощью которого он пытался получить радий, оказался для этой руды неприемлемым.

Потерпев значительные убытки, предприниматели решили создать «Международное общество по переработке радиевой руды» под руководством немецкого профессора Эблера. Отправка руды в Германию была уже решена и подготовлена. Только начавшаяся мировая война задержала передачу сырья в руки иностранцев.

Выдающийся русский ученый академик Владимир Иванович Вернадский один из первых в России поднял вопрос о значении радиоактивной руды. Еще в 1910 году он говорил: «Теперь, когда человечество вступает в новый век лучистой энергии, мы, а не другие, должны знать, должны выяснить, что хранит в себе в этом отношении почва нашей родной страны».

Ученые предвидели почти безграничные возможности, которые открывались перед человечеством в случае целесообразного использования колоссальных запасов энергии, таящихся в атомах радия.

Под руководством В. И. Вернадского была создана радиевая комиссия и радиологическая лаборатория при Академии наук. Секретарем этой лаборатории был назначен наш земляк уроженец Перми Виталий Григорьевич Хлопин, который с 1915 года занимался работами по извлечению радия из радиевой руды. В. Г. Хлопин по праву считается отцом русской и советской радиохимии. Еще в 1917 году он, по поручению главного артиллерийского управления, подготовил доклад об

изготовлении светящихся составов постоянного действия.

Октябрьская социалистическая революция открыла широкие возможности для развития науки.

Весной 1918 года, в период первой мирной передышки, началась разработка плана развития производительных сил страны. В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» поставил важные вопросы социалистических преобразований.

В апреле 1918 года химический отдел Высшего совета народного хозяйства, созданный по инициативе В. И. Ленина, изъял радиевую руду у частных предпринимателей. Советское государство поставило перед Академией наук важную задачу: получить радий из имеющейся радиевой руды. Созданная при Академии наук комиссия по изучению естественных производительных сил России 12 апреля 1918 года поручила В. Г. Хлопину и Л. Н. Богоявленскому организовать в Петрограде радиевый завод.

Высший совет народного хозяйства 16 августа 1918 года утвердил «Положение о коллегии по организации и эксплуатации пробного завода для извлечения радия». Согласно Положению, в состав коллегии входили пять постоянных членов: четыре представителя Академии наук и один представитель ВСНХ. Коллегия должна была отчитываться в расходовании отпускаемых по сметам сумм непосредственно перед ВСНХ.

В задачи коллегии входило освещать и разрешать все вопросы научно-технического характера, которые могли возникать в процессе заводского извлечения радия.

Коллегии предписывалось в случае необходимости обращаться к ученым и в учебные заведения, организуя параллельно научное исследование процессов извлечения радия и других радиоактивных элементов.

Результаты работы должны были публиковаться в изданиях академической комиссии и ВСНХ. В этом же Положении оговаривался важнейший пункт о том, что коллегия передает весь выраба-

тываемый на заводе радиий, равно как и другие продукты, имеющие научное значение и составляющие собственность государства, в распоряжение Академии наук, которой предоставляется право учета и распределения радия между всеми заинтересованными учреждениями.

Таким образом сразу же строго определились научные цели всех работ.

Заведующим радиевым заводом был назначен инженер-химик Леонид Николаевич Богоявленский, общее руководство всей химической и административно-хозяйственной стороной дела было поручено Хлопину.

Начавшиеся работы по организации завода проходили в чрезвычайно сложных условиях: не было специалистов, людей приходилось обучать на ходу — это отнимало много времени. К началу работ на заводе был всего один специалист по радиоактивности — физик Л. С. Коловрат-Червинский, ученик М. Склодовской-Кюри. Л. Н. Богоявленский и В. Г. Хлопин специализировались в процессе работ. Кроме того, не хватало многих необходимых химических препаратов.

Заклучение Брестского мира, вспыхнувшая гражданская война поставили под угрозу завод и ценнейшее сырье. Несмотря на то, что завод и работы на нем были засекречены, предпринимчивые немецкие дельцы знали о запасах руды и оставлять ее в Петрограде стало опасно. Необходимо было спешно эвакуировать оборудование и руду в глубь России.

Местом эвакуации химический отдел ВСНХ определил содовый завод Любимова и Сольвэ в Березниках Пермской губернии. Это представлялось наиболее подходящим местом как по политическим, так и по хозяйственным соображениям, ибо летом 1918 года содовый завод функционировал нормально.

Специальная комиссия в составе академика А. Е. Ферсмана, В. Г. Хлопина, А. Яковкина, Л. Лялина, Л. С. Коловрат-Червинского подготовила доклад Совету Народных Комиссаров. В докладе говорилось о важности всестороннего

изучения радия и большой ценности сырья, которое при правильной переработке может дать то количество радия, которое на первое время обещает потребности науки.

Члены комиссии писали: «Сознание огромности той роли, которую призван со временем сыграть радий в деле борьбы человечества за превращение продуктов природы в высшие культурные и экономические ценности, в деле защиты человеческой жизни от казавшихся ранее неизлечимыми заболеваний, заставило все культурно-передовые государства обратить исключительное внимание на всестороннее изучение свойств этого удивительного элемента...»

В разных странах создаются специальные институты для всестороннего изучения явлений радиоактивности. Совсем другую картину представляла и представляет в этом отношении Россия...» Далее в докладе детально говорилось о необходимости всестороннего изучения радия в России как о деле большой государственной важности, о немедленном вывозе сырья из Петрограда с целью «сохранить не только запас сырья, представляющий огромную ценность, но и единственный источник радия, дающий возможность извлечения этого элемента на территории России».

Эвакуация сырья была поручена Виталию Григорьевичу Хлопину. Ответственность за целостность сырья во время пути, выгрузку его и организацию работ в Березниках возлагалась на полномочного представителя отдела химической промышленности ВСНХ Л. Н. Богоявленского.

11 июля 1918 года 12 тысяч пудов радиевой руды, упакованной в бочки, и заводская аппаратура были погружены в 10 вагонов и отправлены в Березники. В последние дни июля состав благополучно прибыл к месту назначения.

За это время обстановка на Урале резко изменилась. Екатеринбург был сдан белым. Управление Уральского совнархоза и все областные организации сосредоточились в Перми. В создавшейся сутолоке чрезвычайно трудно было

встретить понимание и найти помощь даже в чисто хозяйственных вопросах. В этих условиях Л. Н. Богоявленский проявил большую энергию. Он неоднократно обращался за помощью в деловой совет Березниковского содового завода, в Уралсовнархоз. Но ни в Березниках, ни в Перми никак не могли взять в толк, кому и зачем нужен непонятный радиевый завод. Деловой совет Березниковского содового завода решил использовать знающего инженера-химика для своих нужд — для обследования Троицкого солеваренного завода. На установление правильных взаимоотношений с местными заводскими организациями уходило много времени. Л. Н. Богоявленский вынужден был поехать в Москву к Л. Я. Карпову.

Лев Яковлевич Карпов — необычайно примечательная личность. Будучи революционером-подпольщиком, агентом «Искры», руководителем московских большевиков в 1907 году, он в предреволюционные годы сумел совместить революционную деятельность с научными занятиями. Профессора Л. А. Чугаев и С. П. Ланговой считали его восходящей звездой химии. К началу 1918 года по предложению В. И. Ленина он принял пост заведующего отделом химической промышленности и члена президиума ВСНХ. В. И. Ленин высоко ценил Карпова. В документах тех лет можно нередко встретить ленинские резолюции: «Спросить Карпова», «Узнать мнение Карпова», «Послать эту телеграмму всем совдепам за подписью Л. Карпова и моей».

Л. Н. Богоявленский подробно рассказал Карпову о трудностях организации завода. Лев Яковлевич прекрасно понимал, что самая действенная помощь, которую можно оказать заводу в той сложнейшей обстановке, в какой оказался Урал, — обратиться к В. И. Ленину. 28 октября в 20 часов В. И. Ленин, Л. Я. Карпов и Н. П. Горбунов подписали телеграмму, текст которой приведен в начале статьи.

Ленинское указание не было оставлено без внимания. Директор содового завода коммунист

А. И. Потемин принял меры, чтобы помочь Л. Н. Богоявленскому: были отведены помещения для радиевого завода и лаборатории при нем, выплачена заработная плата за три месяца из сумм, ассигнованных ВСНХ заводууправлению, некоторым работникам завода предоставили квартиры.

Работа началась. Смонтирована заводская установка. Сделаны первые обнадеживающие пробы в лабораторных условиях по методу, разработанному Богоявленским и Хлопиным. Но завод действовал лишь несколько недель. В конце декабря работы были прекращены. Колчаковские войска 25 декабря 1918 года захватили Пермь, а 31 декабря — Березники.

В условиях лютой зимы, почти полного бездорожья, а также оккупации большей части Урала не могло быть и речи об эвакуации заводских установок и радиевой руды. Л. Н. Богоявленский принял твердое решение: остаться на заводе и попытаться сохранить руду. О деятельности Богоявленского и его опытах знал небольшой круг, но даже те, кто знали, не представляли себе ни целей работы, ни стоимости руды.

Оставшись у белых, Леонид Николаевич, не вызывая подозрения «законной временной власти», хорошо замаскировал ценное сырье. Большинство же рабочих восприняло это как измену, и на долгие годы в памяти жителей Березников Богоявленский оставался человеком, предавшим интересы Советской власти. Мужественный человек ради спасения порученной ему радиевой руды пошел на большой риск и в течение полугода работал в должности заведующего содовым заводом.

Во время оккупации Богоявленский сохранил не только руду, но и заводские установки. Тем временем радиевая коллегия в Москве находилась в полном неведении о судьбе сырья и заводского имущества: известно было только, что руда осталась у колчаковцев.

В январе 1919 года на одном из заседаний коллегии обсуждался вопрос: «Имеет ли вообще смысл продолжать начатое дело по организации радиевого завода или следует его признать по ус-

ловиям времени невыполнимым?» Большая часть членов коллегии высказалась за отказ от этого мероприятия.

А события разворачивались следующим образом. Части Красной Армии освобождали Урал, колчаковцы при отступлении разрушали все, что можно было разрушить, и увозили все, что можно было увезти. Специалистов и квалифицированных рабочих колчаковцы увозили насильно. Так поступили и с заведующим заводом Л. Н. Богоявленским. Но, уезжая, он был спокоен: ценнейшее сырье не попало в руки врагов, доверенные люди знали, где оно спрятано, и это было главное.

В сентябре 1919 года радиевая коллегия получила сведения о судьбе Л. Н. Богоявленского. Никаких надежд на сохранность руды не оставалось. Для окончательного решения вопроса о ликвидации завода и составления акта о потере руды была назначена специальная комиссия под председательством Л. С. Коловрат-Червинского, А. С. Елисеева и И. Я. Башилова.

Приехав на содовый завод для расследования обстоятельств дела, комиссия установила, что «за истекшее время пропала значительная часть доставленного на завод инвентаря, в том числе ряд точных измерительных приборов, что же касается секвестрованного сырья, то оно осталось не тронутым».

Ценнейшее сырье, за которым охотились иностранные предприниматели, пролежав полгода под попом у колчаковцев, снова оказалось в руках советских ученых. Радиевая коллегия рекомендовала комиссии разработать детальный план работ и приступить к его осуществлению. Директором завода назначили И. Я. Башилова, в помощь ему были присланы еще два химика. Всю работу надо было начинать сначала. Но это уже никого не пугало. Главное — существовало сырье, с которым можно было работать.

Условия работы на Березниковском содовом заводе были значительно хуже, чем до оккупации колчаковцев: ни топлива, ни аппаратуры, ни химических реактивов. Все же комиссия признала

возможным начать оборудование временной лаборатории на базе содового завода для постепенной переработки сырья. Постоянно же действующий завод основать в более подходящем месте.

В январе 1920 года И. Я. Башилов и его помощники начали экспериментальные лабораторные работы по новому, упрощенному методу, разработанному В. Г. Хлопиным.

Положение на содовом заводе оставалось чрезвычайно тяжелым. Рабочих рук не хватало, не было продовольствия. Для лабораторных работ требовались химические препараты, изготавлившиеся на Бондюжском химическом заводе. Но доставка их вверх по реке даже в теплое время года при отсутствии транспортных средств была затруднительна.

В начале марта 1920 года уполномоченный ВСНХ, приезжавший в Березники, поставил перед отделом химической промышленности вопрос о перенесении радиевого завода с Березниковского содового на Бондюжский химический завод (пристань на Каме Тихие Горы).

24 марта 1920 года ВСНХ принял постановление о переводе в Бондюжский радиевого завода.

В мае 1920 года с открытием навигации радиевую руду перевезли на Бондюжский завод. Отдел радиевой коллегии командировал туда В. Г. Хлопина для непосредственного участия в получении радия.

Работы начались. Не раз руководители завода обращались в ВСНХ за помощью. Лев Яковлевич Карпов лично занимался заводом, помогал в решении многих хозяйственных и технических вопросов. Все новое оборудование завода было спроектировано талантливым инженером И. Я. Башиловым.

1 июня 1921 года смонтированные установки начали действовать, а через полгода, в декабре, на Бондюжском заводе **БЫЛИ ПОЛУЧЕНЫ ПЕРВЫЕ В РОССИИ 20 МИЛЛИГРАММОВ ПРЕПАРАТА С СОДЕРЖАНИЕМ РАДИЯ-МЕТАЛЛА. ПРИЧЕМ ПОЛУЧИЛИ ЕГО НОВЫМ, НЕ**

ПРИМЕНЯВШИМСЯ НИ В ОДНОЙ СТРАНЕ СПОСОБОМ, РАЗРАБОТАННЫМ НАШИМ ЗЕМЛЯКОМ В. Г. ХЛОПИНЫМ.

На III Менделеевском съезде по чистой и прикладной химии в мае 1922 года Виталий Григорьевич Хлопин продемонстрировал первый русский препарат радия, запаянный им лично в стеклянную трубку.

Ленинское предписание «начать работы по организации радиевого завода», несмотря на огромные трудности, было выполнено. Советская наука одержала одну из первых крупных побед.

Ученые-химики, причастные к получению первых миллиграммов радия, с честью оправдали ленинское доверие. Леонид Николаевич Богоявленский, вернувшись в Москву после освобождения из колчаковского плена, с 1921 года вплоть до своей смерти заведовал радиологической лабораторией Всесоюзного института метрологии и стандартизации. Его научные труды «Светящиеся составы постоянного действия», «Радий, как его добывают и измеряют», «Краткий курс радиометрии», «Исследования в области радиологии» и другие получили широкое практическое применение в новой науке — радиационной химии.

Лев Яковлевич Карпов, соратник Ленина, первый «министр химии», умер в 1921 году, похоронен у Кремлевской стены. Свою бурную организаторскую деятельность он продолжал до последних дней жизни. «Если бы не твердая рука Льва Яковлевича, — говорил один из руководителей ВСНХ

П. А. Богданов, — армия и страна были бы тогда без бензина, спирта, красителей, соды». К этому можно добавить: если бы не Карпов, получение первого радия в 20-е годы было бы значительно затруднено.

В наши дни имя Л. Я. Карпова носят Ленинградский комбинат синтетических моющих средств, мыла и желатина, бывший Бондюжский химический завод в Татарии, Московский химико-фармацевтический завод, а также научно-исследовательский физико-химический институт в Москве. Сын Карпова — Владимир Львович — известный профессор, многие годы занимается разработкой научных проблем радиационной химии.

В. Г. Хлопин, ставший основателем радиохимии в нашей стране, с 1939 по 1950 год руководил Радиевым институтом Академии наук СССР. В 1949 году Виталию Григорьевичу было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В Академии наук СССР учреждены премии его имени за выдающиеся работы в области радиохимии. Его имя носит Радиевый институт Академии наук СССР.

Так ленинская телеграмма об организации радиевого завода оказалась символической. Она способствовала организации работ по добыче радия в то время, когда его практическое применение еще не было возможно. Мужественным, вдохновенным трудом советских ученых были заложены основы и сделаны первые шаги в области изучения энергии атома, той энергии, которая в наши дни широко применяется в повседневной жизни.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ

**ЛАУРЕАТЫ
РАБОЧИХ
ПРЕМИЙ**

РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ

ЛАУРЕАТЫ РАБОЧИХ ПРЕМИЙ

В апреле 1973 года бюро Пермского обкома КПСС, исполком областного Совета депутатов трудящихся и президиум областного совета профсоюзов установили 11 премий имени знатных рабочих и рабочих династий: для машиностроителей — имени рабочих династий Катаргиных и Вагановых, для химиков — имени рабочей династии Борягиных, для металлургов — имени знатного сталевара Г. М. Жданова, для шахтеров — имени шахтера П. К. Поджарова, для лесозаготовителей — имени бригадира комплексной бригады К. М. Зарипова, для бумажников — имени рабочей династии Рогачевых, для энергетиков — имени рабочей династии Черных, для строителей — имени бригадира строительной бригады Мирсаида Ардуанова, для железнодорожников — имени рабочей династии Каменских, для речников — имени знатного речника Героя Социалистического Труда Н. П. Зерова.

В этом перечне что ни имя, то яркая трудовая

биография либо представителей рабочих династий, насчитывающих не одно поколение, либо рабочего, прославившегося рекордной выработкой, новаторскими методами труда.

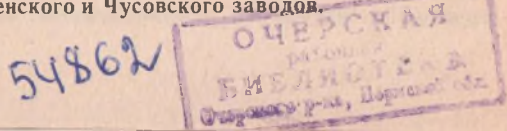
Вот орденосная семья железнодорожников Каменских. Характерная черта для них — неудовлетворенность достигнутым, постоянное стремление к новым рубежам, умение отдать весь свой опыт и знания интересам коллектива.

На машиностроительном заводе имени В. И. Ленина работают одиннадцать членов династии Вагановых. Глава династии Николай Деметьевич Ваганов — участник трех революций, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета».

Представитель другой рабочей династии этого же завода Герой Социалистического Труда Николай Владимирович Катаргин — один из лучших токарей-универсалов, инициатор соревнования за ежегодное повышение производительности труда, депутат районного Совета, член обкома КПСС.

Для многих прославленных рабочих характерны общие черты и стремления, жизненный путь каждого из них — отражение пути, пройденного рабочим классом всей страны.

Знатный забойщик Герой Социалистического Труда П. К. Поджаров — организатор первых фронтовых бригад в Кизеловском угольном бассейне. Г. М. Жданов — рабочий-революционер, восстанавливал разрушенные колчакотцами печи Лысьвенского и Чусовского заводов.

Представитель династии Рогачевых Герой Социалистического Труда Василий Ефремович Рогачев — новатор, инициатор движения машинистов бумагоделательных машин за работу на высоких скоростях.

Этажи Трофима Ходыкина

Из окон его квартиры на седьмом этаже далеко просматривается панорама центральной части города.

— Вы спрашиваете, какие здания мы отделывали? Видите вон те дома на Коммунистической — наша работа. И на Комсомольском проспекте есть что показать, и на Городских Горках. И к этому дому по улице Луначарского, в который я два года назад вселился, тоже наши руки приложены.

Голос у Трофима Моисеевича чистый, с чуть заметным воронежским выговором. Каждое слово осязаемо, чувствуешь его строй, звучание. И вообще вся плотная фигура Ходыкина, его мягкое и улыбчивое лицо, неторопливая манера двигаться и вести разговор выдают в нем ту обстоятельность, хозяйскую жилку, без которой невозможен бригадир на стройке.

— Штукатуром я стал, можно сказать, случайно. В послевоенные годы мобилизовали меня в армию — и на Урал. Потом, в Закамске, в школу ФЗО направили. Спрашивают: «Кем хочешь стать?» Отвечаю: «Мастером!» «Нет, — улыбаются мне, — ростом не вышел, пойдешь в штукатуры».

Вот уже больше тридцати лет прошло с той поры, а воспоминания, как занозы... И сейчас, в свои сорок шесть, помнит он, как мальчонкой в оккупации прятался от чужого недоброго взгляда, как после войны пахал и сеял наравне со взрослыми, брался за любую другую деревен-

Рабочие премии носят имена людей, которые добросовестным трудом заслужили почет и уважение своих товарищей. И те, кто борется за звание лауреатов этих премий, стремятся быть похожими на героев труда.

скую работу. Вот только топор в руках по-настоящему держать не доводилось: строителей в их роду не было.

— Без всякой охоты пошел в штукатуры, — продолжает Трофим Моисеевич, — а учитель мой, Василий Балабанов, сказал: «Полюбите работу — и работа вас полюбит». Показал он нам несколько зданий в городе, особо на отделку попросил внимание обратить. Да только сомневались мы, сумеем ли так красиво сделать. Вся-то учеба — четыре месяца. А вышло — вся жизнь. Считайте, двадцать семь лет уже работаю, а от старых времен разве что кельма осталась.

Трофим Моисеевич из тех людей, которые не любят похвалиться своими заслугами. Да и что скажет простое перечисление дат, памятных событий в личной жизни. Вся его биография — вот она, на виду, в биографии города. Жилые массивы Свердловского и Мотовилихинского районов, первые девятиэтажные и первые двенадцатиэтажные дома, корпуса научно-исследовательских институтов, широкоформатные кинотеатры, цирк.

Проходя по улицам и проспектам, он привычно отмечает: вот здесь осваивали искусство лепных украшений, тут впервые новую технологию применили.

Отделочники последними уходят с объекта. И если поспешили они, кое-как довели работу до конца — то и веселье испорчено, и работа всех звеньев строительного конвейера насмарку.

На членов своей бригады Трофим Моисеевич во всем может положиться. Не только в шестом строительном-монтажном управлении, но и во всем тресте Пермжилстрой его товарищи в почете. У большинства профессиональный стаж на второе десятилетие перевалил. Создай им нужные

условия, обеспечить всем необходимым, сделают все на высшем уровне. Поэтому, когда бригада стала лауреатом рабочей премии имени М. Ардуанова, — это было действительно по заслугам.

Взять, к примеру, Рафаила Васильевича Семёнова, которого Ходыкин еще по школе ФЗО знает, или Лидию Григорьевну Гладкову. Они неоднократные победители конкурсов штукатуров по Главзападуалстрою. Впрочем, свои высоты есть у каждого члена бригады.

Комната за комнатой, этаж за этажом — стараются отделочники, чтобы квартиры понравились будущим новоселам. Экономисты треста Пермжилстрой могли бы дать точные цифры: сколько бригада Ходыкина сдала объектов с отличной оценкой, намного ли перекрыла плановые объёмы штукатурных работ в квадратных метрах и в денежном исчислении. Но зачем эта арифметика! О конечном результате достаточно красноречиво свидетельствует один факт: свою пятилетку бригада выполнила за четыре года.

Газету со списком лауреатов рабочих премий им принесли прямо на стройку, утром. С волнением развернули они еще пахнущие типографской краской листы.

Каков же был Мирсаид Ардуанов, имя которого присвоено областной рабочей премии для наиболее отличившихся строителей? Он поднимал корпус химического и титано-магниевого комбинатов в верховьях Камы, строил там город и первым из березниковцев получил орден Ленина. В 1935 году его, простого рабочего, избрали в Центральный Исполнительный Комитет СССР, а в следующем — делегатом восьмого Всесоюзного съезда Советов. Большая честь получить премию имени Ардуанова.

Трофим Моисеевич крепко держит в памяти наказ своего первого учителя — «Полюбите работу — и работа вас полюбит». Вот уже более четверти века работает он на стройке. Сроднился с опцовской профессией и сын Анатолий, поступил в строительный техникум.

Трофим Моисеевич Ходыкин.

Может быть, мы у истоков новой рабочей династии?

Б. Пахучих

Высокий класс

Беседа моя с Василием Николаевичем Весниным, токарем завода имени В. И. Ленина, лауреатом премии первой степени имени рабочей династии Катаргиных получилась короткой.

— Вот ведь как вышло, — смущенно говорит Василий Николаевич, — лауреатом стал. Приятно,

конечно. Но особенного ничего вроде не сделал, чтобы среди других выделяться.

Так считает он сам. Но его товарищи думают по-другому.

— Побольше бы таких людей, как Веснин! — убежденно заявляет производственный мастер Н. В. Филиппев. — Многих проблем тогда бы не существовало.

— Что верно, то верно, — поддерживает его начальник участка Н. И. Смальков. — Веснина знаю с шестидесятого года. Токарь высокого класса. Какую работу ни дай — сделает отменно. Производственные показатели на протяжении долгих лет стабильны: сменные задания, как правило, выполняет в пределах 150—160 процентов. Девятую пятилетку закончил еще в 1974 году. У товарищей пользуется прочным авторитетом.

— А все потому, — подхватывает одна из старейших работниц цеха Валентина Павловна Ушакова, — что он очень добрый, отзывчивый, терпеливый человек. Потому и ребят многих выучил своей специальности. Все, у кого возникают вопросы по токарному делу, — к Василию Николаевичу. Знают: уж он-то поможет.

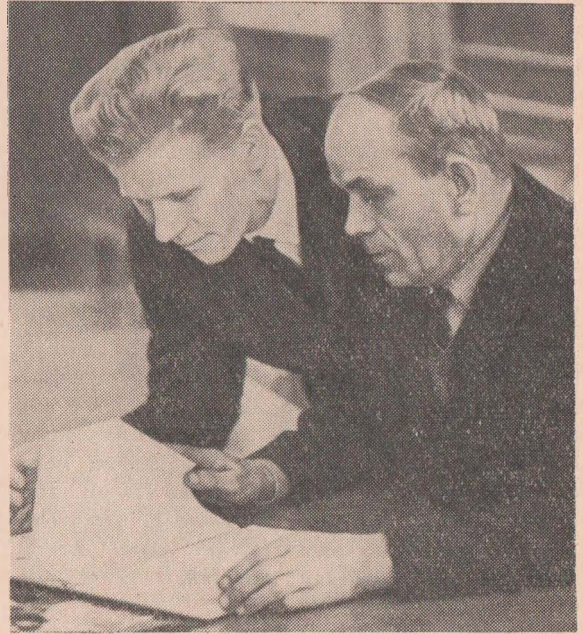
— Это точно, — вступает в разговор сменщик Василия Николаевича молодой токарь М. И. Крыласов. — Пятый год мы с ним на одном станке работаем, но я и сейчас частенько советуюсь с ним. Одним словом, то, что Веснин лауреат премии Катаргиных — очень даже справедливо.

Первый раз проходную завода имени В. И. Ленина четырнадцатилетний ученик ремесленного училища № 3 Веснин переступил 20 июля 1941 года.

На заводе не хватало рабочих рук, и потому азы будущей профессии пришлось постигать не у классной доски, а в горячих цехах, у огнедышащих печей. И хоть не по мальчишечьим силенкам была работа, но такое уж было время.

В 1942 году Веснин встал к токарному станку и уже не изменял профессии токаря.

С 30 июля 1968 года Веснин работает на са-

*Герой Социалистического Труда
Н. В. Катаргин (слева).*

моконтроле. С тех пор детали с личным клеймом Веснина — только высокого качества.

Сам Василий Николаевич отлично сознает ответственность рабочих династий. Династия Катаргиных являет собой ярчайший пример жизни и деятельности для сотен и тысяч машиностроителей нашей области, в том числе и для лауреата премии Катаргиных Веснина.

Б. Чернев

Два победных года

Касим Миниахметович Зарипов работал вальщиком леса в Теплогорском леспромхозе почти со-

рок лет. Подсчитали, что за эти годы он свалил около полумиллиона кубометров древесины, в том числе более ста тысяч — в восьмую пятилетку. Но не только эти показатели, сами по себе очень высокие, сделали Касима Зарипова известным среди лесозаготовителей области. Слава к нему пришла еще раньше, в пятидесятые годы, когда наметилось техническое перевооружение промышленности.

Тогда многие вальщики еще недоверчиво относились к бензопиле — электрическая казалась способней, привычней. А Зарипов сразу понял: будущее за новой техникой. Он сам подсказывал заводским конструкторам, как усовершенствовать «Дружбу». И очень скоро его выработка стала втрое превышать выработку вальщиков, работавших по-старинке.

Несколько позднее, опять-таки первым в лес-промхозе, Зарипов освоил передовой метод разработки лесосеки узкими лентами. К нему шли за наукой, и он щедро делился опытом. Десятки людей, поработав рядом с Зариповым, уходили потом в другие бригады и добывались новых рекордов.

Не случайно, когда рассматривался вопрос об организации социалистического соревнования тружеников промышленных предприятий нашей области за звание лауреатов премий имени знатных рабочих и рабочих династий, фамилия прославленного вальщика К. М. Зарипова была названа одной из первых.

И в необъятных наших лесах нашлось немало людей, достойных этого звания. В 1973 году лучшей из всех была признана лесозаготовительная бригада Кормовищенского леспромхоза под руководством вальщика И. И. Полозовского.

И бригадир доказал, что успех его был не случаен. В марте 1975 года Полозовский вновь стал победителем. Единственный из всех лауреатов Иван Иванович Полозовский второй год подряд завоевал первый приз.

Еще в 1972 году его бригада заготовила 23 тысячи кубометров древесины и стала победителем

КТО ХРАНИТ ПЕРВУЮ УРАЛЬСКУЮ КНИГУ!

А. Шуров

Пермская типография, для «заведения» которой литеры и станки привезли в 1792 году из Москвы, была тогда единственной на Урале. Еще неопытные печатники сумели выпустить книгу в первый же год существования типографии. Такая поспешность объясняется огромным значением, которое придавалось издаваемой книге. Она была медицинская и имела по обычаю тех времен длинное название: «О сибирской язве и о ее народном лечении с прибавлением о скотском падеже и о осторожностях, бываемых во время падежа. Сочинил штаб-лекарь Михайло Гамалея. С дозволения Медицинской коллегии печатано в Перми при наместническом Правлении в 1792 году».

Это сочинение провинциального врача (кстати, автор книги был дедом знаменитого советского ученого — основоположника русской микробиологии Н. Ф. Гамалея) являлось серьезным научным исследованием, способствующим искоренению широко распространенной в те годы болезни. Достаточно сказать, что даже генерал-губернатор Пермского наместничества был поражен сибирской язвой.

К сожалению, в Пермском краеведческом музее нет этого уникального издания книги. Нет ее и в библиотеках Урала. Вот почему пермские историки обратились к коллегам и краеведам страны с просьбой помочь им найти хоть один экземпляр первой уральской книги, так необходимой для музейной экспозиции.

Заметку об этом напечатала газета «Труд». Редакция получила ворох писем с самыми неожиданными предложениями о поисках книги и домыслами о ее последующей судьбе. Многие указывали на два тоненьких экземпляра этой книги (в 42 страницы), хранящихся в Ленинграде: в библиотеке Академии наук СССР и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но об этих экземплярах пермские историки знают давно. Их интересуют новые, точнее, еще не известные экземпляры книги, которые вероятнее всего могут сохраняться именно в наших краях и которые могли бы стать для музея предметом его особой гордости.

социалистического соревнования лесозаготовителей объединения Пермлеспром. Полозовский первым в леспромхозе создал укрупненную бригаду, доказал на деле, что может дать прогрессивная организация лесосечных работ. В 1974 году эта бригада отправила Родине уже 78 тысяч кубометров леса, установив своеобразный рекорд среди лесозаготовителей области.

В 1975 году, когда страна встречала Первой, на трудовом календаре бригады Полозовского стояла дата: 1 Мая 1977 года. Успехи его бригады в соревновании за повышение эффективности производства служат показательным примером для лесозаготовителей всей области. По методу Полозовского в объединении Пермлеспром работают уже около пятисот укрупненных бригад. Так, например, укрупненная бригада Т. Н. Борисовой, обслуживающая полуавтоматическую линию на нижнем складе Кормовищенского леспромхоза, стала победителем Всесоюзного соревнования и участвовала в заготовке миллиардного с начала пятилетки кубометра древесины. Другие леспромхозы также стараются не

отставать от передовиков. По итогам работы в первом квартале завершающего года пятилетки коллективу Пермлеспрома присужден почетный диплом Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР и ЦК профсоюза.

А бригада Ивана Ивановича Полозовского по-прежнему на первой линии трудового фронта. По инициативе коммунистов она включилась в соревнование за достойную встречу XXV съезда КПСС и обязалась дать в завершающем году пятилетки на 3 тысячи кубометров древесины больше, чем намечалось взятыми ранее обязательствами.

Н. Кузнецов

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

ЛЕТОШИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

А. ОЖЕГОВ

**НА
РАССВЕТЕ**

•

П. ХИТРОВ

**ПРОБА
СИЛ**

ЛЕТОШИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

А. ОЖЕГОВ НА РАССВЕТЕ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Возмутители спокойствия

Клава назначила ему свидание на Сибирской, в кондитерской Хохлова.

Он надел свое выходное бобриковое пальто, фетровую шляпу — многие взрослые рабочие носили тогда шляпы, а Володя давно перестал считать себя юнцом. Помахивая тростью, он отправился на Сибирскую. Трость тоже была особенная, собственного изготовления: полированная полая трубка, снизу залитая свинцом. Нижний конец — это на случай непредвиденной встречи с полицией или шпиками, а верхний — полый — хитроумный тайничок. На дне тайничка капсулю, засыпанный порохом. При нужде стоит только нажать

штырек в ручке трости, и все содержимое тайничка будет уничтожено. Володя уже знал, что находится на замете у полиции и даже имеет кличку у филеров — Свободный.

Клава ждала его у входа в кондитерскую.

— Трофимову, Японцу и Герою предстоит военный суд, — сообщила она.

Что такое военный суд, да еще когда люди попадают на экспроприации, Володе Урасову не надо объяснять. Экс был предпринят еще в начале лета, когда партийная организация остро нуждалась в деньгах. Четверо мотовилихинских боевиков напали на сборщика винных лавок, но, преданные провокатором, угодили в засаду. Александр Трофимов, Дмитрий Меньшиков (Герой) и Иван Глухих (Японец) были арестованы, а четвертый, Александр Обухов, убит. Теперь арестованным грозила смертная казнь.

— Михалыч передал мне записку из тюрьмы, — продолжала Клава. — Пишет, болею душой за печальную судьбу этих товарищей. Их надо во что бы то ни стало — при любых трудностях и обстоятельствах — вырвать из тюрьмы.

«Михалыч» — это Яков Свердлов.

Из арестованных Володя хорошо знал только Сашу Трофимова. Они встречались на каждой массовке. Добродушный, румяный увалень, гнущий

ший серебряный рубль в пальцах, он был неизменным телохранителем Свердлова, сопровождал его по городу и на массовки. Не раз Свердлов и ночевал у Саши в маленьком доме в Мотовилихе.

— Так вот, комитет поддержал просьбу Михалыча и решил организовать побег всех троих.

У Володи еще свежо было в памяти недавнее: в марте боевики уже устраивали побег группы заключенных. Передали им пилки, деньги, паспорта, распространяли наружного часового. Семеро заключенных во главе с Михаилом Коганом обернулись простынями, чтобы не выделяться на фоне светлой стены, и вылезли на кладбище, прихватив с собой и часового. Все сошло благополучно. Но тогда они бежали из старого корпуса, из камеры № 4, окно которой выходило в сторону кладбища. А теперь товарищи сидят в одной из камер башни, окно ее глядит на Вознесенскую улицу, в Александровский садик. И вообще все гораздо сложнее.

— Нам помогут лбовцы. С самим Александром Михайловичем я говорила. План разработали. От тебя, Володенька, требуется вот что: веревочная лестница, кованые крюки, чтобы забросить ее на стену, и штук пять бомб. Бомбы можно самые простые, фитильные, лишь бы шуму побольше. Они только и нужны для шума, для паники — отвлечь внимание охраны. Все понял?

— Будь спокойна, все сделаю.

— И еще: в день побега приведешь в Александровский садик своих боевиков. Только самых проверенных, самых надежных, на которых, как на самого себя, положиться можешь. День пока точно не назначен, но я тебя предупрежу...

Володя выполнил поручение Клавы Кирсановой: свои ребята сплели ему лестницу, на заводе он отковал якорьки-«кошки», дома сделал бомбы.

На очередном свидании на набережной возле Кафедрального собора Клава передала ему два ящичка с оружием для участников штурма тюрьмы. В одном ящичке — шестнадцать браунингов, в другом — патроны.

Один браунинг Володя взял себе, по одному

раздал Левину, Зюзину, Архирееву и другим боевикам. Жоров забрал два — про запас. О предстоящем участии дружинников в нападении на тюрьму пока никто не знал, кроме Володи и Матроса — Жорова, командира дружины. Выдавая оружие ребятам, Володя предупреждал: это на хранение.

Но участвовать в нападении им так и не пришлось.

Приближались выборы в Государственную думу второго созыва.

Первая, так называемая булыгинская Дума, ничего не дала да и не предполагала дать трудящемуся народу: по проекту она не имела права принимать никаких законов, а могла лишь обсуждать некоторые вопросы. Большевики тогда призывали к активному бойкоту булыгинской Думы.

Однако времена менялись. Необходимость сочетания легальной и нелегальной работы, как впоследствии отмечал В. И. Ленин, вытекала из всей исторической обстановки обновляемой монархии. Поэтому в выборах во II Государственную думу большевики решили принять самое активное участие и использовать ее для разоблачения царизма и конституционных иллюзий. Борьбу Пермского комитета РСДРП во время предвыборной кампании возглавлял Артем — Федор Андреевич Сергеев. Большевики и на этот раз вовсе не тешили себя надеждами, будто II Дума способна сделать больше, чем первая. Их позиция была четко определена в листовке, выпущенной комитетом: «Мы за Думу не боремся. Она нам ничего не даст, но если правительство думает в борьбе с народом опереться на нее, мы ему в этом помешаем. Мы примем участие в выборах в Думу, если представится хоть малейшая возможность, но затем, чтобы свалить эту Думу».

Выборы должны были проходить в несколько этапов: избиратели выдвигали уполномоченных, уполномоченные — выборщиков, а уж выборщики — депутатов.

Требования большевиков, с которыми они намеревались выступить с трибуны Думы, сводились к следующему: созыв Учредительного собрания и установление демократической республики, передача крестьянам удельной, монастырской, церковной и помещичьей земли без всякого выкупа; для рабочих — восьмичасовой рабочий день, охрана женского и детского труда, страхование рабочих на случай безработицы, болезни, инвалидности за счет капиталистов.

С этой платформой надо было познакомить как можно больше избирателей. Всю зиму подпольщики работали с крайним напряжением, печатая и распространяя прокламации. Типографский станок не справлялся, в ходу были все гектографы и мимеографы.

В середине января Пермский комитет партии поручил боевикам разбросать листовки в городском театре. В 1902 году такая акция уже была и вызвала большой переполох, о «сицилистах» заговорил весь город. Почему бы не повторить эту дерзость и сейчас, в 1907-м? Надо снова обратить на себя внимание горожан, заинтересовать их программой большевиков.

Для исполнения задуманного боевики создали «пяток», в который вошли Жоров, Урасов, Толкунов, Левин и Фирулев. Назначили дату: обыкновенный будничный день — 16 января, вторник. Клава Кирсанова заранее купила пять билетов на галерку.

Володя, прибежав с работы, быстро умылся, перекусил и принарядился. Новый браунинг он выложил, припрятал в тайник, а с собой взял длинненький пистолетишко «бульдог», который годился разве что для сигнальных целей; его так и звали — пугач.

Отец вскинул русую кудлатую бороду.

— Сегодня поздно? — спросил он.

— Сегодня нет, — весело ответил Володя. — До двенадцати буду дома.

Вначале он забежал к Мане Загуменных — организатору Заимского района и техническому секретарю Пермского комитета РСДРП. Она жила

недалеко от Урасовых — на Екатерининской. К маленькому домику в глубине двора вела узенькая тропинка, прокопанная меж высоченных сугробов.

У Мани Володя забрал солидный тючок прокламаций и отправился на квартиру Жорова, где его поджидали остальные члены «пятка». Запершись в каморке, ребята поделили листовки. Они были не очень-то удобные: узкие, длинные, почти полуметровые. На просвечивающей папиросной бумаге слабо выделялся текст:

«Товарищи и граждане! Подходит час, когда вы должны будете сказать, кому доверяете вы защите ваших интересов, интересов Родины. В смрадном тумане, каким окутала Россию кровавая шайка беспардонных воров и палачей, трудно разглядеть, где друг, где враг. Ясно одно, нельзя голосовать за людей, которые добиваются, чтобы порядки в России оставались такими, какие они теперь... Полное народовластие вместо царских башибузуков; всенародное Учредительное собрание вместо безвластной Думы — вот чего будут добиваться представители рабочей партии».

Далее следовал список кандидатов, за которых призывал голосовать Пермский комитет РСДРП.

Ребята оделись так, чтобы не выделяться среди галерочной публики: суконные пиджаки, штаны, заправленные в сапоги. Только Ванька Фирулев для вящего форсу напялил еще и жилет. Листовки попрятали кто куда — в карманы, в сапоги, за пазуху, а Ванька — на живот под пояс. Туго застегнул жилет и похвастал:

— Во! Хоть обнимайся с городовым, ни шиша не чухает.

На улице было морозно. Хотя крещение господне, или, как его еще называют, богоявление, прошло дней десять назад, сильные в эту зиму, знаменитые по Уралу крещенские морозы входили в настоящую крепость только сейчас. Ребята трусили споро. Снег под пятью парами сапог визжал, как базарный поросенок в мешке. А на площади перед театром, где народу было много, он даже не взвизгивал, а скрипуче стонал. Над парадным подъездом висела хорошо освещенная афиша, раз-

малеванная ромашками, васильками и какими-то неведомыми диковинными цветочками. Сегодняшний спектакль сочинителя Зудермана назывался «Среди цветов». Под афишей прохаживался задубевший городской с обмерзшими усами в новой, колом торчащей на нем шинели. И вдруг у самого входа Ванька схватился за живот, согнулся:

— Ой, лезет, лезет, братцы!

Оказалось, листовки вылезли у него из-под пояса и провалились в широкие штанины плисовых шаровар. Папиросная бумага так и шуршала в них, пока он шел мимо городского.

Эх, Ванька, Ванька, знал бы он, чем это для него кончится...

Они чинно разделись, пригладили одним на всех гребешком головы и сразу поднялись на галерку. По полукруглому узкому коридору прохаживались, одинаково заложив руки за спину, трое полицейских — по одному на каждый вход.

В яме перед сценой музыканты пробовали инструменты, дудели, скрипели, звенели всяк свое. Душно пахло нафталином, духами, ваксой, дешевыми карамельками. Под огромной люстрой блистали в партере напoмаженные волосы и лысые черепа благообразных купчин в долгополых сюртуках, парадно одетых чиновников, учителей в вицмундирах, подтянутых офицеров. В полутьме лож и амфитеатра выделялись белые лица и открытые пудренные плечи дам. То и дело взгляд натыкался на полицейского с истуканьим лицом. Полицейский наряд большой.

Перед пунцовым бархатным занавесом, почти скрывая его, висел рекламный холст. Он был сплошь обляпан объявлениями и зазывами, как первая страница «Губернских ведомостей»:

«Лучший друг желудка — вино Сен-Рафаэль».

«Бандажи грыжевые и набрюшники для беременных. Магазины провизора Т. И. Овчинникова».

«Пиво Талицкого пивоваренного завода. Торговый дом наследников А. Ф. Поклевскаго-Козель».

Позади Володи сидели двое деревенских парней, судя по выговору — вятские. Они вслух обсуждали рекламы:

— Жигулевское пиво — хреновское. Вот поклевское — это да!

— Ага. Поклевское — дерькое.

Ванька Фирулев, согнувшись, по локоть запустил руку в штаны и сгребал листовки в кучу.

Но вот рекламный холст взвился вверх, люстра медленно погасла и из осветительских лож ударили в пунцовый занавес два снопа света. Публика затихла в ожидании, а оркестр еще не вступил. И в этот миг тишины весь зал вдруг наполнился странным шорохом, будто сразу все дамы зашуршали своими нижними накрахмаленными юбками. Над партером взметнулись сотни листов папиросной бумаги. Прокламации, слипшиеся в пачке, падали быстрее, а те, которые разлепились от швырка, взвивались под потолок, кружились, кувыркались, трепыхались в токах душного воздуха. Догадались дать верхний свет. По проходам забегали полицейские и капельдинеры, подбирая и комкая в кулаках тонкие листочки. А отдельные листки, взвиваясь в воздухе, складываясь и снова развертываясь, все еще оседали на лысые черепа, намащенные головы и пудренные плечи.

У выходов с галерки тотчас выросло по фараону. Улизнуть нечего было и думать. По коридору затопали кованные сапоги и на галерку ворвались полицейские. Они стали хватать всех подряд из первого ряда. Одна бумажка упала под ноги Жорову, он затирал ее сапогом под скамью, но она плотно прилипла к полу. Полицейский грубо схватил его и толкнул к выходу. Последнее, что заметил Володя, это скособоченные головы, круглые глаза и раскрытые рты вятских парней.

Крепко держа под руки, схваченных повели вниз. Только тут Володя испугался: «бульдог»! Он оставался во внутреннем кармане пальто.

Но делать нечего. Он подал номерок и оделся.

По улице их вели, все так же крепко держа под руки. Незаметно выбросить револьвер не было никакой возможности.

Привели в первую полицейскую часть и выстроили в затылок. Приставу Смоленскому докладывал околоточный Суворов, человек с обветренным, сморщенным, темным, как печеная репа, лицом. Боевики давно знали всех нерядовых чинов пермской полиции и каждый имел у них прозвище. Суворова называли Головешкой.

— Так что задержано в городском театре во время представления пьесы «Среди цветов» шашнадцать человек по подозрению в раскидывании запрещенных листов. — Суворов выложил на стол несколько экземпляров прокламаций. — А вот на этого корявого, — Головешка вытянул из ряда Ваньку, — рядовой Пузырев прямо показывает: когда он проходил мимо означенного Пузырева, у него громко шуршало в штанах.

— Досмотреть, — коротко распорядился пристав.

Фирулева обыскивали первым. У него нашли-таки завалившуюся в штанину листовку. А Пашку Толкунова будто подменили — куда и подевались его независимость, заносчивость. Он отвечал пренебреженно почтительно: «да-с», «точно так-с», «никак нет-с». Впрочем, в его карманах ничего не обнаружили и отогнали к Фирулеву.

Володя нарочно замешкался с разуванием и встал в очередь на обыск последним. Он рассуждал, что всегда более тщательно обыскивают первых и, если ничего не находят у второго, пятого, десятого, бдительность полицейских несколько притупляется, они спешат поскорее закончить обыск.

Так оно и получилось. Володя, держа в руках по сапогу, услужливо распахнул пальто и стоял так, пока полицейский охлопывал бока, брючные карманы, поясницу. Пальто он не догадался даже пощупать — ведь в театре задержанные сидели без верхней одежды.

«Бульдог» был на время спасен.

А ребята, в основном рабочие да гимназисты, не причастные к разбрасыванию листовок, но, несомненно, видевшие, как их разбрасывали, все же не выдали никого.

Когда пристав Смоленский удалился в свой кабинет, к Володе подошел молоденький, чуть рыжеватый и сильно веснушчатый полицейский, до того писавший протокол в углу.

— Урасов, ты-то как в этой компании очутился?

Володя только теперь признал в нем знакомого: Васька Аристов, с которым когда-то учились в Будринской школе. Васька был лентяй и тупица, в каждом классе высиживал по два года, и не то во втором, не то в третьем одну зиму они учились вместе. А вот теперь — поди ж ты — должностное лицо.

— А лешак его знает, — ответил он Ваське. — Кто-то листки эти швырял — один или двое, а нас забрали чуть не весь первый ряд.

Когда задержанных повели в каталажку при части, Ваське захотелось блеснуть своим могуществом и он покровительственно предложил:

— Я сегодня в ночь дежурю, так что можешь остаться здесь. Вон на лавке поспишь.

— Вот спасибо тебе, а то страсть боюсь тюрьмы, — польстил Володя Васькиному самолюбию.

Ну, а когда через час-другой дежурный засопел над столом, Володя сунул злополучный «бульдог» в печурку, забитую скомканной бумагой, и заснул сном праведника.

Наутро в канцелярию, где спал Володя, прибежал его брат Сережа, принес хлеба и кринку щей, завязанную в платок. Они забились в угол, и, пока брат насыщался, Сережа обсказывал все новости минувшей ночи и начала нынешнего дня.

Оказалось, в театре вчера были ребята с Ямской — рабочие Виктор Кобелев и Петр Масалкин. Они видели, как Володю уводила полиция и почли долгом сразу же отправиться на квартиру Урасовых, чтобы предупредить отца. Отец успел припрятать все, что не очень надежно лежало. Ночью нагрянула полиция. Кое-что уличающее все же нашли. Во-первых, пистолет монтекристо и круглую зеленую коробочку с черным австрийским орлом на крышке — патроны к нему. Оно

хоть и детская забава, а все же огнестрельное оружие. Во-вторых, под половиком обнаружили старую листовку. В-третьих, на чердаке отыскивали три обоймы винтовочных патронов. Ни об этой листовке, ни о патронах Володя ни сном, ни духом не ведал. Сережка, потупившись, признался, что листовку они с Витюшкой подобрали на улице, а патроны наменяли у знакомых угланов.

Зато ни оружия, ни динамита полицейским найти не удалось, хотя в сараюшке они истыкали шашками весь пол.

На ночь в доме оставили засаду из трех полицейских.

— Ты что куришь, дядька? — спросил один из них.

— Махорку курю, — ответил Александр Иванович. — Всегда махорку.

— А это что же? — полицейский торжествующе вынул из-за спины портсигар с папиросами. Он достал его из посудного шкафа, где хранились Володины книги. — Или, скажешь, такую роскошь сыновья твои курют?

— Нет, сыновья совсем не курят. Может, это старший для гостей держал, а может, оставил кто из гостей.

— Гм... Ну, коли нету этим папиросам хозяина, так мы побалуемся. Налетай, кудрявые!

Полицейские быстро опустошили портсигар. Выкурили со вкусом по одной, по другой, и начали зевать. Отец не знал, что в этот душистый асмоловский табак в гильзах «Катык» подмешан сонный порошок и боевики усыпляли этими папиросами городских в будках, чтобы срезать оружие.

Не прошло и получаса, как полицейские валялись, где кого настиг сон. Только успели предупредить: «Смотри, дядька, без нашего приказа никому не отпираться».

Утром явилась смена караульных, они оборвали проволоку колокольчика, стучали каблуками, едва ворота с петель не снесли, пока добудились дежурщиков. А напустились в первую очередь на хозяина:

— Ты чего, разэтакий, калитку не отчинял?

— Так вон они не велели.

К счастью, никому и в ум не пришло, что папиросы были с фокусом.

В засаду так никто и не попался...

Обыски были произведены в квартирах всех шестнадцати задержанных. Сережка поспел только на две — к Жорову и Фирулеву.

У Жорова нашли два новеньких браунинга, полученных перед рождеством от Кирсановой, и патроны к ним.

В лагуге Фирулева на Данилихе у Казанской заставы вовсе ничего не нашли. Тучный полицейский полез на чердак, но доски не выдержали и он сквозь потолок провалился в комнату, раскрывавил нос и зашиб скулу. Рассвирепев, вроде бы ему нарочно подстроили такое посмешище, и не зная, к чему придраться, он заорал на Ванькину мать:

— Старая карга! Твой выродок в бога не верует, царя отрицает, начальство не почитает!

— Да что ты, батюшко, что ты, он даже вот э-эконького начальничка, — мать отмерила на мизинце совсем махонького начальничка, — э-эконького даже почитает.

Полицейский сплюнул в сердцах и увел наряд и понятых. А мать осталась горевать под разломанным потолком и ждать ненаглядного Ванечку, который один только и может заделать проруху.

Тем временем Володя умял весь хлеб, но ши доедать не стал. Улучив минутку, быстро выхватил «бульдог» из печурки и утопил в кринке. А Сережке, конечно, объяснять не надо. Он спокойно обвязал кринку платком и был таков.

Днем одиннадцать невинных были освобождены. Оставался тютелька в тютельку тот «пятток», который и разбрасывал листовки. Это наводило на размышления. Совершенно ясно, что кто-то «стукнул» пристапу.

Но вот кто? Об этом Володя узнал лишь пятнадцать лет спустя...

Дня через три их перевели из полицейской ча-

сти в губернскую тюрьму. У Володи появилось непривычно много времени для размышлений, сопоставлений, воспоминаний.

Огородный храм

Самым устойчивым из ранних воспоминаний Володи Урасова был шум ветра в листве. Случались, разумеется, и другие впечатления, но они бывали настолько мимолетными, что не задерживались в памяти, или, наоборот, настолько привычными, как, например, сутрадоночный стук отцова сапожного молотка, что уже попросту не замечались. Ветер же шумел всегда разное: по-другому летом, чем зимой, неодинаково вечером или утром, в грозу или в ведро, по-разному слышался дома или во дворе.

А дома что ж? Дома все давно известно, и когда именно Володя стал помнить своих домашних — разве определишь? Отец. Высокий и, как почти все высокие люди, а тем более люди сапожного ремесла, — сутулый. С ремешком на лбу, чтобы не валились русые волосы, не застилали глаза. Хлопотливая, по всякому поводу крестящаяся мать. Молчаливо деловитая бабка. Все такое обыкновенное, что кажется — так было всегда.

Иное дело двор. Еще в незапамятные времена, до Володиного рождения, бабка посадила перед окном рябину. Бабка принесла ее из лесу отроковицей, а Володя стал помнить уже заневестившейся — в неброском цветенье веснами и с тяжело обвисшими кистями ягод осенью. Потом появилась черемуха, бузина и несколько кустов сирени. Самый последний — тополь. И хотя его обстригали каждую весну, он, взявшись сразу четьрьмя стволами вширь, уже догонял рябину в росте. Лопух, дикий малинник и крапиву в углу двора никто не сажал, они росли сами. Веснами во дворе бывают еще одуванчики и аптечная ромашка, но потом их вытаптывают. Бабка мечтала еще много чего посадить — и березу, и хорошо бы лину для духовитости, и обязательно елку,

чтобы ребятишкам можно хороводиться на Новый год. Но от этого отговорил отец. Александр Иванович затеял строить новый дом. Денег было скоплено пока мало, и затея эта откладывалась с году на год. Поэтому так они и росли небольшой компанией — рябина, черемуха, бузина, сирень да тополь. Рос вместе с ними и Володя. И именно их шум на ветру и запомнился ему в самом раннем детстве. Он даже научился со временем различать их по голосу. Самый заметный — лопухий тополь. Труднее всего выделить еле уловимые вздохи рябины: это, как шипение оседающей пены в заядреневшем квасе.

Приблизительно так же приучался Володя разбираться в людях. Вначале они различались только внешностью, и лишь со временем проявлялся для Володи «свой голос» у каждого — свой характер, своя особи́нка.

Друзей у Урасовых в те годы было не слишком много. Для многочисленных друзей нужен достаток в доме, а достатка не было. Жили в ветхом флигельке в глубине двора, на самой окраине города, которая так и звалась — Заимка.

Из тогдашних отцовых приятелей Володя запомнил двоих, может быть, потому, что у обоих были ребятишки — Володины одногодки.

Чаще всего забегал к отцу Тимоха Толкунов, дамский сапожник, с сиплым, навсегда пропитым голосом, низенький и невзрачный. Запивал он каждый праздник обязательно, а кроме того, от случая к случаю еще и по будням. В первый день запоя или еще накануне, предчувствуя его, прибегал он к Урасовым и протягивал Володиной матери сверток:

— Ираидушка, ухрани опять от греха.

В холщевом свертке было единственное богатство Тимохи Толкунова: костюм-тройка, сшитый в давние времена к свадьбе, да так с той поры и не надеванный — то закладывал еврей Брухману под проценты, то просто относил к Урасовым. Зато уж потом, запив, сколько угодно мог Тимоха умолять Ираиду Георгиевну, даже до слез и угроз дело доходило, но костюм нетрону-

то полеживал себе в зеленом, обитом полосами жести сундуке. Изредка Ираида Георгиевна, сжалившись, тайком от мужа совала Тимохе двугривенный на пропой души. Сам Александр Иванович запоев Тимохиных не поощрял.

Жил Толкунов с женой Онисьей и сыном Пашкой в Заимском же районе, но ближе к центру города, где мещане огородов своих и бань почти не имели. Ходить же в городскую — на это деньги надобно, а с похмелья какие деньги? Вот и приходил Тимоха после каждого запоя, отлежавшись положенное время, к Урасовым.

Он являлся субботним вечером, сгорбленный и все еще трясущийся с перепоя, со своим венником и ведром квасу. Квас знаменито варила его Онисаха — не тот, который только пьют, а специально банный квас — из какого-то особенного хлебного крошева, с духовитыми травами и листьями. Всегда с Тимохой увязывался и сын его Пашка, не по годам смысленный и самостоятельный парнишка.

А когда совпадало так, что к субботней бане подгадывал еще и старик Мотырев, во флигельке становилось вовсе празднично. Мотырев работал слесарем в главных железнодорожных мастерских и хорошо помнил еще деда Володиного, которого Володя совсем не знал. Отец очень уважал ста-

рого мастера, «умственный старичина», говаривал о нем. Мотырев неизменно приводил с собой внука Ваню, Володиного сверстника.

— Вот, заскребыша рода своего доставил, — сообщал он тихим и очень низким, почти на сип сходящим басом. — Ну иди, сыно, поиграйся, — и подталкивал Ваню к ребятам.

Ребят к той поре у Урасовых порядком прибавилось: Витюшка, Сережка да еще грудной Горька.

Мотырев же, со всеми поздоровавшись, подсаживался на лавку к Толкунову.

— И ты здесь, Мошка-запивошка? Как жинешка, Тимошка?

— Да ведь как? То окаянный, то покаянный; то опять окаянный и — вот — снова покаянный.

— Все пьешь, значит?

— Да нет, прекратил покудова.

В баню уходили парами, потому что вдвоем — тесно, а одному — несподручно. На самый ярый и безугарный пар шли Мотырев с Толкуновым. Володя разок увязался было с ними и наперед закаялся: вовсе уж не по-людски истязались. Старик Мотырев не забывал захватить вместе с венником старую шапку, которую натягивал, когда парился, чтоб не жгло уши. Толкунов с плеча обеими руками хлестал старика, но замученное его

Г. Чагин ЧЕРДЫНСКИЙ «АПОСТОЛ» ● В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ • В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ • В ХРАНИ

Чердынский краеведческий музей имени А. С. Пушкина обладает большим книжным фондом, часть которого состоит из книг, собранных на протяжении последних 15—20 лет в закрытых церквях района, а также у частных лиц.

Летом 1973 года во время очередной работы по исследованию старых книг было случайно обнаружено ценное и редкое издание — «Апостол с привилегиями». Чудом сохранившийся краешек титульного

листа позволил установить, что эта книга напечатана в июне 1591 года в типографии братьев Мамоничей в городе Вильно.

Из истории книгопечатания известно, что типография Мамоничей существовала с 1574 года. До 1576 года в ней работал видный сподвижник первопечатника Ивана Федорова Петр Мстиславец. С 1590 по 1600 год типография выпустила три издания «Апостола», причем выход (сведения о месте и времени изда-

ния) был только у одного. Чердынский музей стал обладателем именно этого редчайшего экземпляра, который дает яркое представление о технике печати и искусстве оформления первых книг в России.

Переплет у «Апостола» деревянный, обтянутый черной кожей со слабыми следами тиснения. Текст напечатан черной краской, а вставки в тексте и на полях, вязь и инициалы — киноварью. Благодаря тому, что типографские краски бы-

сердце не выдерживало долго, он вываливался в предбанник и отставывался на полу, пока старик неспеша охлестывал себе ноги. Отдышавшись, Тимоха вздавал на каменку разведенным квасом и растягивался на лавке. Влезать на полоч он не отваживался. Теперь Мотырев настегивал его, а Тимоха усладно кряхтел и опять то и дело уползал в предбанник. Володя все время сидел на полу, боясь голову приподнять, — такой духмяно-жгучий, плотный плавал туман поверху. А взрослые все продолжали блаженно мучиться в нескромном перемене. Иной раз старик выволакивал Тимоху из бани едва не замертво.

Во флигеле они валились на пол, на расстеленный полушубок — оснувшийся, по-молодому разряженный Мотырев и рыхло распаренный, с ясно выступившими черными точками угрей на скулах, мокрый Тимоха. Лежали недвижно, не в силах даже муху согнать.

В баню бежали старшие ребята. Плескались пискором, дурачась, хохоча и визжа. Последними мылись женщины с Горькой.

Когда они возвращались, мужики уже успевали остыть. Начиналось долгое чаепитие.

После третьего-четвертого стакана Тимоха, отдуваясь, объявляет:

— Ну, кажись, поотмякло, кажись, опять жить

можно. И чистота, и благодать — младенческая. После пасхальной заутрени и то такой благодати не бывает, как ежели после бани.

— Это верно, — посасывая леденец и редко, мелко отхлебывая из блюбочка, вступает Мотырев. — Для русского человека баня — первейшее дело. Виноватый — в баню, больной — в баню, тоскливый, промерзлый, усталый — баня ото всего помагает.

Гулкий голос старика заполняет комнату плотным и теплым уютом. Овеселевший Толкунов строит себе рожи в пугатом зеркале самовара. Он уж было перевернул свой стакан кверху доньшком, но решает убажить себя еще стаканчиком наверхосытку. Тем более, что если по будням Урасовы пили обыкновенный чай № 6 по рублю двадцати за фунт, то к банным дням доставали грибушинский трехрублевый № 000.

А ребята давно на полатах. Кое-кого уже сморил сон, запосапывал кое-кто, а Володя, уткнув локти в подушку и удобно уложив щеки в ладонях, все слушает неторопливый мужицкий разговор.

— И вот что еще заметьте, — гудит Мотырев. — Исстари у русского человека было два бога: один — в небесах, другой — в огороде; два храма: один для души — церковь, другой для те-

ЛИЩАХ КРАЯ • В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ • В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ ● ЧЕРДЫНСКИЙ «АПОСТОЛ» Г. Чагин

ли очень высокого качества, текст хорошо сохранился и свободно читается. Все страницы пронумерованы кириллицей. Перед разделами книги и ее главами помещены заставки. Оформление выдержано в одном стиле и производит целостное впечатление.

Ценность находки заключается еще и в том, что на страницах книги сохранились десять читательских и владельческих записей, сделанных в XVII—XX веках. Они сообщают

интересные сведения о самом «Апостоле», а также о распространении в Чердынском крае печатных книг.

К сожалению, несколько листов в записях оказались утерянными, а другие настолько обветшали, что было трудно что-либо разобрать. Поэтому из трех больших записей удалось прочесть только одну, но, на наш взгляд, самую интересную. В ней говорится, что «...куплена сия книга «Апостол» в городе Чердыни в Соборной Воскресенской

церкви у дьячка Василия Степанова сына Клементьева... ближним стольником Чердынского воеводы Хилкова Юрия Яковлевича Леонтием Федоровичем Шестаковым и вложена для поминания его родственников в церковь Георгия Победоносца села Серогова». Эту запись на 96 листах сделал, как сообщается здесь же, «...по его Леонтьеву Шестакова велению Чердынские площади подъячий Ивашко Кожевников». Для датировки этой записи

ла — баня. И это еще вопрос, в какого бога он, русский-то человек, больше веровал — в церковного или в огородного.

С бани разговор и вовсе перекидывался на бога.

У Володи с богом отношения не шибко-то опделенные. Ему все кажется, что никакого единого бога нет, а сколько он знает верующих людей, столько и богов, и у каждого разный: добрый человек — добрый и бог у него, запуганный человек — и бог у него страшный, а у злого — жестокий. Правда, все это бродило в нем еще безотчетно, не облекалось в мысли, а так — представлялось и только. Самый благодущный, веселый и ублажительный бог — у бабушки. Кажется, он у нее только и существовал по праздникам. Уж если, скажем, подходила масленица, так бабка и правила праздничную неделю, как испокон веку велось и как сама помнила: тещины вечерки да золовкины посиделки и, наконец, воскресенье — прощенный день, прощанье перед долгим великим постом. Так же старалась она блюсти и пасху, и рождество, и благовещенье, и множество всяких других приятных праздников.

Самой богомольной в семье была мать. И бог у нее был другой. Она день-деньской крутилась по хозяйству, кроме того, помогала отцу — строила на машине заготовки. И что бы ни случалось

неладного — раздерет ли кто из ребят рубаху или Горькино молоко у нее убежит, Ираида Георгиевна горестно и обреченно всплескивала руками: «Опять, видно, бога прогневила».

Совсем ни в каких богов не верили отец и Мотырев. Правда, другим веровать не мешали, только разве подсмеивались иной раз.

Когда Володя слушал, например, бабушку, он поддавался обаянию ее благодущного бога и, пожалуй, верил в него. Когда слушал насмешливые замечания отца или Мотырева, поддавался их непререкаемому авторитету и, пожалуй, не верил. Ни в каком самостоятельном отношении к богу потребности у него пока не было.

Но самыми симпатичными отношениями с богом подкупал его Толкунов — он будил воображение, будто сказку рассказывал.

— Ведь не дурак же ты, Мох-Тимоха, — баял Мотырев. — Как же ты веришь всем этим поповским выдумкам?

— А мне плевать, — беззаботно отзывался Толкунов. — Есть он там или нет — это уж не нашего ума дело. Может, и нет. Да ведь пожить-то охота: хоть рай, хоть ад, а все поживешь после земной-то смерти. А еще, может, он и есть. Так труд ли на тот случай лишний разок перекреститься или воскресную обедню отстоять — с хорошим хором для собственного же удовольствия.

Г. Чагин ЧЕРДЫНСКИЙ «АПОСТОЛ»

В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ • В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ •

очень помогло упоминание в тексте имени воеводы Хилкова, который, как известно из исторических документов, служил в Чердыни с 1692 по 1697 год. Сам же факт первоначального проникновения книги в Чердынь остается еще не выясненным.

Последняя запись в книге, относящаяся к XX веку, оставлена рукою чердынской мешанки Т. Д. Черемсиновой, которая «дала подержать на время («Апостол»)

В. А. Юркину в д. Лекмартова». Отсюда она и была доставлена в музей.

«Апостол с привилегиями» — первая книга, с которой начинается собрание старопечатных книг Чердынского музея, насчитывающее более четырехсот томов. Если учесть, что первая точно датированная печатная книга «Апостола» вышла в 1564 году, становится ясным: в Чердыни обнаружена одна из первых печатных книг России.

Комментируя факт находки «Апостола», старший научный сотрудник Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина Т. Н. Каменева отметила, что подобное издание «Апостола» хранится в отделе редких книг только в одном экземпляре.

Чердынский «Апостол», да еще с записями, — большая ценность для науки.

А если выдумали все это, так люди не глупей нас выдумывали. Значит, надобен был бог, коли выдумали да столь веков поклонялись.

— Вот то-то и оно, — ворчливо соглашался Александр Иванович. — Ясно, не дураки выдумывали, чтобы вас, дураков, охмурять.

— Ты же, Моха, — выпивоха, таких без чистилища в ад засылают, а там — вечный огонь. Или в смоле, как в похлебке, вариться будешь, или на сковородке в постном масле поджариваться.

— А человечиска — живуч: ты его в тюрьму, на хлеб да баланду, да в одиночку, да на тридцать лет, а он — живет; ты его в Сибирь, где, кроме зверья, и нет никого, а он — опять живет. Так чего ты меня адом пугаешь? У меня, может, каждое похмелье похуже ада-то — болезнь да тоска нелюдская, а я вот он — живу.

Толкунов полулежит на лавке, опершись о нее локтем, головой к образам. На божнице стоят три темные иконы с серебряными венчиками, тускленько светит лампадка из толстого синего стекла, лежит пасхальное яичко, крашенное луковым пиваром, из-за крайней иконы высовываются всякие бумажки и коробочки. Тимоха по застарелой привычке оглаживает грудь против сердца, тербит нателный крестик на шнурке. Грудь в вырезах рубахи кажется неестественно белой. Похоже, маляр начал красить это божие изделие старой забуревшей охрой, выкрасил лицо и шею, а дальше поленился, рассудив, что под рубахой все равно не видать. Тимоха бубнит:

— И в аду, значит, можно обтерпеться: время-то немеряное — вечность. На сковородке жарить будут? Так ведь не до смерти, помирать-то в аду не полагается. Ну, значит, и пускай их жарят, наш брат человечиска и к этому приспособиться сумеет...

Такое веселое и беззаботное отношение к ужасам загробной жизни очень нравится Володе. Засыпая, он вспоминает, что так и не прочитал вечерней молитвы, но еще успевае думать: с Тимохиным богом они завтра поладят. А во сне видит громадную сковороду, скворчащую постным

маслом, и в чаду его, как в банном пару, Толкунова; он подскакивает, крутится с боку на бок и залиисто хохочет, будто от щекотки.

Страстная неделя...

С тех же ранних лет был у Володи еще один приятель — Колька Сосунчик. Поневоле, можно сказать, приятель — по закону соседства. Жил Колька через два дома от урасовского флигелька, в заброшенной бане Сорочихи, и был незаконно-рожденный. Мать его, прачка, с утра до потемок стирала да гладила или разносила стиранное по Заимке, а по воскресеньям приводила мужиков и пила с ними горькую. Колька рос совсем неухоженный и никем не призренный. А Сосунчиком его прозвали потому, что с самого несмышленного возраста он даже во сне не вынимал указательного пальца изо рта. Жил, как придется, — где украдет, где выпросит. Немудрено, что Володина мать боялась, как бы и ее любимое чадушко не научилось чему худому от этого Кольки. А после того, как подбитый Сосунчиком Володя однажды накурился до рвоты, она строго-настрою запретила ему водиться с Колькой.

А как тут не поведешься, если он всегда на виду — все же самый ближний сосед? Так многие годы они и росли одной компанией: Пашка Толкунов, Ваня Мотырев, Колька Сосунчик, Володя Урасов да еще сын типографского рабочего Виктор Зырянов.

Есть в детстве та неподотчетная еще сознанию пора, когда возникает потребность обособленности от мира взрослых, пробуждается тяга к самостоятельности, независимости, к расширению границ бытия. Ребята запасались ломтями хлеба и отправлялись в какую-нибудь из четырех сторон света.

Жили Урасовы на Большой Ямской. Несмотря на название, никаких ямщиков на этой улице не помнили. Единственным заведением, напоминавшим ямщицкое древнее занятие, была экипажная

мастерская Гневашева. Но вообще поглазеть было на что. Одних только лавок и магазинов под вывесками «Бакалея и колониальные товары» на улице насчитывалось штук десять: Степанова, Степанцева, Фархутдинова, Антипина-Каргаполова и еще с полдюжины.

Если идти по Большой Ямской в сторону города, мимо Дровяного рынка, мимо Александровской больницы, то после Красноуфимской от нее под острым углом отделится Малая Ямская. Ямщиков не осталось и на Малой Ямской. Дома на ней стоят лишь по одну сторону улицы, по другую — забор общественного Загородного сада. Очень красивый сад — с липами, лиственницами, дубами, боярышником, с оркестром, с качелями, с каруселью, сверкающей мишурой и стеклянрусом, с лотошницами и со многими другими праздничными и недоступными для ребячьей компании соблазнами. Сад находится между Кунгурским проспектом и самой роскошной улицей города — Сибирской. Спустившись по ней на квартал вниз, до Вознесенской, ребята попадают к дому самого главного начальника губернии — губернатора. Здесь же, у Вознесенской, и самый богатый магазин бакалейных, москательных и колониальных товаров одного из братьев Агафуровых. Чего-чего тут нет! Можно стоять часами и то всего не пересмотришь. Все десять лавок с Большой Ямской разместились бы в одном агафуровском магазине и еще бы место осталось. Но — дальше, дальше. По Вознесенской мимо церкви, мрачно-серого тюремного замка, мимо кладбища — аж до самого Мотовилихинского завода... Обратно ребята возвращаются уже по прямой, по шпалам железнодорожного полотна. Не до интересного им, приоткрылись.

А иной раз они уходили в другую сторону от урасовского двора — к Каме. Интересное место площадь у Слудской церкви. Хорошо поваляться на крутом камском берегу. Но куда увлекательнее рыться в стружечных отвалах какого-либо механического завода или цеха. Заводов и мастерских в округе немало: Любимовой, братьев Ка-

менских, Сорокина, Калинина, Камчатова, Голицына и всяческие другие помельче. В плотно слежавшихся сугробах синеватой, бурой, красной стружки попадались всякие ценные диковины: то дырчатый лист латуни; то кусок толстой проволоки, годный для правилки — иметь два-три обода или колеса, которые гоняли по дорогам с помощью такой правилки, было делом чести каждого заимского мальчишки; то отыскивалась просто какая-нибудь непонятная, но затейливая штука-вина, которую Володя дарил братишкам вместо игрушки.

Но и обход свалок, и путешествия в Мотовилиху предпринимались не столь уж часто. Постоянным же местом игр служила речка Данилиха. Она тут же, рядом, только добежать с полсотни шагов до Подгорной улицы. Кстати, почему она Подгорная, если лепится на самой крутизне угор, над обрывами? Отсюда открывается широкий огляд: заброшенное старообрядческое кладбище, поля за Данилихой, деревня Горюшки и горюшинские крестьянские поля, правее — мелколесье. Отцова мать, бабушка Евдокия, ходит в этот лес по дрова, собирает валежник, корчует коренья и на коромысле вязанками таскает домой. Этим топливом и жили целыми зимами — все же не покупное.

Извилистая и быстрая в этом месте Данилиха прорыла на пути к Каме глубокие овраги с крутыми склонами. Вот в этих ущельях и собиралась испокон веку заимская и горюшинская ребятня. Удобно: и от дома недалеко, и от родительских глаз укрывно. У ребят даже своя пещера была там открыта.

Когда Володе сравнялось восемь лет, отец отвел его в приходское училище. Оно находилось на углу Екатерининской улицы и Шадринского переулка — совсем недалеко от дома. Небольшое двухэтажное здание принадлежало домовладельцу Будрину, поэтому в просторечье училище так и звалось — будринская школа. Причем вся школа располагалась на одном верхнем этаже.

На первых порах ничего нового в смысле на-

ук училище Володе не давало. Отец с семи лет находился в услужении у хозяина крупной сапожной мастерской немца Меклера, учиться ему не довелось и грамоту он освоил самоучком. Поэтому и старшего сына — мало ли как повернется жизнь — уже лет с шести начал между делом обучать чтению и счету. Так что в первом классе будринской школы Володе заниматься было почти нечем, на уроках он скучал.

Весна в тот год навалилась дружно. Яро топило солнце в проголубевшем небе. Вечерами глубоко прорытые в сугробах пешеходные дорожки еще застило холодными синими тенями, а днем снег оседал на глазах. Набухла вешней водой Данилиха, с крыш свисали увесистые сосулины. Как-то неприметно утопанные дорожки взгорбились и оказались выше сугробов, а там и проталины появились, запарили, быстро просыхая на весеннем солнышке. Ребята без рукавиц лепили последних трехэтажных баб из совсем сырого снега, каждый день бегали на Каму, с часу на час ожидая ледохода, но все равно прозевали и первую подвижку, и генеральный ледолом, а застали только спокойно плывущие льдины с остатками темных дорог; льдины лениво наползали одна на другую, на берега и крошились в радужное крошево.

В утлом урасовском флигельке повеселело. Отец крутил сигарины вдвое длиннее и толще обычного, палил их на крыльце и не спешил возвращаться на низкие свои козелки.

Бабка купила для лампадки новый пробковый поплавок с жестяной серединкой, сквозь которую продергивался тоненький вощенный фитилек, и бутылку деревянного масла. А потом в отцовых охотничьих сапогах убрела на весь день куда-то в верха Данилихи и вернулась с двумя вязанками вербы на коромысле. Вербой в водочных бутылках и глиняных горшках уставили весь флигель от божницы до полу, одаряли веточками и букетиками знакомых и заказчиков.

А мать подхватила выставять внутренние рамы и намыwać внешние. Ей трудно было с

большим животом — она вот-вот должна родить, — но ярая весна и ей не давала усидеть на месте. А потом выгребала золу из печки и подтопка и, простоволосая, таскала ведрами на огородные грядки. Весенний сквозняк мигом выдул из флигеля зимние запахи — кожи, ваксы, дратвы, печного нагара.

И столько было ласкового тепла в солнце, в ветре, в небе, что ни о каком их коварстве и мысли не возникало. Однако на другой день мать занемогла, а там и вовсе свалилась и запылала в бредовом жару. Ни водка, которой ее растерли, ни липовый цвет, ни малиновый чай — ничего не помогало. Перепуганный отец сбегал за извозчиком и отвез мать в Александровскую больницу. У нее определили крупное воспаление легких. А в среду на страстной неделе — последней неделе великого поста — у матери начались роды. Организм, ослабленный полуторамесячным постом и внезапной болезнью, не выдержал. Мать умерла. Ненадолго пережила ее и новорожденная — первая и последняя дочь в семье Урасовых.

Хоронили мать прямо из Александровской больницы. И отпевал ее больничный священник Константин Колокольников. У него был красивый голос и красивая черная, будто нарочно к трауру, борода. И катафалк был казенный, больничный, обтянутый протертым на углах черным крепом. Отцу было не до ребят. Только младший Горька терся возле, цепко держась за отцову штанину. Иногда отец подхватывал его на руки и тискал, ввинчиваясь головой в его животишко, будто прободать хотел. Горька кряхтел, но не плакал. А Витюшка, Сережа и Володя тулились поодаль. Старик Мотырев пас их от толпы, оглаживая волосы то одного, то другого, то свои собственные, стриженные как у мальчишки — челкой наперед, — и гудел сиплым басом:

— Ничего, сынок, ничего.

Вечером, когда вернулись домой с кладбища, отец обнял всех четверых разом и заплакал.

— Как жить-то теперь станем? Как жить-то, ребяташки, а?

Впервые в жизни видел Володя плачущего отца. Это поразило едва ли не больше, чем смерть матери. Или, может быть, только теперь толкнулась в сердце обнаженная мысль: мать померла, нету больше мамы.

Это было в пятницу на страстной. А наутро, в самый канун пасхи, умерла бабка. Поднялась, как всегда, чуть свет, истопила печку, наложила в чугуны яиц с луковой шелухой — вариться да краситься, и вдруг почувствовала себя неловко. Прилегла на постель и умерла.

Настала пасха. Люди веселились, смеялись, христосовались, а у Урасовых — опять похороны. Три покойника на одной неделе.

В руку бабке вложили пасхальное яичко, не покрашенное ею. На кладбище по такому же яичку прикопали в могилы матери и неназванной сестренки. Вот и весь праздник.

На невеселых поминках отец почти не пил и совсем не разговаривал. Да и нелюдные были поминки: соседские старушки, старик Мотырев с Ваней да Тимоха Толкунов с Пашкой. Тимоха, мешая брагу с водкой, вздыхал:

— Кому масляна да сплошная, кому вербная да страстная. Все это недаром говорится.

— Да уж, — поддержал старый слесарь. — Это ты верно. Вся наша жизнь бедняцкая, от пеленок до гробовой доски, — одна страстная неделя.

И. д. губернатора

Володя закончил трехклассное приходское училище. В первый класс пошли Сережа с Витюшкой. Отцу очень хотелось, чтобы его первенец учился дальше, но из этого пока ничего не получалось. На достройку нового дома, давно им затеянного, Александр Иванович крупно занял. Надо было помогать отцу. К тому же все, что раньше делали по дому мать и бабка, навалилось теперь на одного Володю. Он быстро наловчился строчить на машине заготовки, которые кроил отец, и весьма преуспевал в этом. Выполнял даже заказы других

кустарей — ведь далеко не у всякого была своя швейная машина.

Знакомые сапожники появлялись к вечеру, приносили Володе шить заготовки или забирали сшитые, а не с шитьем, так с житем-бытьем приходили — посидеть, посудить, поспорить. Набрело на них во флигель иногда около десятка. Засиживались за самоваром допоздна. Говаривали всякое, в том числе и о народовольцах, и о венгерской революции 1848 года, и о балканских войнах, и об участвовавших стачках, и царя-батюшку неласковым словом поминали. Так незаметно урасовский флигель превратился в некое подобие вечернего клуба заимских сапожников. Иной раз даже выпивку затевали, но пили понемногу — знали, у кого собирались. Наговорившись всласть и вволю пошумев, расходились трезво и спокойно.

А вот старые друзья посещали флигель все реже. Старик Мотырев стал прихварывать и потому сильно уставал на работе — не до гостеваний. Теперь больше Александр Иванович сам навещал старика. А Тимохе без Иранды Георгиевны наконец-то удалось пропить свадебный костюм. Да и мылся теперь он, верно, не чаще двух-трех раз в год — в Лоскутовой бане на Большой Ямской или в Сесюнинской на Разгуляе.

Зато Ваня с Пашкой, наоборот, стали бывать чуть не каждый день. То ли мать с бабкой смущали их раньше, то ли теперь такой интерес подошел.

Одно время Володю больше влекло к Пашке. Лицом и ростом Пашка удался в мать — крупный, большеголовый, с невыпрямляемо кривой улыбочкой — гораздо кривее, чем у самой Онисьи. От этой его кривой ухмылки даже нос казался свернутым на сторону. Ни отца, ни мать Пашка в грош не ставил, кричал на них, как Володя на своих младших братьев накричать не сумел бы, посоветился. Был он на редкость музыкальным: стоило один раз услышать незнакомый мотив, и он высвистывал его безошибочно. А вот петь не мог — слишком уж грубый и резкий у него голос. Кроме того, умел Пашка притворяться и изобра-

жать. Подметит на улице у прохожего необычную походку, пристроится рядом и идет точно так же, сзади и не отличись. У другого Пашка подглядит напыженную осанку — передразнит; у третьего переймет манеру плевать. И вообще неистраченных возможностей копилось в Пашке изрядно, а куда девать их, к чему приложить — он не знал. Вот и хулиганил, и сквернословил, и примерялся к другим, обезьянничая, — искал себя.

Но от Пашкиной неуравновешенности, разбросанности Володя быстро устал. И тогда его сильнее тянуло к Ване Мотыреву. Это был душевно ясный, сосредоточенно старательный копотун. Руки у него были всегда пожженные кислотой и паяльником, поцарапанные и намозоленные. Когда подошла пора повального увлечения мальчишек оружием, у Вани и рогатки получались — хоть на ярмарку, и луки — дальнобойные, и самопалы-поджиги — как настоящие револьверы. Главное же, несмотря на его тихость и недрачивость, с ним Володе никогда не бывало скучно.

Днем занятый сапожной работой и домашними делами, увлекающийся своими мальчишескими увлечениями, вечерами Володя по-прежнему занимал место на полатах и голова его, жаждавшая все новых знаний о мире, получала благодатную пищу: у отца все так же собирались друзья и знакомые, обсуждали былье и слухи, газетные новости, досужие выдумки, книжные премудрости. Говорили о декабристах, о шлиссельбургцах, о восстании в Китае, о Петропавловской крепости, где тех, кто туда попадает, якобы пускают в машину, которая рубит их на куски, а куски те топят в Неве; поминались Разин и Пугачев; все больше и все чаще тревожили умы политические — «сицилисты», которые идут против царя.

Много чего говорилось в те вечера...

Если в середину даже малого и застойного озерца бросить камень, то к берегам дойдут уже не волны, а едва видимые всплески. Россия не малое озерцо. Столица ее на одном конце государства, а Пермская губерния — на самом дальнем берегу Европы. То, что случается в Петербур-

ге, нескоро и небурно доходит до Перми, чуть приметными всплесками вползает на Уральский хребет, легонько шипит пеною слухов и гаснет. И трехмиллионное население громадной Пермской губернии о сорока восьми языках и наречиях еще весьма смутно представляет грядущие годы, туго и неодобрительно усваивает не очень понятные слухи. Где-то рвутся бомбы под колясками министров и губернаторов, раздаются одиночные выстрелы террористов, а в Перми даже о пермских народовольцах или декабристах обыватели мало что знают. Студент Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина. Но ничего не изменилось. На министерское место сел шеф жандармского корпуса Плеве. Тогда другой студент, Сазонов, убил Плеве. И опять ничего не изменилось. В кресло весело уселся князь Святополк-Мирский. Правда, страхуясь от возможного покушения, он освободил из административной ссылки несколько либералов и объявил «эру весны». Однако «весна» прошла, как проходят все весны, а «лето» не наступило.

Но все же докатило ту волну и до глухого Урала. Уфимский губернатор Богданович приказал стрелять в толпу безоружных златоустовских рабочих. Через семь недель он сам схлопотал пулю рабочего Дулебова.

В Мотовилихе управителю снарядных и оружейных цехов Назарову подбросили на террасу дома фитильную бомбу — «македонку». Экономисты и эсеры довольно робко увещевали рабочих листовкой: «Назаров не один, на его место десяток найдется таких же, и так будет до тех пор, пока не наступят на нашей родине другие порядки. Братцы, сознательным рабочим следует держаться друженько». Бомбу в тот раз ночной сторож успел схватить и выбросить. Но потом Назаров все равно не ушел от возмездия: страхась расправы, удрал в Петербург и стал там помощником директора Путиловского завода. Путиловцы его и прикончили. Но это потом. А пока в Мотовилихе инженер Назаров отгородился от бомб внутренними железными ставнями

и по-прежнему крушил скулы и судьбы рабочих. А рабочие все же митинговали и даже бастовали, хотя после этого их не только увольняли с завода, но и бросали в тюрьмы и загоняли в ссылки.

Самодержавную власть на территории обширной губернии представлял губернатор. Они довольно часто менялись — пермские губернаторы. Но столь однозной фигуры, как сейчас, еще не бывало. Кичливый позер и самодур Александр Петрович Наумов внешность имел весьма заурядную: рост обыкновенный, ни толст, ни худ, но с намечающимся брюшком, ни стар, ни молод, но с начинающими оплывать нижними веками. Интересное устройство имели уши: они как бы вложены в углубления в черепе и плотно вмяты, так что анфас их почти не видно, будто и нет вовсе. Раздражителен он был чрезвычайно и легко приходил в состояние крайнего негодования из-за всякого пустяка.

— Я вам покажу, что такое настоящая власть! — любил он повторять.

И показывал. Главным образом... ногами. При объездах губернии, прибывая, скажем, в Кунгур или Екатеринбург, прежде всего топал ногами на местное начальство. Чтобы, значит, сразу уразумели, с кем имеют дело. Впрочем, на счастье ли, на беду ли местных правителей, был он еще и отчаянно сластолюбив. Не надеясь на обаяние личности, дам полусвета покорял он своим положением: как-никак фигура № 1 в губернии. Закатившись куда-нибудь в Чердынь и встретив там бывшую симпатию или пленившись новой, Наумов тотчас забрасывал все дела и предавался наслаждениям. Начальство и именитое купечество должно было только обеспечивать удовольствия в виде прогулок на пароходе или в экипажах, а полиция — охранять покой ночами под его окнами. Затем, так и не утрудив себя делами, ради которых прибыл, Наумов отбывал восвояси, на прощание для острастки еще немножко потопав и покричав.

Жизнь ему отравляло лишь одно обстоятель-

ство: он был «и. д.», то есть «исправляющий должность». Но только на официальных бумагах, да и то не на всяких, подписывался он «исправляющий должность губернатора Наумов». Изустно же именовался не иначе как «пермский губернатор Александр Наумов», и соответственно чувствовал и вел себя. Даже дома, выходя к трапезе, заставлял вставать собственную жену и гостей жены.

Повстречался однажды с губернатором и Володя. Они с маленьким Горькой гуляли по Сибирской. Мимо проезжал губернатор. Издалека завидев его приметных каурых лошадей, люди стягивали шапки и картузы. Володя с Горькой, увлекшись своими разговорами, не заметили губернаторских санок.

— Стой! — заорал Наумов.

Он не поленился выскочить из саней и, заманивая тростью и топая ногами, принялся распекал перепуганных братьев:

— Скоты! Мерзавцы! Да знаете ли вы — кто я таков? Я — пермский губернатор, представитель царя. Шапки долой! Во фронт!.. В другой раз велю вас арестовать за непочтение властям.

От крика у него тряслись оплывшие щеки и мешки под глазами. Наведя должный порядок, он взобрался в сани, сердито осмотрелся и ткнул палкой в спину кучера. Беговушки унеслись. Только тогда до Горьки дошло, какой он важный преступник. Он разревелся, и Володя увел его домой...

Девятьсот четвертый начался войной с Японией. Вестей долго не было, но потом газеты заpestрели языколомными чужими названиями: дело при Ляо-Яне, Шахэ, Мукдене, битва при Тюренчене, Ялуцзяне, наконец, Порт-Артур. И всюду погибшие, погибшие, погибшие.

Неподалеку от дома Урасовых, на углу Большой Ямской и Далматовской, открыли военный лазарет...

Было еще мало времени на часах новой истории. Еще дефилировали по пермским улицам патристические манифестации: лавочники с портре-

тами Николая II и почему-то Александра III, дворники с трехцветными флагами старательно выпевали «Боже, царя храни». И большевики пока не могли противопоставить им демонстрацию своих сил. Еще совсем немногие слышали «Интернационал», только-только переведенный на русский язык Коцем. Еще многие сверстники Володи Урасова не нашли, не определили своего места в событиях. Среди представителей их поколения еще только зрели будущие большевики и провокаторы, черносотенцы и нейтраллисты, арестанты и тюремщики.

Надвигался девятьсот пятый.

...И непрощенное воскресенье

К девятьсот четвертому году новый урасовский дом был, наконец, готов, подросли и братишки для помощи по хозяйству, и Володя смог поступить в четырехклассное городское училище. Таких училищ в городе было два: старое и тесное на Соликамской улице и большое новое Екатеринбургско-Петровское, где стал учиться Володя, — неподалеку от центра, на Екатерининской.

В городском училище жизнь шла гораздо интереснее, чем в будринской школе. И самым интересным, как ни странно, был урок закона божия. Законоучителем оказался тот самый чернобородый красивый священник Константин Александрович Колокольников, который отпевал мать в Александровской больнице. В старших классах его называли попросту отец Константин, а в младших и того проще — батюшка. К своему предмету относился он своеобразно. Объявит тему урока, к примеру, по Ветхому и Новому завету — о Христе, в самых общих чертах обрисует ее за две-три минуты и закончит:

— Остальное прочтете в учебнике.

Затем начиналось самое интересное — собеседование.

— Кто есть бог? — вопрошал Колокольни-

ков. — Это есть наше внутреннее «я». Ты хочешь совершить что-то нехорошее, недостойное — твое «я» малый голос подает: не надо, не делай. А второй голос нудит: сделай! сделай! Второй голос — это дьявол. Так вот, всегда надобно прислушиваться к слабому гласу своего «я», — он прикладывал к груди ладонь и прихлопывал ее другою, — это и есть бог. Именно это имеет в виду Нагорная проповедь: «Царство божие внутри вас есть».

Но чаще всего Колокольников заводил разговор о какой-либо экзотической стране, в каждой из них находя что-то такое, что, по его мнению, не грех бы позаимствовать России. Рассказывал он занимательно, образно. Заведет, к примеру, разговор о порядках в какой-нибудь Новой Зеландии и неожиданно закончит:

— Да уж, государственный строй, народная свобода в Новой Зеландии не то, что наша, российская свобода.

Такое заявление было довольно смелым для той поры. И его беседы давали ученикам гораздо более обширные и крепкие знания по истории, географии, обществоведению, экономике, чем уроки специальных преподавателей истории и географии.

А самым ненавистным был инспектор училища надворный советник Николай Александрович Бояршинов. Он явно гордился тем, что является полным тезкой царя: и Николай, и Александрович. Занимался он во всех классах пением и гимнастикой, немощно играл на скрипке, кроме того, как инспектор, считал себя обязанным знакомить подопечных, в самых общих чертах, разумеется, с историей горнозаводского Урала. Местом своим он дорожил чрезвычайно и потому был служакой ревностным, а так как жил при училище, то перед его недреманным оком не могли чувствовать себя спокойно ни ученики, ни учителя.

А в общем, жилось в училище не скучно: борьба с Бояршиновым, беседы с Колокольниковым, споры со старшеклассниками о революционерах, которых никто не видал, но которые несомненно

существовали где-то рядом; о революции, которую смутно себе представляли, но неизбежности которой никто не отрицал; о бездарности правительства, которое дышит на ладан и, само того не сознавая, неотвратно приближает собственную гибель бессмысленной жестокостью, несправедливостью, репрессиями; о войне в Маньчжурии, целесообразность которой не могли объяснить ни учителя, ни газеты, ни царский манифест.

В своем классе Володя чувствовал себя переростком (все же два года учебы пропустил), поэтому компанию водил больше со старшеклассниками.

В ту пору захватила Володю необоримая страсть — книги.

В третьей районной библиотеке он познакомился с умной славной девушкой Клавой Кирсановой. Собственно, знать-то он ее и раньше знал. У нее было много сестер и она частенько приносила отцу починку. Однажды Володя даже был у нее дома на Мещанской, приносил кучу починенных ботинок. Встречал и на Сибирской во время больших перемен. Но она двумя годами старше Володи и много образованнее, поэтому он и помыслить не мог, что заинтересует чем-то Кирсанову. А тут, в библиотеке, она вдруг сама подошла к нему и, небрежно вытолкнув из-под его локтя стопку выпусков «Пещеры Лейхтвейса», положила перед ним «Разгром» Золя.

— Чудачок, нашел на что жизнь разбрасывать, вот это лучше почитай-ка — интереснее да и полезней.

Володе было жалко выпусков «Пещеры», он давно дожидался очереди на нее, но Клавину внимание подкупило его, он послушно взял Золя.

Клава и потом старалась руководить его чтением.

...Новый дом Урасовых, хотя и двухэтажный, не так уж велик получился: четыре окна на этаж по фасаду, да по два с боков. Наверху были жилые комнаты и кухня, внизу — мастерская. С новым домом и заказчики пошли более солидные, в основном — чиновники. Отец был непьющий, за-

казы всегда исполнял точно в назначенный срок. Да и мастером своего дела он был изрядным — считался одним из лучших в Перми, имел собственный штемпель, который ставил на подметку возле каблука: «Сработано А. Урасовым в Перми». Для любого заказчика этот штамп служил достаточной гарантией добротности сапога или ботинка.

В новой мастерской и отцовы приятели чувствовали себя вольготнее, забегали то тот, то другой, то по несколько враз чуть не каждый вечер. Спорили теперь о партиях, которых появилось немало: социалисты-революционеры, или эсеры, которых для упрощения звали «серыми», социал-демократы, или эсдеки, которых называли «седыми»; а у эсдеков еще и фракции — меньшевики и большевики — «меки» и «беки» (или «боки»). Встречал теперь в споры и Володя, высказывал воззрения, почерпнутые в училище или на Сибирской. Но в этих спорах он был нетверд, потому что и сам толком не разбирался в направлениях и смутно представлял, чего каждая из партий добивается.

9 января 1905 года царские войска расстреляли мирную манифестацию. На этот раз «всплеск» в столице случился настолько мощный, что доказался и до пермского захолустья. Даже официальные газеты не могли скрыть этого факта. Газетам, конечно, мало верили, знали, что правды там, как золота в ассигнации: будто и есть она, а на самом деле — нету. Если уж пермские «Губернские ведомости» сообщают о трех сотнях пострадавших, так считай вдесятеро больше. Правду узнавали из прокламаций. Их переписывали от руки, расспрашивали о новостях друг друга при встречах.

Старик Мотырев, навестив как-то Урасовых, сказал:

— А ведь это, господа-граждане, не иначе, как революция началась.

Он верно сообразил, старый мастеровой. Шесть тысяч пострадавших (а не триста, как писали газеты) подняли на борьбу более миллиона проле-

тариев. Один этот воскресный день стоил многих будничных лет. Вовеки не забытое и не прощенное народом Кровавое воскресенье, как сразу же нарекли его, стало первым днем первой русской революции.

Крупные политические события в Перми произошли лишь весной, 14 мая, в день «священного коронования Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы».

Городские учителя назначили провести учредительное собрание своего «Союза». Володя нес новые сапоги одному учителю, жившему на Монастырской. Тот хотел надеть обновку именно в этот день. Но собрание неожиданно запретили. Возмущенные учителя отправились всей толпой от дома Мешкова на Монастырской, где они собрались, к дому губернатора. Конечно, тут же оказался и Володя.

Видимо, губернатор уже знал о приближении толпы, но сам выйти побоялся, а выслал кого-то из чиновников, гостивших в этот неприсутственный день в его хоромах. Чиновник, очутившийся перед внушительной толпой, стоял и дрожал, отирая платком взмокшее лицо со встрепанной бородкой и потные ладошки.

— Господа! Господа! — мучительно зывал он. — Его превосходительство не совсем здоров. И даже совсем нездоров... Я говорю вам истинную правду. Он просил меня передать. Он весьма скорбит, но принять депутацию не в силах. Мы дежуриим у его постели с самого утра — он очень, очень нездоров.

От молоденькой листвы лип, пронизанной солнцем и колеблемой ветром, по фигуре губернаторского служки все время пробегало этакое мельтешение света и тени и еще более подчеркивало дрожь этой фигуры и придавало бледному лицу зеленоватый оттенок смертного страха.

А в толпе не было никакой свирепости. Разморенные жарким и сверкающим майским днем люди настроены были удало, иронично, смешливо, благодушно — как угодно, только не кроваждно.

А. Никитин

КОМЕНДАНТ ФОРТА РЕВОЛЮЦИИ

(Новое о полководце Блюхере)

Имя выдающегося военачальника Василия Блюхера хорошо известно на Урале. Именно здесь он впервые проявил себя как талантливый полководец. В 1918 году он возглавил героический поход уральских партизан по тылам белогвардейских войск. За этот поход в октябре 1918 года Блюхер первым в Советской Республике был награжден орденом Красного Знамени.

Во время сражения за Урал Блюхер — помощник командующего 3-й армии, а после освобождения Перми, с июля 1919 года, в течение нескольких месяцев был комендантом Пермского укрепленного района.

К сожалению, до настоящего времени историкам не были известны материалы о деятельности Блюхера на этой должности. И вот уникальный документ, найденный в Государственном архиве Пермской области старшим научным сотрудником Леоном Сергеевичем Кашихиным. Это листок пожелтевшего от времени воззвания «К гражданам Пермской губернии». А под ним подпись: «Комендант Блюхер».

В воззвании говорилось: «Революционный Военный Совет Пермского укрепленного района, вступая в свои обязанности по созданию форта международной пролетарской революции — укрепленной Перми, надеется встретить полное сочувствие и поддержку в своей работе со стороны всех сознательных слоев населения».

В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ · В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ · В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ

Слова чиновника были встречены разноладным свистом. Чиновник, сжав потные ладошки перед грудью, как певича, потоптался еще и юркнул в дом. А люди, освистав, ошикав и охая губернатора и всех присных его, постепенно разбрелись.

Манифестацией учителей решили воспользоваться большевики и вечером организовали свою, в которой участвовали рабочие, в основном — с Мотовилихи. С красными флагами, с революционными песнями прошли они по Кунгурской улице от Общественного сада до городского театра, и ни конная, ни пешая полиция ничего не смогли поделать.

То, о чем еще недавно говорили таясь, с опаской, в этот день прозвучало открыто, публично: «Долой самодержавие!», «Революция неизбежна!», «Социал-демократы — передовая партия!»

На другой день изрядно перетрусивший губернатор, вне себя от испытанного унижения и жажды мести, объявил, что он прикажет отныне стрелять во всякое сборище. 15 мая, на случай возможных беспорядков, во дворе городской полиции в полной боевой готовности дежурила полицейская команда и вызванная в помощь рота солдат.

А вечером на Базановской заимке вспыхнул первый в это лето большой пожар. От грозы загорелась канатная фабрика — длинное, иссушенное солнцем и временем здание, растянувшееся чуть не на полверсты. Несмотря на то, что гроза была с хорошим дождем, фабрика горела исправно. Она себе горела, а пожарная каланча вблизи ее, на тракте, молчала. Оказалось, что полицмейстер Какорин запретил бить в набат — как бы он не собрал лишку народу да как бы тот народ опять не устроил демонстрации. Но такие вести не толкутся на месте. Кроме местных базаново-заимских жителей, боявшихся за свои дома, рабочих канатной фабрики и окрестных производств, потянулись к пожарищу и городские простолудины. С Володей, Ваней, Пашкой был на этот раз и Колька Сосунчик. Люди шли по тракту споро и потому негусто.

Большой огонь уже отпластал. Сильно чадило недогорелой пенькой, сырыми головнями. Пожарная команда, опростав свои сорокаведерные бочки, действовала только баграми да топорами. Но дело еще нашлось и для вновь прибывших: копа-

ли канавы вокруг фабрики, чтоб огонь не перекинулся на соседние строения. Больше, правда, как на всяком пожаре, было просто зевак.

Колька Сосунчик, отлучившись куда-то, снова подошел к своей компании. Он вынул из кармана и протянул Володе обеими руками в закрытой горсти часы с брелоками и кошелек:

— На, поддержи, неловко с ними.

— Это у тебя откуда? — недоуменно спросил Володя.

Колька цыкнул слюной сквозь зубы.

— Да ты что, теля, ай натурально не понимаешь?

— Вот так хабар, — восхищенно протянул Пашка.

— Украл, что ли? — боясь поверить, снова спросил Володя.

Колька раздраженно прикрикнул:

— Да держи, что ли! На пожарах да на митингах — самая работа.

— Нет, мне не надо, — сказал, отступая, Володя.

— Тыфу ты, нетель, — зло процедил Сосунчик и, снова сунув добычу в карман, скрылся в толпе зевак.

— А хабарное он дельце сварганил, а? — приставал Пашка.

По сторонам фабрики оползни огня кое-как придавили, а в середке — лешак с ним — пусть догорает. Окрестные жители разбрелись по домам, остальные неплотной ватагой двинулись к городу. Толковали тут и там, что это не иначе как поджог, а никакая не гроза: недаром почти во всю длину сразу запылаха. Если б гроза — в одном бы месте загорелось. Просто, наверно, хозяйка захотела страховку получить. А потом какая-то группочка в середине людского потока затынула песню и к ней сразу подстроились передние, потянулись задние. Если кто из этой толпы и не был на вчерашней демонстрации, слышали о ней все.

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Так и вошли в вечеряющий город — с революционными песнями, только что без красного флага. Но едва миновали Общественный сад, полицмейстер Какорин на своем рысаке со своим подслужным войском и приданной солдатской ротой гут как тут. Конные полицейские с гиком врзались в толпу и довольно быстро рассеяли демонстрантов в обе стороны по обеим Ямским.

Но тем не менее дело было сделано — снова в Перми состоялась манифестация.

Ребята возвращались на Заимку опечаленные: не удалось по-вчерашнему, разогнали-таки народ.

Если б знали они тогда, что доносил по начальству губернатор и что ему ответили из столицы, они смотрели бы намного веселее.

А из столицы в тот раз отвечали вот что: «На представлении вашего превосходительства по поводу бывших 14 и 15 мая с. г. беспорядках в г. Перми товарищ министра, заведующий полицией, положил следующую резолюцию: «Я того мнения, что как губернатор, так и начальник губернского жандармского управления, равно как и полиция, бездействовали». В частности, по поводу сообщения, что толпа манифестантов была оттеснена от губернаторского дома на квартал, свиты его величества генерал-майор Трепов положил резолюцию: «Не оттеснять надо, а разгонять»; по поводу же сообщения, что полицейский наряд, шедший по Кунгурской улице по следам манифестантов, будучи осыпан градом камней и пуль, отступил без употребления оружия, — «полиция действовала ниже всякой критики».

К сожалению, тогда об этой секретной переписке никто ничего не знал.

С воскресенья на субботу не поворотишь

Угрозы губернатора «стрелять во всякое сборище» не остались втуне. Ровно через полгода после 9 Января он устроил пермское кровавое воскре-

сенье. 10 июля мотовилихинские рабочие, а с ними много женщин, детей, стариков, собрались на сходку на крутой лысой горе над Мотовилихой — на Вышке. Внезапно появившиеся казаки полосовали направо и налево шашками и нагайками, а затем открыли стрельбу. Много народу поранили, изувечили, а старого мотовилихинского рабочего Луку Ивановича Борчанинова убили.

Забастовки в стране после 9 Января участились. Затухала стачка в одном месте — и тут же возникала в другом. Осенью политические стачки в Петербурге и Москве переросли во всероссийскую стачку, в которой участвовало около двух миллионов человек. И Пермь после событий 9 Января, а особенно после 10 июля резко повернуло «влево»: социал-демократы приобретали все большее число сторонников. 1 сентября на Мотовилихинском заводе началась самая мощная по массовости и продолжительности забастовка. В ответ администрация объявила локаут: все, не приступившие к работе, с 20 сентября считались уволенными. Тысячи рабочих и члены их семей были обречены на голодную смерть.

17 октября правительство, напуганное растущим недовольством народа и боясь взрыва, решило «приоткрыть отдушину», чтобы «спустить лишний пар» недовольства: в этот день был опубликован высочайший манифест, коим народу обещались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Правда, насчет истинной цены «милостей» мало кто заблуждался: понимали, что эта вынужденная уступка — временная и обещания царские недорого стоят. Недаром всю Россию мигом облетело крылатое двустиише Павла Арского:

Царь испугался, издал манифест:
«Мертвым свобода! Живых под арест!»

...Пермь бурлила, митинговала, ликовала и на другой день после издания манифеста.

В середине уроков в Екатерино-Петровское училище ворвалась гурьба учеников торговой школы.

— Братцы! Кончай зубреж, айда на манифестацию!

Повторять призыв не пришлось. На улицах всюду встречались группки и компании, которые скоро слились в большую толпу. Большевики опять-таки сумели использовать выгодные обстоятельства и повели свою агитацию.

Решено было идти к дому губернатора. Так как полицейские посты были сняты, толпа беспрепятственно достигла губернаторских апартаментов. Наумов в этот раз не рискнул «захворать». Манифест был оглашен во всеуслышание в присутствии губернатора. Наумов полагал, что отделается быстро, поэтому вышел к толпе не одетым, в одном сюртуке, как бы подчеркивая, что он неожиданно оторван от важнейших дел и тотчас по окончании чтения манифеста возвратится к ним снова. Но не тут-то было! Толпа, возбужденная официальным признанием своих прав, почувствовавшая свою победу, свою силу, потребовала немедленного освобождения политических, заключенных в тюрьму как раз за те слова, которые сейчас запросто прозвучали с губернаторского крыльца.

— Но дайте же мне время, господа, — взмолился Наумов. — Одной моей власти недостаточно, чтобы освободить преступников.

— Ага! Посадить — достаточно, а освободить — нету власти!

— Но это недолго. Я сей же час снесусь по телефону с жандармским управлением и прокурорским надзором и уверен, что получу их благосклонное согласие.

— Дудки! Сам сажал, сам и выпустишь!

Над толпой взвилось загодя заготовленное красное полотнище с лозунгом «Долой самодержавие!» Наумова, не одетого, в желтых блестящих штиблетах, сволокли с крыльца.

— Ништо, ваше превосходительство, мы всю жизнь без галош прохлюпали, прогуляйся и ты, — пробасил чернородый, стриженный «под горшок» рабочий.

Две бабы подхватили губернатора под руки

и, растерянного, напуганного, жестоко страдающего от бессильной ярости, выставили в первые шеренги манифестантов. Он так и прошел весь путь по Вознесенской об руку с двумя рабочими бабами, осененный полоскавшимся над самой его головой красным полотнищем.

Губернатор под революционным лозунгом! Не только в Перми, но, пожалуй, и во всем государстве Российском такого еще не случалось.

Красные флаги подняли в других местах колонны, и вокруг каждого флага звучала своя песня. Флаги были разные, но все — красные; разные были песни, но все — революционные.

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Толпа заполнила не только проезжую дорогу перед губернской тюрьмой, но и растеклась по дорожкам Александровского садика. За ограду тюрьмы никого не пустили, даже губернатора. Начальник тюрьмы Собещанский со свитой удивленных канцеляристов, надзирателей и конвоиров вышел наружу сам.

— Вы уж, батенька Дмитрий Петрович, того, — сокрушенно молвил Наумов, — политических заключенных... из-под стражи освободите.

— Помилуйте, да как же я могу?! Без санкции прокурора?

— Санкцию потом, того... С Константином Николаевичем... То бишь с господином Подрезаном я поговорю лично.

— И все же без письменного распоряжения... Поймите меня, ваше превосходительство. Служба-с превыше всего.

Наумов начал раздражаться и даже по-былому топнул ножкой.

— Ну хорошо, заготовьте распоряжение или приказ — что там требуется? — я подпишу.

Не прошло и получаса, как заключенные гуськом потянулись из тюремных ворот в объятия друзей и родных.

— Покажите нам освобожденных! — кричали из толпы.

Близстоящие поднимали на плечи Андрея Юрша, Мишу Туркина, Александра Борчанинова и других. Воодушевленная успехом толпа двинулась на Сибирскую, к пересыльной тюрьме. Здесь процедура повторилась. Всего было освобождено 26 пленников. И только тогда толпа отпустила посиневшего от холода и переживаний губернатора. Александр Борчанинов, сын убитого 10 июля на Вышке рабочего, сказал ему знаменательнейшие слова:

— Теперь вы будете иметь дело с боевой партией.

Толпа мало-помалу распалась. Одни бродили по улицам, наслаждаясь свободой сборищ, другие митинговали в Общественном саду, пробуя на вкус свободу слова, третьи собрались в театре.

Губернатора не стало ни видно, ни слышно, из его канцелярии не исходило никаких указаний. Песенка его была спета. С освобождением заключенных кончилась карьера одного из самых самодурственных пермских губернаторов, которого, впрочем, так и не утвердили в губернаторах, так он и проходил два с лишним года «исправляющим должность». После октябрьских событий Наумова некоторое время замещал вице-губернатор Стрижевский, а вскоре был прислан новый «и. д.» — ревностный царев служака Болотов.

А тем временем рабочее движение нарастало, крепло организационно, пролетариат осознавал свои силы.

Особенно чутким барометром политической погоды была молодежь. Она быстро воспринимала передовые идеи.

Володя Урасов к концу 1905 года сделался в училище и заметным, и уважаемым человеком. После манифеста 17 октября был создан ученический совет, куда вошли Лёня Деменчук, Миша Соловьев и Володя Урасов. Большинство педагогов не умело разобраться в происходящих событиях; в несколько растерянных и расстроенных чувствах пребывал даже господин инспектор

Бояршинов. Поскольку его державный тезка сам император всея Руси Николай Александрович даровал свободу народу, не мог перечить манифесту и надворный советник Николай Александрович. Пользуясь всем этим, училищный совет действовал вполне легально.

Преподавателем, который лучше других разбирался в политической обстановке в России и в ситуации, создавшейся в Перми, оказался законоучитель Константин Колокольников.

На уроках предмет свой он совсем забросил. Торопливо задавал по учебнику «от сих до сих» и пускался в проникновенные и пламенные рассуждения о текущем моменте. И это были уже не беспочвенные мечтания о далекой и потому полумифической Новой Зеландии, наполовину измышлявшейся им самим, а искренние раздумья о судьбах России-матушки.

К тому времени в городе было организовано несколько нелегальных революционных кружков учащейся молодежи. Начал действовать такой кружок и во 2-м Екатерино-Петровском четырехклассном училище. В состав кружка входил училищный совет в полном составе и наиболее революционно настроенные старшеклассники. Работу в нем вела Клавдия Кирсанова, член РСДРП еще с 1904 года. Здесь обсуждались самые последние события, школьный режим, рабочее движение в Европе; организовывались массовки учащихся в лесу за Ераничами, на которые собиралось человек по 40—70; изучались, а затем распространялись листовки, которые комитет РСДРП выпускал специально для учащихся. Листовки призывали присоединиться к всеобщему движению пролетариата за освобождение трудящихся масс от политического и экономического гнета.

Володе чрезвычайно много дали занятия в ученическом кружке и участие в массовках. По сути, он только теперь толком начинал разбираться в программах и тактических вопросах существующих партий. Большинство членов кружков, в том числе и Володя, приняли программу Российской социал-демократической рабочей партии.

— Братцы! Кончай зубреж, айда на манифестацию!

Повторять призыв не пришлось. На улицах всюду встречались группки и компании, которые скоро слились в большую толпу. Большевики опять-таки сумели использовать выгодные обстоятельства и повели свою агитацию.

Решено было идти к дому губернатора. Так как полицейские посты были сняты, толпа беспрепятственно достигла губернаторских апартаментов. Наумов в этот раз не рискнул «захворать». Манифест был оглашен во всеуслышание в присутствии губернатора. Наумов полагал, что отделается быстро, поэтому вышел к толпе не одетым, в одном сюртуке, как бы подчеркивая, что он неожиданно оторван от важнейших дел и тотчас по окончании чтения манифеста возвратится к ним снова. Но не тут-то было! Толпа, возбужденная официальным признанием своих прав, почувствовавшая свою победу, свою силу, потребовала немедленного освобождения политических, заключенных в тюрьму как раз за те слова, которые сейчас запросто прозвучали с губернаторского крыльца.

— Но дайте же мне время, господа, — взмолился Наумов. — Одной моей власти недостаточно, чтобы освободить преступников.

— Ага! Посадить — достаточно, а освободить — нету власти!

— Но это недолго. Я сей же час снесусь по телефону с жандармским управлением и прокурорским надзором и уверен, что получу их благосклонное согласие.

— Дудки! Сам сажал, сам и выпустишь!

Над толпой взвилось загодя заготовленное красное полотнище с лозунгом «Долой самодержавие!» Наумова, не одетого, в желтых блестящих штиблетах, сволокли с крыльца.

— Ништо, ваше превосходительство, мы всю жизнь без галош прохлюпали, прогуляйся и ты, — пробасил чернородый, стриженный «под горшок» рабочий.

Две бабы подхватили губернатора под руки

и, растерянного, напуганного, жестоко страдающего от бессильной ярости, выставили в первые шеренги манифестантов. Он так и прошел весь путь по Вознесенской об руку с двумя рабочими бабами, осененный полоскавшимся над самой его головой красным полотнищем.

Губернатор под революционным лозунгом! Не только в Перми, но, пожалуй, и во всем государстве Российском такого еще не случалось.

Красные флаги подняли в других местах колонны, и вокруг каждого флага звучала своя песня. Флаги были разные, но все — красные; разные были песни, но все — революционные.

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Толпа заполнила не только проезжую дорогу перед губернской тюрьмой, но и растеклась по дорожкам Александровского садика. За ограду тюрьмы никого не пустили, даже губернатора. Начальник тюрьмы Собещанский со свитой удивленных канцеляристов, надзирателей и конвоиров вышел наружу сам.

— Вы уж, батенька Дмитрий Петрович, того, — сокрушенно молвил Наумов, — политических заключенных... из-под стражи освободите.

— Помилуйте, да как же я могу?! Без санкции прокурора?

— Санкцию потом, того... С Константином Николаевичем... То бишь с господином Подрезаном я поговорю лично.

— И все же без письменного распоряжения... Поймите меня, ваше превосходительство. Служба-с превыше всего.

Наумов начал раздражаться и даже по-былому топнул ножкой.

— Ну хорошо, заготовьте распоряжение или приказ — что там требуется? — я подпишу.

Не прошло и получаса, как заключенные гуском потянулись из тюремных ворот в объятия друзей и родных.

— Покажите нам освобожденных! — кричали из толпы.

Близстоящие поднимали на плечи Андрея Юрша, Мишу Туркина, Александра Борчанинова и других. Воодушевленная успехом толпа двинулась на Сибирскую, к пересыльной тюрьме. Здесь процедура повторилась. Всего было освобождено 26 пленников. И только тогда толпа отпустила посиневшего от холода и переживаний губернатора. Александр Борчанинов, сын убитого 10 июля на Вышке рабочего, сказал ему знаменательнейшие слова:

— Теперь вы будете иметь дело с боевой партией.

Толпа мало-помалу распалась. Одни бродили по улицам, наслаждаясь свободой сборищ, другие митинговали в Общественном саду, пробуя на вкус свободу слова, третьи собрались в театре.

Губернатора не стало ни видно, ни слышно, из его канцелярии не исходило никаких указаний. Песенка его была спета. С освобождением заключенных кончилась карьера одного из самых самодурственных пермских губернаторов, которого, впрочем, так и не утвердили в губернаторах, так он и проходил два с лишним года «исправляющим должность». После октябрьских событий Наумова некоторое время замещал вице-губернатор Стрижевский, а вскоре был прислан новый «и. д.» — ревностный царев служака Болотов.

А тем временем рабочее движение нарастало, крепло организационно, пролетариат осознавал свои силы.

Особенно чутким барометром политической погоды была молодежь. Она быстро воспринимала передовые идеи.

Володя Урасов к концу 1905 года сделался в училище и заметным, и уважаемым человеком. После манифеста 17 октября был создан ученический совет, куда вошли Леня Деменчук, Миша Соловьев и Володя Урасов. Большинство педагогов не умело разобратся в происходящих событиях; в несколько растерянных и расстроенных чувствах пребывал даже господин инспектор

Бояршинов. Поскольку его державный тезка сам император всея Руси Николай Александрович даровал свободу народу, не мог перечить манифесту и надворный советник Николай Александрович. Пользуясь всем этим, училищный совет действовал вполне легально.

Преподавателем, который лучше других разбирался в политической обстановке в России и в ситуации, создавшейся в Перми, оказался законный учитель Константин Колокольников.

На уроках предмет свой он совсем забросил. Торопливо задавал по учебнику «от сих до сих» и пускался в проникновенные и пламенные рассуждения о текущем моменте. И это были уже не беспочвенные мечтания о далекой и потому полумифической Новой Зеландии, наполовину измышлявшейся им самим, а искренние раздумья о судьбах России-матушки.

К тому времени в городе было организовано несколько нелегальных революционных кружков учащейся молодежи. Начал действовать такой кружок и во 2-м Екатерино-Петровском четырехклассном училище. В состав кружка входил училищный совет в полном составе и наиболее революционно настроенные старшекласники. Работу в нем вела Клавдия Кирсанова, член РСДРП еще с 1904 года. Здесь обсуждались самые последние события, школьный режим, рабочее движение в Европе; организовывались массовки учащихся в лесу за Ераничами, на которые собиралось человек по 40—70; изучались, а затем распространялись листовки, которые комитет РСДРП выпускал специально для учащихся. Листовки призывали присоединиться к всеобщему движению пролетариата за освобождение трудящихся масс от политического и экономического гнета.

Володе чрезвычайно много дали занятия в ученическом кружке и участие в массовках. По сути, он только теперь толком начинал разбираться в программах и тактических вопросах существующих партий. Большинство членов кружков, в том числе и Володя, приняли программу Российской социал-демократической рабочей партии.

Однако всемиловейшие слова о свободах так и остались словами. А в ноябре стало ясно, что и этим призрачным свободам приходит конец. На основании высочайшего повеления 24 ноября было опубликовано «Обязательное постановление об ограничении пользования огнестрельным оружием, порохом, динамитом и другими взрывчатыми веществами». По городу рысили казаки и ингуши в развевающихся бурках, которыми командовал подхорунжий Астраханкин. И все же рабочих это не обескураживало. Следуя призывам комитета РСДРП, они вооружались, как могли: изготавливали бомбы, ковали пики, шашки, ножи, железные трости, организовывали боевые дружины. Назревало вооруженное восстание.

Только об этом — о возможности вооруженного восстания, о казаках, об ингушах — и говорилось теперь на ежевечерних посиделках в мастерской Урасова.

— Ну, рабочие ножики делают, — сомневался Толкунов. — А как им, ножиком, вершего казака достанешь? Багры надо ладить. Багром — р-раз, уцепил его — и долой с коня. А уж без коня казак — не казак, с ним и кулаком управиться можно.

Мотырев, подсмеиваясь, предлагал свое:

— Вот скажите, почему кавказцы бурки носят? А по этому самому — от сабли. Попробуй-ка лупани полицейской сеledкой по бурке, она, как барабанная палочка, отскочит. Рабочему только бы от пули уберечься, а уж от шашки упасть и вовсе просто: надо под пальто войлоку наложить, тогда и шашка не страшна.

О вооруженном восстании 12 декабря в Мотовилихе Володя узнал еще в училище. Но с чего, где именно, как оно началось, в городе толком не знали. Говорили, будто рабочие остановили поезд какой-то и будто дружина мотовилихинского слесаря Лбова напала на керосиновый склад братьев Нобель и отобрала у всех охранников оружие. Мало еще чего знали, но никто не сомневался: началось.

Володя, донельзя возбужденный, прибежал до-

мой и обрадовался, что отца нет дома. На чердаке, где пылилось всякое старье, нашел кусок кошмы, полоски войлока. Из них выкроил толстые наплечники и сам весь обкрутился. Старенькое полупальто едва налезло на него. У отца испокон веку валялся старый шестизарядный револьвер без единого, впрочем, патрона к нему. Но какой же повстанец без оружия? Володя сунул пистолет за пояс штанов, а в карманы насыпал пороха и пуль.

В таком неуязвимом и неподступном виде он отправился в Мотовилиху, на помощь восставшим. Но не успел отойти от дома и на квартал, как повстречался с отцом.

— Ты это куда наладился?

— Да так... К ребятам.

Отец, приглядевшись к разбухшей фигуре сына, ошупав молодецкие его плечи, приказал:

— А ну-ка домой.

Дома, вдоволь нахохотавшись и слой за слоем обнимав с Володи доспехи, посерьезнел и сказал:

— Зелен ты еще для таких дел. Годок-другой погодить бы.

«А чего годить? — думал Володя. — Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что сыночек его состоит в подпольном революционном кружке. Погодить. Пока годишь, тут и восстание кончится».

Восстание и в самом деле было быстро и жестоко подавлено.

Начались репрессии.

Опираясь на царский указ от 29 ноября 1905 года, новый пермский губернатор Болотов 4 января 1906 года объявил все уездные города и крупные заводы губернии на положении чрезвычайной охраны. Введены были дополнительные войска, которые начали проводить карательные экспедиции.

Примечательна и такая заметочка, появившаяся в «Губернских ведомостях» 20 января: «Имевшие место за последнее время неоднократные нападения на чинов полиции и убийство этих последних указывает, что чины полиции при исполнении слу-

жебных обязанностей должны быть вооружены настолько, чтобы могли быть в состоянии отразить произведенное на них нападение. Вследствие сего предложено нач. полиций произвести осмотр оружия чинов полиции и пришедшее в негодность заменить новым, а также иметь наблюдение, чтобы револьверы чинов полиции были снабжены достаточным количеством патронов, а шашки отточены».

«Нападения на чинов полиции» — это дело дружинников, которые после разгрома вооруженного восстания вынуждены были скрываться в закамских лесах и объединялись теперь вокруг Лбова.

В начале 1906 года в Пермь приехал ревизор из министерства просвещения — не то князь, не то граф какой-то — инспектировать учебные заведения. Члены училищного совета повели агитацию во всех классах: на встрече ревизора, когда Бояршинов взмахнет смычком к началу песнопения, ни один чтобы рта не раскрыл.

Так и поступили. Князь, разгневанный, покинул училище. Вслед ему кричали «ура», а также, под шумок, созвучное «дурак».

Когда Володя похвастался Кирсановой, какую они обструкцию устроили ревизору, то получил от нее неожиданный нагоняй.

— Ну, и чего вы добились этой дурацкой своей обструкцией? Что вы продемонстрировали? Мальчишество на грани хулиганства. Теперь, конечно, кто-то пострадает. А ради чего? Кому какая от этого польза? Дело надо делать, настоящее дело, и дел таких у нас невпроворот — суток не хватает. А вы мальчишескуете.

Клава, как всегда, была права. И в первую голову пострадал сам Володя.

На другой же день Бояршинов вызвал родителей членов училищного совета — Деменчука и Урасова. Им предложено было воздействовать на сыновей таким образом, чтобы они отказались от всяческих противозаконных акций, выступлений и подстрекательств, чтобы не развращали других учеников. В противном случае — немедленное

исключение без права поступления в другие учебные заведения.

Отец передал Володе содержание разговора с инспектором.

— Вот так, — закончил он. — Или выходи из совета и молчи как рыба, или вылетишь из училища с волчьим билетом.

Володя запальчиво спросил:

— Но как же отказаться от собственных убеждений?

— Смотри, сынок, сам, если уж иначе не можешь. А только не вышло бы хуже.

Но не было у Володи ни капельки сомнения, что торжество реакции — временное, и его собственная незадача — тоже временная. Старик Мотырев так и сказал об этом:

— Все равно с воскресенья на субботу вспягу не поворотишь.

Володя-комиссар

У Александра Ивановича был знакомый заказчик с судомеханического завода братьев Каменских — мастер Сидоров. Его пригласили домой и, вопреки всему домашнему укладу, хозяин выставил щедрое угощение: кубастую бутылку зеленой полынной водки, прозрачно красную рябиновку да еще дешевенькое вино Тонченко. Сидоров ни одной бутылки не обошел вниманием.

Однако на заводе он оказался вовсе не таким всеильным, каким выглядел за урасовским столом. Сам он был мастером механического цеха, именно туда и метил устроиться Володя, но Сидорову с немалым трудом удалось впихнуть его лишь в котельную.

— Ведь важно за завод зацепиться, — успокаивал мастер, — а там, бог даст, продвинешься.

И Володя с шести утра до шести вечера стал подтаскивать раскаленные заклепки из горна к котлам. Чуть освоился, его засунули внутрь котла «глухарем»: удерживать заклепку, пока клепальщик колотит по ней снаружи. Звон и гуд рвал за-

ложенные тряпицами уши, плавал в голове и ногами, во сне. А платили двадцать копеек в день.

Завод ничем не был огорожен, рабочие хибары окружали его и даже забрели на заводскую территорию. К обеду под стены главного корпуса собирались торговки: приносили горячие щи в корчагах, кашу в чугунах, вареное мясо, яйца, квас, сбитень. А Володя от усталости и головокружения даже есть не мог в первые дни, только кипятил чай в горне.

Неделя через пять-шесть его перевели в литейку. Он считал, что адовой «глухариной» работы ничего на свете уже и быть не может. Однако литейный цех оказался и вовсе гиблым местом. Все здесь делали вручную. Только ковши с расплавленным металлом да самые тяжелые отливки таскали по цеху с помощью деревянного кра-укосины.

Двери и окна зимой и летом стояли настежь, и все же чад и гарь никогда не выветривались, рабочие угорали, то один, то другой валился наземь. Во дворе, рядом с литейкой, был прудишко, а скорее — просто лужа, затянутая зеленой ряской, откуда изредка брали воду для технических или пожарных надобностей. Иногда рабочий, не в силах добежать до Камы или до впадающей в нее в этом месте Данилихи, бултыхался прямо в замызганной робе в эту лужу, а потом украдкой отлеживался в тени под стеной — не дай бог узрит управляющий Гладышев. Сами-то хозяева братья Каменские сидели себе в своей конторе, в Москве на Маросейке, а для здешнего пароходства и судомеханического завода держали своих доверенных людей.

Володя насилиу выдюжил два ли, три ли месяца этой каторги, пока был переведен молотобойцем в кузнечный цех, уже на тридцатикопеечный заработок. В шестнадцать лет полсуток махать пудовым молотом — это тоже надо было выдерживать. Особенно мучался он первые три-четыре дня, когда дико болело все: поясница, плечи, ноги. Утрами приходилось по часу разламываться,

пока отпускает боли. Потом стало полегче — втянулся, окреп.

И только уж после всего этого сбылось, наконец, обещание Сидорова: Володя «продвинулся» учеником слесаря в механический цех на шестьдесят копеек в день.

Но, как это на первый взгляд ни покажется странным, хотя завод и отнимал у Володи большую часть суток, жил он совсем другими интересами.

Он все больше и больше втягивался в подпольно-революционную работу.

Особенно оживилась деятельность пермской партийной организации с конца января 1906 года, когда из Екатеринбурга приехали в Пермь Михайлыч и Ольга — Свердлов и его жена Новгородцева.

Свердлов организовал широкую сеть теоретических кружков. Вначале новичка проверяли: пользовались его адресом для конспиративной переписки, для явок, ночевки, хранения у него литературы. Проверив, новичка пускали на сходки, летучки, включали в состав кружка. Кружки низшего типа знакомили с азами политики, давали самые элементарные понятия о партии; средние — углубляли знания, там изучали политическую экономию, писали рефераты; в кружках высшего типа штудировали «Капитал» Маркса, здесь товарищи готовились к пропагандистской работе.

Именно на этот путь и вступил Володя. Зимой девятьсот пятого — девятьсот шестого он как бы проходил кандидатский стаж, практически показывая свою готовность и способность быть в рядах пролетарского авангарда.

Он продолжал встречаться с Клавдией Кирсановой. Это она рекомендовала молодого рабочего Пермскому комитету РСДРП как человека безусловно преданного делу рабочих, достаточно грамотного, пытливого, серьезного. От члена комитета Смородина — Богомаза, работавшего в багетно-иконописной мастерской Карякина, Володя получил две талонные книжечки. По одной проводился сбор средств на нужды партийной ор-

ганизации, по другой — для помощи «лесным братьям», так стали называть дружинников Александра Лбова. Дело это — сбор добровольных взносов — было не очень удобное и далеко не безопасное. Если рабочие довольно охотно жертвовали свои пятаки и гривенники, то вовсе не так охотно принимали расписки за свои взносы — талоны из чековой книжки с печатью комитета РСДРП. Стоило администрации или полиции обнаружить такой талончик у рабочего и — не меньше трех лет ссылки.

Естественно, Володя собирал пожертвования прежде всего у себя на заводе, а так как ему проще было сходиться со сверстниками, то они и стали его первыми и основными помощниками. Он подружился со слесарем Сашкой Королевым, Николаем Елисеевым, модельщиком Мишей Репниным. Потом завязал связи с Костей Верхованцевым с соседнего судостроительного завода А. И. Любимовой.

К Володе достаточно присмотрелись, достаточно его проверили, и летом 1906 года он был принят в члены РСДРП, а также в боевую дружину Пермского комитета. Было ему в ту пору шестнадцать лет.

Принадлежность свою к партии большевиков и к боевой дружине приходилось скрывать даже от отца, хотя отец вряд ли стал бы препятствовать. Он не особенно верил в успех и своевременность революции, не шибко разбирался в целях и задачах партии, но все же относился к ней очень уважительно. Кроме того, ему нравилось, что Володя, увлеченный «политикой», не тянется, как большинство его одногодков, к выпивкам, к гулянкам, к девчонкам.

До поры ничего не говорил Володя и друзьям — партийная дисциплина запрещала делиться с кем бы то ни было партийными тайнами.

Однажды его здорово подивил Колька Сосунчик. Как-то вечером он заявился к Урасовым малость подвыпивший. Из гостей в тот вечер было только старик Мотырев. Колька пришел по делу: заказать новые сапоги — самые дорогие, какие

только мог смастерить отец, двадцатидвухрублевые, офицерские, варшавской юфти с голенищами французского лака. И тут же заплатил задаток.

В. А. Урасов. 1906 г.

— И где это люди деньги берут? — неодобрительно подивился Мотырев.

— А это уж вовсе и не ваше дело, — петушливо ответил Сосунчик. — Хорошей жизни все хотят, даже ваши социалисты, а только что-то все не видать ее, пока, конечно, сам о себе не порадеешь.

— Сосунок — ты и есть Сосунок. Чего ты понимаешь о тех социалистах?

— А вот вы и расскажите, чего они хотят.

— Хотят, чтобы не тебе одному и не мне одному, а всем и каждому трудящемуся было хорошо.

— Когда? Когда рак на горе свистнет?

— Когда стаянутся все трудящиеся. Ведь богатеи-то, какие нашим трудом живы, — кучка малая. Вот объединятся все горемыки — и сковернут эту кучку. Не мы, так дети наши.

— Что ж, дело неплохое, — согласился Колька. — Да ведь улита едет, а мне-то сейчас жить охота. А детей, может, у меня вовсе и не будет. Но не отрицаюсь, дело стоящее в общем-то, и я рад посильно помогать. Вот вы — социалисты?

— Откуда ты взял?

— Сами же агитируете.

— Нет, сыно, нам до революционеров далеко, хотя, конечно, мы сочувственные.

«Уж не стал ли Колька полицейским осведомителем?» — тревожно подумал Володя.

— Ну, так вот, — Сосунчик выбросил на колене Мотырева ком смятых денег, — передайте это вашим сочувственным. Я знаю, им деньги нужны.

Тогда Володя спросил впрямую:

— Это краденые?

— А им не все равно? Деньги не пахнут.

— Нет, сыно, — посуровел Мотырев, — не все равно. Забери. Революцию делают чистыми руками.

— А ихние эксы? Грабят же, все знают.

— Хотя они и экспроприруют у богатых да у государства, я лично эти факты не одобряю.

Колька усмехнулся:

— Да ведь и я не через бедных живу.

Так в этой короткой перепалке с неожиданной стороны открылись Володе и старик Мотырев, и особенно Колька Сосунчик...

После подавления восстания активность полиции усилилась и численность ее весьма выросла. Раньше конная полиция насчитывала всего несколько человек, а теперь нельзя пройти по улицам, чтобы не наткнуться на конный патруль. Особенно опасны они были для загородных массовок — на Большой Язовой, на даче Мякотина, по Сибирскому тракту. Требовалась какая-то специальная охрана, чтобы оберегать участников массовок от разгона и избиения, от арестов. Боевая дружина чрезвычайно поредела после раз-

грома восстания, в городе осталось едва несколько десятков боевиков. Да и тех меньшевики требовали разоружить.

Тогда Пермский комитет РСДРП начал создавать специальную патрульную дружину, главной задачей которой являлась на первых порах именно охрана массовок. Дружина должна была состоять главным образом из молодежи, тянувшейся к революционному движению, но по молодости пока не допускавшейся к более серьезной партийной работе. Таким образом достигалась двоякая цель: патрульная дружина становилась и фильтром, и в то же время первым воспитателем молодых революционеров.

Вот тогда-то, одним из первых, непосредственно Пермским комитетом и был рекомендован в дружину Володя Урасов. Уже недели через две три наметилось ядро дружины, состоявшее из двенадцати—пятнадцати наиболее надежных молодых людей. Вскоре организация выросла до трех десятков. Основной этап формирования дружины можно было считать законченным.

Управление патрульной дружиной было полудемократическим, полувоенным. Демократизм сказывался в том, что начальник и его помощник избирались общим собранием дружины. Начальником был единогласно признан испытанный боевик токарь с завода пожарных машин Кузовникова Александр Жоров по кличке Матрос, а его заместителем избран Владимир Урасов. Взамен довольно безличного прозвища Володя-боевик он получил кличку Комиссар. Военный принцип управления дружиной выражался прежде всего в безоговорочном подчинении руководству и в интенсивном обучении стрельбе.

Дел было по горло. Дружинникам поручалось охранять ораторов на митингах, проверять квартиры — нет ли слежки за ответственными товарищами, выявлять провокаторов, охотиться за шпиками, наконец, выполнять функции рабочей милиции — противостоять черносотенцам.

Боевая дружина передала патрульной несколько разнокалиберных револьверов и две винтовки.

Разумеется, на всех не хватало. Ну, а что ты за охранник с голыми руками? Оружие надо было добывать самим. По согласованию с Кирсановой решили для начала заняться экспроприацией оружия у полицейских. Основным исполнителем стал Володя. Для помощи он брал то одного, то другого своего дружинника.

В то время Клава, сказавшись курсисткой фельдшерских курсов, поступила «попрактиковать» в Александровскую больницу. У нее был доступ к различным лекарствам. Она снабдила Володю сильнодействующим снотворным. А Володя, запасшись хорошим табаком Асмолова и гильзами Катыха, наготовил папирос с подмешанным в них порошком.

В первый раз отправились на экс (для краткости трудное слово «экспроприация» давно усеклось до «экса») вместе с Жоровым. Облюбовали полицейскую будку возле самой Сибирской заставы. Для страховки Жоров с револьвером в кармане прогуливался неподалеку, а Володя, проходя мимо полицейского, достал изящный портсигар и стал растерянно охлопывать себя по карманам. Тучный городской топтался в жиденькой тени, падавшей от будки. Форменная его рубаша намочила и потемнела под мышками. Через плечо болталась шашка с медным витым эфесом в черных ножнах, перехваченных светлыми колечками. По всей груди тянулся к револьверу оранжевый шнур.

— Спички забыл, — пробормотал как бы про себя Володя и обратился к постовому: — Не найдется ли у вас спички?

Городовой равнодушно оглядел парня и протянул коробок.

— А вы закурить не желаете?

Глаза стража оживились. Он взял папиросу и тут же с видимым удовольствием закурил.

— Да вы не стесняйтесь, одалживайтесь, — любезничал Володя. — Берите еще, скучно же тут одному торчать.

Городовой выщипнул из портсигара еще две папироски и в знак благодарности щедрому прохожему неуклюже щелкнул каблуками.

Прохожий гуляющей походкой последовал в сад напротив будки. Там они с Жоровым уселись на лавочку и стали наблюдать.

Полицейский вскоре зазевал. Видимо, чтобы разогнать навалившуюся дремоту, закурил вторую папиросу. Но сон все равно одолевал и, воровато оглянувшись, городской втиснулся в будку. Подождав еще немного, приятели подошли и заглянули внутрь. Постовой спал. Теперь уж не составляло труда обрезать шнур и достать из кобуры тяжелый «смитвессон».

Воодушевленные удачей, дружинники провели еще несколько подобных операций в разных концах города. Но долго это продолжаться не могло.

Полиция насторожилась и всполошилась. Как же так? Городовой засыпает на посту — и как раз в это время его обезоруживают. Каждый раз одинаково. И партийный комитет запретил этот способ приобретения оружия. Тем более, револьверы вскоре добыли другим путем и вся дружина так или иначе была вооружена.

Патрульная дружина постепенно расширялась. Володя ввел в нее Ваню Мотырева и, после некоторых колебаний, Пашку Толкунова. Другие приятели Володи — Костя Верхованцев, Виктор Зырянов, хотя официально членами дружины и не состояли, но активно помогали ему в некоторых делах. Виктор к тому времени работал учеником наборщика в типографии Заозерского. Партийная организация всегда остро нуждалась в шрифтах. Поэтому дружинники получили задание раздобыть их во что бы то ни стало. Урасов, Мотырев и Толкунов выполнили задание с помощью Зырянова — среди бела дня унесли из типографии целую кассу, заранее подготовленную Виктором.

И все же главным делом дружины оставалась охрана собраний, массовок, летучек, сходок.

Яков Свердлов

В то лето массовки проводились каждое воскресенье, каждый праздник, а таких праздников, так

изываемых «неприсутственных» дней, иной месяц оказывалось не меньше, чем воскресений. Например, в конце марта — начале апреля не работали десять дней подряд: страстная седмица, да пасха, да светлая седмица. Каждый из таких дней партия использовала для массовой работы. А по будням проходили внутривнутрипартийные собрания, которые надо было охранять от провалов не менее бдительно.

Хватало боевикам работы летом 1906 года!

О районе намечаемой массовой знали в дружине только двое — Жоров и Урасов, которые получали указания на неделю вперед непосредственно от кого-либо из членов городского комитета РСДРП. Свидания с представителем комитета проходили в магазине Агафурова или на Екатерининской в квартире студентов Михаила и Виктора Бернштейнов. Уславливались о том, где будут находиться пикеты, как их опознать, договаривались о паролях.

Особенно запомнилась Володе одна из массовок, на которой выступал Свердлов. Володя видел его и раньше — ранней весной на первой многолюдной массовой за Камой. Тогда Свердлов делал доклад о разгроме вооруженного восстания в Москве. И удивительное дело: говорил о поражении, а воспринималось это как призыв к действию. «Партия должна изучить опыт московского восстания, — говорил он, — отыскать новые формы организации боевых партийных сил. Одна из важнейших задач — техническое вооружение революции. Опыт показал, что с самодельной бомбой да с берданочкой против регулярных войск не попереть. И что не менее важно — вести пропагандистскую работу среди солдат. Солдаты — это вчерашние крестьяне, вчерашние рабочие. Мы должны убедить их не стрелять в братьев».

Боевая организация партии, во главе которой встал Рыжий — Яков Фейгин, в том числе и боевая патрульная дружина, создавались именно по инициативе Свердлова.

Сегодняшняя массовка была назначена на третьей версте от города по Сибирскому тракту.

Место Володя с Жоровым выбрали заранее — в густом ельнике, перемеженном пихтами и березами, под косогором. Исследовали все тропинки — откуда идут и куда выводят. Разметили места для открытых пикетов. А на случай, если полиция все же обнаружит это место, подготовили запасное — на шестой версте. И только накануне воскресного дня собрали дружинников, распределили обязанности, сообщили о месте и времени собрания, проинструктировали о паролях, о способах сигнализации.

С утра в день массовой Жоров и Володя отправились расставлять посты. Первый, «головной» пикет был на тракте; на виду у прохожих стал прохаживаться парень в дачной панаме и с тростью через плечо. Всяк посвященный должен был спросить у него: «Белый медведь не проходил?» На что постовой обязан ответить: «Медведя не видел, а змея верхом проехала». Чем нелепее пароль, тем лучше: запомнить его легко, а разгадать, не зная, невозможно. Головной пикетчик направлял участника массовой к следующему пикету, уже в лесу. Там на лужайке двое лениво перебрашивались в картиншки. Пропуск и отзыв для этого пикета: «Зачем зайца продырявили? — Да он уже латаный». Кроме того, разместили еще и «кукушек» — тайных пикетчиков. Они устроились на деревьях да на взгорбках, откуда хорошо видно окрест.

Массовка назначена была на десять утра, но участники начали собираться раньше — уж хорошо было в этот день за городом и каждому хотелось сочетать приятное с полезным: не только послушать Михалыча, но и вволю надышаться лесным воздухом после заводской копоти или конторской духоты.

Одним из первых появился Свердлов в сопровождении своего телохранителя Саши Трофимова. Володя даже не сразу признал его. В тот раз, весной, Михалыч был небритый, в задрипанной студенческой шинелишке — он и прибыл в Пермь с паспортом на имя петербургского студента Льва Герца. Теперь Володя увидел щеголя в белоснеж-

ной рубашке со стоячим воротничком, с накрахмаленными манжетами. Лицо было чисто выбрито, только небольшие темные усики оставлены. Шляпу он нес в руке, и ветерок колыхал черные волнистые волосы. Глаза у него были узкие, да он их еще прищуривал по привычке всех близоруких. От этого взгляд становился еще пронзительнее, а веселый посверк пенсне придавал лицу задорно-боевое выражение.

Только теперь, на этой солнечной, буйно зеленой поляне Володя разглядел, как молод знаменитый революционер — ему не больше двадцати. Но всего поразительнее был голос. Вот про носатых говорят: бог семерым нес, да одному досталось. У Свердлова нос был широковатый, но вполне нормальный. И вообще, сложение худощавое, если не сказать — щупловатое. Зато уж голосище — не то что семерых, семьдесят орущих перекроет.

Народу все прибывало. Голос Свердлова слышался то в одной группе, то в другой.

Пришел послушать сегодняшнего оратора и Александр Лбов с несколькими сподвижниками. Володя вспомнил, что уже видел его: это тот самый мужик, похожий на Пугачева, который прошлой осенью, когда демонстранты, прихватив губернатора, шли освобождать заключенных, снисходительно утешал Наумова: «Ништо, ваше превосходительство, похлюпай и ты без галош». Тогда Володя не знал, что это и был Лбов. Он со своими «лесными братьями» — первым Пермским революционно-партизанским отрядом — только теперь начал входить в славу.

Если ранней весной «на Михалыча» за Каму собралось всего несколько десятков слушателей, то сейчас насчитывалось уже не меньше трех сотен. Пора было начинать.

Жоров сидел в штабном шалашике охраны, поэтому Володя отправился проверить цепочку постов. Открытые посты теперь уже можно было снимать, всем, кому надо, путь указан, сейчас у них другая задача: наблюдать за дальними подступами к поляне. Везде было пока нормально.

Я. М. Свердлов.

Володя вернулся на поляну, чтобы послушать Свердлова. И не успел еще уловить смысла его речи, как увидел Жорова. Обычно кто-нибудь из них — Жоров или Урасов — обязательно находились в штабе: при малейшей тревоге сигналы поступали туда. А тут, оказывается, в штабе пусто. И эта оплошность дорого стоила. Один из пикетчиков, не обнаружив никого в штабе, прибежал прямо на поляну и — нет, чтобы подойти да прошептать на ухо — еще издали закричал Жорову:

— Конники!

Ничего страшного не было: наряд конной полиции заблаговременно попал под наблюдение пикетов. Теперь пикетчики будут следить за ним, пока не возникнет реальной опасности. Будь кто-

нибудь в штабе или передай этот неопытный дружинник свое сообщение незаметно, все было бы очень спокойно и просто. Но участники собрания ничего такого не знали, панический возглас пикетчика заставлял думать, что полиция уже рядом.

— Стой, стой!.. Ошибка!.. — кричали Жоров и Урасов, но их голоса тонули в гомоне всполошенной толпы.

Тогда раздался могучий, но совершенно спокойный голос Свердлова, перекрывший всех:

— Стойте же! Вам говорят — тревога ложная, никакой полиции нет!

Только благодаря спокойствию Свердлова вернулось спокойствие и к толпе. А те, кто успел разбежаться, убедились, что полиции и в самом деле не видно, и тоже, смущенно похехатывая, возвращались на прежние места.

— Я продолжаю! — объявил Свердлов и без напряжения, по-прежнему мощно и ровно начал с той же мысли, на которой прервался.

Жоров бросился по цепочке пикетов, а Володя — в штаб.

Опасность все же была. Из города рысил довольно большой отряд конной полиции. Жоров еще не особенно беспокоился: обыкновенно конники боялись углубляться в лес. Но на этот раз, подъехав к месту, где был головной пост, они начали спешиваться. Видимо, не обошлось без наводчика-provokatora. Жоров не стал ждать дальнейших действий полиции, поспешил в штаб, по пути снимая все пикеты.

Теперь уже все обошлось без паники. Особыми сигналами — липовыми детскими свистульками и детскими же фанерными трещотками — были вызваны к штабу все скрытые «кукушки». Их тотчас выслали навстречу полицейским — следить за каждым шагом.

Володя отозвал в сторону организатора массовки и объяснил положение. Тот, воспользовавшись паузой в речи оратора, тронул его за рукав. Свердлов недовольно обернулся. Потом объявил:

— Товарищи! Придется сделать небольшой перерыв и погулять по лесу. Ничего опасного не предвидится, но осторожность не повредит.

Участники массовки поднимались спокойно, не забывая даже отряхнуть пиджаки, брюки. С шуточками, с песенками, с пересмехом двинулись вслед за Урасовым на запасное место — на шестую версту. Урасов обеспечил авангард, Жоров отвечал за арьергард. Все было продумано на подобный случай, и провал практически исключался.

Так оно и было. Полицейские добрались-таки до цели, но на поляне нашли только примятую траву, окурки, конфетные обертки. Обшарили весь окрестный лес, но кроме оброненной карты «шестерки» ничего не обнаружили.

А собрание благополучно продолжалось на новом месте.

Александр Лбов

Реакция все туже стягивала петлю на горле революции. В июне в Перми снова начались массовые провалы и аресты. В ночь на десятое разгромлена подпольная типография на Монастырской. В тот же день на квартире ученика реального училища Касьянова обнаружена лаборатория по изготовлению бомб. Десятого схвачены Клавдия Кирсанова, Яков Фейгин и некоторые другие. На следующий день выслезены и взяты прямо на улице Свердлов и Новгородцева. В результате за решетку угодил почти весь состав комитета и наиболее активные члены партии. Против них был сколочен судебный процесс «Дело о Пермском комитете РСДРП», по которому привлекалось 53 человека.

Новый полицмейстер Соколов, сменивший в этой должности Какорина, а также начальник охранного отделения ротмистр Самойленко-Манджаро торжествовали победу.

Реакция наступала широким фронтом по всей стране. Главой правительства стал один из самых

жестоких и мрачных людей за всю историю России — Столыпин.

Выступления рабочих становились все реже. На какое-то время наступило затишье и в Перми. Плеханов бросил крылатую фразу: «Зачем было братья за оружие?» И меньшевики дружно подхватили ее. К тому же и IV объединительный съезд РСДРП избрал Центральный Комитет почти сплошь меньшевистский. Этот ЦК требовал прекратить всяческие партизанские выступления, террористические акты и экспроприации. Поэтому все предложения пермских боевиков об активных действиях натывались на сопротивление Пермского комитета партии. Комитет под нажимом меньшевиков принял даже официальное решение о временном роспуске боевой дружины. Но большая группа, объединившаяся вокруг Кости — Александра Микова, не подчинилась требованию комитета, а продолжала действовать на свой страх и риск.

Клавдия Кирсанова, просидевшая в тюрьме всего три месяца и выпущенная «за недостаточностью улик», тоже не подчинилась решению комитета. Она поддерживала мысль Свердлова о совершенной необходимости «технического вооружения революции», верила, что вооруженное восстание неизбежно, что боевики еще понадобятся. Свердлов полностью одобрил Кирсанову и находил способ даже из тюрьмы руководить ею. Но 12 октября Свердлова, Туркина, Латышева и многих других — около ста человек — перевели в Николаевские арестантские роты в Верхотурском уезде — наиболее страшную на Урале тюрьму. Начальство боялось, чтобы рабочие снова, как год назад, не освободили заключенных. Связь Кирсановой со Свердловым прервалась. До ареста Михалыча она была его помощницей по военной работе, теперь же стала фактической руководительницей, целиком отдавшись организации кружков среди солдат.

Среди не подчинившихся решению меньшевистского комитета, кроме Кирсановой и группы Микова, оказался, разумеется, и Александр Лбов.

Он и вообще-то мало зависел от комитета, с которым был связан, пожалуй, через одну лишь Кирсанову. Лбов был беспартийный и в свою дружину принимал любого, кто ненавидел самодержавие. Был он к тому же почти неграмотный, в политике тоже разбирался плохо. Лбов стоял за революцию «вообще». Но человек он был честный, храбрый, беззаветно преданный делу борьбы с царизмом. Да и поддержать дисциплину в разношерстном отряде своим умел, сам был непьющий и даже некурящий. Володя дважды сопровождал в пригайвинский лес, где укрывались «лесные братья», Клаву Кирсанову. Они тогда относили деньги, собранные по талонным книжкам, патроны и кое-какие медикаменты.

Была у него и еще одна встреча с Александром Лбовым — уже поздней осенью.

Володя был вынужден подчиниться решению Пермского комитета и формально выбыл из состава боевой дружины, хотя в патрульной дружине по-прежнему оставался заместителем начальника. А потихоньку, вместе с Клавой, они и патрульную дружину превращали в настоящую боевую: все так же занимались стрельбами на Егошихе и политической учебой. Оружие и боеприпасы после роспуска боевиков сосредоточились в нескольких руках. В том числе был склад и у Володи. Винтовки и револьверы он до лучших времен рискнул спрятать дома. А динамитные патроны разложил на своей кровати, под матрасом. Матрац был жиденький и ночами Володя лежал, как на чужих костях. На заводе-то умаешься да еще и дома не выспишься. Ночь не спит, две не спит, ворочается да поохивает. Отец заметил неладное. И вот говорит однажды:

— Ты зачем же от отца скрываешь? Или я враг тебе?

Пришлось Володе признаться: вот-де, товарищи дали на сохранение — уберечь бы как-то.

Вместе с отцом они выкопали отличный тайник в сараюшке, обложили его досками, прикопали, навалили поленицу дров — ни одна полицейская ищейка не унюхает.

И вот о том, что у Комиссара есть динамит, вызнал — то ли через комитет, то ли еще каким путем — лбовец Михаил Шитов (Миша Беленький) и, видимо, доложил самому Лбову.

Володя уже укладывался спать, когда прибежал посыльный мальчишка сказать, что его по важному делу ждут на квартире у Шитова. Володя сказал «ладно» и стал одеваться. Жил Шитов неподалеку, сбегать не велик труд.

Первым, кого увидел Володя в комнате у Шитовых, был Александр Михайлович Лбов. На Заимке он гостевал, вроде бы, впервые. Раньше появлялся ненастными ночами в своей Мотовилихе либо выходил на какую-нибудь загородную массовку. Сейчас Лбову никак нельзя было дать его тридцати лет. Он был в засаленной и порядком обтрепанной одежде, пахнувшей костром и сырым мохом, заросший до глаз и очень печальный. Володя, пожимая его руку, сразу проникся острым сочувствием. Видно, вовсе плохи дела «лесных братьев». Володя вон много ли пробежал по улице, так до сей поры передергивается от холодной мокрости, а те ночуют где-то под деревьями. А на носу зима, и у людей ни одежды, ни обуви справной, ни харчей нет в достатке. Помощь как деньгами, так и боеприпасами сильно сократилась, связи с городом тоже пошли на убыль. Рабочие, хотя еще и сочувствовали ему, но уже видели, что проку от лбовцев немного, а вот беды через них приходят не в пример ощутимее. Улицы кого полиция в связях с «лесными братьями», тут тебе и каторга. Только и надежды у лбовцев — экспроприации: что добыли, тем и сыты. И вера в близкое вооруженное восстание тоже пошатнулась.

Все это ни в какую логическую связь, ни в какие умозаключения у Володи не отлилось, а так — почувствовалось порывом.

Сели на лавку.

— Чуешь, товарищ, — сразу начал Лбов, кладя тяжелую руку кулачного бойца на Володино плечо. — Динамит нам надобен позарез. Динамит — и хлеб наш, и обужа-одежа. Выручай.

И опять пронизало душу острым сочувствием к этому, видно, очень хорошему и очень несчастливому человеку. Да разве ж он чего не понимает? Его бы воля — возьми ты и динамит, и оружие впридачу, если оно в помощь... Но должно же быть что-то высшее в отношениях между людьми, посветившими свою жизнь одному делу — революции.

— Ведь мне партийный комитет доверил, — хмуро проговорил Володя. И с болью отрубил: — Нет, Александр Михайлович, не могу.

Лбов покатал желваками на заросших скулах и принял руку с Володиного плеча.

— Твердо?

Володя развел руками и бессильно бросил их на колени, сгорбился.

А Лбов вдруг повеселел и крепко хлопнул его по шее.

— Ну да и черт с тобой, Комиссар! Взял бы я динамит — и напрочь думать о тебе забыл. А вот не уступил ты, и вижу: есть еще в нашем полку стоящие человеки. Не быть худу без добра. Значит, еще повоею, даже и без динамита. Повоею, а, Комиссар?

Володя, хоть и улынулся Лбову, но на душе у него кошки скребли.

— Ладно, прощай, Комиссар. Где увидимся — рад буду.

Но увидеться им было не суждено.

Перед арестом

Краткое безвременье в жизни партийной организации кончилось в августе.

После ареста Свердлова и Новгородцевой, уже в тюрьме, Клавдия Тимофеевна передала Якову Михайловичу записку: «Написала Фрею (тогдашний псевдоним В. И. Ленина) о погроме, о том, чтобы послали работника-большевика».

Этим работником был Артем — Федор Андреевич Сергеев, делегат Стокгольмского IV съезда РСДРП. Он приехал в августе 1906 года и сра-

зу же окунулся в работу. По его инициативе комитет был немедленно обновлен, влияние большевиков стало преобладающим.

Володя впервые увидел Артема на массовке за Камой. Там было особенно удобное место: полиция просто не имела возможности застать врасплох, так как стоило ей начать переправу на левом берегу, на правом сразу все становилось известно — ведь на воде спрятаться негде. И у товарищей всегда было время разбрестись по одному или вместе скорониться в безопасном месте. Опасаться приходилось только переодетых филеров, но уж кто-кто, а дружинники Жорова и Урасова знали их, как облупленных. Да если и незнакомый шпик появлялся, ему, не зная паролей, невозможно было проникнуть сквозь плотный фильтр пикетов. Единственной реальной угрозой провала оставались провокаторы. Уберечься от них, при всей бдительности, удавалось не всегда. Не обошлось без происшествий и на этот раз.

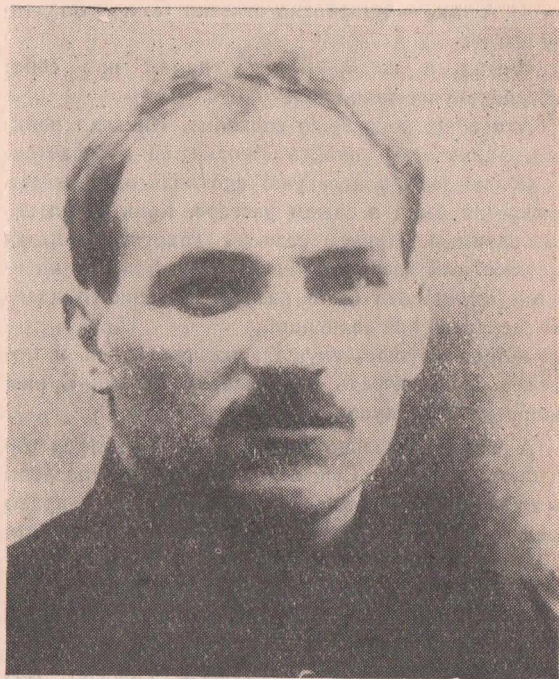
Сначала шло все как обычно: выбрано основное место массовки, подготовлено запасное, выставлены пикеты. Из Мотовилихи, из города через Каму устремилось множество лодок, люди в них — с гармошками, с балалайками, с рыбачьими снастями, с корзинами провизии и бутылок. Гулять народ двинулся — поди придержи. Конечно, полицию не проведешь, ученая стала: привыкла, что в это лето ни одно воскресенье не обошлось без массовок, да как разберешь — кто на массовку, а кто и верно на гулянку.

Собралось на этот раз опять человек триста, но публика самая разношерстная — большевики, меньшевики, эсеры, анархисты. Предполагался диспут между социал-демократами и социалистами-революционерами по аграрному вопросу.

Артем оказался человеком на редкость простым в обращении да и выглядел простолюдином — высокий, широкоплечий, в голубой косоворотке навыпуск, в смазных сапогах — деревенский парень да и только. Лишь не по-деревенски заломленная кепка указывала на причастность к

городу. Благожелательный взгляд и добродушная улыбка сразу располагали к нему.

Прежде чем начался диспут, Артем рассказал о съезде и об отношении к нему большевиков.

Артем (Ф. А. Сергеев).

Вечерело. В лучах заходящего солнца сияли на городском берегу купола церквей. Свежо и горько пахло осиновым подкорьем от гниющих на отмели бревен. По-самоварному пыхтел и звонко шлепал плицами по воде бежавший из Левшино буксиришко. Володя проверял прибрежные пикеты. Задержался у поста Шимульского. В дружине он был новичком, получил кличку Пан, потому что был сыном поляка, участвовавшего в польском восстании 1863 года и сосланного в Сибирь. После амнистии 1881 года отца освободили. Он осел в Перми, женился. Восемнадцатилетний сын

его — Пан — работал в главных железнодорожных мастерских. Ему пока не особенно доверяли — проходил испытание. Когда Володя подошел к нему, он стаскивал в кучу хворост.

— Ты это для чего?

— А так, — беззаботно ответил Пан. — Вальать-ся мягче.

Шагая в штаб, Володя думал про себя: «Странный все-таки тип».

А вообще пока было спокойно. Никакая полиция, видимо, беспокоить сегодня не собирается.

Основные доклады уже окончились, и теперь дискуссия была в самом разгаре. Крик стоял невообразимый. Причем самыми сокрушительными аргументами эсеров были ругательства, за которыми трудновато было разобрать какие-то идейно-теоретические концепции.

Жоров слушал, слушал, махнул рукой и пошел в свою очередь на проверку постов. С ним напросился Толкунов.

А через несколько минут — вдруг выстрел откуда-то с поста. Существовало много способов сигнализации, но выстрел пикетчик имел право сделать лишь в случае самой крайней опасности.

Володя бросился в ту сторону. Он уже предчувствовал, что это на посту Шимильского. Так и оказалось. Здесь ярко пылал костер, вокруг толпились встревоженные дружинники.

— Что случилось? — задыхаясь, спросил Володя.

— Да так, — успокоил Жоров. — По-моему, недоразумение. Потом разберемся. Давайте по своим местам, товарищи.

Костер разбросали и затоптали.

— Понимаешь? — рассказывал по дороге в штаб Жоров. — Иду, смотрю — костер палит. Подхожу, у него смит в руках. Зачем, спрашиваю, костер зажег? «Да так, говорит, веселее с огоньком». Что тут, думаю, сигнализирует кому или в самом деле просто так? А он смит ко мне тянет. «Знаете, товарищ Матрос, говорит, этот револьвер не стреляет». И нажал собачку. А пуля у меня под мышкой шмыгнула — вон, видишь? Пан

побледнел и смит свой выронил. Толкунов стукнул его по башке, ну а тут и вы сбежались. Вот и гадай — дурак или провокатор? Вроде бы, и провокаторы такие дурные еще не попадались. Я Толкунову шепнул, чтобы последил, не дал удрать.

Потом, когда собрание закончилось и участники его, уже в полной темноте, стали разъезжаться, Жоров, Володя, Пашка и с десятка рабочих железнодорожных мастерских обступили перепуганного Пана.

— Ну, признавайся во всем, не то живым отсюда не выберешься.

Пан захныкал:

— Да возьмите вы тот смит, и совсем он мне не нужен.

Кто-то ухватил его за шиворот, поднял с земли, встряхнул. Но Пан выскользнул из пиджака и стриганул в лес.

В кармане пиджака обнаружили записную книжку, которая полностью изобличала его как провокатора.

К осени сторожевая служба дружины была окончена — в ненастье массовки уже не проводились. Дружинники занялись распространением нелегальной литературы. Кроме того, Володя предложил организовать теоретическую учебу для молодых рабочих Заимки. Кружков в ту пору в городе и в Мотовилихе было немало, большой приток людей в них вызывали те же массовки. Отпечатана была даже специальная «Программа занятий с кружками, выработанная коллегией пропагандистов при Пермском комитете РСДРП».

Комитет поддержал Володино предложение и выделил для руководства кружком двух пропагандистов: Арсения — Анемподиста Михайлова и Лизу — Бину Зильберберг. Местом занятий выбрали квартиру Урасовых. Сюда часто приходили заказчики, по вечерам собирались знакомые, поэтому даже ближайшие соседи не могли бы ничего заподозрить, когда видели незнакомых людей, входивших в дом Урасовых. Впрочем, незнакомых было не так уж много. Кружок посеща-

ли почти все приятели Володиного детства: Ваня Мотырев, Пашка Толкунов, Виктор Зырянов, Ваня Фирулев. Приходил Костя Верхованцев с завода Любимовой, приводил с собой других любительских ребят. Появлялись и Володины товарищи по заводу Каменских — Александр Ковалев, Михаил Репнин, Николай Елисеев. Набиралось каждый раз человек по двадцать — тридцать.

Анемподиста Михайлова Володя знал давно, он жил неподалеку: Урасовы на Большой Ямской, 123, а Михайловы на той же Ямской, 90. В семье у них было пятеро детей и все, кроме самой младшей, оказались причастными к революционной деятельности, являлись активными членами Пермского комитета. Анемподист был лет на пять старше Володи, и о близком приятельстве между ними, разумеется, не могло быть речи. Дом Михайловых был как бы чумной для обывателей Большой Ямской: вечно там то обыск, то арест. Даже Володина бабка, бывало, говаривала: «Ох, не выйдет из вас, сорванцов, проку. Ох, насидитесь по тюрьмам, как те Михайловы».

В те времена Анемподист был молодым и веселым юношей с крупными чертами бритого лица, на котором чужеродными выглядели маленькие «разночинские» очки в стальной оправе. Он приходил, отряхивал от дождя или от пыли фуражку, сбрасывал шинель и сразу спрашивал: «Начнем, пожалуй?» Вначале он кратко и точно отвечал на вопросы, которые возникали у кружковцев после самостоятельного чтения той или иной брошюры. Потом переходил к главному: чтению и разбору очередной книжки. А книги и брошюры были такие: «Что делать?», которая появилась в Перми впервые еще в 1902 году, «Жизнь европейских народов», «Современный анархизм», «Классовые интересы, партия и класс», «Наши цели», «Как выбирать народных представителей», где речь шла о предстоящих выборах во II Государственную думу.

Володя теперь с улыбкой и даже с некоторым стыдом вспоминал свое увлечение какими-то «Пещерами Лейхтвейса». Арсений, растолковывая,

расширяя, конкретизируя содержание материала, умел самое трудное отвлеченно-теоретическое рассуждение облечь в вещную, наглядную форму, умел разъяснить не только понятно, но и образно, поэтично.

Впрочем, заинтересовать и увлечь слушателей умела и энергичная, целеустремленная Бина. Она уже многое испытала на своем восемнадцатилетнем «веку». Шрам от драгунской шашки, полученный во время разгона демонстрации в Житомире, не могли целиком скрыть даже ее пышные черные волосы. В ней жила великая сила убежденности в правоте своего дела, вера, опирающаяся на глубокие знания. Бина не только делилась обширными своими познаниями в области марксистской теории, но и заражала слушателей неистребимой верой в торжество революции.

Однако кружок просуществовал недолго: 16 января 1907 года за распространение прокламаций в городском театре Володя Урасов с товарищами был арестован.

Колька Сосунчик

И первый знакомый, которого он встретил, когда их перевели из полицейской части в губернскую тюрьму, был Колька Сосунчик. Тот пребывал здесь в немаловажной должности хлебореза и пользовался почти неограниченной свободой внутри тюрьмы — кухня, больница, контора, новый и старый корпуса и даже изолированная, с отдельным прогулочным двором, башня. Он был вечно на бегу, Сосунчик. На бегу же шепнул Володе во время прогулки:

— Если вашим чего надо — записку передать, хлеба кому подкинуть, — моргни, мигом облажу.

Но первое время Володя все же опасался: ведь Сосунчика он, в сущности, не видел много лет — не знал, чем он жил, о чем думал.

Двор тюрьмы был разгорожен на несколько отсеков, в каждом гуляла своя группа арестантов. Но определенной последовательности в пользовании отсеками не было: сегодня выходили на

прогулку в один отсек, завтра в другой, причем группы из разных камер тоже не были постоянными, все время перетасовывались. Это было удобно для общения: внутритюремные или полученные с воли новости быстро распространялись по всей тюрьме. В центре двора, где сходились стены отсеков, торчала вышка. Таким образом один часовой мог наблюдать за всем двором сразу. Но он, конечно, не крутился беспрестанно, и пока стоял спиной к тому или другому отсеку, заключенные успевали многое сделать.

Хотя заключенных непрерывно то отправляли в ссылку, то освобождали за недостаточностью улики, тюрьма все равно была переполнена еще со времени разгрома вооруженного восстания. Одиночек не хватало, прежней строгой изоляции тюремщики не соблюдали, по категориям преступников почти не делили, а просто напихивали в камеру, сколько влезет. И все время прибывали новые арестованные.

Оказался в тюрьме и Анемподист Михайлов. В ту пору в заключении находилось много хорошо подготовленных марксистов, которые использовали вынужденный отрыв от практических дел для самообразования и обучения молодежи. С утра до ночи не утихали ожесточенные споры, ведь зачастую в одной камере сходились самые разные люди: большевик и эсер, интеллигент и рабочий. Рассказывали, что Свердлов читывал целые лекции из окна своей камеры, и его громовой голос слышали во всех других камерах, окна которых выходили во внутренний двор.

В четвертой камере, где сидел Урасов со своими дружинниками и куда водворили Михайлова, учеба сразу же развернулась полным ходом. Рассказы Анемподиста жадно слушали боевики, угонившие в тюрьму за связь с Лбовым, молодые рабочие, а когда улучшалась удобная минутка у Сосунчика, прибежал и он. Теперь его уже не опасались и частенько пользовались Колькиными услугами для передачи записок или устных сообщений. Он слушал Михайлова, по-воробыиному склоняя голову и сосредоточенно насыщая па-

лец — даже здесь не отучился от детской привычки.

Но особенно поразился Володя, когда вдруг увидел на прогулке старика Мотырева, в тюремном бушлате, в котях. Как он-то здесь?

Раза два-три им удалось поговорить на прогулках. Старик рассказал свою историю. Впрочем, тут и рассказывать-то было почти нечего. В железнодорожных мастерских случилась забастовка не забастовка, а так — брожение. Однако в сборочный цех вызваны были жандармы и явился сам начальник мастерских Владимир Адамович Шостаковский. Собрались у ремонтной канавы — по одну сторону начальство и жандармы, по другую рабочие. Мотырев только и бухнул сиплым своим басом:

— Вы, дьяволы, кур да рябчиков жрете, а у нас и сухарей не осталось.

Этого оказалось достаточно, чтобы его обвинили в подстрекательстве и вместе с двумя другими рабочими упекли в тюрьму. А старик был совсем больной: посерел, обрюзг, все время держался за сердце и ногти на руках были синие, будто отбитые молотком...

На воле Володя так и не успел узнать о дне, намеченном для побега Трофимова, Глухих и Меньшикова. Он узнал об этом уже здесь совершенно неожиданно. В тот вечер, 10 февраля, тюрьма всполошилась от выстрелов и взрывов бомб. Но лишь наутро стало известно, в чем дело. У смертников все было готово к побегу. Кирсанова уже подала условный сигнал из дома на Вознесенской, который был виден из окна камеры: на воле готовы принять беглецов. Но их выдал башенный ламповщик — уголовник, в обязанности которого входило заправлять пятилинейные лампы керосином и вовремя зажигать и гасить их. Обнаружив намерения заключенных, он поднял тревогу. По лестницам, по коридору загрохотали сапоги, перепуганный, прибежал сам начальник тюрьмы Гумберт. Боевиков нещадно избили прикладами, искололи штыками и в бессознательном состоянии бросили в тюремную больницу.

О провале побега узнала вся тюрьма. Когда прибыл прокурор, для переговоров с ним заключенные избрали делегатов: большевика Михайлова и эсера Кувшинского. Они потребовали привлечь к судебной ответственности надзирателей во главе с Гумбертом за то, что истязали безоружных, уже не сопротивлявшихся беглецов.

Дерзостью задуманного плана восхищались даже уголовники и всячески поносили предателя. Ламповщик, опасаясь расправы, отсиживался в конторе. Колька Сосунчик, узнав об этом, совершенно рассвирепел, схватил свой хлебoreзный нож и, ворвавшись в контору, у всех на глазах вспорол живот предателю...

Кольку Сосунчика — его настоящая фамилия была Березин — повесили прямо в тюремной ограде. Он шел к виселице угрюмый, враз исхудавший, овзрослевший. Руки были связаны сзади и он, видимо, страдал от этого — все кривил плечи, стараясь освободиться от пут: для сосредоточения мысли ему не хватало пальца во рту. Батюшку, отца Андрея Знаменского, подошедшего к нему с крестом, он обложил «по матушке». Он будто стыдился всей этой нелепой процедуры и спешил умереть. Едва закинули петлю на шею, Колька лягнул пяткой палача и сам прыгнул с чурбака, закачался жутко и широко, как на качелях. Палач ногой откатил чурбак...

К смертной казни через повешение приговорили и неудачливых беглецов — расстреля для политических не полагалось. Лишь месяц спустя после вынесения приговора главнокомандующий Казанским военным округом заменил «вешалку» каторгой — по пятнадцати лет на брата...

Тюремная «почта» работала отменно, политические заключенные о самых крупных событиях на воле узнавали своевременно и подробно.

Таким крупным событием были выборы в Думу второго созыва, назначенные на февраль 1907 года. Всего от Пермской губернии было избрано тринадцать делегатов, из них трое рабочих и все — большевики: А. А. Шапин, А. Е. Петров и В. А. Чашин. Володя немало подивился, когда

узнал, что в депутаты прошел и сторонник партии эсеров священнослужитель Константин Александрович Колокольников.

14 февраля депутатов провожали на вокзале. И митинг при проходах оказался последним массовым революционным выступлением в Перми.

Весной прокатилась новая волна арестов. В тюрьме оказались Маня Загуменных, Бина Зильберберг, Анатолий Семченко, Ольга Двинянинова и другие. В комнате Бины полицейские обнаружили 1145 брошюр политического содержания. Но самое главное, 17 марта был арестован и руководитель пермских большевиков Артем.

Вначале он сидел в общей камере нового корпуса, но вскоре его изолировали в башне. Однако связи с ним не порывались. Окно уборной больницы корпуса выходило на башенный прогулочный двор. Во время прогулок оттуда можно было не только наблюдать за Артемом, но и перекинуться словечком, а уж потом его «словечко» распространялось по всей тюрьме. Первое, что выдумал Артем, это обриться наголо, а из волос сделать мяч. С этим мячом, по-мальчишески хохоча, носились они во время прогулок.

— Что делать? — говорил Артем. — Раз уж попали на этот курорт, надо и за здоровьем последить. К тому же цирюльник бесплатный.

А в апреле наконец состоялся суд по делу распространения листовок в городском театре. Первый месяц, пока велось следствие, никому из боевой пятерки не разрешалось свиданий. Зато потом дважды в неделю — по средам и воскресеньям — кто-нибудь обязательно приходил с передачами: Александр Иванович, Сережка с Витюшкой, портной Жоров, Тимоха Толкунов. В «свиданной» комнате, разделенной пополам решетчатым коридором, гвалт стоял невообразимый, и было трудно толком поговорить. Но даже и такие свидания доставляли много радости заключенным. Александр Иванович приходил всегда нарядный и какой-то торжественный. Володя чувствовал, что он не только не осуждает сына, а даже гордится им втайне: сын выбрал не самую

худую дорогу. Ну, а о братишках и говорить нечего, старший брат — кумир их.

А Тимоха Толкунов, подвыпивший, как всегда теперь, орал в лицо надзирателю:

— Сын весь в меня пошел. Я сызмала был сицилистом!

Хмурый и подавленный в первые дни, после допросов постепенно пришел в себя, «отутювел», как он выражался, Пашка Толкунов. Он опять стал по-всегдашнему грубо насмешливый, нетерпеливо взбалмошный и дерзкий, с лица не сходила кривоватая усмешка.

И вот, наконец, особое совещание министерства внутренних дел и департамента полиции определило наказание. Беднягу Фирулева укатили на три года в Нарымский край — он оказался наиболее уличенным. Всем остальным досталось по два года административной высылки: Пашке Толкунову — в Чердынский уезд, Абраму Левину — в Стерлитамак, а Жорову с Урасовым — в Вологодскую губернию, в уездный городишко Вельск.

В Вельск прибыли в воскресенье 3 июня. Потом Володя узнал, что как раз в этот день II Дума была разогнана, а многие депутаты социал-демократической фракции арестованы.

Это означало окончательное поражение первой русской революции. Но, начавшись Кровавым воскресеньем 9 января 1905 года, она отнюдь не завершилась воскресным днем 3 июня 1907 года. Борьба с самодержавием продолжалась.

Нежелательный элемент

Два года не видел Володя Перми. Думал, что все изменилось здесь. Но это была все та же Пермь — мещанская, купеческая, чиновничья деревня Пермь. Изменился лишь сам Володя. Да подросли братья. Да постарел отец. Из старых приятелей встретил Витю Зырянова, Пашку Толкунова, уже вернувшегося из ссылки, и Ваню Мотырева. Ваня недолго сидел в тюрьме по про-

цессу 9 мая за принадлежность к боевой инструкторской школе РСДРП и только что был оправдан и выпущен на все четыре стороны. От него Володя узнал, что старик Мотырев не вынес ссылки, умер в Туруханском крае еще в первый год.

Надо было искать работу. На завод братьев Каменских его не приняли. Впрочем, и на другие заводы устроиться не удалось — везде требовалась политическая благонадежность. Оставалось одно: воспользовавшись припасенным в ссылке чистым бланком паспорта, уехать в другой город под другой фамилией. Повздыхав, так и порешили с отцом: уезжать, покуда не настанут лучшие времена.

Но за Володей еще числился склад оружия, которое отец без него рассовал на хранение по своим знакомым — в городе у Зырянова, на Мулянке у Мартюшева, в Мотовилихе у Чудинова. Прежде чем уехать, надо было его собрать и передать в надежные руки. Склад задумали устроить у Вани Мотырева, который охотно согласился.

У Владимира Чудинова в Мотовилихе хранились всего один обрез трехлинейной винтовки да два с четвертью фунта динамита в одинаковых «восьмушечных», то есть пятидесятиграммовых, патронах.

Ваня ненароком сказал об этом Пашке Толкунову, и тот напросился взять его с собой.

Отправились через Егошихинские овраги, через лес, чтобы сбить со следа возможных шпииков.

Приходилось быть предельно осторожными, ведь все они «меченые». Впрочем, если кто из шпииков и рискнул бы увязаться, в лесу ему всегда можно сделать окорот. Но слежки не было. Подошли к проходной Мотовилихинского завода, дождались конца смены, здесь и встретили Чудинова. Пошли к нему домой, выпили полнешенький самовар чаю, пока стемнело.

Идти с динамитом через весь город поопасались, решили сплыть Камой. Володя Чудинов проводил их до лодки.

Пашка сидел на веслах, но это не мешало ему без умолку болтать. Лодчонка ходко скользила по стремнине.

Причалили у спасательной станции под Слудской церковью. Обрез Ваня нес под рубахой, а динамит Володя рассовал по своим карманам, за пазуху и даже в картуз. На Слудской площади Пашка распрощался:

— Ладно, дальше сами донесете, а я — домой.

Собственно, он и вообще-то не нужен был в этой экспедиции.

Темнотища крыла город — ни зги не видно. Едва прошли площадь, позади раздался свист — так подзывают извозчиков. На свист не обратили внимания, Володя очень спешил: с ночи на ночь ждал товарищей, собиравшихся бежать из вельской ссылки, — их надо было встретить и приютить на время.

Шагали по Камышловской. И снова позади послышался свист. Извозчики на Камышловской да еще в глухую полночь? Это уже настораживало. Дошли до фосфорного завода Тупицына. Володя взял у Вани винтовку и выслал его вперед:

— Поди-ка взгляни на всякий случай.

У Тупицынского завода сторож колотил в свою колотушку.

Ваня дошел до дома Сюткина — соседнего с Урасовским, — осмотрелся: не видать ни души. В мастерской Александра Ивановича спокойно горел свет. Он вернулся к Володе.

Когда, уже вместе, подходили к воротам, вдруг заметили три фигуры в штатском. Володя сразу подумал, что это вельские товарищи. Поэтому, когда окликнули: «Кто идет?» — он весело ответил:

— Урасов идет, Урасов.

— Вот он, вот он! — закричали штатские во весь голос. — Держи!

Володя, увидев только этих троих, отпрыгнул в сторону и дослал патрон в ствол. Но Ваня схватил за плечо:

— Ты что? Оглянись.

Отовсюду сбегались полицейские.

Друзьям закрутили руки над головой и втолкнули в дом. Здесь все было перевернуто вверх дном. Ясно: обыск. В мастерской поджидал сам полицмейстер — большая честь. Он поднялся навстречу задержанным и только спросил:

— Они?

— Они самые.

— Арестовать! — коротко бросил полицмейстер и ушел.

Еще оставался один жандарм, остальные все — из полиции. Пристав третьей части самолично составлял протокол: найдено 18 динамитных патронов, детонаторы, обрез трехлинейной боевой винтовки, патроны к ней в обоймах и россыпью, записная книжка с рецептурой различных взрывчатых смесей, два браунинга.

— Прощай, Володя, не поддавайся им, — громко напутствовал сына Александр Иванович, когда того уводили.

По всему кварталу брехали всполошенные собаки.

Была ночь с 10 на 11 августа 1909 года.

Друзей привели в главное полицейское управление на Сибирской. Втолкнули в камеру. Там уже сидел Пашка Толкунов.

— Га-га-га, — неизвестно чему радуясь, захохотал он.

— Помалкивай, дурной, — сказал Володя. — Не надо им знать, что мы знакомы.

— Да они и так уж все знают, — бесшабашно отмахнулся Пашка.

Наутро их переправили в тюрьму.

В «Губернских ведомостях» появилась заметка, что «обнаружена и обезврежена группа террористов». Именно этого и боялся Володя, и на следствии всю вину взял на себя, всячески выгораживая Толкунова и Мотырева. Делом этим занимался следователь по особо важным делам. Ему Володя твердил одно: с Толкуновым давно не виделся, Мотырев случайно встретился да проводил до дому, а больше ни в чем не замешан, судите одного.

Аресты по политическим мотивам становились все реже по всей империи: многие уже томились в тюрьмах и ссылках, а оставшиеся на воле ушли в глубокое подполье или эмигрировали за границу. Каждый арест был событием, и когда такое событие случалось, полиция, жандармерия и охранка начинали грызню между собой: каждый пытался доказать, что именно он недаром жует государев хлеб. Но и те, и другие, и третьи заинтересованы были, чтобы представить преступление в наиболее опасном для благополучия империи свете. Чем больше присудят арестованным, тем, значит, внушительнее выглядит заслуга царевых церберов. Именно они озаботились дать заметку о «группе» в газету.

Однако их версия о «террористической группе» все же не прошла, не сумели доказать связь всех троих между собой. А свидетелями у них проходили только полицейские агенты. Поэтому и судили ребят отдельно.

Вначале ребятам грозил тот пункт 987-й статьи Уголовного Уложения, который гласил: «Хранение взрывчатых веществ и оружия с целью насильственного ниспровержения установленного основными законами образа правления и общественного строя». По этому пункту полагалось до восьми лет каторжных работ. Но в конце концов это обвинение отпало. Статья осталась та же, но пункт другой — «прима»: «Незаконное хранение оружия без надлежащего разрешения властей». А это был уже сущий пустяк. Мотырева приговорили к административной ссылке на три года в Архангельскую губернию. Толкунова туда же, но почему-то на четыре года. Урасова — ведь только у него нашли оружие — судила лишь через пять месяцев выездная сессия Казанского суда. Его приговорили к полутора годам крепости, включая месяцы предварительного заключения. Охранка осталась чрезвычайно недовольна «мягкостью» приговора.

В тюрьме поместили Володю в ту камеру, где сидели лбовцы и давыдовцы. Здесь он узнал подробности о трагической судьбе Александра

Михайловича. На исходе лета 1907 года Лбов переехал в Богословский горный округ, установил контакт с Надеждинским комитетом РСДРП. Но уже в октябре прекратил всякие партизанские вылазки. Он видел, что в обстановке спада революционного движения его операции несут лишь несчастья рабочим. Да и в своей дружине он уже не в силах был приостановить разложение. 22 апреля 1908 года, когда он остался почти совсем один, его выдал провокатор. Но власти все еще боялись его. Арестованного в Нолинске Вятской губернии Лбова не повезли в Пермь, а поспешили судить в Вятке по обвинению всего лишь в убийстве полицейского стражника Селюнина. И там же, в тюремной ограде Вятской тюрьмы, уже на исходе ночи, поспешно казнили. По свидетельству газеты «Вятская речь», на предложение исповедаться он ответил, что совесть его чиста, а на вопрос, страшится ли он смерти, — что не может бояться смерти тот, кто борется за правое дело.

Судьба «лесных братьев» Лбова постигла и дружину братьев Давыдовых. У них было много ненавидевших самодержавие, честных и преданных революции людей. Но, почти начисто лишенная партийного руководства, партизанская вольница постепенно одичала и была обречена на гибель. Они многое поняли в тюрьме. Володя, ставший после ссылки и тюрем не только убежденным, но и вполне зрелым большевиком, старался просветить бывших боевиков как мог.

В это же время отбывала каторгу в Пермской тюрьме и Клавдия Кирсанова. Ее посадили в 1909, а выйти она должна только в 1913 году. Володе удалось наладить с ней регулярную связь. Не очень-то везло ей в эти два с половиной года, что они не виделись. Летом девятьсот седьмого посадили. Потом сослали в Иркутскую губернию. Уже в начале девятьсот восьмого бежала. Исколесила всю Центральную Россию, нигде не удалось зацепиться надолго. Снова схватили. Снова Пермь, снова суд, да еще два процесса сразу: побег и всплывшее дело о военной организации в Перми.

Володя все полтора года своего срока чувствовал не просто ее присутствие в тюрьме, но и ее поддержку, ее участие в судьбе многих узников, ее посильную борьбу с тюремным начальством.

Когда подошло время освобождения Володи, Кирсановой оставалось отбывать еще два года, после чего ее ждало вечное поселение в Сибири. Они уже обменялись прощальными записками, где Клавдия в последний раз наставляла своего юного товарища — что предстоит ему сделать на воле, с кем установить связи, какого курса держаться в работе. Они прощались надолго, не меньше, чем до той поры, пока ее не освободит революция, в неизбежность которой они, несмотря ни на что, продолжали свято верить.

И вдруг над Володей нежданно-негаданно разразилась гроза. Ему вручили решение особого совещания министерства внутренних дел: мешанина Владимира Александровича Урасова подвергнуть административной высылке в Якутскую губернию сроком на пять лет.

Адвокат посоветовал ему написать жалобу: дескать, почему за одно преступление я должен понести два наказания?

Разъяснение последовало такого содержания: полтора года крепости, отбытые Урасовым, это — по приговору суда, а ссылка — мера оградительная по отношению к обществу, он высылается как безусловно вредный, нежелательный для общества элемент.

Вместо эпилога

Дальнейшая жизнь В. А. Урасова внешне уже не была связана с нашим краем...

В мае тринадцатого года слепая растеряха судьба обронила ему нечаянную радость: отбыв четыре года каторги, в Якутскую губернию была выслана и Клавдия Кирсанова. Они встретились как родные. А вскоре Клава вышла замуж за профессионального революционера Емельяна Яро-

славского. И семья эта вошла в судьбу Владимира на всю жизнь.

В том же году случилась и еще одна оглушительно неожиданная радость: всем, кто сослан в административном порядке, объявлена амнистия по случаю трехсотлетия дома Романовых.

— Ну что ж, мало кто из Романовых отличался мудростью, — говорила Клавдия. — Если они полагают, что подкупили революционеров этой «милостью», выпуская часть их на свободу, пусть себе тешатся. Революционеры по-прежнему будут делать все, чтобы свалить к чертям этот трехвековой дом-застенок.

Амнистия не распространялась на каторжников и сосланных на вечное поселение. Кирсанова и Ярославский оставались.

Провожая Владимира, Ярославский говорил:

— Не вешать нос! Ни при каких обстоятельствах не вешать нос. Чем энергичнее, чем результативнее вы будете работать на воле, тем скорее приблизите революцию, которая освободит и нас.

И еще напутствовал Емельян Михайлович:

— Думаю, что в Перми тебе работать для революции будет невозможно. И все-таки бежать за границу не следует, не то теперь время. Хорошо бы попытаться попасть в армию. В армии сейчас дорог каждый большевик.

Владимир Урасов был готов к любой работе. Дружба с Кирсановой и Ярославским завершила его «высшее» революционное образование. То, что в пятнадцать лет зачастую казалось игрой, теперь, после тюремных университетов, после двух ссылок, стало делом жизни, стало самой жизнью...

Недолго на этот раз довелось Владимиру Урасову пожить под отчим кровом — пришла повестка из воинского присутствия. Несмотря на то, что медицинская комиссия признала Урасова негодным к несению военной службы (очаги в легких давали себя знать), воинский начальник все же назначил его по сапожному ремеслу в 12-й Великолукский полк, который стоял в Туле.

Так без хлопот, само собою устроилось то, что советовал ему Ярославский. Не возьми его

сейчас, несколько позднее он сам пошел бы вольноопределяющимся...

1 августа 1914 года царская Россия вступила в войну с кайзеровской Германией. В один из первых же боев в Галиции 12-й Великолукский полк 3-й пехотной дивизии был разбит, Урасов угодил в плен.

На долгие годы он оказался отторгнутым от России.

Но и в Будапеште, где он стал работать на галеновой фабрике, среди военнопленных было немало большевиков-интернационалистов, принимавших самое активное участие в борьбе венгерского пролетариата за свое освобождение. Моло-

дой руководитель венгерских коммунистов Бела Кун, еще недавно воевавший под Лысьвой, привлек Урасова к изданию первой коммунистической газеты «Вёрёш уйшаг» («Красная газета»). Но венгерским коммунистам необходимо было разорвать партийную изолированность, выйти из подполья и включиться в общую борьбу рабочих других стран, и в первую очередь наладить связи с Российской компартией. Было решено послать специальных людей в Москву, к Ленину для информации о положении дел в Венгрии.

— Одним из курьеров будет венгр Лайош Немети, — сказал Бела Кун, — а другим должен быть, мне думается, человек из России.

Своеобразная летопись края

На полках Государственной публичной исторической библиотеки в Москве разместились 1288 одинаково толстых томов. Ни один библиофил не назовет издания, вышедшего когда-либо в России в таком объеме. Еще труднее назвать его авторов. Ведь их тысячи...

Эти необычные тома — не что иное, как часть недавно переплетенной огромной коллекции газетных вырезок, собранных еще в прошлом веке известным русским историком и библиографом Михаилом Дмитриевичем Хмыровым (1830—1872). Всю свою жизнь он мечтал об издании «Настольной энциклопедии отечествоведения», куда бы вошло все то, что писалось о России и относилось к ней.

Ученые XIX века хорошо знали и высоко ценили коллекцию Хмырова. Они обращались к нему за различными справками и советами по истории культуры и науки, географии и статистике. Особенно интересны материалы, собранные Хмыровым по 59 губерниям, составлявшим тогда Россию, а также материалы к биографиям отдель-

ных исторических личностей или знаменитых фамилий.

К сожалению, осуществить свою мечту библиографу не удалось. Видимо, для этой цели мало было одной человеческой жизни. После смерти Хмырова коллекция, ввиду ее большой научной ценности, была приобретена Историческим музеем в Москве и долгое время хранилась в его фондах.

В этой огромной коллекции немало сведений, относящихся к истории Урала. Такие данные можно найти в томах вырезок, выделенных под названиями «Пермская губерния», «Уфимская губерния» или под фамилиями Строгановы, Демидовы и другие.

Пермская часть материалов хмыровской коллекции освещает разнообразные стороны жизни края на протяжении ста с лишним лет (с 1755 по 1870 год). Здесь мы находим интересные сведения о промышленном производстве и сельском хозяйстве Урала, народном образовании и первых театральных представлениях, внешнем облике городов и их быте. Ценны статисти-

Выбор пал на «человека из России» Владимира Урасова...

Ранним утром 24 декабря 1918 года Урасов переступил порог кабинета Владимира Ильича в Кремле. Около часа рассказывал связной вождю мирового пролетариата о положении в Венгрии.

А через два месяца он снова отправился в опасный путь — в Венгрию. Случилось так, что в Будапешт он попал как раз 21 марта — в день провозглашения в Венгрии Советской власти. И снова — в круговороте событий. Все 133 дня существования Венгерской Советской Республики Владимир Урасов сражался в отряде неприми-

рного Тибора Самуэли, боровшемся с контрреволюцией.

После падения Республики Урасов эмигрировал в Вену. Там ему передали из тюрьмы письмо Бела Куна к Ленину. И снова связной двух революций поехал в Москву. На этот раз — кружным и путаным путем, с испанским паспортом в кармане: через Германию, Литву, Латвию, Эстонию...

Лишь в 1920 году он смог ненадолго приехать в Пермь: получил первый отпуск за все прожитые годы и пока единственный на много лет вперед.

Отца он уже не застал в живых, а братьев разметала по разным городам гражданская война.

Своеобразная летопись края

ческие данные о количестве добытого металла на уральских заводах, сведения о развитии судоходства на Каме и реке Белой, о прокладке трактовых дорог через Уральский хребет.

Вот статья известного историка и географа, одного из первых исследователей Урала В. Н. Берха «О следах русских древностей в Пермской губернии». Она извлечена Хмыровым из восемнадцатой книжки журнала «Сын Отечества» за 1819 год. Рядом желтая страница газеты «Санктпетербургские ведомости» № 50 за 1864 год. В ней перепечатана заметка из «Пермских губернских ведомостей» о машине для изготовления кирпича, изобретенной в Перми. Теперь подобная информация не вызвала бы сенсации. Но тогда она была знамением времени. Сообщение это облетело страницы почти всех русских газет.

Наиболее полно уральские материалы хмыровской коллекции освещают историю самого губернского города — Перми. Вот, например, что представлял собой город в

1835 году во время приезда в него ссыльного А. И. Герцена. В Перми было тогда лишь 28 улиц и переулков — все немощеные. В городе проживало 7385 человек. А из 1112 домов только 40 были каменными. Так что машина для изготовления кирпича в Перми была очень кстати.

Особенно ценны многочисленные сведения о разведке земных недр и первых разработках полезных ископаемых на территории современных Пермской, Свердловской, Челябинской областей, Башкирской и Удмуртской АССР.

Попытки отыскать теперь в периодической печати того времени подобные материалы сопряжены с неимоверными трудностями. Ведь тогда не издавались указатели типа современных «Летописей газетных (или журнальных) статей». К тому же не все периодические издания того времени сохранились до наших дней.

Вот почему материалы, собранные Хмыровым сто с лишним лет назад, представляют сегодня большую ценность.

А. Сашин

Пьяный Тимоха Толкунов утонул в Данилихе.

А вот о Пашке узнал нечто неожиданное. В гражданскую воевал недолго за красных и даже был ранен. Это за ним водилось: героем на час он мог стать. Но чтобы на всю жизнь остаться просто порядочным человеком — на это его не хватило. Не веря глазам, Владимир прочитал собственноручное Пашино донесение в охранку о том, что в ночь с 10 на 11 августа Урасов и Мотырев принесли оружие на Большую Ямскую, 123. Хотя донесение было подписано агентурной кличкой Чистое сердце, у Владимира не оставалось сомнений, что это — Пашка. И почерк его хорошо помнил, да и никто на всем свете, кроме Пашки, Вани и самого Володи, не мог знать тогда об этой операции. Даже Чудинов не спрашивал, куда от него уносят оружие. Охранка сумела запугать Пашку еще во время первого ареста в театре. А после первого предательства с ним уже не разговаривали, ему приказывали. И вторая ссылка — в Архангельскую губернию — это просто длительная командировка, он и там продолжал провокаторскую деятельность среди ссыльных.

— Ну, а война, ранение? — недоумевал Владимир.

— Сила солому ломит, — отвечали ему. — Толкунов увидел, на чьей стороне сила, и добровольно вступил в Красную Армию — надо же как-то замечать следы своего прошлого. Словом, типичный приспособленец...

Революция все расставила по своим местам. Тайные делишки охранителей царского режима становились явными. А большевики-подпольщики уверенно забирали управление страной в свои руки.

Правда, не все дожили до светлых дней. Ваня Фирулев, как попал в девятьсот седьмом в Нарымский край, так там и сгинул. Витя Зырянов

был в августе девятьсот семнадцатого кандидатом в гласные городской думы по списку РСДРП (б). Но в следующем году во время подавления ижевско-воткинского эсерово-кулацкого восстания погиб.

О Ване Мотыреве было слышно, что он устанавливал Советскую власть в Кунгуре и потом остался на партийной работе.

Целых восемь месяцев работала в Перми Бина Лобова-Зильберберг. В марте 1920 года ее избрали делегатом от Пермской партийной организации на IX съезд партии, и она уехала в Москву да так и не вернулась — осталась в распоряжении ЦК. Совсем немного не застал ее Владимир.

Всю минувшую зиму работали здесь также Ярославский с Кирсановой. Емельян Михайлович возглавлял губернский комитет партии. Клавдия Ивановна вначале была председателем Надеждинского Совета рабочих депутатов, потом воевала с колчаковцами. В Перми она работала в женотделе, начальником политотдела губвоенкомата, преподавала в совпартшколе.

Урасов вернулся в Москву. С 1921 года он стал работать дипломатическим курьером Наркоминдела. Изъездил всю Центральную Европу, бывал в Китае, Японии, странах Ближнего Востока. Восемнадцать лет с револьвером на взводе...

За заслуги перед КПСС, Советским государством и народом В. А. Урасов награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, а в Венгрии его революционная деятельность была отмечена высшей наградой Венгерской Народной Республики — орденом Труда золотой степени, а также орденом «За рабоче-крестьянскую власть» и медалями.

2 февраля 1969 года в Пермь пришла скорбная весть: Владимир Александрович Урасов скончался.

Прожита жизнь деятельная и героическая, целиком отданная Революции, людям.

В октябре 1974 года умер П. И. Хитров. До последнего дня жизни он принимал активное и заинтересованное участие в создании краеведческого сборника — был руководителем его общественной редколлегии.

Предлагаемый читателю материал — последняя работа кандидата исторических наук доцента Пермского государственного университета имени А. М. Горького Павла Ивановича Хитрова.

П. ХИТРОВ

ПРОБА СИЛ

9(22) января 1905 года с ведома «державной власти» полиция и войска учинили в Петербурге невиданную по масштабам и жестокости расправу над рабочими, которые направлялись к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию.

Весть о гнусном, чудовищном кровопролитии быстро распространилась по всей стране. «Рабочий класс, — писал по горячим следам событий В. И. Ленин, — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг героического петербургского пролетариата «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 201—202.)

Кровавое воскресенье стало исходным событием первой буржуазно-демократической революции в России.

Как только в Перми были получены известия о кровавой бойне на берегах Невы, местная организация РСДРП начала энергично готовиться к политической забастовке. В железнодорожных мастерских, на заводах Любимова, братьев Каменских и других предприятиях города и в Мотовилихе распространялись листовки, призывавшие

рабочих поддержать стачку. Для учащейся молодежи большевики организовали кружковую политическую учебу. С наступлением весны за городом стали проходить рабочие массовки.

Результаты этой деятельности становились все более заметными.

В те дни, когда за границей проходил III съезд РСДРП, в Москве состоялось Всероссийское совещание учителей и других работников народного образования, на котором обсуждался вопрос об учреждении «Учительского союза». Московские большевики и примыкавшие к ним видные деятели просвещения М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов и другие стремились придать совещанию и будущему «Союзу» подлинно революционный характер.

В том же направлении действовали и пермские большевики-интеллигенты, когда в губернском центре развернулась работа по созданию местного отделения этой организации.

3 мая 1905 года инициативная группа педагогов Прикамья разослала своим коллегам приглашение прибыть через десять дней в Пермь на собрание в дом купца Н. В. Мешкова (ныне здание Управления Камского речного пароходства по ул. Орджоникидзе). Приглашение было отпечатано нелегально на гектографе. Отдельные его пункты носили явно антиправительственный характер. Сказалось влияние революционных элементов. Об этом же свидетельствовала и дата проведения собрания — 14 мая. Это была очередная годовщина «священного коронования Их Императорских Величеств». «Верноподданные» Перми готовились отметить этот день особыми торжествами, а ре-

волюционеры — актами протеста против неограниченной власти царя.

Наступило воскресенье 14 мая. Пермские обыватели еще только готовились отправиться к воскресной торжественной заутрене по своим приходам, а шесть конных стражников уже проследовали по Монастырской улице к вокзалу, чтобы оттуда вести незаметное наблюдение за домом Мешкова. К 11 часам утра к дому подошли пять полицейских, а затем — наряд конных городских во главе с помощником пристава первой полицейской части Ивановым. Конные стражники заняли двор и никого туда не пускали.

Около полудня у дома стал собираться народ. В основном это были представители интеллигенции, студенты. Присутствовали здесь и члены пермской организации РСДРП — А. Н. Ягодникова, М. П. Федорова, Е. И. Худякова, Ю. А. Хлынова, Г. М. Деменчук, А. Х. Митрофанов и другие.

Помощник пристава объявил всем, что собрание, как «незаконное», не может состояться. Для вящей убедительности он добавил, что Мешков якобы «в помещении для собрания отказал».

Собравшиеся вначале отошли от дома, но затем, обсудив положение, возвратились и стали более решительно добиваться, чтобы их пропустили в помещение.

Тем временем толпа все увеличивалась, численность ее достигла примерно трехсот человек. Положение полиции становилось угрожающим. В первую полицейскую часть поскакал конный гонец за помощью. Пристав этой части Алексеев немедленно позвонил своему шефу полицмейстеру Н. С. Какорину, а сам поскакал на Монастырскую.

Вскоре сюда прибыл и Какорин. Он тоже угрозовал и угрожал, но толпа не расходилась. Тогда по приказу полицмейстера городовые «стали разгонять ее силой, причем некоторых из толпы хотели задержать, чтобы вести в часть». Но им это не удалось. Всех задержанных отбили у полиции товарищи. Городовым пришлось отступить.

Ободренная этим успехом толпа двинулась

вверх по Сибирской улице к дому губернатора. Полицейские уже не пытались воспрепятствовать ей силой, а только наблюдали со стороны.

Настроение шедших становилось все бодрее. Из их рядов начали раздаваться возгласы: «Долой полицию!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» Потом взметнулась песня «Вставай, поднимайся, рабочий народ», при этом полицейским кричали: «Шапки долой — поем революционный гимн!»

Постепенно толпа обростала все новыми людьми. При подходе к дому губернатора в ее рядах было, по одним сведениям, несколько сот человек, а по другим — около тысячи.

У губернаторского дома толпа образовала громадный полукруг, заняв тротуары и мостовые, в центре которого беспомощно топтался помощник полицмейстера. Народ требовал, чтобы вышел исправляющий должность губернатора А. Г. Наумов.

В это время к губернаторскому дому прибыл пристав второй полицейской части Мальм с двумя помощниками и отрядом городских. Соотношение сил изменилось в пользу блюстителей порядка. Кроме того, был еще отправлен гонец к командиру местной бригады генералу А. Е. Баранову с просьбой прислать войска.

А вскоре появился полицмейстер Какорин, который приказал своему воинству действовать наступательно. Под натиском полиции толпа отошла к дому Аксенова, где начала постепенно таять. На перекрестке Сибирской и Пермской (ныне ул. Кирова) улиц один из учителей предложил всей организованной публике разойтись до следующего раза. Однако многие не согласились с этим и отправились на Вознесенскую площадь (на пересечении нынешних улиц Луначарского и 25 Октября). Они стали сосредотачиваться во дворе и у дома Г. И. Буткина, в котором жил один из участников шествия. Это заметил старший городской третьей полицейской части Зайцев, стоявший на посту в помещении канцелярии начальника губернии. Он сообщил об этом

Какорину. Полицмейстер приказал Мальму с нарядом городских немедленно отправиться туда.

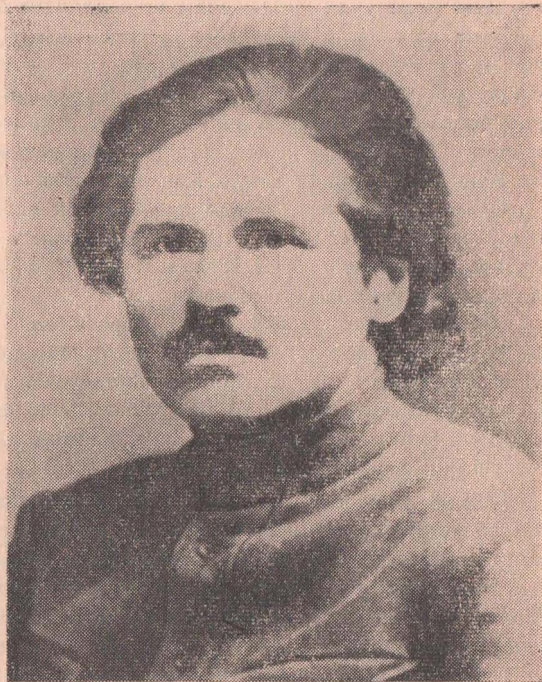
Когда прибыла полиция, двор уже был подготовлен к проведению собрания. На разостланных домашних дорожках и коврах стоял стол, а вокруг него — кресла, стулья, скамьи. Здесь находились наиболее активные участники шествия А. Н. Ягодникова, Ю. А. Хлынова, М. П. Федорова, С. А. Петров, А. С. Обтемперанский, П. А. Матвеев, Е. А. Вошева и другие. На улице около дома толпилось еще много учителей и учащихся.

Около трех часов дня к дому Буткина подошла рота солдат Ирбитского резервного батальона. Солдаты разогнали стоявших на улице, а осмелевший Какорин грозно предложил находившимся во дворе людям «немедленно прекратить свои занятия». Выпускали их по одному, записывая фамилии, место работы и жительства.

Пока проводилась эта «операция», на перекрестке Сибирской и Вознесенской вновь собралась громадная толпа. Ее пытались разогнать водой, вызвав для этого пожарную команду, но безуспешно. При появлении Какорина раздались крики и свист. Тогда он приказал полицейским и солдатам действовать прикладами и необнаженными шашками. Лишь таким способом к пяти часам толпу удалось рассеять.

Власти, по-видимому, надеялись, что эпизоды на Вознесенской были концом тех «неприятностей», которые омрачили их последние приготовления к заключительным актам в честь коронации Николая II — праздничному спектаклю в театре и иллюминации города. Но они глубоко заблуждались. Через два-три часа в городе начались события, которые, несомненно, должны были вызвать у начальства всех рангов глубокий страх, если не ужас. В движение пришла многотысячная масса рабочих Перми и Мотовилихи. Полиция вновь была поставлена на ноги...

В то время, когда либеральные «протестанты» отходили от губернаторского дома, 19-летний рабочий-революционер М. Туркин, по указанию

А. Л. Борчанинов.

старших товарищей из комитета РСДРП, помчался на Архирейку, где его друзья и единомышленники А. Л. Борчанинов и В. Е. Гомзикив скрывались от жандармов под видом рыболовов. К четырем часам все трое были уже в Мотовилихе. По словам Борчанинова, они не более как за час оббежали улицы селения и цехи завода, сказав, кому следует, быстрее направляться в город для участия в «деле». Рабочие взяли с собой и «вполне приличное знамя», изготовленное еще раньше мотовилихинскими женщинами. Такая же деятельность большевиков развернулась и в самой Перми.

К восьми часам вечера, то есть к назначенному комитетом времени, в Загородном саду (сад им. Горького) собралось множество народа. При-

сланные сюда «для наблюдения за порядком» городовые во главе с приставом третьей части Буровым расположились у входа в сад со стороны Сибирской улицы. Одного из сторожей сада Буров послал на противоположный конец с приказанием запереть на замок ворота, выходившие на Кунгурскую улицу (ныне Комсомольский пр.).

Среди собравшихся в саду преобладали рабочие, учащаяся молодежь. Тут же находились и те, кто был днем у дома Мешкова. Всего собралось до полутора тысяч человек.

Рабочие Мотовилихи Т. Абросимов и И. П. Пташинский, а также жена железнодорожного служащего М. Д. Миславская несколько раз то исчезали в толпе, то возвращались обратно, доставляя живой материал, необходимый для разработки плана действий.

Вскоре раздался условный сигнал: монархический гимн «Боже, царя храни». По этому сигналу к граммофонному киоску собирались рабочие, учащиеся, служащие. Опрокинув граммофон, запели «Марсельезу», подняли красное знамя и двинулись по аллее к выходу, раздавая по пути листовки. Но перед демонстрантами встала стена конных городских с обнаженными шашками. В противостоянии прошло несколько минут. И все же демонстрантам пришлось отступить. Они повернули обратно в сад.

Начался митинг. Один за другим на импровизированную трибуну — садовую скамейку — поднимались молодые ораторы. Один из них — по сведениям «внутреннего наблюдения» со стороны жандармов это был Борчанинов — говорил о злоупотреблениях властью местных чиновников, характеризовал русско-японскую войну как «вредную и бесцельную», разоблачал антинародную политику в области социальных вопросов и призывал слушателей к борьбе с царским самодержавием — главным виновником тяжелого положения народа. За ним выступила неопознанная жандармскими шпионами женщина. Она говорила о Николае II как крупнейшем помещике и чиновнике, получавшем баснословные доходы. Продолжая ее

мысль, третий оратор подчеркивал, что при существующем строе «никой, ничего не делая, отращивает себе брюхо, а народ бьется из-за куска хлеба». Речи всех ораторов собравшиеся принимали с бурным одобрением.

Затем участники митинга снова двинулись на Сибирскую и — снова отступили. Городовые стояли на прежнем месте, «как истуканы».

Митинг продолжался. Выступили еще три оратора, в том числе рабочий В. Бахарев, состоявший под особым надзором полиции. Напомнив о том, что многие революционеры «были замучены в тюрьмах и разосланы по разным местам», он сказал, что его товарищи идут по следам жестоко пострадавших борцов за дело народа, и призвал интеллигенцию присоединиться к рабочим для совместной борьбы против существующего строя. Затем с зажигательной речью опять выступил А. Борчанинов.

Митинг длился около часа.

В это время его руководители получили известие, что ворота сада, ведущие на Кунгурскую улицу, не охраняются, хотя и заперты. Тотчас же было решено прекратить митинг и немедленно двинуться туда. Приблизившись к воротам, толпа налегла на них, и они рухнули. Люди хлынули на Кунгурскую. Вскоре к участникам митинга присоединилась часть публики, смотревшей представление в цирке, который находился на противоположной стороне улицы.

Узнав об этом, пристав Буров послал нарочного к полицмейстеру с донесением, а сам направился во главе конной и пешей полиции на Кунгурскую.

Демонстранты уже двигались вниз по улице. Пение сменялось мощными возгласами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!» Число демонстрантов приближалось уже к трем тысячам.

Во время шествия произошел небольшой, но весьма показательный эпизод. Стоявший на тротуаре солдат, как верный служака, бросился в ряды демонстрантов, выхватил из рук знаменос-

ца красное полотнище и перевернул его вверх древком. Но знамя немедленно отобрали, а самому солдату изрядно влетело. Городовые, пытавшиеся прийти ему на помощь, получили дружный отпор и вынуждены были ретироваться.

Демонстранты с пением «Марсельезы» продолжали двигаться по направлению к Екатерининской (ныне Большевицкой) улице, чтобы по ней пройти к дому губернатора. Как только Бурову стало известно об этом, он приказал конным городовым опередить манифестантов и преградить им путь, и когда демонстранты подошли к Большой Ямской (ныне ул. Пушкина), то увидели впереди себя живую стену полицейских всадников. Пристав подал команду: «В шашки!», и его подчиненные лихо ринулись на остановившихся людей. Но лишь только они приблизились к толпе, как из ее рядов раздались выстрелы и полетели камни. Один из увесистых булыжников угодил в Бурова. Полицейские отступили.

После этого урока блюстители порядка уже не осмеливались мешать демонстрантам. Между тем Какорин, находившийся в театре, получил донесение Бурова и спешно направился в сопровождении своего помощника по Сибирской. На пересечении ее с Большой Ямской ему сообщили о новом маршруте демонстрантов. Пролетка с полицейстером и его спутником повернула на Большую Ямскую. Но доехав до Оханской (ныне ул. Газеты «Звезда»), они увидели, что к ней приближалась «громадная толпа народа с песнями, криками и свистом». Поняв, что справиться с такой массой демонстрантов можно будет только с помощью войск, Какорин приказал вознице повернуть обратно. У губернаторского дома полицейстер соскочил с пролетки, приказав своему помощнику мчаться к Красным казармам за солдатами.

Тем временем демонстранты подходили к Сибирской. Уже наступал вечер. Темнело. Центральная улица была иллюминирована. На тротуарах

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БУРСАКА РЕШЕТНИКОВА

А. Никитин

Интересный документ — приговор Пермской уголовной палаты 15-летнему бурсаку Федору Решетникову, в будущем известному писателю-демократу, — обнаружен в Соликамске. Согласно этому документу, составленному в декабре 1856 года, Решетников ссылался на исправление в Соликамский мужской монастырь сроком на три месяца.

Что за преступление совершил в Перми будущий писатель-демократ, автор «Подлиповцев»?

Подросток с благословения своих пастырей, скупившихся выписывать газеты, тайком таскал их из губернской почтовой конторы, в которой служил его дядя. За

эту услугу бурсака Решетникова пороли розгами чуть-чуть слабее обычного.

Но однажды в руки Федора вместе с газетами случайно попал казенный пакет с весьма важным манифестом, который тот со страху бросил через забор в снег. Виночника разыскали и предали суду.

Однако трехмесячное смирение в монастыре мало помогло юному бурсаку. «В Соликамске, — отмечал впоследствии сам писатель, — я в одну неделю познал нечестие монахов, как они пьют вино, ругаются, едят говядину, ходят по ночам ломают ворота».

Наблюдения монастырской жизни позднее вошли как эпизоды в его произведения.

горели плошки, на домах красовались царские флаги, вензеля «Их Императорских Величеств». Свернув на Сибирскую, демонстранты стали уничтожать все эти украшения, а подойдя к губернаторскому дому, бросать в его окна камни и палки, а также вести огонь из револьверов. Фасад губернаторской резиденции приобрел далеко не праздничный вид, вместо расцвеченных окон зияли черные проемы.

А демонстранты следовали дальше. Дойдя до Театрального сада и увидев там полотняную будку с вензелями и портретами «Их Императорских Величеств», они с криками «Долой царское самодержавие!» разрушили все это сооружение.

В это время показалась рота солдат. Демонстранты начали отходить назад. На перекрестке Сибирской и Покровской улиц они столкнулись с городовыми, осмелевшими при виде солдат. Дело дошло до рукопашной, в которой рабочие изрядно намяли бока многим полицейским. Но на выручку полиции поспешили солдаты. Время приближалось уже к полуночи, продолжение демонстрации теряло всякий смысл. Поэтому демонстранты начали отступать и расходиться группами в разные стороны, сохраняя при этом высокое боевое настроение. То в одном, то в другом месте раздалось дружное «ура».

Организаторы и рядовые участники demonstra-

ции могли быть довольны. Масштабы, характер и результаты ее оказались в высшей степени положительными. Это было первое массовое политическое выступление пермских и мотовилихинских рабочих. С него начался небывалый подъем рабочего движения в городе и заводском поселке. Пролетариат Перми и Мотовилихи все более определенно выступал в качестве гегемона разгоравшейся освободительной борьбы.

Майские дни 1905 года в Перми и Мотовилихе вызвали огромный резонанс. О них говорилось в партийной нелегальной переписке, в подцензурной провинциальной и центральной прессе. В большевистской газете «Пролетарий» была помещена о них особая статья.

Интерес к событиям в Перми понятен. С одной стороны, эти дни оказались своеобразным итогом борьбы руководимых социал-демократами трудящихся масс Перми и ее пригорода против царизма. С другой стороны, они стали прологом последующих выступлений этих масс, закончившихся на высшем этапе революции всеобщей октябрьской политической стачкой в городе и декабрьским вооруженным восстанием в пригороде.

Жаркие майские дни 1905 года в Перми и Мотовилихе предвещали грозу восстания. Такими они предстают в памяти потомков в дни 70-летия первой русской революции.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КРАЙ
1975

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА!
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

**КОММУНИСТЫ
ПЕРМСКОЙ
ОБЛАСТИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

КОММУНИСТЫ ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Вероломное нападение фашистов на нашу Родину гневом и болью отозвалось в сердце каждого гражданина. Как один человек, встал великий народ, поднялась вся огромная страна на защиту свободы и независимости. Этот единый патриотический порыв возглавила Коммунистическая партия. Она придала народному движению организованный характер, объединила усилия миллионов, подчинила их единой цели — разгрому врага.

Урал в годы Великой Отечественной войны стал, по выражению поэта, опорным краем державы. Лучших своих сынов послал он на защиту Отечества. На его плечи легла главная тяжесть снабжения фронта всем необходимым. Он принял в свои города и села значительную часть эвакуированной промышленности и эвакуированного населения. И он же первым протянул руку помощи районам, которые, по мере продвижения вперед доблестной Советской Армии, освобождались от фашистской нечисти.

Пермская область (ее территорию называют также Западным Уралом или Прикамьем) разделила с другими областями Урала все испытания, выпавшие на его долю.

Наша публикация представляет собой подборку документов на тему «Коммунисты Пермской области — организаторы трудового подвига трудящихся Западного Урала в годы Великой Отечественной войны». Тема эта чрезвычайно обширна. И подборка документов в краеведческом сборнике не претендует на сколько-ни-

будь полное ее освещение. Здесь, если можно так сказать, только штрихи к теме, наметки для дальнейшей работы по подбору и систематизации материалов подобного рода.

С первого дня войны Пермская областная партийная организация полностью взяла на себя ответственность за мобилизацию трудящихся и народного хозяйства Западного Урала. Задачи областной партийной организации в условиях военного времени были четко сформулированы в докладе первого секретаря обкома ВКП(б) Н. И. Гусарова на пленуме обкома 20 октября 1941 года.

Народное хозяйство области быстрыми темпами перестраивалось на военный лад. Максимально увеличивался выпуск вооружения, спешно осваивались новые виды оборонной продукции, срочно вводились в строй эвакуированные предприятия.

Эвакуация людей и промышленного оборудования из прифронтовых районов проводилась организованно, по строгому правительственному графику. Заводы в основном направлялись в те города Урала, Сибири, Казахстана и Средней Азии, где имелись родственные предприятия. Однако в обстановке военного времени случалось и непредвиденное: иногда завод, продукция которого нужна была немедленно, на пути в Сибирь переадресовывался и останавливался где-нибудь на Урале. Задача прибывших коммунистов и местной партийной организации состояла в том, чтобы обеспечить быстрейшую разгрузку эшелонов, установку оборудования, налаживание производства в новых условиях. Всего на Урал прибыло 450 эвакуированных предприятий, из них 124 разместились в Пермской области.

Вслед за заводами эшелон за эшелонам приезжали рабочие с семьями. Люди, испытавшие большие страдания, потерявшие родных и близких, ехали через всю страну со стариками, детьми, ехали, порой совершенно не представляя, что их ждет на новом месте.

Уральцы близко к сердцу приняли всенародную беду. Пермская область приютила, по данным на 1 января 1943 года, 315 тысяч эвакуированных. В суровые военные годы города и села Западного Урала делились кровом и продовольствием с москвичами, ленинградцами, киевлянами, харьковчанами, донбасцами... Те, кому в самое трудное время Прикамье стало вторым домом, навсегда сохранили чувство глубокой признательности жителям этого края.

Урал стал поистине могучим арсеналом Советского Союза. Промышленность, в частности Пермской области, развивалась в эти годы невиданно бурными темпами. До войны, в мирное время, ежегодный прирост промышленной продукции области не превышал 24 процентов — в войну он достигал 45 процентов.

В 1945 году в несколько раз увеличился выпуск валовой продукции таких отраслей, как металлообрабатывающая, химическая, промышлен-

ность боеприпасов. Производство некоторых видов вооружения выросло в десять раз. Были приведены в действие многие резервы, реализовывались не использованные ранее возможности. Патриотическое движение сотысячников и двухсоттысячников, соревнования фронтовых бригад резко изменили представления о нормах выработки.

Война ускорила темпы большого капитального строительства, раз-
вернувшегося на территории Западного Урала. Благодаря этому значительно увеличились добыча угля, производство кокса, выплавка чугуна и стали.

До чего же могуч наш народ, если даже в грозное лихолетье хватило у него силы не просто продержаться, а и умножить свою мощь — построить в короткие сроки немало новых промышленных предприятий!

Одной из таких больших и важных строек в годы войны было сооружение на Чусовском металлургическом заводе новой домны. Как всегда, впереди были коммунисты. Их заботили вопросы проектирования, обеспечения стройки кадрами, оборудованием, политического воспитания коллектива, сроки работ и, в конечном счете, судьба домны. Первичные партийные организации, заводской, городской и областной комитеты партии постоянно контролировали ход строительства, принимали меры к его ускорению, хорошо помня, что новая домна — это весомый вклад в разгром гитлеровцев, это приближение победы.

Другим примером большого капитального строительства военных лет в нашей области может служить сооружение угольных шахт.

Один из старейших в нашей стране и первый на Урале Кизеловский каменноугольный бассейн в годы первых советских пятилеток развивался как составная часть Урало-Кузнецкого комбината. Мудрым, дальновидным было решение Коммунистической партии о создании на востоке страны мощной угольно-металлургической и машиностроительной базы.

Это сказалось буквально в самом начале Великой Отечественной войны. Когда напавший враг временно оккупировал Донбасс и вывел из строя Подмосковский угольный бассейн, одним из основных источников, снабжавших страну топливом, стал после Кузбасса Кизеловский угольный бассейн.

Значительное увеличение добычи угля, строительство новых шахт на Урале, предусмотренное еще в 1939 году решениями XVIII съезда партии и постановлением Центрального Комитета «О развитии добычи угля на Урале», приобрели в военное время особо важное значение. Примерно с середины 1943 года центр тяжести строительных работ треста Кизелшахтстрой был перенесен на освоение Гремячинского месторождения.

Война поставила перед коммунистами множество задач, которые надо было решать ежедневно, ежечасно. Пермская областная партийная организация, трудящиеся области не подвели: Западный Урал дал Родине все необходимое, что от него требовалось.

Трудовой подвиг Пермской области был высоко оценен партией и советским правительством. Тысячи работников промышленности, транспорта, строительства Западного Урала за годы войны удостоены орденов и медалей. Крупным предприятиям, таким как заводы имени Ленина и имени Свердлова, несколько раз присуждались переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны, Центрального Комитета партии, наркоматов. Одиннадцать предприятий области награждены четырнадцатью орденами Советского Союза.

Среди работников самых различных отраслей народного хозяйства, отмеченных в те годы наградами, много женщин.

Чудеса героизма проявляли воины на фронтах Великой Отечественной войны. Чудеса героизма проявляли их жены, матери, сестры в тылу, приняв на свои плечи двойную, тройную нагрузку. Как и по всей стране, женщины нашего края заменили мужчин на самой тяжелой работе, причем здесь, на Западном Урале, эта работа была особенно трудной для них: в Кизеле и Губахе они становились шахтерами, в Лысьве и Нытве шли на металлургическое производство. Женщины-трактористки, женщины-станочницы, женщины-лесорубы — какой мерой измерить их вклад в победу всего народа!

Буквально в первые дни войны партия призвала местные организации усиленно готовить промышленные и сельскохозяйственные кадры из женщин, смелее выдвигать их на руководящие должности. Эту работу партия постоянно поддерживала и направляла. В результате тысячи женщин стали хорошими партийными и профсоюзными руководителями, комсомольскими вожаками, активными общественницами. Женщины научились хозяйствовать на производстве, возглавляли предприятия и колхозы. Некогда было отдыхать и после рабочей смены: уход за ранеными в госпиталях, донорство, сбор теплых вещей для фронта, воспитание детей, да не только своих, но и чужих, эвакуированных, потерявших родителей.

Мысли и чувства всех, кто оставался в тылу, были прикованы к фронту. Письма из действующей армии и письма из дому — как много они значили! Как поднимали боевой дух, удесятерили силы! Но в эту войну почтовая связь между фронтом и тылом далеко не ограничивалась личной перепиской. Особенности социалистического строя, чувство коллективизма, сопричастности каждого к общему делу сказались и здесь. Фронтовики писали письма на свои предприятия, в партийные и комсомольские организации. В свою очередь коллективы трудящихся — собрания рабочих, колхозников, женщин, молодежи — обращались с приветствиями и наказами к воинам Советской Армии. Эту коллективную переписку поощряла и поддерживала партия, видя в ней средство сильного и благотворного воздействия на моральное состояние сражающихся на фронтах и работающих в тылу. Из этой коллективной, нередко про-

должавшейся длительное время переписки по инициативе или при активной поддержке партийных комитетов рождалось социалистическое соревнование фронта и тыла. Примером тому может служить вошедшее в историю Великой Отечественной войны социалистическое соревнование трудящихся Западного Урала с воинами Северо-Западного фронта.

Еще шли ожесточенные бои с противником и до победы было сравнительно далеко, а партия уже призвала трудящихся к быстрейшему восстановлению освобожденных районов. Помощь освобожденным районам начиналась со снабжения их стройматериалами, топливом, сырьем для промышленности, всем необходимым для нормальной жизни людей. Кто, как не Урал, а в особенности Западный Урал, богатый лесом, нефтью, минеральными удобрениями, мог оказать эту помощь?

И снова коммунисты Пермской области прилагают максимум усилий, чтобы изыскать резервы, организовать отправку на юг железнодорожных эшелонов и речных судов, груженных материалами и оборудованием. И снова активисты проводят сбор вещей среди населения и составляют огромные списки, в которых значится буквально все, начиная с комплектов белья и кончая школьными принадлежностями.

Борьба советского народа против фашистского порабощения продемонстрировала перед всем миром организующую и всепобеждающую силу ленинизма. Авторитет ленинской партии, возглавившей эту борьбу, неизмеримо вырос. За время Великой Отечественной войны только Пермская областная партийная организация приняла в кандидаты и члены ВКП(б) 37 283 человека.

Небольшая по объему подборка партийных документов позволяет проиллюстрировать лишь некоторые черты, характерные для Западного Урала военных лет. Но даже эти девятнадцать документов, возвращающих нас в то суровое и прекрасное время, несомненно вызовут волнение у читающих и заставят молодых преклониться перед подвигом отцов и матерей, а ветеранов — вспомнить многое и, может быть, взяться за перо.

Документы в подборке расположены в хронологическом порядке. В отдельных случаях значительные по объему документы даны в сокращении: опущены подробности, повторения, тексты, не относящиеся к теме публикации или не имеющие научного и практического значения.

В документах, заголовках и примечаниях названия области, областного центра, районов и заводов даются в современном наименовании.

Публикация подготовлена работниками партийного архива Пермского обкома КПСС под руководством заведующей архивом Н. А. Аликиной. Составитель — научный сотрудник Л. В. Мишланова. Вступительная статья, примечания и литературная обработка воспоминаний Л. Н. Грошева осуществлены составителем. Помощь в выявлении документов оказали кандидат исторических наук А. Г. Наумова и научный сотрудник Г. Ф. Станковская.

№ 1

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) О МОБИЛИЗАЦИОННОМ ЗАДАНИИ ПАРТИЙНЫМ КОМИТЕТАМ ОБЛАСТИ

22 июня 1941 г.

1. Принять к сведению сообщение областного военного комиссара тов. Щербакова о мобилизационном задании Уральского военного округа.

2. Обязать секретарей райкомов, горкомов, Коми-Пермяцкого окружкома ВКП(б), председателей райгорисполкомов обеспечить поставку мобилизационных ресурсов согласно нарядов облвоенкомата.

3. Обязать секретарей горкомов, райкомов, окружкома ВКП(б) обеспечить проведение политработы на сборных пунктах среди призываемых военнообязанных.

4. Обязать секретарей райкомов, горкомов, окружкома ВКП(б) обеспечить развертывание политико-массовой работы среди трудящихся города и деревни в соответствии с выступлением тов. Молотова 22 июня 1941 г.

Секретарь обкома ВКП(б) Денисов

Примечание: постановление послано в ЦК ВКП(б) по прямому проводу и передано всем райкомам, горкомам и окружкому партии.

Партийный архив Пермского обкома КПСС (в дальнейшем ПАО), ф. 105, оп. 274, д. 6, л. 91. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 2

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ В ЦК ВКП(б) О РАБОТЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОИНЫ

26 июня 1941 г.

Горкомы и райкомы ВКП(б), первичные парторганизации области продолжают развертывать агитационно-массовую работу по ознакомлению рабочих и служащих, колхозников, домохозяек с выступлением по радио о разбойничьем налете озверелых германских фашистов на советскую территорию. Наряду с этим проводятся политбеседы по Указам Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации и сообщениях Советского информационного бюро, по передовым газетам «Правда». Широко по-

пуляризируется речь тов. Ярославского («Правда» от 23 июня 1941 года).

Парторганизации хорошо используют все средства политической агитации — печать и радио, общие собрания, наглядную агитацию, кино и индивидуальные беседы, — мобилизуя массы на поднятие трудовой дисциплины и повышение производительности труда...

Рабочие и служащие всеми мерами стараются помочь в укреплении оборонной мощи Советского Союза, не считаясь со временем и очередностью в сменах. На заводе им. Ленина многие рабочие, узнав о нападении озверелых немецких фашистов на СССР, досрочно вернулись по своей инициативе из отпуска и приступили к работе (Загидуллин — член ВКП(б), инженер Карасев, конструктор Максимов — беспартийный и многие другие).

Мастер цеха № 9 завода им. Дзержинского тов. Коротаев сказал: «Мы знаем, что Красная Армия сделает свое дело — разгромит немецкий фашизм. Мы должны каждый на своем посту обеспечить все условия для победы над врагом. Просим дирекцию завода разрешить нам работать по 11 часов в сутки».

Коллектив цеха № 5 завода им. Дзержинского выдвинул предложение о переходе с 8-часового рабочего дня на 11-часовой. Аналогичные решения коллективов имеются и по ряду других заводов области.

Многие рабочие изъявляют желание работать с дополнительной производственной нагрузкой (завод им. Свердлова). В связи с этим парторганизация и хозяйственное руководство завода организуют в цехах работу по обучению рабочих вторым, третьим операционным квалификациям. Рабочие берут социалистические обязательства производить все вспомогательные работы по ремонту оборудования своими силами.

Все трудящиеся, как один, заявляют: с момента объявления войны нет больше мирных профессий. Победа решается не только на фронте, но и в тылу...

Трудящиеся области в ответ на наглый бандитский налет немецких фашистов с большевистской энергией стали проводить в жизнь взятые на митингах и собраниях обязательства, показывая у своих рабочих мест преданность Родине. В цехе № 6 завода им. Ленина слесарь тов. Черепанов (беспартийный) при выполнении ранее дневного задания на 170% стал выполнять его на 235%. В цехе № 3 токарь Решетов (кандидат в члены ВКП(б)) делал по 4,5 детали, сейчас делает по 5,5 в смену. В цехе № 4 токарь тов. Подьянов (беспартийный) увеличил выполнение сменного зада-

ния со 150% до 240%. Такие примеры имеются и в других цехах завода...

Бригада литейщиков участка № 7 завода им. Свердлова начиная с 23 июня ежедневно заливает деталей на 150% больше, чем в обычные дни. Работа стала дружной, начинается раньше гудка. В цехе, где начальником тов. Каплан, среднее выполнение норм доведено до 180%. Отдельные рабочие сменные нормы выполняют до 300% (Тарасов, Власов, Южакова и др.). Рабочие один за другим встают на стахановские вахты. Бригады тт. Зверева, Шарфеева и Широкова с этого же завода, став 24 июня на стахановскую вахту, суточное задание выполнили от 121 до 230%.

Когда шахтерам шахты № 32-бис (г. Кизел) стало известно о нападении Германии на Советский Союз, на митинге они взяли обязательство поднять производительность труда, и 22 июня по шахте вместо плановых 230 тонн была выдана 351 тонна угля. На шахте Рудничная 22 июня при плане 400 тонн было выдано угля 506 тонн. На шахте Луньевка добыча увеличилась на 20—25%. На шахте № 24 тов. Яценко 22 июня (во вторую смену) при задании 14 тонн дал 28 тонн угля; вторая смена, спускаясь в шахту, взяла обязательство дать сверх плана 60 тонн угля. Обязательство было выполнено. В целом шахты Кизелугля план добычи угля перевыполняют. Также идут с перевыполнением производственного плана шахты Андреевуголь.

По Пермской железной дороге за истекшие сутки план спецперевозок обеспечен полностью. Все ночные поезда на Киров сданы по графику и раньше. Поезда по дороге проследовали со среднесуточной скоростью 624 км при задании 500 км. Подача порожняка производилась точно по заявкам. Комплексные бригады по ремонту паровозов Пермского депо (тов. Ситникова), Чусовского депо (тов. Шибанова) систематически выпускают паровозы из ремонта за 4—8 часов вместо 14 по норме.

Значительно укрепилась трудовая дисциплина, в большинстве предприятий прогулов нет...

Во всех первичных парторганизациях Свердловского района прошли закрытые партийные собрания с вопросом о задачах парторганизации в условиях военных действий. Собрания прошли оперативно, организованно, с исключительной активностью. Были намечены конкретные мероприятия по выполнению боевого производственного задания. В принятых решениях записали: коммунисты считают себя мобилизованными на выполнение производственных заданий; приказ директора, распоряжение начальника цеха и командного состава

ва выполнять, как военный приказ; крепить железную дисциплину личным примером; разворачивать партийно-массовую работу не только в цехах, но и среди неорганизованного населения, в домах и бараках.

В своих постановлениях низовые парторганизации Кизеловского района внимание всех коммунистов направляют на поднятие авангардной роли коммуниста на производстве и на повышение революционной бдительности.

Коммунисты в большинстве случаев являются примером для беспартийных по образцовому выполнению производственной программы. На заводах им. Свердлова, им. Ленина и других все коммунисты перевыполняют нормы выработки.

С каждым днем все возрастает количество заявлений о вступлении добровольно в ряды РККА.

Трудящиеся Кизеловского района, выступая на митингах и собраниях, заявили о своем желании немедленно пойти добровольцами в ряды РККА. Всего за 22 и 23 июня подано заявлений с просьбой о зачислении добровольцами в Красную Армию по Кизелу — 409.

За 25 июня по Ленинскому району подано 270 заявлений о добровольном зачислении в ряды РККА, из них мужчин — 113, женщин — 157...

Райкомом комсомола и райздравотделом (Свердловский район) организована массовая запись женщин-патриоток, желающих быть медицинскими сестрами, на краткосрочные курсы. Более 700 женщин выразили желание в кратчайший срок научиться оказывать первую помощь раненым бойцам. Райком ВЛКСМ организовал три группы связистов: пеших — 200 человек, велосипедистов — 80 человек, мотоциклистов — 10 человек. Начали работать шестимесячные курсы медсестер, на которых обучается около 100 человек...

Секретарь обкома ВКП(б) Денисов П.А., ф. 105, оп. 7, д. 62, л. 40—50. Отпуск. Публикуется впервые.

№ 3

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ В СОВЕТ ПО ЭВАКУАЦИИ О РАБОТЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЛАСТИ ПО ПРИЕМУ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПРИФРОНТОВЫХ РАЙОНОВ

31 июля 1941 г.

В соответствии с указанием Совета по эвакуации в область на 28 июня 1941 года прибыло эва-

куированных 28 417 человек, в том числе 5880 детей... Часть прибывших (1861 человек), те, кто, имея направление Совета по эвакуации в Челябинск и Свердловск, самостоятельно остановились у нас, переправлена в другие области.

По имеющимся в обкоме ВКП(б) данным, все эвакуированные, прибывшие в область, размещены в 26 районах с учетом условий и потребности отдельных районов в рабочей силе.

Партийными и советскими организациями районов проведена соответствующая подготовительная работа к встрече эвакуированных, их размещению и обеспечению работой.

Большинство районов, обеспечив своевременную и достаточную подготовку, организованно провели встречу и размещение эвакуированных. Так, например, в Оханский район эвакуированные начали прибывать с 21 июля. Всего в район прибыло на 28 июля 1941 года 2201 человек, в том числе 1074 детей. Прибывший контингент — главным образом семьи работников НКГБ Москвы. В Оханске размещено по квартирам 786 человек и в рабочем поселке Юго-Камского завода — 1185 человек.

Для размещения эвакуированных и перевозки имущества... было мобилизовано 46 подвод, 17 автомашин, автобус и мотовоз Юго-Камского завода.

Приезжающих встречали специально выделенные уполномоченные от каждого домоуправления, что обеспечило надлежащий порядок. Кроме этого, граждане, к которым должны были встать на квартиру эвакуированные, сами встречали товарищей и развозили по своим домам.

Прибывшие были обеспечены питанием.

23 июля работниками райкома партии проведено общее собрание с эвакуированными, проживающими в Оханске, по вопросу обеспечения последних работой. 24 июля 1941 года райкомом партии проведено совещание эвакуированных коммунистов и комсомольцев, проживающих в Оханске. Перед ними поставлена задача о необходимости развертывания партийно-политической работы среди прибывших.

Всего коммунистов среди эвакуированных в Оханск 15 человек, комсомольцев — 22 человека. Все эти товарищи не сняты с партийного и комсомольского учета. РК ВКП(б) дано указание прибывшим коммунистам взять на временный партучет. Моральное состояние прибывших здоровое. Население очень радужно встретило эвакуированных и разместило их у себя на квартирах, выделив одну-две комнаты, и предоставило в их распоряжение кровати, мебель и постельные принадлежности.

В Кунгурский район прибыло 3 эшелона эва-

куированных в количестве 2991 человека. Их встречали руководящие работники города и района. Все прибывшие прошли санобработку и развезены по организациям и колхозам согласно ранее разработанной разверстки горкома ВКП(б) и горисполкома. Эвакуированных, прибывших с первыми двумя эшелонами (более 900 человек) распределили в черте города, 503 человека в сельскую местность, а остальных в другие районы. Почти все эвакуированные обеспечены квартирами и приступили к работе. Некоторые из них с любовью взялись за работу и дают хорошие показатели в выполнении норм, хотя они и не работали в сельском хозяйстве. Например, в колхозе «Вперед» Сылвенского сельсовета из эвакуированных организована бригада в количестве 25 человек, бригадир тов. Гранет. Его бригада ежедневно выполняет нормы выработки; член ВКП(б) тов. Биернис Ян Янович за 22 июля 1941 года на метке сена заработал 7,18 трудодня, за 23 июля — 6,45 трудодня. Таврин, член ВКП(б), бывший директор одной из школ Латвии, за 22 июля 1941 года заработал 4,72 трудодня, за 23 июля — 4,07 и за 24 июля — 6,7 трудодня.

Взаимоотношения между рабочими, колхозниками и эвакуированными хорошие, каждый колхозник старается своим опытом и знаниями оказать им помощь в овладении той или иной работой.

Секретарь обкома ВКП(б) Г а л а й д и н

ПАПО, ф. 105, оп. 7, д. 62, л. 134—138. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 4

ВСТРЕЧАЛИ КАК РОДНЫХ

Из воспоминаний начальника эвакуопункта Пермского облисполкома Грошева Л. Н.

В ночь на 14 июля 1941 года я неожиданно был вызван на заседание бюро обкома партии и назначен на должность начальника эвакуопункта Пермского облисполкома. Нужно было начинать работу до сих пор никому неизвестную.

С чего начинать?

Этот вопрос я тут же задал первому секретарю обкома Николаю Ивановичу Гусарову. Он ответил: «Бери мою машину и поезжай на Пермь II, там должен подойти какой-то эшелон. Сам увидишь на месте, с чего начинать!»

Чуть светало, когда я приехал на станцию. Подошел состав с промышленным оборудованием,

направляющийся в Новосибирск. Эшелон сопровождали несколько десятков рабочих. И первое, с чем они обратились к нам, была просьба накормить их. Хорошо, что начальник вокзала тов. Гостев знал меня раньше и мог подтвердить мое распоряжение ресторану выдать людям обед и хлеб. На скорую руку был организован этот первый обед для эвакуированных. Эшелон отправился дальше.

А мы с этого утра приняли на себя заботу о десятках тысяч людей, прибывавших в первые месяцы войны из районов, оккупированных фашистами. Эвакуация — народное бедствие. С детьми, со стариками ехали через всю страну на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию семьи, лишившиеся крова. Советское государство делало все возможное, чтобы облегчить тяжелую участь эвакуированных, начиная с обеспечения их еще в пути горячей пищей и кончая устройством на новом месте, созданием условий для жизни, работы и воспитания детей. Трудящиеся Пермской области вложили очень большой вклад в это всенародное дело.

Работа нашего эвакуопункта была многообразной. Прием, размещение эвакуированных, обеспечение их питанием, своевременная отправка тех, кто едет дальше...

В обстановке военного времени частенько возникали непредвиденные ситуации, из которых надо было находить выход без всякого промедления.

Конечно, больше всего хлопот и самого горячего участия с нашей стороны требовали дети. Нам часто приходилось снимать с железнодорожных эшелонов детей, потерявших родителей, разыскивать их родственников или передавать на патронирование и в детские дома.

К сожалению, забыл я фамилию женщины, работавшей в то время в детской комнате милиции на станции Пермь II. Она беззаветно любила детей, по-матерински заботилась о них и с исключительной настойчивостью разыскивала их родственников. Ведь приходилось умело и очень подробно расспрашивать соседей по вагону об умерших — куда они ехали, где живут ближайшие родственники...

Надо сказать, что желающих взять на воспитание сирот было много. Ежедневно приходили пермяки в детскую комнату, наводили справки, выбирали себе детей и оформляли усыновление. В результате большое количество осиротевших в войну ребят нашли в Перми и Пермской области новые семьи.

Мне особенно запомнились два случая.

Однажды с поезда сняли брата и сестру карелов, их мать умерла в дороге. Соседи по вагону

сообщили, что отец их погиб на фронте. Брат и сестра были очень красивыми: смуглые личики, огромные черные глаза, густые длинные ресницы. Но они совершенно не говорили по-русски. Тут же нашлось много желающих усыновить их, но, к нашему сожалению, каждого в отдельности.

Я категорически запретил разъединять брата с сестрой, заведующая детской комнатой не хотела сдавать их в детдом, и они долгое время жили при ней, пока не нашлись люди, решившие усыновить сразу двоих. Это были жители Верхних Муллово. Эвакопункт оказал новым родителям помощь деньгами, продуктами и вещами. Были приобретены полные комплекты детской одежды и постельных принадлежностей. И потом долгое время мы помогали им. Я неоднократно навещал их на новом месте жительства — в Верхних Муллах.

В другой раз сняли с поезда только что умершую ленинградку — мать двоих детей, мальчиков. Одному было примерно шесть лет, второму — три-четыре года. Младший был упитанный карапуз. От соседей по вагону мы узнали, что они с матерью ехали в Новосибирск к отцу, эвакуированному ранее с заводом.

В этот же день во время обеда заведующая детской комнатой увидела, что старший мальчик делится едой с младшим. Убедить его, что этого делать не следует, ей не удалось и она позвала меня. Почему-то с первого дня старший мальчик проникся ко мне особым доверием, он послушался, стал кушать, а свой поступок объяснил тем, что «так всегда делала наша мама». Стало понятно, что мать, стремясь спасти детей, отдавала им, особенно часто младшему, свой паек, это, видимо, и было причиной ее смерти.

Телеграмму за телеграммой посылал я в Новосибирск, но ответа не получал. В это время заболел сначала старший мальчик, а потом и младший. Лечили их в железнодорожной больнице. По два-три раза в день наводили мы справки об их здоровье.

Когда они поправились, я дал телеграмму на имя директора завода, на котором, по нашим данным, работал их отец. Мне ответили, что такой-то, выполняя ответственное задание, в настоящее время выехать не может, но при первой возможности приедет в Пермь за сыновьями.

И вот как-то в мой кабинет заходит человек средних лет и называется фамилией мальчиков. Он, видимо, потерял надежду найти их и даже боялся спрашивать... Я понял его состояние и сразу же предложил: «Пойдемте в детскую комнату, посмотрите своих сыновей». Трудно передать, как он обрадовался!

Старший мальчик, увидев отца, бросился к нему с криком: «Папа пришел!», а младший, вероятно, уже успел позабыть отца и стоял в недоумении. Отец не мог устоять на ногах, сел прямо на пол, прижал к себе сыновей и разрыдался.

Мы выдали им багаж, деньги, которые нашли в вещах, продукты на всю дорогу, оформили железнодорожные билеты. Заведующая детской коммунотой свозила отца с сыновьями на могилу матери. Вечером этого дня мы проводили их в Новосибирск.

Подобных трогательных случаев было немало, но и теперь, когда прошло столько лет, их без волнения вспомнить невозможно.

Школьники Москвы и Ленинграда прибывали в нашу область организованно. Их размещали в школьных зданиях в районах, расположенных вблизи пристаней — пока не замерзла Кама, а после закрытия навигации — неподалеку от железных дорог.

Наши же школьники продолжали учебу в сельсоветах, правлениях колхозов, клубах, избах-читальнях. Всем этим руководили райкомы партии и райисполкомы.

Однажды зимой, наверное, уже в январе 1942 года прибыл эшелон с тремя школьными интернатами города Москвы. Для них у нас были приготовлены три школы, но уже в отдалении от железной дороги. Встречать их вызвали из Уинского района сотни колхозных подвод.

Ночью на автомашине я выехал в Кунгур, чтобы там на месте организовать встречу и перевозку ребят. В пятидесятиградусный мороз мы к рассвету с трудом добрались до станции. Замерзшие лобовые стекла приходилось оттирать солью.

Зайдя к начальнику станции, я узнал: эшелон прибывает с минуты на минуту. А градусник за окном кабинета показывал сорок с лишним градусов мороза!

Когда пришел эшелон, выяснилось, что дети эвакуированы уже трижды: первоначально в Ярославль, потом в Горький и в последний раз — в Пермь. Одеты все в осенние пальто и кожаную обувь. Заведующие интернатами поначалу категорически отказались разгружать вагоны, боясь поморозить ребят. Но вагоны были крайне нужны для перевозки раненых и медлить нельзя было ни часа.

Как же быть? Как везти детей при таком свирепом морозе 70—90 километров? Единственный выход — грузить их на сани «под крышу». Выручил опыт моей прошлой работы на Севере.

Эшелон подали в тупик, подводы подъезжали

прямо к вагонам. На сани клали матрацы и подушки. Ребят воспитатели выносили на руках, укладывали, покрывали одеялами, затем — пологими, половиками или дерюгами. И все это привязывали к саням. Так дети были «упакованы» в везы. Когда обоз тронулся, я на автомашине обогнал его и пропустил перед собой.

Представьте такую картину. Зимнее, солнечное, очень морозное утро. Заиндевшие лошади, на облучке старик-колхозник, или женщина, или даже двенадцати-тринадцатилетний паренек в тулупе, тоже весь заиндевший. А из саней, из-под пологов раздается визг, писк и смех ребят. Дети ведь остаются детьми! И тут, под ворохом одеял и дерюг, они продолжали играть.

Впоследствии заведующие интернатами присылали в эвакуопункт письма с благодарностью: ребята были доставлены на места без единого случая обморожения.

Сотни тысяч колхозников в нашей области в любую погоду безотказно, самоотверженно развозили эвакуированных по деревням и селам. А организацией перевозки, размещением вновь прибывших, обеспечением их продуктами и топливом занимались работники райкомов партии, райисполкомов, председатели сельсоветов и колхозов. И надо сказать, выполнили они эту задачу с честью.

Уральцы считали своим патриотическим долгом окружить вниманием, отеческой заботой детей, родители которых грудью встали на защиту Родины. Много сил, энергии, доброжелательности, инициативы проявили наши земляки, чтобы теплее и уютнее жило детям героического Ленинграда. Сотни ленинградских малышей приютили Оханск, Соликамск, Черновское, Верхние Городки... Детские учреждения Ленинграда были размещены в 19 районах нашей области. Всего на территории Западного Урала к маю 1942 года было расселено 258 602 человека, в том числе из Москвы — 62051, из Ленинграда — 107 879 эвакуированных. Не раз бюро райкомов и горкомов партии обсуждали вопросы жизни и учебы эвакуированных ребят.

Я позволю себе привести здесь некоторые эпизоды из рукописной книги: «Дети Ленинграда на Урале».

Володя Скрябин и Валя Дроздова из Ерзовского интерната Частинского района рассказывают: «Однажды мы увидели легковую машину, около нее стоял секретарь райкома партии, а рядом с ним человек в полувоенной форме. Это был секретарь обкома партии Н. И. Гусаров. Николай Иванович приехал познакомиться с жизнью детей нашего интерната. Интернат размещался в шести

домах, разбросанных по деревне. Николай Иванович осмотрел помещения, поинтересовался здоровьем, обеспеченностью одеждой, питанием. Он расспрашивал малышей, чем они занимаются. Ребята рассказали о своей учебе и работе в колхозе, в подсобном хозяйстве, о заработанных трудовнях, о полученной интернатом Почетной грамоте райкома и райисполкома, о шефстве над семьями фронтовиков».

Воспитанники интерната села Беляевка Осинского района с благодарностью пишут о директоре школы Петре Ивановиче Сажине: «Мы праздновали 24-ю годовщину Октября. В пустой комнате стояли еще не разобранные мешки с вещами — они служили нам мебелью. Вошли Петр Иванович с женой. Они поздравили нас с днем Октябрьской революции. Мы видели, какое впечатление произвела на Петра Ивановича необычная обстановка, и на следующий день почувствовали его заботу. С утра к нашему дому подогнали подводы, груженные столами и скамейками. Через несколько дней его же стараниями были сделаны топчаны. Петр Иванович стал частым гостем в интернате. Он делил с нами радость и горе. Узнав о гибели родителей воспитанника, окружал сироту вниманием и лаской».

Пишет заведующая интернатом деревни Спешкова Очерского района: «Первые дни на новом месте. Вечер. В комнату входит высокий мужчина с длинной пушистой бородой. В руках у него корзина, покрытая мешковиной.

— Это вам от колхоза «Труженик», — говорит он, — выкормите — польза будет детишкам. — И выпускает из корзины розового живого поросенка.

Это был председатель колхоза Иван Александрович Шистеров. Накануне 1 Мая Иван Александрович привез в интернат громадных щук и, любуясь оживлением детей, столпившихся вокруг поварки, говорил:

— Сам выловил, рыбка свежая.

7 ноября он принес детям в подарок меду. В марте 1944 года колхоз «Труженик» передал интернату лошадь с телегой. При всех хозяйственных затруднениях мы обращались к Ивану Александровичу и получали от него помощь».

Еще одна запись из этой же книги. Коллектив интерната деревни Полозово Черновского района тепло отзывается о председателе сельпо Григории Алексеевиче Баранове: «Трескучий мороз, надо лить, колоть дрова, а теплых варежек нет. Григорий Алексеевич дает распоряжение — все поступающие в магазин варежки и носки передать интернату».

Черновской райвоенкомат призвал в ряды Со-

ветской Армии воспитанника интерната. Волнение: как быть? Нет ничего теплого! И тут выручает Григорий Алексеевич. У какого-то катавала он достал валенки, нашел в деревне носки и рукавицы. В интернате трудное положение с питанием — не получены фонды. На складе сельпо имеются кое-какие продукты нефондового назначения. «Морить ребят голодом не могу, — заявил он райторгу, — имеющиеся в сельпо продукты — крупу и картофель — передаю интернату».

Таких фактов можно было бы привести очень много.

За повседневную заботу о ленинградских детях, эвакуированных в Пермскую область, Ленинградский горисполком своим решением от 21 июня 1944 года наградил грамотами тридцать одного работника нашей области, в том числе несколько секретарей райкомов, председателей колхозов. Получил грамоту и я как начальник эвакупункта Пермского облисполкома.

Всего за первые месяцы войны через областной центр пропущено 33 миллиона человек: по 30—33 тысячи эвакуированных в сутки...

ПАПО, ф. 90, оп. 2, д. Г — 48. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 5

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ УЧАСТНИЦ АНТИФАШИСТСКОГО ЖЕНСКОГО МИТИНГА В ПЕРМИ

22 сентября 1941 г.

Ба з а р к и н а, стахановка Мотовилихинского завода, сестра Героя Советского Союза В. Крохалева:

— Кровавый, трижды проклятый фашистский изверг напал на нашу родимую и любимую землю, на наши цветущие города и села, на наши мощные крепости и заводы, он протянул свои кровавые лапы к нашей счастливой жизни, к радостному и творческому труду, тысячи детей лишил родителей, а у матерей отнял детей, надругался над нашими гордыми девушками. Все это тяжким камнем ложится на сердце, и страшная ненависть рождается у нас к фашистам. Смерть им, только смерть, никакой пощады!..

Наши родные бойцы Красной Армии мужественно громят врага, уничтожая его ударные отряды, технику. Законом нашей жизни и борьбы теперь стало: смерть за смерть, кровь за кровь. Мы,

матери, жены, сестры, невесты, благословляем наших родных на полное уничтожение гитлеровских бандитов. Сами мы, женщины, встанем плечом к плечу с мужьями, братьями и женихами. На фронте или в тылу мы должны работать не покладая рук. Наши женские руки нужны всюду. Я работаю телефонисткой, дежурю в лазарете, принимаю участие в общественной работе района. Я призываю всех женщин нашей Родины встать на защиту своей жизни, своей чести, работать на производстве столько, сколько требует Красная Армия, помочь в уборке и сохранении урожая, собирать теплые вещи, проводить во всем жесточайшую, железную экономию. В этом наша священная обязанность. Враг еще силен, но мы ничего не пожалеем для его уничтожения...

Вечеслова, заслуженная артистка РСФСР, орденосица:

— Женщины нашей великой Родины, женщины всего мира — матери, жены, сестры! Грозные дни переживает человечество. Фашистские полчища, не знающие ни закона, ни морали, ни чести, уничтожают все, что встречается на их пути. Они истребляют мирное население, пытаются и насилуют женщин, истязают беззащитных стариков и маленьких детей, города и селения превращают в пепел, замечательнейшие произведения искусства — в развалины и прах. Каждый день приносит новые вести о чудовищных преступлениях, которые творят эти звери.

Но не слезы и отчаяние вселяет в наши сердца их злодейство. Мечь, великую священную мечь за поруганные права человека, за поправленную женскую честь, за разрушенные семейные очаги должны мы обрушить на голову врага. Ненависть беспощадную будем воспитывать мы в наших детях, к борьбе с врагом зовем мы наших мужей и братьев.

Нашей стране выпала историческая задача защитить культуру от фашистских варваров, сохранить искусство и науку, спасти человечество от гибели и разрушения. Будем всегда помнить об этой исторической задаче. Великие русские писатели Пушкин, Некрасов, Горький прославили героический путь русской женщины в прошлом. Пусть и советская культура и советское искусство создадут новые величавые образы женщин, которые сейчас вместе с доблестной Красной Армией, могучим Красным Флотом, славной авиацией заняли свое историческое место в борьбе.

ПАПО, ф. 105, оп. 7, д. 63, л. 108—110. Отпуск. Публикуется впервые.

ИЗ ДОКЛАДА ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ПАРТИИ ГУСАРОВА Н. И. * НА ПЛЕНУМЕ ОБКОМА ВКП(б) О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ОБЛАСТНОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ

20 октября 1941 г.

Товарищи! После начала войны пленум нашего областного комитета партии собрался впервые. Суровые и грозные дни пришлось пережить за это время нашей стране... Мы безусловно победим, но эта победа будет делом нелегким...

Товарищи! За четыре месяца войны наша партийная организация провела огромную работу по обеспечению фронта людским составом, вооружением и многими другими необходимыми средствами ведения войны. На призыв партии по обеспечению усиленной работы всех предприятий трудящиеся области ответили невиданным производственным подъемом. Патриоты нашей страны, трудящиеся нашей области, работая на предприятиях, в шахтах, на транспорте, в колхозах, проявляя свои способности, инициативу, борются за увеличение продукции, за создание вооружения для Красной Армии. Многие предприятия без дополнительных средств, без дополнительного оборудования, с меньшим количеством людей стали производить больше продукции, чем производили в мирное время...

Все для фронта, все для победы над врагом! Под этим лозунгом значительная часть наших предприятий по-военному быстро осваивает новые виды продукции и выполняет заказы для фронта. Такой крупнейший завод, как Мотовилихинский, в дни войны значительно увеличил выпуск продукции, быстро и четко выполняет на протяжении всего периода войны заказы для фронта. Парторганизация и хозяйственное руководство завода правильно оценили обстановку и угрозу, нависшую над нашей страной, и перестроила свою работу в соответствии с требованиями времени, повысила требовательность и ответственность на всех участках за порученную работу, развешивают решительную борьбу за повышение производительности труда, используя все технические и производственные ресурсы завода. И несмотря на то, что порой завод получал задание в середине ме-

* Гусаров Николай Иванович работал первым секретарем Пермского обкома ВКП(б) с 1938 по 1946 г. В годы войны одновременно был первым секретарем Пермского горкома партии.

сяца, он с честью его выполнял и эшелоны пушек давал фронту.

Правильно поступают те руководители, которые на существующей производственной площадке, на существующем оборудовании, не надеясь на привозное дополнительное, обеспечивают выпуск продукции и выполнение заданий.

Неплохие образцы работы показал и коллектив завода имени Дзержинского, который также на протяжении всей войны четко, точно выполняет задания Комитета Обороны, любое задание, которое ему давалось... За это время коллектив завода освоил много новой продукции. Достаточно сказать, что он в течение одного месяца изготовил, чтобы выпускать новую продукцию, только одних станков 230. Это сделали большевики, которые поняли опасность, серьезность угрозы для нашей страны и которые являются настоящими большевиками, а не людьми, которые думают больше о своем личном житишке.

Высокая требовательность к себе и ко всем коммунистам на заводе имени Дзержинского, повседневный контроль за выполнением заданий Комитета Обороны, поручений парторганизации помогли большевикам завода добиться значительных успехов в работе. На этом заводе коммунисты — подлинные вожаки и организаторы масс, показывающие пример лично.

За время войны улучшилась работа угольной промышленности, досрочно выполнен план значительным количеством шахт, но тем не менее еще не все предприятия работают удовлетворительно, многие работают даже хуже, чем в мирное время.

В колхозах в связи с войной произошли коренные изменения. Большинство колхозников в дни войны старались вложить все свои силы, чтобы лучше помочь фронту. Многие парторганизации колхозов на деле возглавили трудовой подъем колхозников и добились больших успехов. Но, товарищи, значительная часть колхозов и целые районы, которые раньше у нас были на хорошем счету — Кунгурский, Уинский, Березовский, Ординский, — стали работать отвратительно, преступно. В сельской местности также сказались благодущие и беспечность. Многие наши партийные руководители переоценили свои успехи...

Товарищи, наша областная партийная организация послала в ряды Красной Армии около 8 000 коммунистов. Одна четвертая часть состава областной парторганизации находится в Красной Армии... Посланные нами на фронт коммунисты, комсомольцы героически дерутся против обнаглевшей банды Гитлера. Получаемые с фронта

известия говорят, что коммунисты и комсомольцы нашей области с честью оправдывают оказанное им доверие, хранят честь и боевую славу большевиков Урала...

У нас сейчас коммунисты остались, главным образом, на оборонной промышленности. Надо самым решительным образом двигать женщин на производство, надо, чтобы буквально целые семьи работали на производстве... Многие руководители хозяйственных предприятий научились и сейчас усиленно готовят кадры, главным образом, из женщин. Нужно готовить кадры из женщин для промышленности и сельского хозяйства...

Пользуясь внезапностью нападения и имея превосходство сил на отдельных участках фронта, враг захватил значительную территорию нашего Союза и значительную часть промышленных областей. В связи с этим продолжают эвакуироваться промышленные предприятия в глубокий тыл. Нарушение промышленности в прифронтовой полосе возлагает на нас большую задачу. Урал является арсеналом нашей армии, поэтому особо важная задача — как можно быстрее пустить эвакуированные предприятия в ход. Это наше кровное дело...

Мы, товарищи, имеем все возможности принять на себя выпуск значительно большей продукции, чем мы выпускали до сего времени. Мы сейчас должны исходить из того, чтобы возместить потери, которые вызываются эвакуацией предприятий. Родина требует от трудящихся нашей области увеличить выпуск продукции, особенно оборонной, следовательно, наши предприятия должны сейчас бесперебойно обеспечивать Красную Армию и Военно-Морской Флот вооружением и боеприпасами. У нас в области имеются огромные резервы угля, нефти, металла. Мы должны максимально их дать для пользы страны...

Каждая партийная организация должна руководить и направлять работу таким образом, чтобы успехи хозяйственные сочетались и шли рядом с успехами партийно-политической работы, с воспитанием патристического отношения к труду, с неуклонным соблюдением партийной, государственной и трудовой дисциплины. Это особенно необходимо в период войны, когда партийные организации, как никогда, должны быть связаны с массами, вести массы к победе над заклятым врагом...

Война еще сильнее сроднила, объединила ряды коммунистов, повысила их требовательность к себе и другим... Коммунисты сейчас должны находиться ежедневно, ежечасно в самой тесной связи с беспартийными, необходимо вести рабо-

ту в самой гуще масс, мобилизуя их на самоотверженный труд. Успех работы в массах во многом зависит от участия коммунистов в политической жизни парторганизации...

Сейчас фронт и тыл слились. Что значит война народная, отечественная? Это значит, что фронт и тыл куют одно и то же. Сейчас всякие недоразумения, неполадки в тылу немедленно отражаются на фронте. Если вы обидели семью красноармейца, семью командира, незаслуженно оскорбили, не оказали содействия, это уже отражается на фронте. Эта война народная. Сражается не только армия, сражается весь народ. Чем крепче будет тыл, тем крепче будет фронт. Чем больше будем работать с народом, тем быстрее обеспечим победу...

Товарищи, отдадим все свои силы, всю свою волю и энергию на разгром врага, на защиту нашей Родины. Наш горячий привет уральским большевикам-фронтовикам! Наш призыв к уральским частям, которые готовятся к отправке на фронт, наш призыв к бойцам всеобща, которые должны усиленно готовить новое пополнение.

Необходимо, чтобы наши коммунисты сейчас еще больше мобилизовались, работали на производстве по-военному, по-фронтовому и чтобы они были готовы сами идти на фронт в любой момент. Создадим новые части для отправки на фронт с большим количеством коммунистов и комсомольцев!

Родина в опасности, поэтому нет сейчас более важной задачи, как встать каждому на защиту нашей Родины. Лучшая честная смерть в бою, чем позорное рабство! С этим лозунгом мы должны пойти в партийные организации, на фабрики, на заводы, поднять наших рабочих на то, чтобы больше делали оружия, чтобы больше давали бойцов, чтобы спасти нашу Родину от фашистов.

ПАПО, ф. 105, оп. 1, д. 83, л. 1—56. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 7

РАПОРТ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ СВЕРДЛОВСКОГО РАЙКОМА ПАРТИИ ЗАВИРОХИНА Н. А. ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ГУСАРОВУ Н. И. С ПРОСЬБОЙ НАПРАВИТЬ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ

22 ноября 1941 г.

Прошу Вас направить меня на политическую работу в части действующей Красной Армии.

Все мои братья на фронте дерутся за Родину, все мои личные друзья на фронте сражаются с врагом. Мы из района послали более 500 человек коммунистов и более 700 человек комсомольцев, и все они ушли добровольцами. В их воспитании я принимал активное участие, всех их знаю лично. Провожая каждую группу, мы наказывали драться с врагом до последней капли крови, наказывали биться по-уральски, презирая смерть.

Каждый день я как руководитель районной партийной организации призываю коммунистов, комсомольцев и беспартийный актив к готовности с оружием в руках защищать Отчизну и организую их военную подготовку, насколько у меня хватает сил и умения, а сам по-прежнему остаюсь здесь, в тылу.

Неоднократно просился еще в мирное время послать меня на работу в РККА, неоднократно с первого дня войны прошу послать меня на фронт, тщательно и систематически готовился и готовлюсь с оружием в руках бить врага. Хорошо владею всеми видами стрелкового оружия, знаю тактику современного боя, хожу на лыжах, на отлично окончил военные курсы партийных работников, организованные ЦК ВКП(б) (апрель — май 1940 г.). С первого дня организации истребительного батальона № 222 работаю комиссаром, подготовил и отправил на фронт более 150 человек, усиленно готовлюсь и сам. Так почему же меня не послать на фронт? Что, я хуже моих друзей знаю военное дело? Или я по другим причинам не готов драться с фашистской сволочью? Нет, товарищ Гусаров, военное дело я знаю, а что не знаю, научусь в бою; нет причин не послать меня на фронт. Драться с проклятой падалью буду до последней капли крови, до последнего вздоха, и краснеть за меня уральским большевикам не придется.

На работе здесь меня заменить легко, состояние здоровья нормальное, тренировка выносливости есть. Оставаться здесь в тылу и спокойно провожать друзей и товарищей на фронт больше не могу. Настоятельно прошу направить меня в действующую Армию, Ваше доверие оправдаю в бою с трижды проклятым врагом*.

Секретарь Свердловского РК ВКП(б) ст. политрук запаса Завирихин

(Резолюция секретаря обкома ВКП(б) т. Гусарова: «Саргину. Нужно иметь на учете при по-

* Завирихин Николай Александрович погиб на фронте смертью храбрых.

следующих мобилизациях. Только нужно готовить замену. Н. Гусаров. 24/XI-41 г.))

ПАПО, ф. 105, оп. 102, д. 1316, л. 22. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 8

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ VII ОБЪЕДИНЕННОГО ПЛЕНУМА ПЕРМСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б) О ВЫПОЛНЕНИИ УКАЗАНИЙ ЦК ВКП(б) ПО МАКСИМАЛЬНОМУ УВЕЛИЧЕНИЮ ВЫПУСКА ПРОДУКЦИИ ДЛЯ ФРОНТА

6—7 декабря 1941 г.

...Объединенный пленум обкома и Пермского горкома ВКП(б) обязывает партийные организации области и города мобилизовать всех коммунистов и беспартийных рабочих, служащих и колхозников на выполнение указаний ЦК ВКП(б) о максимальном увеличении выпуска продукции для нужд фронта.

Считать важнейшей задачей партийных организаций и руководителей предприятий производство противотанковых средств борьбы и другого вооружения, необходимого для Красной Армии и Военно-Морского Флота. Парторганизации предприятий, вырабатывающих вооружение и боеприпасы, обязаны обеспечить ежедневное выполнение суточного задания, своевременную отгрузку продукции для фронта путем широкого развития социалистического соревнования и стахановского движения и доведения суточного задания до рабочего места.

Пленум требует от руководителей предприятий и партийных организаций безусловного выполнения заданий Государственного Комитета Обороны. Невыполнение заданий ГКО необходимо расценивать как преступление перед Родиной, и виновных привлекать к строгой партийной и государственной ответственности, вплоть до исключения из партии и предания суду.

В связи с тем, что в области значительно возросло количество машиностроительных заводов и резко отстает производство металла, штамповок, стального и чугунного литья, пленум поручает бюро обкома ВКП(б) рассмотреть вопросы максимального использования оборудования существующих металлургических предприятий и дальнейшего их развития.

Поручить бюро обкома ВКП(б) направить работу научно-исследовательских учреждений на изыскание заменителей остродефицитных материа-

лов и решение технических вопросов промышленности, связанных с удовлетворением нужд фронта.

Партийным организациям необходимо взять под повседневный контроль восстановление предприятий, эвакуированных в нашу область, оказывать практическую помощь в быстрейшем пуске и освоении их производственных мощностей...

ПАПО, ф. 105, оп. 1, д. 80, л. 215—222. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 9

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) В ЦК ВКП(б) О ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДНЯ 8 МАРТА

21 марта 1942 г.

...Призыв ЦК ВКП(б) «Все для фронта, все для победы!» вызвал среди трудящихся женщин области мощный производственный и политический подъем, дальнейшее развертывание социалистического соревнования тыла с фронтом.

На заводе им. Дзержинского, в цехе, где начальник тов. Бердников, в связи с подготовкой к 8 марта организовано 10 фронтовых женских бригад, которые производственные нормы выполняют на 200%. Стахановка тов. Сабенина заявила: «Эти нормы мы удвоим и сделаем весь наш участок фронтовым».

Всего на заводе им. Дзержинского создано 27 фронтовых женских бригад. Фронтовая бригада тов. Шариковой выполняет нормы на 249%, бригада тов. Замараевой — на 206%.

На Березниковском азотно-туковом заводе за отличную работу директором завода было премировано 47 женщин и вынесена благодарность 22. В числе премированных тов. Гулина А. С. — стахановка-электросварщица, выполняет норму на 250%.

На Лысьвенском металлургическом заводе премировано за отличную работу 260 женщин. Из них 103 являются двух-трехсотницами, а некоторые из них имеют правительственные награды. Так, например, сборщица Габова в течение всего 1941 года производственное задание выполняла на 200%, а в феврале месяце 1942 года — на 400%.

Работницы Александровского машиностроительного завода (г. Кизел) ознаменовали день 8 марта резким повышением производительности

труда. Кузнечно-прессовый цех за этот день выполнил производственное задание на 373%.

Десятки работниц завода показали в этот день рекордную производительность труда. Так, например, тов. Норова выполнила сменное задание на 668%, шесть норм за смену дала тов. Булатова.

За период Отечественной войны вовлечены десятки тысяч женщин в разные отрасли промышленности — угольную, металлургическую, химическую, железнодорожный транспорт. Они прекрасно овладевают мужскими профессиями.

На заводе им. Дзержинского работает 77% женщин к общему числу рабочих, а в цехе т. Айбиндер — 90%.

На шахтах им. Володарского и «Рудничная» треста Кизелуголь организованы женские бригады навалотбойщиков. Только на шахту им. Ленина за период Отечественной войны пришли работать 235 женщин. Работа стволовых всегда считалась исключительно мужской профессией, но тт. Бурдюжина и Жарикова сейчас блестяще справляются с этой работой.

Евдокия Овчинникова (шахта им. Ленина) после ухода мужа в действующую Красную Армию пошла работать в забой. Она быстро овладела профессией помощника машиниста легкой врубовой машины и дает высокую производительность труда на проходке горных выработок.

На шахте Центральной бывшая работница кондитерской артели тов. Белозерова в феврале месяце совместила две профессии — машиниста конвейера и питателя угольной галереи. Ее примеру последовали и другие работницы шахты.

Широко развивается движение среди трудящихся женщин за овладение мужскими профессиями и на железнодорожном транспорте.

Работница холодильника тов. Опарина освоила профессию машиниста, тт. Петрова, Ганина, Казанцева и др. — помощника машиниста.

Тов. Яковлева (станция Пермь II) освоила профессию паровозного машиниста и сейчас является лучшим машинистом этой станции. Только за февраль месяц она сэкономила на своем паровозе 11 тонн угля. На районном торжественном собрании, посвященном 8 марта, она призвала женщин к еще более упорной работе по освоению мужских профессий.

За время войны в Чусовское железнодорожное отделение пришли работать 790 женщин. Тов. Чернавина в первые дни войны заменила ушедшего на фронт мужа, стала работать помощником машиниста, с работой справляется. Сейчас обучается на машиниста электровоза. Тов. Матве-

ева, муж которой ушел добровольцем на фронт, за 15 дней обучилась на машиниста компрессора.

Тов. Шишгова пришла в вагонное депо со школьной скамьи, быстро овладела специальною бригадира рессорного цеха и систематически перевыполняет нормы выработки. За январь производственное задание ее бригада выполнила на 227%.

На Мотовилихинский завод в начале войны пришла работать Ира Лукаева. Она не знала производства. Но упорная и настойчивая работа позволила ей быстро освоить сложную профессию токаря. Она стала стахановкой. Затем она научилась работать на сверлильном станке и, когда в цехе не хватало сверлильщиков, обрабатывала самые сложные детали. Вслед за этим она овладела и фрезерным станком и сейчас выполняет эту работу не хуже самых квалифицированных фрезеровщиков мужчин. Все мастера завода говорят про нее: «Эта девушка — мастер на все руки, в работе заткнет за пояс любого мужчину».

Тысячи женщин выдвинуты на руководящую партийную, советскую и хозяйственную работу, подавляющее большинство из них прекрасно справляется с задачами, поставленными партией и правительством в условиях военного времени.

Особенно большое количество женщин выдвинуто на руководящую работу в колхозах, МТС и совхозах — на посты председателей колхозов, заведующих колхозными товарными фермами, бригадирами и т. д.

В Фокинском районе за период Отечественной войны выдвинута на руководящую работу в колхозах 141 женщина. Из них работают: предколхозами — 5 чел., бригадирами — 54 чел., счетоводами — 36 чел., кладовщиками — 45 чел. Обучено на курсах трактористов и комбайнеров 217 чел.

Подготовка и проведение 8 марта в колхозах, совхозах, МТС области прошли под лозунгом: хорошо подготовиться и успешно провести весенний сев 1942 года, дать фронту больше хлеба, мяса, овощей.

В колхозе «Трактор» (Частинский район) председатель колхоза и 5 бригадиров — женщины. Все они пришли на руководящую работу недавно, заменив мужчин, ушедших на фронт. Колхоз является передовым в районе. Выполняя досрочно все поставки государству, колхозники успешно готовятся к севу. Семена давно засыпаны и доведены до высокой кондиции. Отремонтирован весь сельхозинвентарь. Для лошадей к весенней посевной забронированы грубые и концентрированные корма. Заготовлено достаточно минеральных удобрений, собирается зола и птичий помет,

навоз вывезен на поля. «С севом справимся в сроки», — говорит председатель колхоза тов. Казанцева.

Нина Каракулова еще недавно работала в МТС на ремонте тракторов. Теперь она председатель колхоза «Заря» (Черновской район). С большой энергией она взялась за порученное ей дело. Заключив договор социалистического соревнования с колхозом им. Азина на лучшую подготовку и проведение весеннего сева, члены колхоза «Заря» по-большевистски борются за выполнение взятых обязательств. Семенной фонд засыпан полностью. Закуплены и завезены минеральные удобрения. Отремонтирован сельхозинвентарь. Установлена твердая трудовая дисциплина.

Празднование Международного коммунистического дня 8 марта было отмечено проведением массовых воскресников, в которых приняло участие около 45000 человек.

В Кунгуре в воскресенье приняли участие 640 человек. Заработанные деньги переданы в фонд детучреждений освобожденных от немецких оккупантов районов.

По инициативе трудящихся женщин железнодорожного транспорта, предприятий и учреждений Березников проведен воскресник, в котором участвовало свыше 4000 человек. Заработанные деньги также пойдут на строительство детских учреждений освобожденных от фашистов районов.

Рабочие многих предприятий областного центра в выходной день 8 марта также работали и заработанные деньги перевели в фонд помощи районам, освобожденным от немецких оккупантов, и для оказания помощи семьям красноармейцев.

На заводе «Красный Октябрь» из заработанных на воскреснике денег оказана помощь 21 семье красноармейцев.

Проведен также воскресник по очистке станции Пермь II, в котором участвовало 1556 человек.

Большую работу провели женщины-общественницы по оказанию помощи военным госпиталям. Так, например, женщины Кунгура для госпиталя пошили 700 наволочек, постирали 120 халатов, 300 простыней. Собрали среди населения большое количество подушек, ламп, постельного белья и т. п.

Женщины-общественницы Шахтстроя (г. Кизел) пошили 25 тысяч метров мануфактуры для бойцов Красной Армии, принимали активное участие в оборудовании госпиталей. Бригады санитарных дружинниц посещают госпитали, ухаживают за тяжелоранеными красноармейцами.

Женщины-активистки Очерского района провели большую работу по организации помощи госпиталю. За последние дни собрано больше 800 различных вещей: посуда, музыкальные инструменты, художественная литература и т. д.

Женщины и девушки овладевают военными специальностями. Изучают дело противовоздушной и противохимической обороны, санитарное дело, связь.

По Красновишерскому району насчитывается среди женщин свыше 3000 значкистов III и II ступени, 61 инструктор по обучению ПВХО.

22 учительницы г. Лысьвы овладели медицинскими знаниями и 19 из них уже работают медсестрами в больницах и госпиталях.

19 девушек Дзержинского района в ночь с 7 на 8 марта совершили поход на лыжах по маршруту Пермь — Нытва. Несмотря на пургу, они прошли за ночь 90 км, показав мастерство ходьбы на лыжах и выносливость.

Сейчас партийные организации области значительно усилили партийно-политическую работу среди женщин, оказывают повседневную помощь женщинам, выдвинутым на руководящую партийную, советскую, хозяйственную работу в промышленности и сельском хозяйстве.

Секретарь обкома ВКП(б)
Саргин

ПАПО, ф. 105, оп. 7, д. 110, л. 74—83. Отпуск. Публикуется впервые.

№ 10

ИЗ ИНФОРМАЦИИ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) В ЦК ВКП(б) О ХОДЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ ОБЛАСТИ С СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ФРОНТОМ

11 апреля 1942 г.

Начавшееся в первых числах февраля месяца 1942 года социалистическое соревнование с Северо-Западным фронтом получило широкий размах и охватило большое количество предприятий, колхозов, МТС и совхозов области.

Оно стало могучим рычагом в борьбе за повышение производительности труда на предприятиях, в колхозах, МТС и совхозах и способствовало политической мобилизации трудящихся области на выполнение призыва «Все для фронта, все для победы!»...

Село Пермь-Серьга. 1942 г. Митинг, посвященный вручению трудящимся района переходящего Красного знамени Северо-Западного фронта. На трибуне первый секретарь Пермского обкома КПСС Н. И. Гусаров (справа) и председатель делегации фронтовиков И. Л. Хомич (слева).

Значительно возросло количество стахановцев, двухсотников, трехсотников. Укрепилась трудовая дисциплина.

В процессе социалистического соревнования с Северо-Западным фронтом возникла такая новая форма социалистической организации труда, как фронтовые бригады, число которых с каждым днем увеличивается и сейчас исчисляется в несколько тысяч.

Соревнуясь с Северо-Западным фронтом, коллектив рабочих, ИТР и служащих завода им. Ленина производственную программу за март месяц выполнил на 112,5%. Закончили досрочно и дали сверх плана вооружение для Красной Армии рабочие цеха тов. Струнникова... Дали в срок боевые машины сборочные цехи тт. Баскакова и Перепятко...

На заводе имени Свердлова организовано

45 фронтовых бригад, каждая из них выполняет сменное задание не менее чем на 200%.

Выполняя спецзадание, фронтовая бригада тов. Пухарева пустила в ход не используемые ранее два станка и изготовила на них за два дня 8000 деталей. Тов. Пухарев, являясь наладчиком, учит этому членов бригады, сам он выполняет задание не менее чем на 250%.

Фронтовая бригада тов. Иванова (цех № 38) систематически выполняет план на 200 и более процентов. Сам бригадир тов. Иванов добился сейчас рекордной выработки, выполняя сменное задание на 860%...

Образцы самоотверженного труда показывает комсомольско-молодежная бригада под руководством комсомольца тов. Батракова. Все токари и фрезеровщики этой бригады выполняют задания на 220—240%. На днях токарь тов. Баталов

установил рекорд на обработке одной очень важной детали, выполнил норму на 500%. Коллектив этого цеха прочно удерживает переходящее знамя завода и знамя комсомольской организации.

В цехе орденоснца тов. Гаврилова организовано 8 фронтовых бригад. В них наряду с мужчинами по-стахановски борются за боевое знамя фронтовиков и женщины.

Член фронтовой бригады полировщица тов. Логинова выполняет производственное задание на 750%. Она овладела второй профессией, резчика металла, и ко дню XXIV годовщины Красной Армии выполнила норму на 520%, а к 8 марта освоила третью профессию — газосварщицы. В последние дни и другие женщины этого цеха показывают образцы трудового героизма. Слесари тт. Польшаева, Волкаева и Монахова, встав на стахановскую вахту, 8 марта выполнили задание на 840% каждая.

...Тов. Удников сдержал свое слово перед фронтовиками. Он выполнил производственное задание на 700%. Ученик ремесленного училища фрезеровщик тов. Максимов, следуя примеру тов. Удникова, в этот же день выполнил сменную норму на 900%...

Обком ВКП (б) за последнее время провел ряд мероприятий, направленных на дальнейшее развитие социалистического соревнования...

Секретарь обкома ВКП (б) Жуков

ПАПО, ф. 105, оп. 7, д. 110, л. 85—106. Отпуск.

№ 11

К ЗЕМЛЯКАМ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ

Воспоминания бывшего секретаря обкома
ВЛКСМ Кокшаровой М. Я. *

Одной из важных форм связи фронта и тыла было соревнование, которое развернулось в годы войны между бойцами и командирами Северо-Западного фронта и трудящимися нашей области. В ходе этого соревнования фронтовики и трудящиеся области поддерживали постоянную связь, обменивались делегациями, письмами.

Первая делегация трудящихся области выехала на фронт 16 февраля 1942 года. В ее состав входили передовые рабочие и колхозники, пред-

ставители партийных, комсомольских и других общественных организаций, интеллигенции. Среди делегатов были: полировщик завода им. Ленина Путин Иов Федорович, 41 год проработавший на этом заводе, старший мастер завода им. Дзержинского Сергей Степанович Замараев, машинист станции Пермь II Колпаков Михаил Андреевич, профессор медицинского института Залкинд Эмиль Моисеевич, учительница из Нытвы Буканова Мария Павловна, председатели колхозов Рагозин Александр Владимирович (Кунгурский р-н), Шиллов Андрей Ефремович (Осинский р-н), Чудинов Иван Александрович (Верещагинский р-н)... — всего более тридцати человек. Руководителем делегации бюро обкома партии утвердило секретаря обкома Анатолия Васильевича Жукова.

Еще до выезда делегации трудящиеся области начали сбор подарков, из которых составилась эшелон в 60 вагонов. Здесь было все: масло, пельмени, туши мяса, мед, сухари и многое другое. Для бойцов были подготовлены тысячи индивидуальных подарков, куда входили махорки, зажигалки, бритвенные приборы, носовые платки, кистеты. Много везли мы с собой теплых вещей и особенно шерстяных носков, варежек, меховых курток. Все это было изготовлено в большинстве своем женщинами, девушками, учащимися школ за счет своих личных сбережений или денег, заработанных на субботниках.

Так, железнодорожники Пермского узла за счет средств, полученных от субботников и добровольных отчислений, построили в подарок фронтовикам поезд-баню. В нем разместились клуб, парикмахерская, душ, парильня и другие санитарные службы. Обслуживался поезд-баня добровольцами из числа железнодорожников и работников коммунального хозяйства города Перми.

23 февраля 1942 года делегация вместе с эшелоном подарков прибыла в город Валдай, где были расквартированы политуправление и другие организации Северо-Западного фронта. Здесь же, на перроне вокзала, фронтовики устроили нам теплую встречу. Состоялся короткий митинг. Днем у нас состоялась беседа в политуправлении. Нас познакомили с положением и ходом военных действий на Северо-Западном фронте, рассказали о наиболее отличившихся частях, бойцах и командирах. Представители фронта рассказали о том, как высоко они ценят бойцов-уральцев. Когда поступает пополнение с Урала, то все командиры частей и подразделений хотят получить уральцев.

Мы рассказали о том, как живут и работают труженики тыла, какие они дали нам наказы.

* Кокшарова Мария Яковлевна — кандидат исторических наук, преподаватель Пермского политехнического института.

*Пермская делегация на Северо-Западном фронте. 1942 г.
Встреча с юным героем.*

По приезде в Валдай часть подарков мы передали в интендантское управление. Индивидуальные подарки вручали сами, когда были на передовой. Из всех наших подарков наибольший успех выпал на поезд-баню. Уже к вечеру первого дня поезд-баня работал с полной нагрузкой. Очень приятно было слышать самые хорошие отзывы бойцов и выражение благодарности нашим железнодорожникам.

На второй день после нашего приезда мы разделились на группы и выехали на передовую. Группа, в которую я входила, выехала в 11-ю армию, а затем в 74-ю дивизию этой армии, которая держала фронт под Старой Руссой.

Самое незабываемое впечатление оставили встречи с бойцами и командирами. Всюду они встречали нас как самых дорогих и близких людей. У нас находилась масса земляков. Все, кто был призван в армию с Урала или даже из соседних с Уралом областей и республик, считали нас своими земляками и хотели встретиться. Мы, как и бойцы, жили в землянках и блиндажах; в деревнях и селах, освобожденных от гитлеровских оккупантов, часто не было ни одного уцелевшего дома.

Поскольку передовая была рядом и противник часто вел артиллерийский обстрел, в большинство частей мы выезжали ночью.

В освобожденный Ростов-на-Дону прибыла пермская делегация, сопровождавшая транспорт с лесом. 1944 г.

Незадолго до нашего приезда полк под командованием майора И. Я. Турика начал наступление и отбросил гитлеровцев на значительное расстояние. Гитлеровцы бросали в контратаку одну часть за другой. Ввели они в бой и дивизию, только что прибывшую из Германии, заново обмундированную. Однако эта дивизия, как и другие части, была почти полностью уничтожена. Об ожесточенности боя говорили лес, от которого не осталось почти ни одного целого дерева, глубокие воронки и трупы гитлеровцев.

Когда мы прибыли в этот полк, нас еще в лесу встретили командир, комиссар полка и группа бойцов. Первая встреча состоялась в блиндаже,

который считался наиболее вместительным. Затем мы побывали в землянках у бойцов, которые находились на отдыхе, на позиции минометчиков. Наши встречи с бойцами проходили с большим подъемом. Бойцы и командиры давали клятву еще крепче бить врага, просили передать работникам тыла, что они не пожалеют своих сил, жизни, чтобы изгнать фашистских захватчиков с нашей территории и разгромить фашизм в его логове. неизменно выступления заканчивались призывом к работникам тыла еще больше давать вооружения, боеприпасов, снаряжения. Мы рассказывали, как трудятся в это грозное время работники тыла, как они полны стремления обеспе-

чить фронт всем необходимым. Фронтовики задавали нам массу вопросов, их интересовало буквально все: кто работает на заводах, как идут дела в колхозах, учатся ли дети?

Мы не скрывали трудностей, отвечали честно и прямо. Я рассказывала, что на место ушедших на фронт мужчин на заводы пришли тысячи женщин, подростков, а подчас совсем еще мальчиков и девочек. Рассказала о том, как хорошо работают эти подростки, которым делаются под ноги специальные подставки, чтоб они могли достать до станка. Бойцы были этим очень взволнованы. Один из них заявил от имени своих товарищей: «Передайте женщинам, мальчикам и девочкам, которые пошли сейчас работать, бросив школу, что мы за все отомстим, что мы ничего не забудем».

В беседах с нами бойцы, особенно молодые, спрашивали, как молодежь в тылу проводит время, бывают ли вечера танцев, работают ли театры и кинотеатры.

Побывали мы у минометчиков, поздравили их с днем Советской Армии, пожелали боевых успехов и вручили наши подарки. В это время началась перестрелка. Несмотря на то, что была глубокая ночь, лес гремел от выстрелов и взрывов, и нам пришлось укрыться в блиндаже. Когда мы вернулись в штаб дивизии, нас поджидал действительно наш земляк, призванный в армию из села Березовки Усольского района. Этот боец входил в один из расчетов зенитной батареи, расположенной в поле. Его специально послали пригласить нас побывать у них. Я и еще несколько наших делегатов пошли на батарею. В воздухе появились три немецких самолета, которые шли на восток. К сожалению, в один раз зенитчикам не удалось сбить ни одного самолета. Но мы увидели, как бьют зенитные орудия, сколько ловкости, быстроты и умения требуется от бойца.

Встречались мы и с партизанами. Среди них были совсем юные. В одной из деревень находился на излечении после ранения партизан Володя — 12-летний мальчик. В одной из операций Володя захватил блиндаж фашистского офицера и доставил партизанам ценные документы. За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды. О своей операции он говорил, как об обычном деле.

Встречи с бойцами-партизанами вселяли уверенность в то, что враг будет разбит и победа будет за нами.

Наши бойцы и командиры были тепло одеты, выглядели бодрыми и здоровыми. И тем более жалкое впечатление производили пленные гитлеровцы в своих легких шинелишках, пилотках и

сапогах. Правда, некоторые из них закутали свои головы женскими платками, надели на себя крестьянские шубы и валенки, отобранные у населения наших деревень. Со многих из них уже слетела спесь, они уже хорошо усвоили спасительную фразу: «Гитлер капут». Особенно живописно выглядел представитель «голубой испанской дивизии», которая была брошена гитлеровцами в бой на Северо-Западном фронте. Он был одет в старенький полушубок, подшитые валенки и женский шерстяной платок. В беседе с нами он заявил, что по профессии он нищий из Мадрида, что в жизни он никогда не работал. Вступил в «голубую дивизию» потому, что Гитлер обещал много, но обманул. Он уже кое-что говорил по-русски и с подъемом пел «Катюшу».

Одним словом, впечатлений от поездки на фронт у нас было много, но главным из них было стремление еще лучше работать, оказывать еще больше помощи фронту и вместе со всем народом ковать победу над опасным врагом, посягнувшим на честь, свободу и независимость нашей Родины.

Под этим девизом проходили собрания трудящихся после нашего возвращения с фронта. Под этим девизом еще ярче разгоралось пламя социалистического соревнования фронта и тыла.

ПАПО, ф. 95, оп. 2, д. К-10. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 12

ПИСЬМО ТРАКТОРИСТКИ КУНГУРСКОЙ МТС СКЛЮЕВОЙ К. М. * О ВНЕСЕНИИ В ФОНД ОБОРОНЫ 100 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ

15 января 1943 г.

Москва, Кремль, товарищу Сталину

Я, коммунистка, водитель трактора Клавдия Склюева, побуждаемая самыми благородными чувствами, решила внести свой трудовой вклад в общее дело строительства боевых краснокрылых самолетов и вношу на государственный счет 100 000 рублей.

Мы, женщины и девушки Советской страны, живем одной мыслью и одной душой с нашими отцами, мужьями и братьями — воинами Красной Армии, — как можно быстрее прогнать фашистов с родной земли.

* Склюева Клавдия Макаровна в настоящее время пенсионерка, живет в д. Полетаево Кунгурского района. Активно участвует в общественной жизни.

Самоотверженно трудясь на колхозной ниве, мы все желаем, чтобы час победы пришел как можно скорее, а если Родина позовет, то пойдем бок о бок с фронтовиками на поле боя и будем бить гитлеровских собак.

Я прошу, товарищ Сталин, разрешите мне поехать в авиационную школу овладеть профессией летчика, чтобы вести свой боевой самолет над полем войны.

Трактористка Кунгурской МТС Клавдия Макаровна С к л ю е в а

«Звезда», 1943 г., 15 января.

№ 13

СТАТЬЯ А. В. ТИЩЕНКО, НАЧАЛЬНИКА
ОСОБОЙ СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНОЙ ЧА-
СТИ № 63 НАРКОМСТРОЯ, В ГАЗЕТЕ «ТРУД»
15 января 1943 г.

Доменная печь сдана в эксплуатацию

Доменная печь в мирное время строилась два—два с половиной года. Строительство новой чусовской домны осуществлено за семь месяцев. Практика строительства печей еще не знала до сих пор столь коротких сроков.

В чем же особенности и технический интерес этой стройки, возведенной на уральском заводе в нынешние военные дни?

Строительство чусовской домны не велось на обычной строительной площадке. Новый металлургический агрегат предстояло построить на заводском дворе старого действующего предприятия.

Необходимо было до начала стройки очистить территорию, перенести все наземные и подземные коммуникации действующего завода. Нельзя было также приступить к строительству домны и других основных объектов, не создав предварительно нескольких необходимых подсобных производственных предприятий.

Строители дружно очистили площадку от скрапа, перенесли в другое место коммуникации и 17 июня 1942 года вынули первые кубометры земли под фундаменты кауперов. С самых первых дней работы нам всем стало ясно, что поставленную Государственным Комитетом Обороны задачу можно будет решить только скоростными методами. Опытные строители-доменщики понимали, что и обычные скоростные методы, применяемые прежде в практике строительства доменных печей, устроить нас тоже не смогут. Предстояло внести новое в сами скоростные методы. Теперь уже можно

подытожить это новое, широко примененное на строительстве чусовской домны.

Скоростные методы работ применялись у нас на многих строительных площадках. Труднее всего осуществлять их на стройке металлургических заводов, оснащаемых сложными и громоздкими агрегатами. Высоких темпов строительства и монтажа удавалось достигать лишь на отдельных объектах и участках работы.

На строительстве чусовской домны методы скоростной стройки и работы по совмещенному графику были перенесены на сооружение всего комплекса доменной печи и ее вспомогательного хозяйства. Поясним это примерами.

Пока расчищали площадку и рыли котлованы, в стороне шла сборка в один блок арматуры фундамента доменной печи весом в 160 тонн. Конструкция доменной печи такого веса еще не устанавливали ни на одной строительной площадке мира.

При обычном способе сборку брони горна и фурменной зоны можно было начать только после устройства фундамента печи. На это пришлось бы затратить не менее 20—25 дней. Мы поступили иначе. Как только было закончено устройство фундамента домны, немедленно начали передвигать и устанавливать на фундамент уже готовый укрупненный блок горна и фурменной зоны. Получился значительный выигрыш времени. Достаточно сказать, что эта работа заняла всего два дня.

Как только закончились земляные работы, сразу же на место поставили целым блоком арматуру пня, а по окончании бетонирования также сразу целым блоком поставили на фундамент броню горна, фурменную зону и заплетники.

Укрупненными блоками были смонтированы кожухи кауперов, пылеуловители и другие конструкции. Сборка кауперов — сложный и трудоемкий процесс. Обычно монтаж проходит на большой высоте: чтобы пришить железный лист к листу, одеть каупер в кожух, необходимо совершить 162 подъема и выклетать 16 тысяч заклепок. Мы, однако, отказались от этого, на наш взгляд, устаревшего метода и применили на сооружении кауперов тот же способ монтажа укрупненными блоками.

Одновременно с сооружением фундаментов под кауперы собирались и вклепывались укрупненные части самих кауперов. Купол целиком собирался и выклепывался на заготовительных площадках. Благодаря этому также получился большой выигрыш во времени. Несколько тысяч заклепок и погонных метров электросварки были сделаны не на лесах, а на земле, что значительно повысило производительность труда и качество работ...

Широкой волной разлилось соревнование на

БЕЗ ВЫХОДНЫХ И ОТПУСКОВ

всех участках стройки. И если первый каупер был собран за пять дней (это также в два с лишним раза быстрее, чем было предусмотрено графиком), то со вторым уже справились за три дня, а на сборку третьего каупера потребовалось всего два дня.

Темпы строительства неуклонно нарастали. Объем выполненных работ в ноябре увеличился против июня в шесть с половиной раз.

Строители, борясь за небывалые, подлинно военные темпы, ни на минуту не забывали о качестве работ. Вот результат: 90% объектов правительственная комиссия под руководством академика И. П. Бардина оценила на «отлично» и только 10% на «хорошо».

Скоростные методы и новую, передовую строительную технику внедряли люди. Самоотверженный, большевистский труд всего коллектива — вот что решило успех.

На стройке установился неписанный закон: каждый строитель не покидал рабочего места до тех пор, пока не выполнено сменное задание. Работы под открытым небом не прекращались ни в дни осеннего ненастья, ни в зимнюю стужу.

Инженерно-технические работники (лучшие среди них — прорабы Хованский, Захаров, Шкотов, начальник участка электромонтажа Уманский) возглавили стахановское движение, помогали рабочим изо дня в день повышать производительность труда. Достаточно сказать, что средний уровень выполнения технических норм на строительстве повысился с 71% в мае до 135% в ноябре, а выработка, соответственно, — с 36 рублей до 69 рублей на человека в день.

С каждым днем ширилось движение тысячников, шло горячее соревнование за высокие, невиданные доселе показатели. Бригада плотников тов. Баранова добивается выполнения норм на 470%. Она вызывает на соревнование плотников из бригады тов. Расшупкина. Вызов принят. И на опалубке брызгального бассейна люди из бригады Расшупкина добиваются выполнения норм на 585%.

Арматурщики Мокроусов и Наседкин, как правило, справлялись с нормой на 900—1000%. Под руководством инструктора штукатурных работ тов. Аржанова бригада штукатуров, включившись в соревнование, стала давать 400—500% нормы.

Зажглись огни еще одной домны на славной Уральской земле. Сделан еще один вклад в оборону Родины. Наша доблестная Красная Армия получит еще больше смертоносного оружия для разгрома врага... Коллектив строителей готов к выполнению новых заданий.

Из воспоминаний бывшего механика доменного цеха Чусовского металлургического завода Ханифа Муртазина*.

...Вновь выстроенная доменная печь № 2-бис полезным объемом 600 кубометров была задута 13 января 1943 года. Естественно, после задувки она полностью перешла в руки эксплуатационников. Не хватало кадров — горновых, газовщиков, машинистов, слесарей, токарей, электриков и т. д. Ежедневно кадровые рабочие уходили на фронт, на их место вставали женщины, подростки, девушки и даже девочки.

Обучение их проходило на рабочем месте буквально за несколько дней. Так на горно встала Ольга Наговицина. Это первая женщина-горновая на нашем заводе. Профессию газовщика быстро освоили девушки Катя Бобрикова, Шура Шалагина, Фрося Макарова, машинистами стали совсем юные Соня Кортелева, Реля Ополева, Шура Гамова, Галя Коковина и многие другие. Перечислять юношей не буду — получился бы очень длинный список.

Разумеется, загружать мощную домну как раньше, то есть с помощью лошадей и лебедек, и ждать от нее хорошей производительности было делом почти безнадежным. Встал вопрос об электрификации узкоколейных путей, а это было делом не одной недели. Приобрели узкоколейный паровозик. С вводом паровозной тяги значительно увеличилась производительность домны. Электрификацией занималась вся ремонтная служба под руководством работавшего в то время мастером электроремонтных работ Б. А. Чунжина. Необходимое оборудование для этого изыскивалось на заводе, а два узкоколейных шахтных электровазавезли из Кизеловского угольного бассейна. С пуском электрифицированной дороги домна заработала почти на полную мощность. Ликованию рабочих не было предела.

Назревала крайняя необходимость в усилении ремонтной службы цеха. Если на основные работы направлялись более зрелые юноши, то слесарями, токарями и электриками становились подростки в возрасте 14—15 лет. Вот с ними-то помощник начальника цеха по оборудованию Евгений Яковлевич Пермяков и организовал работу по оснащению механической мастерской. Установи-

* Ханиф Муртазин — пенсионер, живет в Чусовом.

Группа доменщиков Чусовского металлургического завода у Красного знамени Государственного Комитета Оборона. 1944 г.

ли токарные и строгальные станки. За них встали ребята (станки подбирались из эвакуированного оборудования), и началось изготовление деталей силами рабочих механической мастерской.

Несмотря на все принятые меры, работа в цехе была исключительно тяжелой. Сказывалась нехватка рабочей силы, на многих участках люди работали по 12 часов в сутки, а если сменщик заболел или ушел на фронт, работали бесменно сутки, а то и больше. Поражали своей выносливостью горновое тт. Габдрахимов, И. С. Савельев, И. М. Сакович, И. Ф. Ложечко, Д. Г. Носков (ныне Герой Социалистического Труда), слесари П. П. Зорин, И. С. Новгородцев и многие другие. Помню такой случай: старший горновой И. С. Савельев без смены проработал сутки, на следующий

день смены не оказалось, и он не ушел от печи, пока не сделал выпуск чугуна. Мастер печи чуть ли не насильно отправил его на отдых. После короткого сна в душевой И. С. Савельев снова вернулся на свое рабочее место, так как настало время его основной смены.

Поражаешься сейчас, как молоденькие, хрупкие девушки Катя Бобрикова, Шура Шалагинова, Фрося Макарова выполняли работу, посильную только здоровым мужчинам. Ведь в то время механизмов, облегчающих труд газовщика, не было. Девушки тоже часто работали сутками, без единого выходного дня и отпуска. Лично я был, видимо, счастливым: за 1943 год имел семь выходных дней. Многие и этого не имели.

Исключительно напряженной была работа ре-

монтажной службы. Чтобы содержать в исправном состоянии оборудование трех доменных печей, требовалось много усилий.

Плохое материально-техническое снабжение, задержка в изготовлении необходимых деталей цехами главного механика (эти цехи были почти полностью переведены на изготовление деталей для фронта) давали себя знать. Приходилось прибегать к восстановительному ремонту изношенных и поломанных деталей оборудования, при этом каждый проявлял исключительную находчивость, смекалку и изобретательность...

К концу 1943 года была построена и введена в строй действующих разливочная машина. Она дала возможность полностью очистить литейный двор от завала и облегчить труд горновиков.

Помню стихотворение поэта Демьяна Бедного. Оно было обращено к коллективам трех уральских заводов — Серовского, Чусовского и, кажется, Кушвинского *. Ответ Демьяну Бедному, тоже стихотворный, написал от имени металлургов нашего завода корреспондент городской газеты «Чусовской рабочий» Б. Малышев. Очень хороший был ответ.

Партийная организация и руководство цеха, особенно начальник цеха А. Ф. Захаров, поддерживали и развивали трудовой энтузиазм рабочих. Эта поддержка выражалась в дополнительном питании, теплом слове, чутком отношении. Вроде бы мелочь, но по тем временам большое дело: периодически в цех вызывали парикмахера, который прямо на рабочем месте, что называется на ходу, «приводил в порядок» мужчин.

Следует заметить, что к началу 1944 года и старые доменные печи были полностью механизированы, везде применялась малая механизация. Лошадей в цехе не стало, за них работали машины. И не случайно, начиная с лета 1944 года, коллектив доменного цеха не раз занимал первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании, ему присуждали переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона.

В начале января 1945 года были пушены в эксплуатацию коксовые бункера с гризлями для проковки кокса, рудные бункера с затворами Орра и вагон-весы. Тогда домна № 2-бис стала оснащенной, как принято говорить, по последнему слову техники, процесс загрузки был полностью автоматизирован и домна заработала на полную мощность.

* Демьян Бедный обращался к уральским металлургам от имени сталеваров московского завода «Серп и молот» с призывом покончить с отставанием, давать больше чугуна.

К сожалению, тяжелые условия труда военных лет, систематическое недоедание и недосыпание сказались на здоровье многих товарищей. Горновой А. Гладких, которому во время пуска домны было доверено первому открыть летку, не дожив до конца войны, тяжело заболел и умер. Помощник начальника цеха Е. Я. Пермяков, техник по заказам С. В. Гладких после тяжелой и продолжительной болезни в возрасте 46 лет скончался в 1960 году.

Остается добавить, что коллективом цеха все эти тяжелые годы войны руководил Анатолий Федорович Захаров, человек с редким талантом руководителя. Все рабочие шли к нему с радостями и горем, как к отцу, он же всегда находил для них теплое слово, всячески их поддерживал, проявляя отеческую заботу. Ныне он Герой Социалистического Труда, начальник Главного управления металлургической промышленности Министерства черной металлургии Союза ССР.

ПАПО, ф. 90, оп. 1, д. 561, л. 7—15. Подлинник. Опубликовано в газете «Чусовской рабочий», 1974 г., 17 мая.

№ 15

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

БЮРО ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б)
И ОБЛИСПОЛКОМА ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ
ГЕРОИЧЕСКОМУ СТАЛИНГРАДУ *

22 марта 1943 г.

Доблестная Красная Армия и трудящиеся героического города Сталинграда грудью, кровью своей отстояли наш родной советский город Сталинград.

Героическому городу Сталинграду кровавый враг нанес глубокие раны, которые должны быть быстро залечены.

Центральным Комитетом ВКП(б) трудящимся нашей области поручена ответственная и почетная задача оказать всемерную помощь трудящимся Сталинграда в восстановлении промышленных

* Трудящиеся области горячо отозвались на призыв принять активное участие в быстрейшем восстановлении Сталинграда. В город-герой были отправлены четыре эшелона с углем, химикатами, строительными материалами и другим грузом, а также пароход в 300 тонн с железом, станками, мебелью... Колхозы и совхозы области послали сталинградцам 3000 голов скота, 200 пудов хлеба, 2000 центнеров картофеля, много овощей, яиц, масла и других продуктов питания. На текущий счет Госбанка к 20 апреля 1943 г. поступил в фонд помощи Сталинграду 957 856 рублей. (ПАПО, ф. 105, оп. 7, д. 144, л. 117—118).

предприятий, сельского хозяйства и жилья. Во всем нуждается Сталинград — в лесе, стройматериалах, оборудовании, посевном материале, сельскохозяйственном инвентаре, продуктах питания, одежде, обуви и других предметах быта.

Всем этим должны поделиться трудящиеся, предприятия и колхозы области с нашими братьями — героическими сталинградцами.

Областной совет депутатов трудящихся и бюро обкома ВКП(б) постановляют:

1. Городским и районным советам депутатов трудящихся, городским и районным комитетам партии широко привлечь предприятия союзной и местной промышленности, промартели, а также широкие массы рабочих, служащих, интеллигенции и колхозников к оказанию всемерной помощи трудящимся в быстрейшем восстановлении хозяйства города-героя Сталинграда.
2. Создать при городских и районных комитетах партии, под председательством вторых секретарей, комиссии по организации и руководству помощи героическому Сталинграду.
3. Развернуть среди трудящихся агитационно-разъяснительную работу, оформить улицы городов и районных центров, театры, кино, клубы агитплакатами, призывающими трудящихся к повышению производства продукции для фронта и помощи героическому Сталинграду.
4. Редакции областной газеты «Звезда» организовать, как на страницах своей газеты, так и районных газет, систематическое освещение вопросов оказания шефской помощи Сталинграду.
5. Областной комиссии по оказанию помощи Сталинграду до 5 апреля отправить железнодорожный транспорт со стройматериалами, пиломатериалами, сельскохозяйственными орудиями и другими изделиями первой необходимости.
6. Начальнику Камского речного пароходства т. Морозову подготовиться к приемке и отправке грузов в адрес Сталинграда, обеспечив отправку их первыми пароходами.
7. Начальнику Пермской дороги т. Воробьеву на станции Пермь II организовать склад для приемки грузов в адрес Сталинграда.
8. Управляющему областным государственным банком открыть счет на средства, поступающие от трудящихся области в помощь сталинградцам по восстановлению народного хозяйства Сталинградской области.
9. Для организации и руководства делом оказания помощи Сталинграду утвердить комиссию в составе: Вигура — обком ВКП(б) — председатель, Тиунов — облисполком, Белобородов — облзо, Ги-

тельман — обком ВКП(б), Кондюрина — обком ВКП(б), Столяренко — Пермская железная дорога, Милентьев — Камское речное пароходство, Торшилова — обком ВЛКСМ, Гаврилов — обком ВКП(б).

Секретарь обкома ВКП(б) Г а л а й д и н.

ПАПО, ф. 105, оп. 1, д. 137, л. 304—306. Подлинник, Публикуется впервые.

№ 16

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕГО ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОГО ПАРТИЙНОГО СОБРАНИЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ГРЕМЯЧИНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НОВЫХ ШАХТ (УНШ)

4—5 января 1944 г.

Заслушав и обсудив отчет секретаря партбюро тов. Белякова о работе парторганизации на строительстве Гремячинского УНШ за время с 15 апреля 1942 г. по 1943 г. включительно, партсобрание считает политическую линию партбюро правильной, практическую работу удовлетворительной.

Стремясь всеми мерами помочь Красной Армии приблизить час окончательной победы над врагом, парторганизация в условиях суровой тайги сумела поднять, организовать и вдохновить коллектив шахтостроителей на самоотверженный труд, и коллектив добился больших производственных успехов.

За два года построено и сдано в эксплуатацию шесть шахт с транспортными средствами и связью. За короткий период выстроен рабочий поселок Гремячинск. Годовой план 1943 г. выполнен за 11 месяцев на 117%. По сравнению с 1942 г. значительно повысилась производительность труда. В ноябре 1943 г. коллектив УНШ завоевал переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомугля.

Проведена большая работа по обучению новых кадров рабочих ведущих специальностей, по укреплению трудовой дисциплины и улучшению бытового обслуживания трудящихся.

В 1943 г. парторганизация значительно выросла. В кандидаты ВКП(б) принято 18 товарищей.

Многие из коммунистов проявили себя способными организаторами производства, например тт. Болховитинов, Макаркин, Дмитриев, Горлин и др.

Нанного оживилась организационно-партийная и агитационно-массовая работа на строительстве.

Улучшено руководство комсомольской и профсоюзной организацией. Лучшие комсомольско-мо-

лодежные бригады — тт. Оборина, Душанов — завоевали в областном соревновании комсомольских бригад первые места...

Коммунисты УНШ обязываются повседневно помогать вновь избранному партбюро проявлять авангардную роль на производстве, в партийной и общественной жизни, большевистскую непримиримость ко всем элементам распушенности и разгильдяйства, усилить организационную работу в массах, работать самоотверженно, чтобы приблизить час окончательной победы над подлым, заклятым врагом.

Секретарь партбюро В. А. Беляков.

ПАПО. ф. 2081, оп. 1, д. 129, л. 3—6. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 17

ПИСЬМО АРТИСТОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА имени С. М. КИРОВА ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ГУСАРОВУ Н. И. В СВЯЗИ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ТЕАТРА ИЗ ПЕРМИ В ЛЕНИНГРАД

1944 г.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Глубокие чувства дружбы и братской взаимной поддержки установились между уральцами и ленинградцами в дни Великой Отечественной войны в едином стремлении отдать все свои силы на разгром ненавистного врага. Стойко и мужественно вынес героический город Ленина всю тяжесть вражеской блокады и беспримерного вандализма немецких извергов. Воздушными налетами и артиллерийскими обстрелами частично разрушены и повреждены ценнейшие памятники старины и русского национального зодчества. Серьезно пострадало, в частности, здание нашего театра, коллектив которого с первых же дней войны работает на Урале, стремясь широко познакомить трудящихся Урала с лучшими образцами балетного и оперного искусства.

Могучее участие принял Урал в деле разгрома врагов, став тем арсеналом, откуда в подавляющем большинстве черпает силы советский народ в своей вооруженной борьбе. Но не только доблестных патриотов своей родины и перво-классную технику дает Урал для всенародного дела победы. Десятки эшелонов посланы трудящимися Урала для восстановления жизни в освобожденных районах, и еще долго неисчерпае-

«Я СПОКОЕН ЗА СЕМЬЮ»

А. Кокшаров,

секретарь Пермского обкома КПСС
в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны советские люди, работавшие в тылу, равнялись на воинов, совершавших на фронтах чудеса стойкости и героизма, отдавали все силы для победы над врагом. Советская Армия не только получала в достаточном и все возрастающем количестве вооружение, боеприпасы, продовольствие, но и чувствовала постоянную всенародную отеческую заботу и любовь. Наши воинов согревала теплая одежда, но, пожалуй, еще более — письма из глубокого тыла, радостные вести из дому о всеобщей постоянной заботе, проявляемой к семьям фронтовиков. Эта забота воодушевляла их на массовый героизм и отвагу, вселяла в них новые силы для борьбы с врагом.

Центральный Комитет ВКП(б) в январе 1943 года принял специальное решение о мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих. Для коренного улучшения государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих, по решению ЦК при исполнениях областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся организовывались специальные отделы, была введена должность заместителя председателя облисполкома, городских и районных Советов. Вся работа по созданию отделов в Пермской области была закончена к 15 февраля 1943 года.

В марте этого же года XI пленум обкома партии заслушал вопрос «О мерах улучшения работы советских органов и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». Пленум подвел итоги деятельности партийных и советских органов по осуществлению постановлений ЦК партии.

В трудные военные годы в области многое делалось для оказания помощи семьям фронтовиков и инвалидов Отечественной войны. Только за 1942 год им было выдано около двух миллионов рублей, двадцать восемь центнеров хлеба.

Особенно усилилось внимание и практическая помощь семьям фронтовиков в период двухнедельника, который был проведен в области с 7 по 20 февраля 1943 года. За это время только в Пермь семьям военнослужащих подвезено 12 300 кубометров дров, выдано 19 300 метров мануфактуры, 3500 пар обуви, 15 600 разных предметов одежды. Выдано 169 000 рублей денежных пособий, отремонтировано и предоставлено вновь 650 квартир. По области было обследовано около ста тридцати тысяч семей фронтовиков.

Стоит ли говорить, с какой благодарностью принимали эту помощь матери и жены фронтовиков. А с фронта в адрес партийных, профсоюзных и советских организаций шли извощенные письма.

Лысьвенский горком партии, например, получил около трех тысяч таких писем. Старший лейтенант Г. И. Суганов обращался в горком с такими словами: «Из писем своих родных мне известно, что вы делаете очень многое для фронта в снабжении его мощным оружием, а также проводите большую работу по оказанию помощи семьям фронтовиков. Готовясь вступить в бой, я спокоен за судьбу своей семьи, знаю, что ей будет оказана необходимая помощь. Заверяю вас, что я в решающих боях отдаю все силы, знания, а если потребуется и жизнь, за нашу любимую Родину».

Бывший рабочий завода имени В. И. Ленина фронтовик Бурдин писал: «Я получил от жены письмо сюда, на передовую линию огня. В письме она пишет о том внимании, о той большой заботе, которую оказали ей на заводе. Жена просила меня поблагодарить вас за это. Благодарю! Обещаю вам в ответ на заботу еще крепче бить фашистов».

Подобных писем было множество, и все они говорили о том, что повседневная забота партии, проявляемая к семьям воинов, воодушевляла солдат на новые боевые подвиги.

В августе 1943 года бюро обкома партии рассмотрело вопрос «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых и жилищных условий семей военнослужащих Уральского добровольческого танкового корпуса». Обком партии обязал исполком выделить средства для помощи семьям добровольцев-танкистов. Из этих средств два миллиона рублей было определено на стипендии учащимся, полмиллиона — на обеспечение детей обувью и одеждой, а также значительные средства — на оздоровительные мероприятия для раненых и больных воинов корпуса.

Исключительную заботу партия и правительство проявляли о детях. Из Москвы, Ленинграда, Харькова, Смоленска и других городов в Пермскую область было эвакуировано около тридцати тысяч детей. Комсомольцы и молодежь области создали общественной фонд помощи детям фронтовиков. На эти средства были созданы детские здравницы и детский дом для сирот.

Приведенные цифры и факты убедительно говорят о том, что повседневная забота о семьях фронтовиков, о детях была делом всей партии, всего народа.

мы ресурсы, которыми богат Урал, будут залечивать раны, нанесенные нашей стране нашествием фашистских полчищ.

Сейчас, когда под Ленинградом развернулись исторические события, которые приведут к окончательному изгнанию из пределов Ленинградской области иноземных захватчиков, перед коллективом театра им. С. М. Кирова вплотную встала задача возвращения в наш любимый город Ленина, в стены родного театра.

Однако восстановление здания театра имени Кирова, уже начавшееся, требует значительного количества различных строительных материалов, которыми в данный момент Ленинград еще полностью не располагает.

Уверенные в том, что вопрос восстановления Ленинградского Государственного ордена Ленина Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова — старейшего русского оперно-балетного театра нашей страны — встретит живой отклик, мы обращаемся к Вам с просьбой оказать поддержку в выполнении этих неотложных задач, выделив возможное количество строительных материалов.

Коллектив театра надолго сохранит память о годах пребывания театра на Урале, где он пользовался дружеским гостеприимством и неизменным вниманием общественности.

Прочная творческая связь мастеров театра им. С. М. Кирова с уральцами за время войны уже сделалась прекрасной традицией и безусловно расцветет после победоносного окончания войны.

Лауреаты Государственной премии: Г. Уланова — нар. арт. РСФСР и Казахск. ССР; Н. Дудинская — засл. арт. РСФСР; О. Кашеварова, Г. Нэлепп — засл. арт. РСФСР; Б. Фрейдков — секретарь партбюро, засл. арт. РСФСР; П. Журавленко — народный артист РСФСР.

Заслуженные деятели искусств: Е. Вольф-Израэль, Б. Э. Хайкин — художественный руководитель, Д. Похитонов.

Заслуженные артисты республики: Ф. Балабина, Е. Бибер, Г. Большакова, В. Буяновский, П. Вантроба, Т. Вечеслова, И. Витлин, Р. Горская, Е. Дубовский, С. Ельцин, Н. Зубковский, В. Иванов, Р. Изгур, Н. Карант, Г. Кириллова, А. Коробейченко, В. Кузнецов, Л. Лавровский — худож. руководит. балета, А. Лопухов, В. Луканин, Е. Люком,

А. Маньковская, О. Мшанская, Г. Орлов, В. Паратин, И. Плешков, Б. Пономарев, Д. Райтер, К. Сергеев, Н. Середа, Н. Соляников, В. Степанов, В. Тихий, И. Тоцкий, С. Уланов, А. Ульянов, Е. Хаит, Б. Шавров, И. Шерман, С. Каплан, Р. Кривалев, Е. Радин — директор, Ф. Розен, В. Фидлер, И. Яшугин.

ПАПО, ф. 90, оп. 1, д. 98, л. 57—60. Копия.

№ 18

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПЕРМСКИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ С ВОИНАМИ-УРАЛЬЦАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

...На далеком заснеженном Урале кто-то — или русая девушка, только что смывшая слой рабочего масла со своих маленьких рук, или добрая, ласковая старушка мать — укладывает в небольшую посылку все необходимое для бойца. Потом, когда эта посылочка уже совсем готова, в нее вкладывается теплое, простое письмо.

Вот одно из этих писем. Его написала землякам-уральцам комсомолка Орехова, вложив письмо в посылку:

«Здравствуйте, товарищи!

Издавека, с предгорий Урала,
Слава чья облетела весь свет,
От бойцов далекого тыла
Боевой комсомольский привет!

От заводов, где рокот моторный
День и ночь, не смолкая, гудит,
Через гром канонад, через штормы
Наше слово до вас долетит.

И расскажет, как мы за станками
Неустанно — и ночью и днем —
Жизнью фронта живем вместе с вами,
Вместе с вами в сраженьи идем.

Шлю вам, далеким, незнакомым, но близким и дорогим, свой комсомольский привет и желаю боевых успехов! Сегодня мне захотелось поделиться своими мыслями, написать о том едином, что неразрывно связывает наш фронт и тыл: о

любви к своей Родине, о великой ненависти к врагу. Не надо бить на фронте, чтобы видеть ужас войны, не надо быть под бомбежкой и обстрелом, чтобы видеть человеческие страдания, чтобы дать клятву мстить врагу без пощады. Нет, надо только посмотреть вокруг. Вот я в глубоком тылу. Я не видела ни одного боевого самолета, не слышала ни одного смертельного залпа, но разве я не знаю ужасов войны? Разве видеть десятки отцов и матерей, лишившихся дорогих для них детей, — не горе? Видеть сиротами малых крошек, жену, лишившуюся мужа, девушку, потерявшую друга, — разве не тяжело? Разве не злоба и ненависть в сердце, когда видишь сотни ребятишек, лишенных счастливого детства? В 6 часов утра поднимаются они с постели и, запахнувшись в отцовский ватник, спешат — в трескучий мороз, в страшную вьюгу, по колено утопая в снегу, в дождь и осеннюю грязь — на далекий завод, чтобы встать у самого сложного станка. Глядя на него, трудно поверить, что ему 14—15 лет. Он подставляет два ящика, чтобы дотянуться до шпинделя станка, всем телом налегает на рукоятку, чтобы переключить скорость. Но видели бы вы, как он работает! Всем своим существом он сливается с машиной. Он устает, очень устает. Но видел ли кто-нибудь его слезы? И он не может работать иначе: ведь его снарядами брат и отец громят врага. Это не героика, это будни нашего тыла. И отрадно трудиться, хоть и тяжело. А вечерами, уже засыпая, помечтает он о светлом дне победы.

Давайте, друзья, помечтаем и мы с вами об этом... Наступит день, когда смолкнет последний залп гаубиц, как дурной сон развеется коричневый кошмар и наступит торжественная тишина Победы. Тишина над переполненным счастьем человечеством. Вновь веселье и счастье будет на нашей земле.

Хорошо, товарищи, правда? Но это еще мечта. Враг еще не добит. Впереди жаркие бои, потоки крови: еще много слез и страданий отделяют эту мечту от действительности. Еще топчет нашу землю взбесившийся зверь.

Его надо уничтожить!

Чтобы жизнь снова счастьем была,
Чтобы не было стога и слез,
Бей без промаха, воин, врага!
Бей всегда, бей везде — бей за все!

Счастливый путь на Запад, товарищи!

г. Пермь (областной), Светлый поселок, Ореховой».

* Взято из отчета Пермского обкома ВЛКСМ о работе областной комсомольской организации в годы Великой Отечественной войны. Письма в тексте не датированы. Отчет был написан вскоре после войны.

С каким волнением читали это простое письмо на фронте! Не было блиндажа, где бы его не обсуждали, где бы не писали ответ.

Вот собралось комсомольское собрание подразделения уральцев. Выступают комсорг Маркин, бойцы-комсомольцы. Лучшим воинам вручаются подарки тружеников тыла. С огромным вниманием слушают красноармейцы письмо комсомолки Ореховой. И тут же садятся за ответ:

«Без победы мы к вам не вернемся,

А победа уж наша близка.

Мы за счастье народное бьемся!

Шлем привет вам издалека!

Здравствуйте, товарищ Орехова! Шлем Вам свой горячий комсомольский, гвардейский привет и благодарность за ваши посылки, с любовью приготовленные для нас, фронтовиков.

Товарищ Орехова! Ваше письмо облетело всю нашу часть, взволновало каждого бойца и офицера. Мы, комсомольцы-гвардейцы, решили поделиться с Вами своими боевыми делами, рассказать о том, как наша часть бьет трижды проклятого врага. В наступлении у каждого бойца и офицера только одна мысль — как можно быстрее идти вперед! Ведь нас с нетерпением ждут украинцы, белорусы, поляки, находящиеся под пятой немецкого сапога. Нас ждут с победой наши матери, сестры, жены и любимые девушки. Поэтому каждый стремится как можно больше уничтожить гитлеровских бандитов.

В этом отличаются комсомольцы. Если б Вы видели хотя один бой наших комсомольцев-танкистов! Это поистине богатыри, мастера своего дела! Комсомольцы офицеры Илья Барышев, Василий Маркин, Михаил Андрейченко только в одном бою уничтожили до 600 гитлеровских солдат и офицеров, несколько минометных и огневых точек. Офицер Леонид Гусев при взятии населенного пункта своим танком протаранил три самоходные пушки противника. В течение трех дней сдерживали натиск гитлеровских бандитов два наших танка под командой офицеров-комсомольцев Бориса Благодарева и Александра Чабана.

Более 180 километров прошла наша часть с боями. При этом были освобождены сотни населенных пунктов. Наши танкисты участвовали при освобождении Каменец-Подольского и многих других городов, за что наше соединение получило три благодарности от Маршала Советского Союза товарища Сталина. О боевых делах воинов-уральцев нашей части говорит следующий

факт: мы имеем в своих рядах свыше 90% награжденных.

В предстоящих боях мы будем драться еще лучше, чтобы приблизить час победы. А победа близка, не за горами! Только для этого нужно, чтобы вы, воины тыла, приложили все силы к тому, чтобы снабдить нас, фронтовиков, всем необходимым для борьбы с врагом... Хотелось бы, чтобы наши семьи были окружены вашей заботой и вниманием, чтобы о жизни их вы нам писали. Мы же, гвардейцы-танкисты, даем слово, что очистим нашу землю и уничтожим израненного зверя в его собственной берлоге.

Чтобы веселее всем было жить,

Чтобы счастье рекою текло,

Мы врагов били, бьем, будем бить,

Бить всегда, бить везде, бить за все!

До скорой встречи, товарищ Орехова!

По поручению комсомольского собрания:

Комсорг Маркин

Зам. комсорга Гинин

Зам. комсорга Коханский

Члены бюро: Панферин, Золотов, Синицын, Гондырев.

Наш адрес: Полевая почта 68516, комсоргу Маркину».

В дни войны сотни тысяч писем приходили в нашу область. Письма поступали и в обком, и в горкомы, райкомы комсомола, и в первичные организации. Они вручались лучшим юношам и девушкам — стахановцам производства и колхозных полей.

Комсомольские организации использовали переписку с фронтом как могучее средство повышения политической и производственной активности молодежи...

ПАПО, ф. 105, оп. 264, д. 269, л. 160—163. Подлинник.

№ 19

ИЗ ДОКЛАДА СЕКРЕТАРЯ ОБКОМА ВКП(б) ХМЕЛЕВСКОГО К. М. «О ЗАДАЧАХ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СВЯЗИ С ПЕРЕХОДОМ НА МИРНУЮ РАБОТУ» НА ПЛЕНУМЕ ПЕРМСКОГО ОБКОМА ВКП(б)

19 ноября 1945 г.

Великая Отечественная война ускорила и без того бурный рост промышленного строительства.

Только за три первых военных года в капитальное строительство промышленности было вложено средств на 38% больше, чем за три года довоенного периода.

Война, в которой Урал сыграл роль могучего военного арсенала, потребовала от промышленных предприятий нашей области максимального развертывания своих производственных возможностей и резервов.

Рост промышленной продукции происходил за годы войны в невиданно высоких, ускоренных темпах. Если в мирный довоенный период ежегодный прирост промышленной продукции по области не превышал в среднем 24%, то во время войны он достигал 45%.

По отдельным отраслям промышленности рост валовой продукции достиг за время войны очень высоких размеров. Валовая продукция металлообработки к 1945 году возросла в три раза, химической промышленности — в пять раз, промышленности боеприпасов — в шесть раз. По некоторым видам вооружения выпуск увеличился в десять раз.

В больших размерах за годы войны возросла добыча угля, производство кокса, выплавка чугуна и т. д.

Но не только рост объема промышленного производства, увеличение валового выпуска продукции произошли за годы войны в промышленности нашей области. Эти годы явились для многих наших предприятий годами ускоренного технического прогресса и совершенствования процессов производства.

За это время ряд предприятий внедрил в производство поточный метод, конвейер, достиг большого улучшения технологического процесса. Многие предприятия овладели методами скоростного проектирования изделий. Значительно был

пополнен и модернизирован станочный парк предприятий. Большой размах получила рационализаторская работа.

Все это подняло на весьма значительную высоту уровень технической культуры наших предприятий и позволило добиться больших успехов в повышении производительности труда.

Однако техника сама по себе не могла бы еще решить успех дела. Его решили люди, их отношение к труду, степень их сознательности и организованности в борьбе за выполнение тех задач, которые ставили перед промышленностью страны армия, фронт.

Я подчеркиваю, товарищи, что самым важным, решающим фактором, который определил успешную работу нашей промышленности в дни Великой Отечественной войны, явилось чувство высокой сознательности и патриотизма наших трудящихся, сознание ими своего долга и ответственности перед Родиной в дни, когда ей угрожала смертельная опасность.

Трудовой героизм рабочих, инженерно-технических работников и руководителей предприятий за годы войны неоднократно находил высокую оценку со стороны партии и правительства. Около пяти тысяч работников промышленности, транспорта и строительства нашей области были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Героическая работа наших крупных предприятий... и угольной промышленности многократно отмечалась присуждением им переходящих Красных знамен ГКО, Центрального Комитета ВКП (б) и наркоматов. 9 предприятий нашей области за успешную работу в дни войны также награждены орденами Советского Союза...

ПАПО, ф. 105, оп. 1, д. 222, л. 156—157. Подлинник. Публикуется впервые.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

КОШИ-ОКРУГУ—50

Г. КОНИН

**СВЕТ НЕМЕРКНУЩИЙ—
ЛЕНИНСКИЙ СВЕТ**

•

Ф. ТАРАКАНОВ

ТАК МЫ НАЧИНАЛИ

•

С. НИКОЛАЕВ

ХРОНИКА ПОЛУВЕКА

КОМИ-ОКРУГУ—50

Г. КОНИН,
*старший научный сотрудник
Коми-Пермяцкого окружного
краеведческого музея*

СВЕТ НЕМЕРКНУЩИЙ— ЛЕНИНСКИЙ СВЕТ

В едином строю со всеми народами под руководством Коммунистической партии уверенным шагом идут к коммунизму и трудящиеся Коми-Пермяцкого национального округа. До Великого Октября коми-пермяки, как и другие национальные меньшинства России, подвергались жестокой эксплуатации помещиков и заводоладельцев, не имели своей письменности, были обречены на постепенное вымирание. Об этом убедительно свидетельствуют многочисленные документы, хранящиеся в Коми-Пермяцком окружном краеведческом музее имени П. И. Субботина-Пермяка.

1925 год стал для коми-пермяков знаменательным: Постановлением ВЦИК от 26 февраля

был образован Коми-Пермяцкий национальный округ. Этим было положено основание государственности у коми-пермяков. Демократическое самоуправление, полное равноправие, удовлетворение всех разумных и справедливых желаний открывали простор для небывалого развития экономики и культуры. Так 26 февраля стало историческим днем для коми-пермяцкого народа — днем получения автономии.

После революции вопрос о создании самостоятельного национального образования неоднократно поднимался на сходах и собраниях граждан сел и деревень, в местных и центральных органах. Сначала предполагалось по типу Карельской трудовой коммуны организовать Коми-Пермяцкую трудовую коммуну. Затем появились другие предложения: создание на коми-пермяцкой территории самостоятельного национального образования или же присоединение коми-пермяков к автономной области Коми. Поднимался также вопрос о создании Коми-Пермяцкой автономной области. Но ни одно из этих предложений не было принято. Велись дальнейшие поиски такой формы самоуправления, которая бы отвечала возможностям и требованиям всестороннего развития такой небольшой народности, как коми-пермяки.

Активное участие в решении проблемы коми-пермяцкой автономии принимали местные коммунисты, среди них — член партии с 1918 года, участник становления Советской власти и гражданской войны на территории края Ф. Г. Тараканов. Федор Гаврилович обращался в Президиум ВЦИК. 16 ноября 1923 года он внес на обсуждение президиума Пермского губисполкома предложение о создании в составе Уральской области самостоятельного национального округа с центром в селе Кудымкар. Это предложение также не было принято губерскими органами, что вынудило коми-пермяков снова написать в Москву.

Летом 1924 года в наш край прибыла специальная комиссия ВЦИК под председательством члена ВЦИК Н. К. Козлова. Ознакомившись с положением дел на месте, комиссия единодушно высказалась за образование Коми-Пермяцкого национального округа в составе Уральской области, учитывая исторически сложившееся тяготение коми-пермяцкого края к заводским центрам Прикамья и Урала, куда вели все сухопутные, водные и близлежащие железнодорожные пути. 15 января 1925 года комиссия ВЦИК представила свой доклад на заседание комиссии Секретариата ЦК РКП (б). Решение Секретариата ЦК и послужило основой для Постановления об образовании национального округа.

26 февраля 1925 года состоялось заседание Президиума ВЦИК под председательством М. И. Калинина. Президиум постановил образовывать Коми-Пермяцкий национальный округ — первый национальный округ в стране.

В протоколе этого заседания записано:

«Ввиду значительной территориальной отдаленности Пермского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими двумя районами, отклонить ходатайство автономной области Коми и представителей пермяцкого населения о включении Пермского края в состав области Коми, оставив Пермский край в пределах Уральской области.

Считать целесообразным выделить Пермский

край в особый национальный округ со специальными сокращенными штатами, подчинив этот округ непосредственно Уральскому областному исполкому и обязав его одновременно поддерживать связь во всей своей работе с Верхнекамским окружным исполкомом.

Поручить Уральскому областному исполкому провести в жизнь пункт второй сего постановления и представить в месячный срок через отдел национальностей при Президиуме ВЦИК доклад об исполнении с определением границ округа и штатов окружного исполкома, а также с установлением формы связи с Верхнекамским окружным исполкомом.

Предложить наркомфину при рассмотрении бюджета Уральской области принять во внимание выделение Пермского края в особый национальный округ, как вызывающее дополнительные расходы».

Уралсовет командировал Ф. Г. Тараканова, члена президиума Верхнекамского окрисполкома и председателя бюро национальных меньшинств президиума окрисполкома, в Москву. Секретарь Президиума ВЦИК А. С. Киселев, вручая Федору Гавриловичу решение об организации первого национального округа, сказал:

— Везите его своему народу. Пусть оно послужит путевкой на широкую дорогу социалистического строительства. От души поздравляю вас с Коми-Пермяцкой советской автономией.

Вернувшись из Москвы, Ф. Г. Тараканов вместе с другими принимал деятельное участие в разработке штатного расписания, в составлении первого бюджета округа, в проведении перевыборов в Советы и выборов делегатов на первый окружной съезд Советов в Косинском, Юрлинском, Юсьвинском и Кудымкарском районах, входивших тогда в состав Верхнекамского округа.

В Косе, Юрле и Юсьве прошли районные партийные собрания, в Кудымкаре — конференция; на них были избраны 30 делегатов с решающим и 3 — с совещательным голосом на окружную партийную конференцию.

1—2 апреля 1925 года состоялась первая Коми-Пермяцкая окружная конференция коммунистов. Она решила вопросы организации округа, оформила окружную партийную организацию, выработала конкретную программу ее деятельности, избрала руководящие органы: окружной комитет, ревизионную и контрольную комиссии.

На первом пленуме окружкома было избрано бюро окружного партийного комитета из 5 человек, куда вошли А. Ф. Караваев, В. Н. Баяндин, Н. С. Кузнецов, С. Ф. Давыдов и С. Г. Нефедьев. Ответственным секретарем окружкома партии стал коммунист с октября 1917 года А. Ф. Караваев, работавший до того секретарем Кудымкарского райкома РКП (б). Заведующим агитпропом был назначен член партии с апреля 1917 года Н. С. Кузнецов, организатор партийной ячейки в Косе, активный участник установления Советской власти и гражданской войны в крае.

Окружная партийная организация объединила четыре районных, в двадцати ячейках которых насчитывалось 195 коммунистов: 132 члена и 63 кандидата в члены партии.

3—5 апреля 1925 года проходил первый окружной учредительный съезд Советов. На нем присутствовали 70 делегатов, три четверти которых составляли коми-пермяки.

На съезде были заслушаны доклады о международном и внутреннем положении СССР, о национальном вопросе и организации округа, о бюджете, а также доклад Тараканова — делегата областного съезда Советов.

Первый окружной съезд Советов назвал округ Коми-Пермяцким, административным центром его признал село Кудымкар. Съезд решил также ряд вопросов государственного строительства, определил пути подъема экономики и культуры, утвердил бюджет и избрал руководящие органы округа.

В рабочий президиум Коми-Пермяцкого окрисполкома вошли С. Ф. Давыдов, Ф. Г. Тараканов, Ф. А. Сыстеров, М. В. Чечулин, А. Ф. Караваев, Н. Н. Первов и С. Г. Ощепков. Председателем окрисполкома единогласно был избран С. Ф. Да-

выдов, первый председатель Совета рабочих депутатов в Майкоре.

С образованием округа начался новый этап развития экономики и культуры края. За несколько десятилетий коми-пермяцкий народ при непосредственной поддержке великого русского и других братских народов нашей страны поднялся на небывалую высоту общественного прогресса, добился огромных достижений во всех отраслях промышленного и сельскохозяйственного производства, в области народного образования, здравоохранения и культуры. Из среды рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции вышло немало талантливых ученых, писателей, художников.

Необходимо отметить, что с первых дней образования округа Коммунистическая партия и Советское правительство, Уральская, а затем Пермская областные парторганизации проявляли подлинно коммунистическую заботу о подъеме промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, народного просвещения, культуры. Трудящиеся округа во всей полноте почувствовали великую силу социализма и интернационализма, дружбы и братства народов. И в дальнейшем братскую помощь округу оказывали и продолжают постоянно оказывать трудящиеся всех союзных республик.

Под ленинским немеркнущим солнцем коми-пермяки встретили свой полувековой юбилей — праздник больших достижений и свершений. Сейчас рука об руку на заводах и комбинатах, в совхозах и колхозах, учреждениях и учебных заведениях округа самоотверженно трудятся представители 77 народностей и национальностей. Все они живут одними думами и помыслами: помочь советскому народу как можно быстрее построить коммунистическое общество.

Путь коми-пермяцкого народа к расцвету социалистической экономики и культуры — воплощение на практике ленинской национальной политики Коммунистической партии, живой пример того, какие богатые плоды приносят дружба и братская взаимопомощь народов нашей страны.

Ф. ТАРАКАНОВ

ТАК МЫ НАЧИНАЛИ

(Из воспоминаний)

После возвращения из Москвы домой, это было в конце октября 1922 года, я снова занялся агрономической работой, благо, должность агронома на Кудымкарском агроучастке оказалась вакантной. Но мысль о культурно-национальном возрождении коми-пермяков и создании для этого необходимых условий по-прежнему занимала меня.

В то время коми-пермяцкая интеллигенция в основной своей массе еще была пассивна. Грамотные люди стыдились своего происхождения. Наиболее мощным слоем национальной интеллигенции были, конечно, учителя. Многие из них ясно сознавали необходимость культурно-национального возрождения края и понимали, какая огромная роль в деле народного образования принадлежит родному языку. С благодарностью вспоминаю я ежевечерние душевные беседы с единомышленниками Федором Антоновичем Тупицыным и его женой Акулиной Петровной. Мы обсуждали вопросы создания своей письменности, литературы, школьных учебников.

Количество учителей, разделявших наши взгляды, быстро росло. Многие советские и партийные работники округа также близко к сердцу приняли идею самоуправления коми-пермяков. Среди них нельзя не назвать добрым словом В. И. Дерябина, М. В. Чечулина, А. Ф. Караваева, Ф. А. Систерова, Я. А. Кривошекова, братьев Я. К. и Н. К. Пасютиных, С. И. Чудинова, А. А. Любимова, С. И. Зубова, Я. К. Акимова, П. Е. Колыхматова и других.

Зимой 1922/23 года стихийно складывался наш литературный кружок. Большое оживление в его работу внес вернувшийся после учебы Андрей Никифорович Зубов. Я хорошо помню тот вечер, когда к Тупицыным, у которых мы обычно собирались, пришел Зубов. Это был среднего роста, стройный парень с пышной, чуть рыжеватой шевелюрой. И как-то сразу, с первого появления стал он для нас родным и близким.

На собраниях нашего кружка мы не только обсуждали будущее коми-пермяцкой литературы, но и знакомили товарищей со своими первыми литературными опытами, много пели. Все шире и глубже становился интерес к собиранию народных песен, частушек, прибауток, сказок. Наиболее одаренными среди нас были Андрей Зубов, Федор Зубов, Василий Дерябин (Иву Вась).

Писали мы на родном языке так называемым молодцовским алфавитом. О латинизации его тогда еще не было речи.

Когда у членов кружка накопилось порядочно стихов и песен, мы решили, что настала пора выходить на суд слушателей. Начали устраивать концерты — коми-рыты. Обычно на таких концертах вначале шли доклады. Федор Тупицын говорил о роли коми-пермяцкого языка в деле просвещения народа. На мою долю падала агитация за агрономическую культуру, за переход от трехполки к многополью, за культурно-национальное возрождение. На Андрея Зубова взваливалась вся концертная часть. Мы выступали со своими стихами, сольными и хоровыми песнями. Каждый коми-рыт заканчивался общими, вместе со зрителями, плясками, а также песнями на родном языке.

Население проявляло живой интерес к нашим коми-рытам: школы, где чаще всего устраивались эти концерты, бывали битком набиты, шли и стар и млад.

Особенно мне памятен первый — осенью 1922 года в селе Егва, и второй — в марте 1923 года в Кудымкаре. На втором концерте шла пьеса Виктора Савина «Шонди петигэн, дзордз

космис» («На восходе солнца цветов засах»). С коми-зырянского на коми-пермяцкий ее перевел Василий Дерябин. В спектакле играли Филимон Систеров, Анна и Анатолий Споровы, Михаил Лихачев, Василий Дерябин. Спектакль удался на славу. После окончания восторженные зрители пустились в пляс; не утерпели и сами артисты — присоединились к ним, не успев смыть грима.

Воодушевленные этим успехом, мы стали показывать и другие спектакли.

К тому времени у нас накопилось большое количество собственных стихов, и мы решили выпустить коллективный поэтический сборник, обратившись за помощью в Коми издательство. За издание сборника взялся В. И. Дерябин. Он увез в Сыктывкар лучшие произведения А. Н. Зубова, Ф. А. Тупицына, а также мои и других начинающих поэтов. Но сборник «Гора-дзуль» («Горцвет») нельзя назвать удачным: издан он был малым тиражом, на серой бумаге, стихи были плохо отредактированы.

Долгое время в стороне от нашей культурно-просветительской работы стоял заведующий Кудымкарской школой 2-й ступени Николай Михайлович Вилесов — один из самых образованных коми-пермяцких учителей. Окончив два факультета, он свободно владел французским языком, читал по-английски. А вот к родному коми-пермяцкому относился пренебрежительно, несколько свысока.

Но в конце концов и он «прозрел».

Мы оба были с ним радиолюбителями. И когда я с помощью своего детектора «блуждал в эфире», это создавало помехи для его самодельного приемника.

Однажды Николай Михайлович зашел ко мне поздно ночью. Я было подумал, что он опять пришел жаловаться на радиопомехи. Но он неожиданно сказал:

- Я пришел извиниться перед вами.
- В чем же вы передо мной провинились?
- Именно провинился. Ведь я объявлял вас фанатиком, даже сумасшедшим, видя, с каким рвением вы всюду ратуете за родной язык, за ко-

ми-школу. А разве мне, коми-пермяцкому педагогу, это простительно? Как я мог отрекаться от родного языка? Поверьте, я глубоко осознал это заблуждение, тяжело его переживаю и успокаиваю себя только тем, что намерен решительно исправить его.

И Вилесов не ограничился только извинением передо мной.

Назревал созыв 1-го съезда культурных сил коми-пермяков. Он состоялся 25 марта 1923 года. Основным докладчиком был я. Я рассказал о том, что мы понимаем под культурно-национальным возрождением и о том, какие задачи стоят перед коми интеллигенцией.

Выступавших в прениях оказалось немного. Большинство было согласно с докладом, а некоторые еще не определили толком, какой линии им держаться. Конечно, главным вопросом съезда стал вопрос о письменности, о составлении учебников и краеведческой работе. К тому времени уже образовалось общество по изучению Коми-Пермяцкого края, и я был его председателем.

Самую большую сенсацию, как сказали бы сейчас, вызвало выступление Н. М. Вилесова. Он беспощадно и основательно осудил свое неправильное отношение к родному языку. Он призывал интеллигенцию не стыдиться своего национального происхождения и отдавать все силы и знания ради процветания коми-пермяцкого народа.

Съезд закончился большим коми-рытом, на который многие учителя пришли в национальных рубашках и сарафанах.

За сравнительно небольшой срок идея культурно-национального возрождения коми-пермяцкого народа стала популярной в широких массах, особенно в волостях Иньвенского бассейна. Теперь уже всем становилось ясно, что без объединения всех культурных сил края, без единого краевого культурного и экономического центра жить больше нельзя. Пробуждалось национальное самосознание, и необходимость самоуправления становилась жизненной потребностью.

Коми-пермяцкий фольклорный ансамбль.

Но, как бы ни хотели коми-пермяки покончить со своей раздробленностью, это было не так просто, как может показаться читателю сейчас, с высоты 50-летнего юбилея. Недаром В. И. Ленин отмечал, что национальный вопрос является самым сложным вопросом в теории марксизма.

Необходимо было поставить вопрос о положении коми-пермяков перед Советским правительством.

В это время, как нельзя более кстати, мне за хорошую агрономическую работу была предоставлена командировка на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Я решил воспользоваться этой возможностью и побывать во ВЦИКе.

При помощи сыктывкарских и московских коммунистов мне удалось добиться даже большего: был назначен определенный день для обсуждения нашего вопроса на заседании Президиума ВЦИК. Председательствовал заместитель М. И. Калинина П. Г. Смидович.

В своем выступлении я попытался рассказать обо всем наболевшем, зачастую довольно резко критиковал наши местные власти. Мне думалось: когда-то еще попаду на заседание самого высшего в стране органа, уж выскажу все сейчас.

На том заседании было решено создать специальную комиссию, которая бы на месте ознакомилась с положением дел и после этого внесла конкретные предложения во ВЦИК.

Закончив все дела в Москве, я возвратился в Кудымкар. В стране уже полным ходом шло районирование. На Урале создавалось 15 округов. Усольский и Чердынский уезды преобразовались в один Верхнекамский округ, куда составной частью входил Коми-Пермяцкий край. Нас, коми-пермяцких коммунистов, это никак не устраивало. Мы с нетерпением ждали приезда комиссии ВЦИК.

Тем временем я был избран делегатом на первый окружной съезд Советов Верхнекамского округа. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что в состав окрисполкома не вошел

ни один человек из Коми края! Я вынужден был выступить с протестом против такого искривления национальной политики. Пришлось провести новое заседание фракции. На этот раз в окрисполком вошло шесть человек от нашего края.

Съезд избрал меня делегатом на первый Уральский съезд Советов.

И на этом съезде, выступая в прениях, я говорил, главным образом, о насущных заботах коми-пермяков. По регламенту каждое выступление ограничивалось десятью минутами. Я же говорил сорок. Каждый раз, когда истекало время, делегаты бурно требовали дать мне еще десять минут. Большинству делегатов съезда была небезразлична судьба маленького западноуральского народа.

Я говорил, что коми-пермяки плечом к плечу с уральским рабочим классом сражались за Советскую власть, за строительство новой жизни. А вот теперь на Урале находятся отдельные руководители, которые не хотели бы видеть государственное образование в составе Уральской области. Ссылаются на то, что у нас нет кадров для самоуправления. Их действительно не хватало. Но если нашлись кадры, чтобы возглавить взводы, роты, батальоны и полки Красной Армии, то найдутся они и для управления автономией. Коми-пермяцкое население в основном трудовое и бедняцкое, оно закоснело в вековой нищете, в невежестве, и совершенно необходимо оказать ему помощь на первых порах, как своему младшему брату, дабы он скорее мог выйти на торную дорогу к новой светлой жизни. Я говорил о преданности коми-пермяцкого народа Советской власти и просил делегатов съезда взять под свою защиту интересы нашего края.

Во время перерывов делегаты дружески обнимали меня, хвалили за смелую критику, подробно расспрашивали о жизни коми-пермяков.

Съезд избрал меня членом Уралсовета и делегатом на XI Всероссийский съезд Советов. Так мне выпало счастье в составе 96 уральцев представлять свой народ на этом форуме.

Я и на этот раз решил использовать высокую трибуну, чтобы ускорить приезд комиссии в Коми-Пермяцкий край. Съезд отнесся к моему выступлению сочувственно. На другой же день меня пригласили в президиум съезда и ознакомили с уже принятым решением Президиума ВЦИК об образовании комиссии. Руководителем ее был назначен председатель Архангельского облисполкома и член ВЦИК Н. К. Козлов.

Летом комиссия ВЦИК побывала у нас. Результатом ее знакомства с краем явился доклад правительству о едином желании коми-пермяков

иметь свою автономию в пределах Уральской области.

И вот в феврале 1925 года я поехал в Москву за получением вердикта об образовании нашего национального округа.

Срок созыва первой окружной партийной конференции и первого окружного съезда Советов был назначен на начало апреля. К этому времени был составлен бюджет округа, подобраны кадры, подготовлены помещения для окружных организаций.

Начинались рабочие будни.

С. НИКОЛАЕВ

ХРОНИКА ПОЛУВЕКА

Коми-Пермяцкий национальный округ занимает территорию в 32 776 квадратных километров. Четыре пятых его площади приходится на леса. В крае довольно много сельскохозяйственных земель, особенно в южных районах.

Трудящиеся округа под руководством окружной партийной организации добились значительных успехов в развитии сельского хозяйства. За полвека посевные площади увеличились в 2,3 раза. Вооруженные мощной техникой колхозы и совхозы производят зерно, молоко, мясо.

Создана мощная лесная промышленность. Богато оснащенные механизмами 15 леспромхозов дают стране 5 млн. кубометров древесины в год. За 50 лет вывозка древесины из округа увеличилась в 10 раз.

Об отдельных значительных событиях напоминает приводимая нами краткая историческая летопись края коми-пермяков за полвека его автономии.

1925

5—6 апреля. Состоялась 1-я Коми-Пермяцкая окружная комсомольская конференция. Первым секретарем окружкома комсомола избран С. Г. Нефедьев из деревни Селище Косинского района.

В Кудымкаре открыта окружная библиотека. Ныне она носит имя одного из зачинателей коми-пермяцкой художественной литературы М. П. Лихачева.

В Кудымкаре открыт первый в округе детский сад.

Жители округа впервые увидели кино.

1926

Образован Гайнский район с центром в селе Гайны.

Начала выходить окружная газета «Горись» («Пахарь»). С 1932 года — «Ленин туй вылёт» («По ленинскому пути»).

В округ поступили первые тракторы.

1927

В Кудымкаре открыт педагогический техникум (ныне педагогическое училище), который стал готовить учителей начальной школы, а с 1931 года — и дошкольных работников. В 1936 году с Кудымкарским педтехникумом слит открытый в 1930 году Косинский педтехникум.

В Кудымкаре зажглись первые в округе электрические лампочки; ток дала по-

строенная на реке Куве ГЭС мощностью 80 кВт.

1928

В Кудымкаре построен первый в округе радиоузел.

1929

Созданы первые леспромхозы.

В Кудымкаре открыт лесохозяйственный (ныне лесотехнический) техникум.

1930

В Кудымкаре открыт сельскохозяйственный техникум.

Организовано Коми-Пермяцкое книжное издательство. С 1964 года — Коми-Пермяцкое отделение Пермского книжного издательства.

1931

Организован Кудымкарский леспромхоз. В 1936 году на его базе создан трест Комипермлес, который в 1954 году стал комбинатом Комипермлес, объединяющим (1974 г.) 15 леспромхозов.

Организована первая в округе Кудымкарская машинно-тракторная станция.

В Кудымкаре из коллектива «Синяя блуза» организована театральная студия, положившая начало театру колхозной молодежи. В 1935 году Кудымкарский театр колхозной молодежи преобразован в профессиональный национальный театр — Коми-Пермяцкий окружной драматический театр, которому присвоено имя М. Горького.

1932

В Кудымкаре открыт медицинский техникум (ныне медицинское училище).

1933

20 июня. Село Кудымкар преобразовано в поселок городского типа.

В Кудымкаре открыт стадион.

1934

В округ поступил первый комбайн, появились первые автомашины.

На 1-м Всесоюзном съезде советских писателей его делегат коми-пермяцкий писатель М. П. Лихачев познакомился с А. М. Горьким и получил от него библиотечку с автографом.

1935

В Кудымкаре открыта окружная больница на 300 коек.

1937

Коми-Пермяцкий окружной драматический театр поставил первую коми-пермяцкую пьесу «Сквозь тьму» одного из зачинателей национальной художественной литературы А. Н. Зубова.

1938

Принят коми-пермяцкий алфавит на русской графической основе.

10 июля. Поселок Кудымкар преобразован в город.

1939

Всесоюзная перепись показала: все население округа составляет 161 988 человек, в том числе городское — 13 939 человек (все в Кудымкаре), сельское — 148 049 человек.

1941

23 июня. В районах округа состоялись партийные активы по вопросу о перестройке работы партийных организаций в условиях военного времени.

1942

Сентябрь. Кудымкарскому району за успехи в сельскохозяйственных работах вручено Красное знамя одной из частей Северо-Западного фронта.

1943

14 января. Из округа прибыл в Пермь красный обоз из ста подвод. Колхозники доставили рабочим моторостроительного завода более тысячи пудов различных продуктов.

31 марта. Бюро окружкома партии обсудило вопрос о помощи Сталинграду. Ре-

шено отправить на восстановление города-героя 88 тыс. кубометров древесины.

1944

Начала работу экспедиция Академии наук СССР по изучению природы, населения и хозяйства округа.

1945

Кудымкарским центральным ремонтно-механическим мастерским и Иньвенскому сплавному рейду переданы на вечное хранение переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны.

За годы войны округ дал стране 7,5 млн. пудов хлеба, 5 млн. 765 тыс. кубометров древесины. Жители округа собрали около 10 млн. рублей на строительство самолетов и танков. Более 30 тыс. рабочих, колхозников и служащих округа ушли защищать Родину, беззаветно бились с врагом. Окружная партийная организация направила на фронт более половины своего состава. В действующей армии сражались 4520 комсомольцев — 80% состава окружной комсомольской организации. Одиннадцати уроженцам округа присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

1946

Совет Министров СССР принял постановление о развитии лесозаготовок в бассейне реки Камы на 1946—1950 годы. Был намечен значительный рост лесозаготовок в Коми-Пермяцком округе, главным образом на севере.

1949

Кудымкарский тяжелоатлет Николай Щетинников завоевал звание чемпиона СССР среди сельских спортсменов по гиревому спорту.

1951

В Кудымкаре открыта музыкальная школа. В 1967 году преобразована в первую в Пермской области школу искусств (с тремя отделениями — музыкальным, хореографическим и художественным).

1952

Коми-пермячка филолог А. С. Кривошекова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Словообразование и диалекты иньвенских коми-пермяков».

1953

Пущен Гайнский ремонтно-механический завод — крупное, хорошо оснащенное предприятие по ремонту техники леспромхозов. На месте подготовлены свои квалифицированные рабочие кадры.

1954

Начато строительство судомеханического завода в Пожве. 16 декабря 1958 года в литейном цехе проведена первая плавка. Ныне завод Лесосплавмаш.

1957

5 октября. За выдающиеся успехи, достигнутые в развитии лесной промышленности, звание Героя Социалистического Труда присвоено трактористу Тукачевского леспромхоза инвалиду Отечественной войны Василию Михайловичу Туркину. В. М. Туркин — первый в округе Герой Социалистического Труда.

В Кудымкаре открыт окружной Дворец пионеров. С 1966 года носит имя Героя Советского Союза Е. В. Утева.

1958

Декабрь. Бригада Ивана Григорьевича Мартюшева из Кочевского леспромхоза выступила инициатором соревнования за звание бригад коммунистического труда — решила выполнить семилетнее задание за 5 лет. Социалистическое обязательство бригады выполнила за 4 года 2 месяца.

1959

15—22 июня. В Перми состоялась смотр коми-пермяцкой литературы и искусства. Драматический театр, ансамбль песни и танца, коллективы художественной самодеятельности округа познакомили общественность областного центра со своим творчеством. Выступления театра начались пьесой

кудымкарского автора Спиридона Можаява «Пасмурная весна». В дни смотра работала выставка художественного творчества коми-пермяков. Прошли встречи коми-пермяцких писателей Николая Попова, Степана Караваева, Михаила Вавилина и других с читателями.

1959

4 ноября. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР часть территории бывшего Чермозского района Пермской области (поселки Майкор, Пожва и Камский сельсовет) передана в состав Коми-Пермяцкого национального округа.

1960

12 ноября. Из скважины, пробуренной близ поселка Майкор Юсьвинского района, ударил нефтяной фонтан — открыто первое на территории округа Майкорское месторождение нефти.

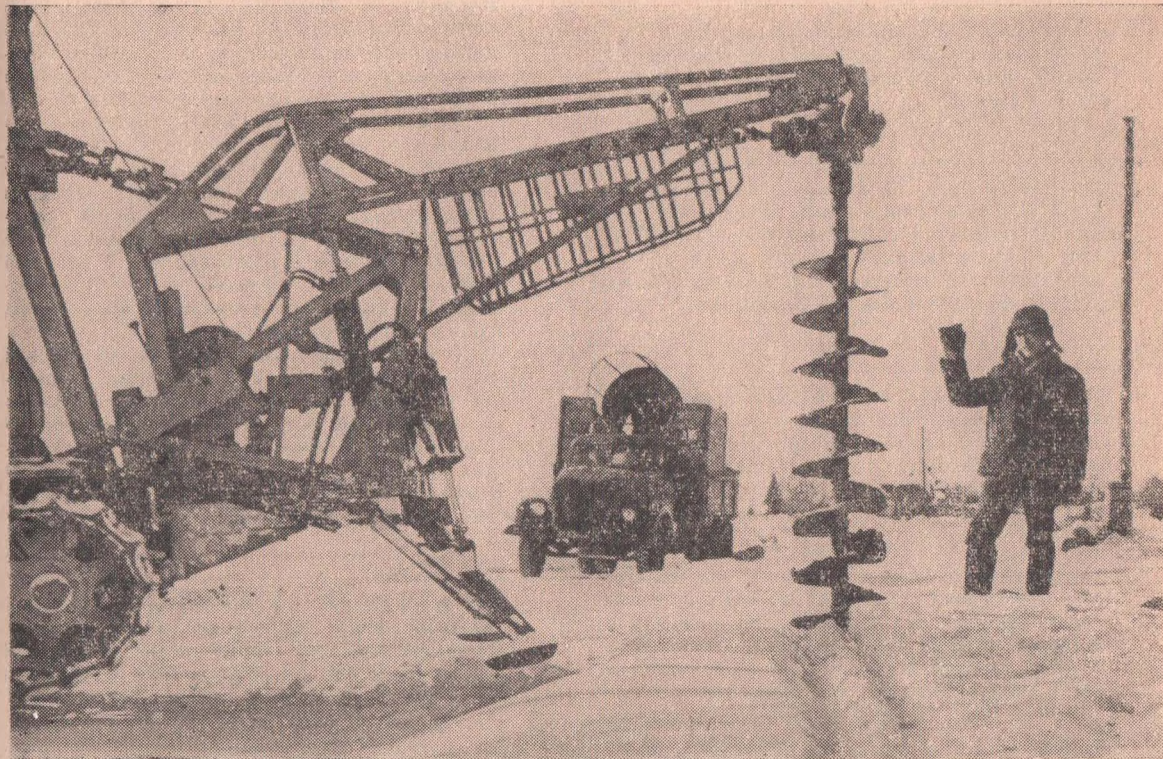
1961

30 декабря. Поставлена под напряжение линия электропередач Пермь — Кудымкар протяженностью 146 км.

1962

В Кудымкаре вышла книга «Коми-пермяцкий язык. Учебник для высших учебных за-

В самые отдаленные уголки Пармы шагает электричество.

ведений. Фонетика, лексика, морфология» — коллективная работа лингвистов под редакцией профессора В. И. Лыткина.

Парку культуры и отдыха в Кудымкаре присвоено имя уроженца Кудымкара — выдающегося краеведа-географа Ивана Яковлевича Кривошекова.

1963

2 января. Село Гайны преобразовано в поселок городского типа.

1964

Кудымкарской средней школе № 1 присвоено имя легендарного разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова, который в 1930—1934 годах работал в округе. В 1968 году в школе открыт музей, посвященный Н. И. Кузнецову.

1965

В Гайнах открыт народный краеведческий музей имени Героя Советского Союза А. Я. Сазонова.

1967

25 октября. За успехи в социалистическом соревновании в честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции Коми-Пермяцкий национальный округ награжден Памятным знаменем обкома КПСС, облисполкома и облсовпрофа.

1968

Камская археологическая экспедиция Пермского университета провела раскопки Кудымкарского городища (древнее коми-пермяцкое поселение, на месте которого возник Кудымкар).

1970

Всесоюзная перепись показала: все население округа составляет 212 141 человек, в том числе городское — 40 601 человек, из них в Кудымкаре — 26 350 человек, сельское — 171 540 человек. Преобладают коми-пермяки (58%), на втором месте — русские.

1972

29 декабря. Указом Президиума Верховного Совета СССР Коми-Пермяцкий национальный округ за большие заслуги трудящихся округа в деле укрепления братской дружбы народов, достижения в хозяйственном и культурном строительстве и в ознаменовании 50-летия Союза Советских Социалистических Республик награжден орденом Дружбы народов.

1974

19 января. Состоялась XXVI окружная отчетно-выборная партийная конференция. Делегаты ее представляли 6360 коммунистов, объединенных в 203 первичных партийных организациях.

19 января. Передовые лесозаготовители округа — бригада М. Амирханова из Веслянского леспромхоза, коллектив мастерского участка Б. Балаболина из Городищенского леспромхоза — выступили инициаторами соревнования за достойную встречу 50-летия образования округа.

9 февраля. На торжественном заседании окружного комитета партии и окружного Совета депутатов трудящихся округу вручен орден Дружбы народов. Участники торжественного заседания от имени орденосного Коми-Пермяцкого национального округа заверили ЦК КПСС, что в ответ на награду Родины трудящиеся округа приложат все силы для успешного выполнения плана девятой пятилетки.

В Кудымкаре вышел поэтический сборник на коми-пермяцком языке «Песня прописана в сердце». Это антология коми-пермяцкой поэзии. В нее включены произведения зачинателей национальной литературы Андрея Зубова, Михаила Лихачева, а также стихи современных поэтов Степана Караваева, Николая Попова и других.

1975

25 февраля. Коми-Пермяцкий национальный округ за успехи, достигнутые в коммунистическом строительстве, и в связи с 50-летием со дня образования награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

ПРОБЛЕМЫ КРАЯ

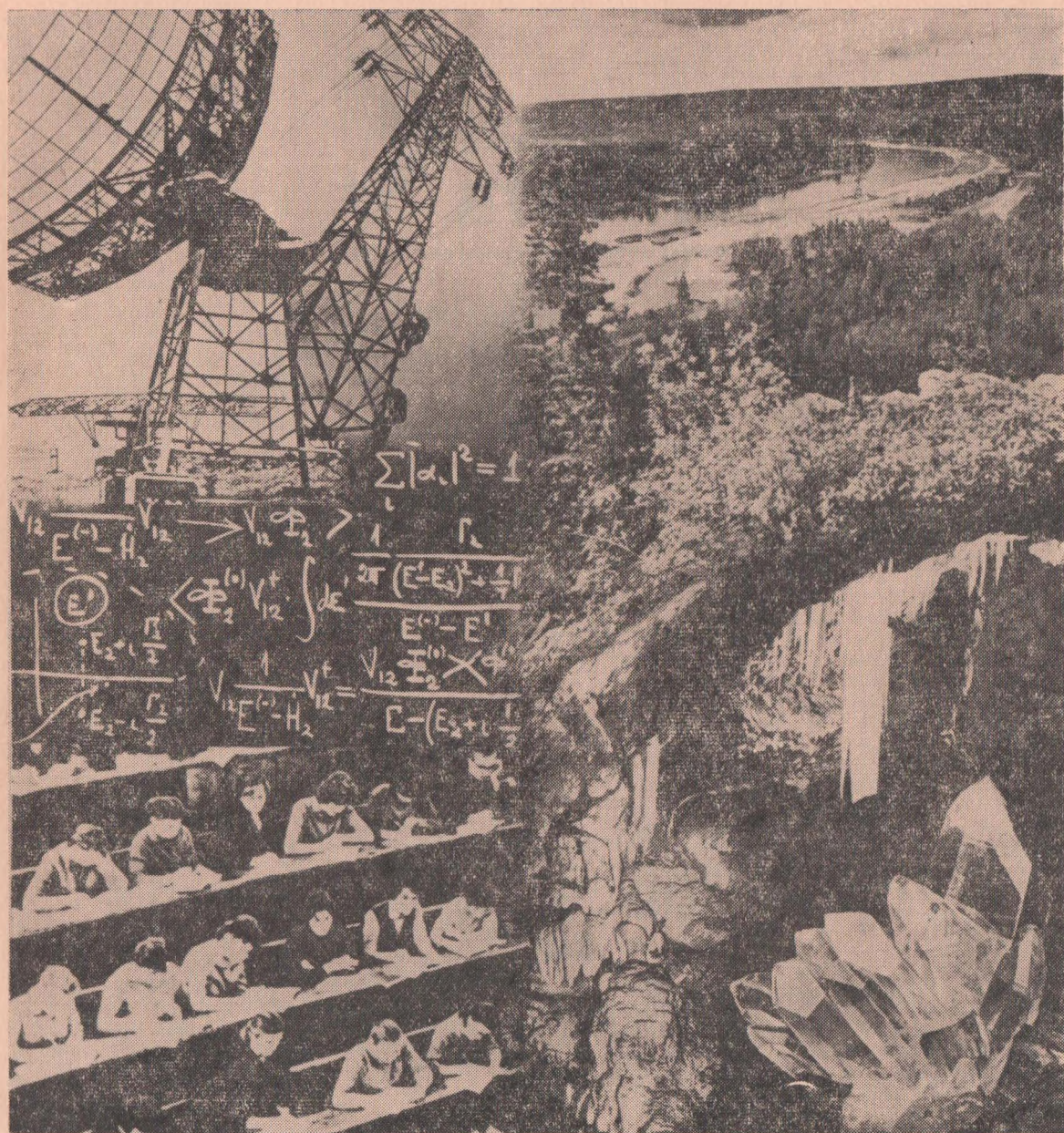
Д. РИЗОВ

**С ЛЮБОВЬЮ
К ЛЕСУ**

•

*М. СТЕПАНОВ,
В. ВОЛИН*

**«СОЗВЕЗДИЕ»
НАСЕЛЕННЫХ
МЕСТ**

ПРОБЛЕМЫ КРАЯ

Д. РИЗОВ,
собственный корреспондент
газеты «Лесная промышленность».

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЕСУ

Поистине неисчерпаемый клад для историка — изучение взаимодействия человек — лес. Здесь можно проследить сотни, если не тысячи самых разнообразных связей. Например, лес и война. Тут достаточно вспомнить хотя бы осаду островного Тира войсками Александра Македонского, когда город был взят только благодаря строительству морской плотины, в основе которой находились деревья с корнями и кроной. А первые самолеты, корпус которых делался из тончайшей и легкой фанеры?.. Впрочем, это уже наш век.

Или другая связь: лес и история торговых взаимоотношений народов. Здесь скрываются не только интересные факты, говорящие об огромном влиянии леса на человека, но и захватывающие исторические загадки. Вот, например, сооб-

щение финского историка О. Макконена на XIII международном конгрессе исторических наук. «Интересная проблема, — говорит О. Макконен, — возникает в связи с находками березовой коры в Египте. Дело в том, что в древности береза была неизвестна, в тогдашних культурных языках даже не было ее обозначения. Из всех античных писателей только Плиний употребляет слово *betul(l)a*, кстати сказать, кельтского происхождения. Стало быть, римляне впервые увидели березу, очевидно, в Галлии. Как же тогда объяснить тот факт, что в склепе фараона Тутанхамона (около середины XIV в. до н. э.) найдены предметы, украшенные корой березы, в частности те, которые напоминали с виду бумеранг, но являлись, по-видимому, культовыми жезлами, а также колчаны и трости. Северянин не без удовольствия решит, что березовая кора Тутанхамону очень нравилась. Ведь по сравнению с золотом и драгоценными камнями она была для фараона редкостью, а доставка березовой коры в Египет, конечно, была сопряжена с большими трудностями. Ученым так и не удалось установить, откуда и какими путями в те далекие времена доставляли березовую кору в Египет. Кроме того, березовая кора обнаружена в Египте в Файюмской

пустыне, на месте стоянки каменного века, возраст которой превышает 7 000 лет. Трудно себе представить, что в то время могли существовать торговые отношения, например, с Малой Азией, в которой произрастает береза».

Прямо скажем, это сообщение — настоящая находка для писателя-историка, в ней, как в зародыше, таится захватывающий исторический роман.

Лес и земледелие, лес и флот, лес и космонавтика, лес и химия, лес и парфюмерия, лес и строительство, лес и книгопечатание, лес и энергетика, лес и радиотехника, лес и медицина... Список этот можно продолжить и он займет не одну страницу.

В то же время у каждого человека есть свои, так сказать, сокровенные взаимоотношения с лесом. Например, лес и покой человеческий. Стал я вспоминать, в какой раз мне было в лесу так хорошо, как никогда. И вспомнил: как-то осенью пошел я на таежную речку Ник ловить хариусов. Шел с удилищем по заброшенной дорожке, темные ели стояли по сторонам, и вдруг среди них стал подниматься глухарь, грозно грохоча крыльями. Потом запищали рябчики...

И вот река. На ее берегах мягкая, переспелая черная смородина, мясистый красный шиповник и еле приметная тропа среди кустов. Выхожу к небольшому омутку — бочажине — с утонувшим стволом старой ели, комель которой остался на берегу. Я осторожно взбираюсь на него и пристально вглядываюсь в прозрачную воду. Различить рыбу мешают светлые пятна утонувшей листвы. Наконец, вижу продолговатые силуэты, а потом и детали: течение шевелит длинные наспинные плавники, не спеша поднимаются и опускаются жаберные крышки.

Делаю первый заброс лесы — и тотчас же синеватый силуэт бросается на золотистую мормышку с вертким червячком на крючке. Рывок... и я стараюсь не отпускать хариуса под утонувший ствол, даю ему побегать по яме в полводы, утомиться. Потом подтягиваю его к поверхности во-

ды, поднимая в воздух: удилище сгибается дугой, еще чуть-чуть и треснет, и стараюсь плавно переместить оглушенную воздухом рыбу от воды на берег.

Какой изумительный наспинный плавник, похожий на расписной веер: серовато-зеленый фон и красные поперечные полосы.

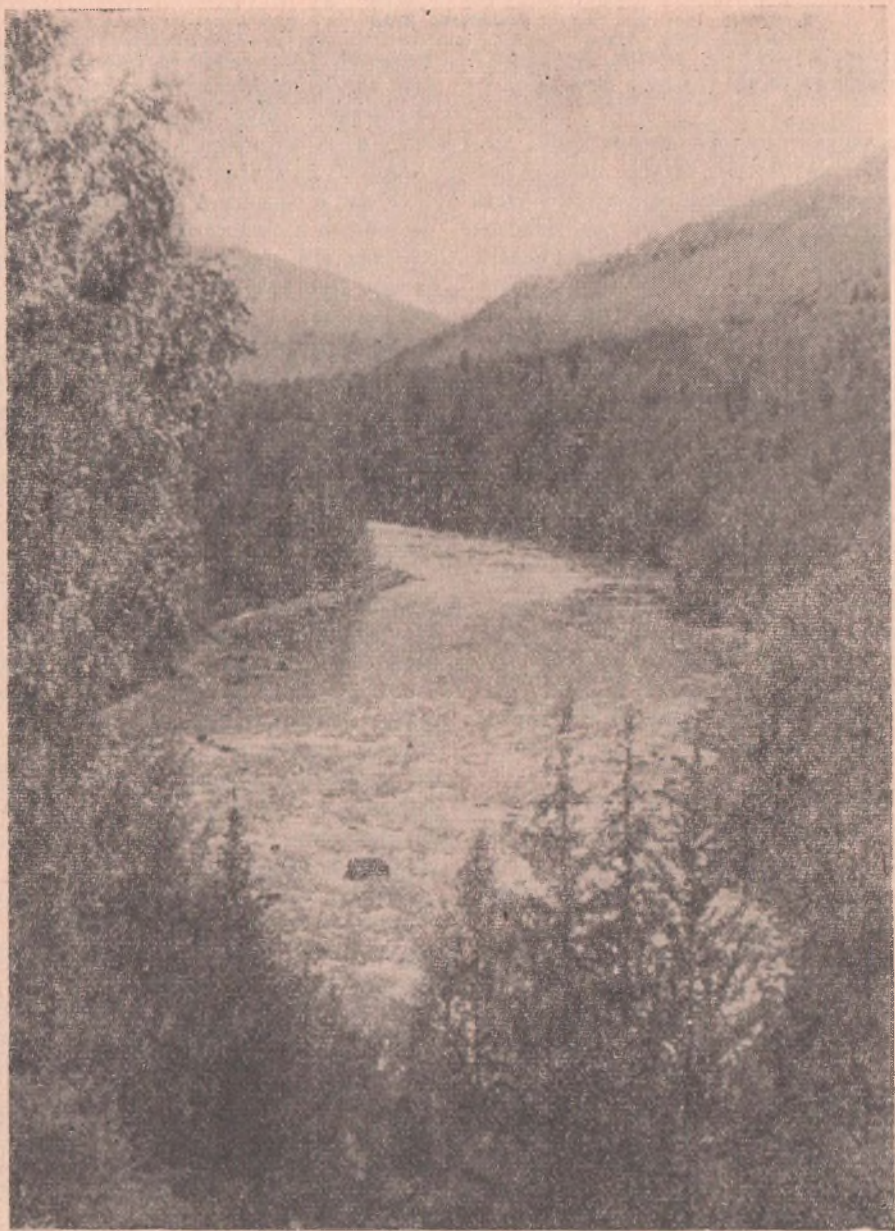
...И вот своим чередом приходит ночь. Надо спешить. Я ишу, где бы переночевать. Вот и место подходящее: выемка, окруженная пушистыми елями, вся в сухом мху. И рядом заброшенный верхний склад лесоучастка. Торопясь, таскаю оттуда легкие от сухости обломки бревен.

Уже стемнело. Костер разведен. Напечена картошка, сварен чай со сгущенным молоком. Тишина. На десятки километров — ни души. Только искры, прошивая насквозь крону деревьев, улетают в небо и перемешиваются там со звездами. Пока не уснул, насчитал три спутника, неторопливо проплывших среди вечерних звезд с запада на восток.

Проснулся среди ночи, как от толчка: кто-то смотрит на меня. Чувствую взгляд затылком. Костер подернут пеплом, угли под ним еле тлеют. Быстренько оглядываюсь. Над самой землей мерцают среди леса чьи-то глаза, как два холодных внимательных огонька. Нет, не зверь — слишком бесстрастен и холоден взгляд. Это две звезды нашли почти невозможную лазейку в толще леса, в путанице его ветвей и смотрят на меня, спрятавшегося со своим потухшим костром во мшистой выемке, окруженной елями.

А небо черно и все усеяно звездами. Поистине — в алмазах небо. Густая крошка Млечного Пути пересекала вселенскую тьму, не разгоняя ее, не рассеивая. Все созвездия на фоне этой тьмы яркие и даже, кажется, объемные; все видно ясно и четко, каждая звездная пылинка, самая ничтожная, видна в отдельности — самостоятельно светит

*Не измеришь, не охватишь глазом —
Без конца и края лес да лес.*

среди бесчисленного количества прочих, не теряясь в общем звездном свете, не утопая в нем, не затувая...

Я снова оглянулся на лес позади себя. Там тьма. Никто уже не смотрит оттуда: пока я глядел в небо, земля успела сделать какую-то часть оборота вокруг оси, переместилась над головой небесная сфера, и те две звезды потеряли меня в ночном лесу.

Утром, когда шел через вырубку к Нику за водой для чая, под ногами хрустел ледок. Ночью был заморозок, не замеченный мною у костра. Земля во влажных местах покрылась корочкой льда, трава в ином.

И где-то в той стороне, откуда смотрели на меня ночью две звезды, токовал тетерев, взбодренный первым заморозком. И больше ни звука — стоячая тишина осенней тайги.

В последние годы стало принято сразу вслед за воспоминаниями о подобных приятных минутах, проведенных среди леса, удариться в рассуждения, что вот, мол, лесу все меньше, рубят его, сводят с лица земли и так далее. Словом, речь непременно заходит о защите природы, об охране леса, о том, как бы приостановить его уничтожение.

Толку от таких разговоров бывает немного. Да и понятно: лес, правила его использования в народном хозяйстве, его восстановление — это сложный комплекс проблем, на решение которых требуется немало времени.

Возникла любопытная ситуация: чем дальше развивается человеческое общество, чем выше становится уровень благосостояния советских людей, тем больше требуется древесины для поддержания этого уровня и для его роста. Более того, оказывается, что уже и заготовленной древесины не хватает. Народное хозяйство вынуждено экономить лес на деревянных полах, — заменяя их линолеумом или паркетом из обрезков досок, на дверях, — заменяя доски прессованными древесными плитами.

На чем только не экономим! Я, к примеру, за

последние годы видел не больше четырех-пяти новых домов, рубленных из свежего леса; почти все новостройки, будь то в селе, в поселке, в городе, — из всякого рода кирпича, блоков.

А леса не хватает.

У нас в области 948 миллионов кубометров перестойного и спелого леса, который нужно убрать, заменив его лесом молодым. Ежегодно из этого запаса заготавливают чуть больше 24 миллионов кубометров.

Пытаться приостановить заготовку леса до тех пор, пока наука не создаст десятки и сотни заменителей древесины, — занятие детское, лишнее всякой почвы под собой, и разговоры о немедленном запрещении лесозаготовок, «ахи» по поводу «уходящего» с лица земли леса — праздные, они ни к чему и никого не обязывают, да ни к чему и не ведут.

Если говорить о проблемах лесопользования, стоящих в целом перед нашей страной, то задача тут сводится к следующему. Во-первых, передвинуть основной центр тяжести заготовки и переработки леса на восток, за Урал, в перестойную тайгу Сибири. Задача это глобальная, требующая колоссальных затрат. И она, к слову, уже решается. Во-вторых, возрождать леса там, где они вырублены. И в-третьих, всемерно уменьшать потери древесины, столь дорогой ценой дающейся народному хозяйству.

Охрана леса. Точнее, сохранение лесов... А не устарел ли подход к этой проблеме, тот самый традиционный подход, которого мы придерживаемся многие годы? И само название-то «охрана» невольно вызывает в воображении лесного объездчика, смотрящего за тем, чтобы леспромхоз не «залезал» со своими заготовками не в свои делянки, чтобы где-то кто-то не срубил незаконно дерева, не оставил без присмотра костра. Что ж, он делает свое полезное дело — семена собирает, саженцы выращивает, лесопосадки проводит.

Но сегодня этого мало! Сегодня охрана леса, если уж придерживаться старого названия, боль-

шей частью своей переместилась из собственно леса в поселки и города, на комбинаты, фабрики и заводские дворы. Это не преувеличение. Сейчас больше пользы лесу можно принести не в лесу, а именно на промышленных предприятиях, где имеют дело с древесиной как сырьем. Проблема сохранения лесов сегодня решается именно здесь. Каким образом?

Приведу пример. В прошлом году предприятия объединения Запуралдревпром, одного из главных потребителей древесины в Пермской области, из отходов лесопильного и деревообрабатывающего производств выпустили 10 миллионов квадратных метров древесностружечных плит, 12 тысяч кубометров древесностружечных плит, отправили на целлюлозно-бумажные комбинаты области 256 тысяч кубометров технологической щепы — сырья для производства целлюлозы. Все это заменяет народному хозяйству деловую древесину, так называемый круглый лес. Таким образом в 1973 году объединение выработало из отходов на 11 миллионов рублей товарной продукции и тем самым сэкономило народному хозяйству страны 900 тысяч кубометров делового леса. Такое количество заготавливают три крупных леспромпхоза в течение года. Иными словами, пуская отходы в дело, объединение как бы способствовало сокращению лесозаготовок на 6 923 гектарах леса, сохранило для нас 6 923 гектара «зеленого шума», «медвяных боров». Называй, как хочешь! Вот это-то и есть вклад — да еще какой! — в дело сохранения лесов.

Десять лет предприятия этого объединения сжигали 700 тысяч кубометров древесных отходов. Ныне эта огромная масса ценнейшего сырья исчерпана, в отвалы вывозятся только кора и опилки, не нашедшие пока применения в народном хозяйстве.

И еще цифры: предприятия объединения Запуралдревпром в 1973 году довели коэффициент использования древесины до 84,3%, в 1974 году планировали довести его до 85,5%. Такой полноты использования древесины нет больше нигде по

всей стране. Это значит, что почти все бревно, поступающее в распоряжение деревообработчиков, идет в производство. В 1974 году от каждого кубометра древесины, поступившего к ним на переработку, было получено товарной продукции на сумму 54 рубля, что в четыре раза превысило стоимость этого самого кубометра.

Таким образом, проблема сохранения лесов сейчас в значительной степени перерастает в проблему наиболее эффективного его использования и за счет этого — сокращения лесозаготовок.

И здесь у общественности Пермской области, у научно-технических обществ, Общества охраны природы огромное поле деятельности. В самом деле, разве не являются почти все предприятия коллективными членами Общества охраны природы? И разве это ничего не значит? Нужно добиться, чтобы у деревообработчиков объединения Запуралдревпром было как можно больше последователей. А их пока, прямо скажем, мало. Например, три таких промышленных подразделения области, как Главзапуралстрой, Пермский фанерный комбинат и предприятия управления топливной промышленности, ежегодно, вплоть до сегодняшнего дня, продолжают отправлять на свалки и в топки котельных 360 тысяч кубометров древесных отходов, годных для переработки. И это только три промышленных подразделения!

А десятки мелких ведомственных лесопилок, деревообрабатывающих, мебельных цехов при заводах? А десятки тысяч кубометров отличной древесины, похороненные в Каме возле целлюлозно-бумажных комбинатов? Пренебрежительным отношением к так называемому топляку наши бумажные комбинаты довели до «удушья» самих себя: рейды для отстоя плотов против комбинатов, захламленные топляком, обмелели. Соликамский бумажный комбинат вынужден ставить часть плотов на отстой уже не на свои рейды, а на судоходной части Камы, мешая работе речников.

Лишь недавно начал чистить свой рейд Пермский бумажный комбинат и уже наворочал возле берега огромный костер древесины. Проблема очи-

стки рейда с неотложной остротой встала и перед Камским бумкомбинатом. Но все эти комбинаты, так или иначе поставленные перед необходимостью расчистки своих рейдов, даже и не пытаются решать главную задачу — использования топлива...

Мы все любим природу, лес. Но не пора ли нашу всеобщую любовь обратить на конкретное

дело? Пусть так же дико будет видеть нам брошенную, гниющую, горящую древесину, как дико видеть брошенный, истоптанный, покрытый плесенью хлеб. Давайте любить лес не эгоистично, не на словах, а на самом деле. Ведь любовь к лесу, как и всякая иная любовь, деятельна. Тогда и свидания с ним, с глазу на глаз, будут и слаще и заслуженнее.

М. СТЕПАНОВ,
*руководитель лаборатории комплексных
экономических исследований института
экономики УНЦ АН СССР,*

В. ВОЛИН,
младший научный сотрудник.

«СОЗВЕЗДИЕ» НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ

В последние 30 лет население крупнейшего на Западном Урале города Перми ежегодно растет примерно на 20 тысяч человек и к 1977—1978 годам будет насчитывать миллион жителей. Бурный рост населения города вызван прежде всего развитием его промышленности. Именно за успехи в индустрии в 1971 году Пермь наградили орденом Ленина.

Объем промышленного производства за восьмую и девятую пятилетки возрос главным образом за счет повышения производительности труда. Однако экономическое развитие города, особенно сферы обслуживания, требует увеличения числа людей, занятых на его предприятиях и в учреждениях.

Каждый третий трудящийся Пермской области работает в Перми, но не все проживают в ней.

Ежедневно электрички и автобусы доставляют сюда на работу тысячи жителей окрестных мест. Образно говоря, жилые районы города как бы выходят из своих административных границ и устремляются в пригороды.

В зону трудового тяготения Перми втянуты Краснокамск, поселки городского типа Оверята, Дивья, Ляды, Сылва, Комарихинский, Юг, Кукуштан и около ста сельских поселений. На картосхеме зона напоминает звезду, ядром которой является Пермь, лучами — железные и шоссейные дороги, а остальную площадь занимают поселения, наиболее удаленные от этих дорог и самой Перми.

На южную группу предприятий Перми — велосипедный, электротехнический и другие заводы — едут в основном из Кукуштана, Мулянки, Фермы и еще многих населенных мест, разместившихся вдоль железной и шоссейной дорог на Кунгур. В новом Индустриальном районе Перми работают жители смежных сельсоветов — Осенцовского, Нижнемуллинского, Култаевского. На северную группу предприятий — заводы паровозоремонтный, Камкабель и другие — приезжают жители населенных мест, расположенных вдоль Горнозаводской железнодорожной линии и ветви на Угледуальскую. Здесь конечными станциями для заводчиков стали Комарихинская и Ярино. А на Западном направлении — станция Григорьевская. Отсюда, и еще больше из Оверят, Мысов, Шабуничей, Чайковской, едут на предприятия и в организации Дзержинского и, отчасти, Ленинского

районов. Между прочим, Оверята — спутник не только Перми. Отдельные его жители предпочитают работать в Краснокамске, а некоторые краснокамцы, хотя и очень немногие, работают в Перми.

Это явление так называемой маятниковой миграции населения. Оно закономерно происходит во всем мире и отражает огромную притягательную силу крупных городов. Например, в Москву на работу ежедневно приезжают 600 тысяч, в Харьков — 75 тысяч трудящихся-загородников. Поэтому ошибочно полагают некоторые руководители колхозов, совхозов и леспромхозов, расположенных вокруг Перми, что такие поездки происходят в силу неправильной ориентации людей в местных условиях. Конечно, масштабы трудовых связей пригородов с крупнейшими городами Урала — Свердловском, Челябинском, Пермью — не такие большие, как в Москве или на Украине, но сходство явлений очевидно: повсюду основная масса загородников совершает поездки из населенных мест, находящихся обычно не далее 60 километров от городов — центров притяжения.

Некоторые причины маятниковых поездок населения выявил специально подготовленный опрос, проведенный на пригородном транспорте Перми.

В ответах назывались самые различные причины: большие заработки и больший выбор мест работы в Перми, привычка работать в городе и некоторые другие. Более 60% опрошенных считают главной причиной отсутствия работы по специальности на местах жительства. Поскольку специальность получена ими, как правило, в Перми, постольку причинами маятниковой миграции следует считать стремление людей приобрести в городе желаемую для каждого из них профессию, приобщиться к квалифицированному, высокопроизводительному труду, которым жители пригородов обеспечены еще не в полной мере.

Маятниковая миграция населения существует уже давно. Еще в прошлом веке жители Мотовилихи — тогда пригорода Перми — работали на пермских предприятиях и в организациях. В годы довоенных пятилеток уже Мотовилихинский завод

привлек к себе на работу сотни жителей сел и деревень, расположенных вдоль Горнозаводской железнодорожной линии.

Однако лишь в пятидесятые годы, в связи с бурным развитием пригородного железнодорожного транспорта, особенно после электрификации, маятниковая миграция становится устойчивой. В настоящее время примерно половина загородников работает в Перми не менее трех лет, причем наибольшим постоянством отличаются жители сельских поселений.

Кто же эти загородники? Среди них преобладают рабочие со средним уровнем квалификации, составляющие около 90% от общего числа. Средний возраст — 31 год, 70% загородников имеют образование ниже среднего.

Повысить образование загородникам мешают предельно высокие затраты времени на трудовые передвижения. В среднем на поездку в один конец расходуется 83 минуты, с учетом ходьбы от и до остановок и ожидания транспорта. Если принять за норму затраты времени горожан, которые составляют 30—40 минут, то получается, что загородники дополнительно тратят в год 4,5 миллиона часов свободного от работы времени! Эти часы люди отнимают от учебы, семьи, воспитания детей, плодотворного отдыха. Кроме того, высокие затраты времени на дорогу ведут к так называемой транспортной усталости, а она, в свою очередь, — к снижению производительности труда. Естественно, что чем больше затраты времени трудящихся, тем определеннее они хотят работать ближе к местам жительства.

Государственная статистическая отчетность, к сожалению, еще не отражает этого явления. Но оно существует и не замечать его нельзя. Необходимо учитывать это явление и заботиться о трудящихся-загородниках.

Какими путями можно (и нужно!) регулировать маятниковую миграцию? Во-первых, резким улучшением транспортного обслуживания — организацией скоростных, а также новых маршрутов, заменой старых транспортных средств на новые,

созданием должного комфорта на пригородном транспорте. Во-вторых, путем формирования сети филиалов и спутников предприятий Перми — специализированных цехов, отдельных производств, с тем, чтобы предоставить людям работу по месту жительства.

Для решения этих проблем сделано немало. Например, пермские железнодорожники, на которых в основном падает обслуживание маятниковых передвижений населения, согласовывают расписание пригородных электричек с предприятиями; открыты новые остановочные пункты, такие как Вожаково, Юшково на Западном направлении, Липовая Гора и Няшино — на Кунгурском, Юбилейная, Молодежная, Дзержинская — на Горнозаводском. Но это лишь только первые шаги.

Так, для улучшения связи с прилегающими к железной дороге предприятиями Индустриального района нужен остановочный пункт между станциями Пермь II и Бахаревка (например, между шоссе Космонавтов и улицей Карпинского). Иначе пассажиры будут по-прежнему спрыгивать с электричек на ходу, срывать стоп-краны.

Совершенно необходимо, и для удобства пассажиров, и для резкого повышения скоростей, ускорить сооружение высоких платформ на всех остановках и заменить парк электричек на новые, с автоматически закрывающимися дверями. Часть поездов надо пропускать без остановок на промежуточных станциях по маршрутам Пермь II — Бахаревка — Кукуштан, Пермь II — Кунгур, Пермь II — Оверята — Чайковская — Григорьевская, Пермь II — Верещагино, Пермь II — Пермь I — Мотовилиха — Ляды — Сытва, Пермь I — Чусовская и другим. Организация таких «экспрессов» даст возможность жителям основных пригородных пунктов чаще бывать в пермских магазинах, на выставках, в музеях, цирке, театрах, в гостях у родных и знакомых, по различным делам.

Десятки тысяч пассажиров зачастую мокнут под дождем в ожидании электричек. На станции Пермь I спят когда-то существовавший навес над платформой, а на Перми II навесы хоть и были

предусмотрены планом реконструкции вокзала, но почему-то не построены.

Четкой организации пригородного железнодорожного движения мешает также все возрастающий транзитный грузовой поток между западными и восточными районами страны, проходящий через Пермь. Из года в год увеличиваются потоки грузов и с севера, из Березников и Соликамска. По 15—16 эшелонов кузбасского угля в сутки потребуются для строящейся в Добрянке мощной Пермской ГРЭС.

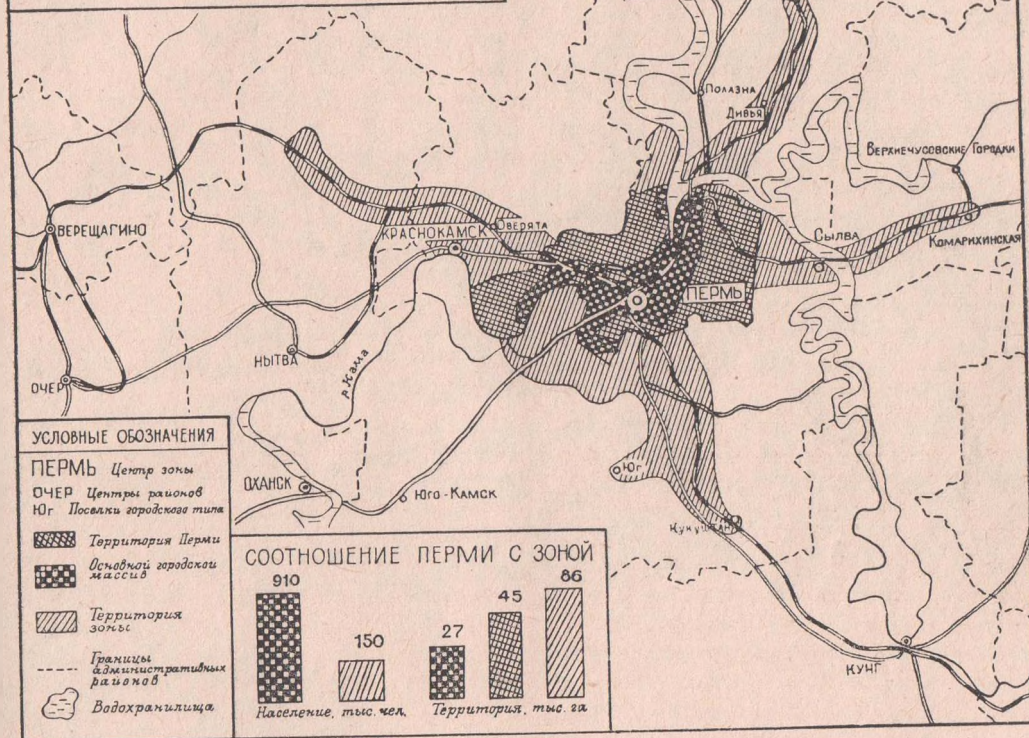
В результате пермякам все труднее становится выезжать на отдых, за грибами, ягодами. Да и жители пригородов вынуждены ограничивать себя в поездках. А ведь с ростом благосостояния народа, сокращением рабочего и увеличением свободного времени транспортная подвижность населения возрастает. Это — экономический закон.

На научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми», посвященной 250-летию города, было высказано предложение: строить прямляющую обходную линию от станции Кукуштан на запад, пересечь Каму возле Оханска или Нытвы и выйти на участок Пермь — Киров за пределами Пермской области возле станций Кез или Чепца. Эта линия стороной обойдет Пермь и извилистый участок нынешней магистрали до Верещагино, укоротит на 80 километров путь транзита. Тогда участок Пермь II — Верещагино станет специализироваться на местной грузовой и пассажирской работе. Тогда в прижелезнодорожных районах Перми и многочисленных поселках будет значительно чище.

Выход грузов с Горнозаводского направления на Кунгур, минуя Пермь, можно обеспечить другой спрямляющей линией от станции Левшино (или Балмошею) на станцию Ферма (или Мулянку). Кстати сказать, аналогичные мероприятия уже проводятся в Свердловске и Ярославле. Необходимо также сооружение вторых и третьих путей вдоль существующих направлений на Верещагино, Добрянку, Чусовой.

Особое внимание должен привлечь самый мо-

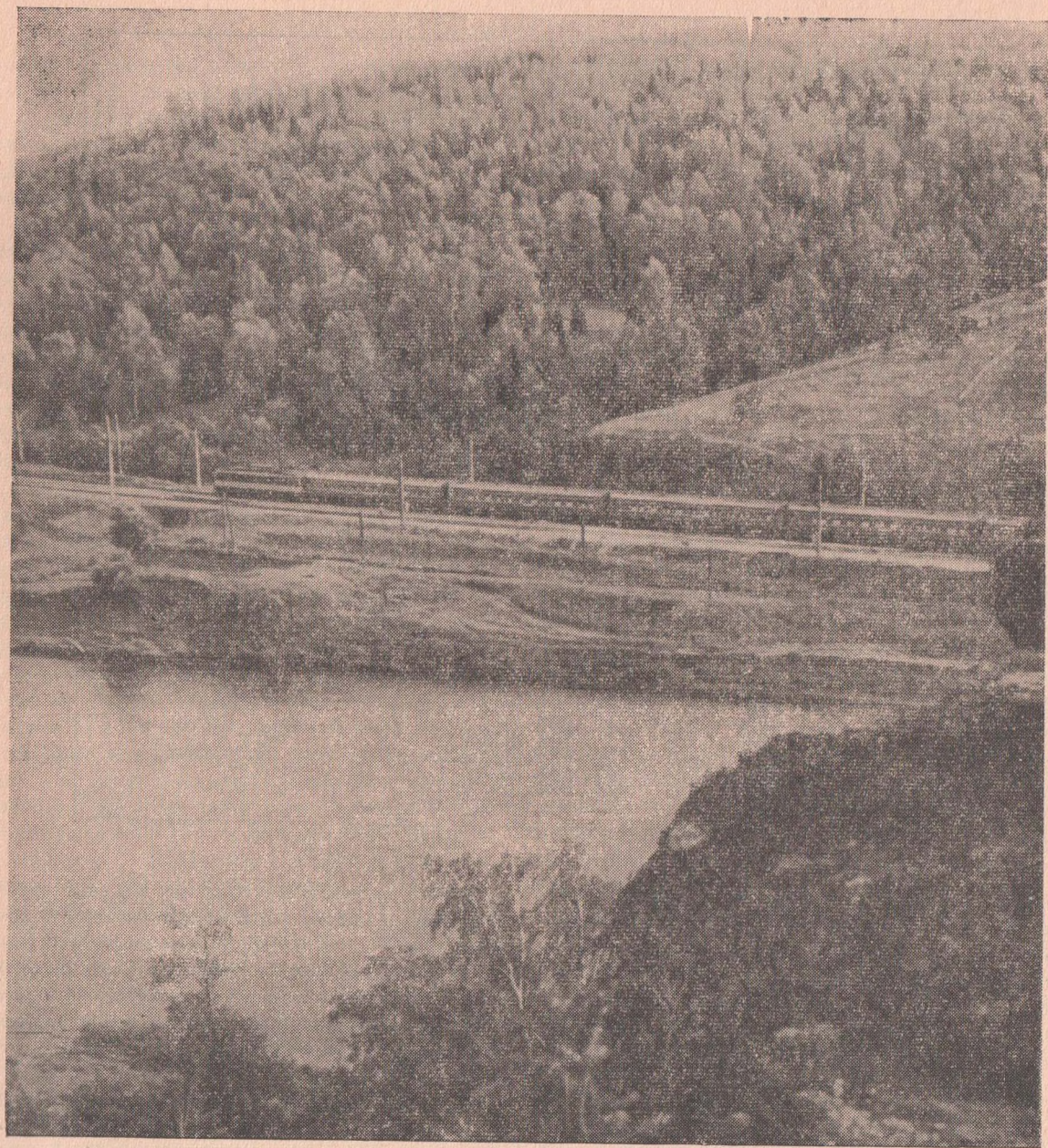
ЗОНА ВЗАИМОСВЯЗАННОГО РАССЕЛЕНИЯ ПЕРМИ в 1974 г.

бильный вид городского транспорта — автобусный. Строительство коммунального моста через Каму повысило роль автобусных сообщений. Соединив линиями внутригородского транспорта части города, расположенные на разных берегах, мост облегчил связь районов правобережья с центром города, уменьшил стоимость проезда, частично разгрузил пригородный железнодорожный транспорт на западном направлении, хотя на участке Пермь II — Курья в часы «пик» электрички все еще переполнены.

Во всей пермской округе весной и осенью грунтовые дороги непроезжи. Необходимы благоустроенные дороги с асфальтобетонным покрытием, коренная реконструкция Казанского и Соликамского трактов, мост через Чусовую для автотранспорта, новые автодороги на Калино и Чусовой с мостом через Сылву, на село Ильинское, на Менделеево с ответвлением на Оханск.

Сеть благоустроенных дорог послужит основой регулирования расселения, транспортным каркасом для формирования сети филиалов и заводов-

спутников Перми. Это тоже важный путь для создания хороших условий жизни населения пригородов и вообще для дальнейшего развития Перми.

В местах жительства загородников имеются пригодные для строительства площадки, дороги, линии электропередач. Другие пункты возможного размещения таких филиальных предприятий лежат рядом с пермским «созвездием» населенных мест. Взять, например, поселок городского типа Верхнечусовские Городки. В нем женщинам работать практически негде. В леспромхозе или на пристани работа в основном мужская. Ездить в Пермь? Далековато, плюс к тому нужна пересадка на станции Комарихинская. Работать в близлежащем поселке городского типа Комарихинском? Но в нем ситуация с работой почти такая же.

Из поселкового Совета обращались за помощью в Пермь, в том числе в лабораторию комплексных экономических исследований Уральского научного центра Академии наук СССР. Но пермские предприятия, сжатые городской застройкой, изыскивали и продолжают изыскивать всяческие возможности для территориального расширения главным образом в пределах городской черты.

Во второй половине 1974 года при Пермском облисполкоме была создана комиссия по размещению предприятий и их филиалов, которая уже обратила внимание на территорию «созвездия». Благодаря филиалам возникнут новые места приложения труда, что будет способствовать закреплению здесь населения.

Для налаживания работы филиалов на первых

порах потребуются поездки сравнительно небольшого числа специалистов из Перми в ее окрестности. Это уже так называемая обратная маятниковая миграция, получившая распространение в крупнейших городах страны. Из Перми такие поездки пока немногочисленны, причем они, как правило, осуществляются на средства предприятий, тогда как почти все загородники ездят за собственный счет.

В зоне маятниковых поездок целесообразно также создавать благоустроенные жилые филиалы города. Взять, например, Фроловский и Мысовский сельсоветы. Здесь почти в каждой семье есть загородники, около 70% которых занято на машиностроительных предприятиях Перми. Однако эти предприятия пока не оказывают существенной, непосредственной помощи сельским и поселковым Советам в жилищном, культурно-бытовом строительстве и благоустройстве.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР в 1974 году приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР». В нем большое внимание уделено преобразованию сел и деревень в благоустроенные поселки. Интересно, что институт Уралгипросельхозстрой уже запроектировал на территории пригородов Перми, как и во всей Пермской области, целый ряд новых сельских центров. К 2000 году вместо 10—30 сельских населенных мест в каждом сельском Совете будет 1—2 крупных благоустроенных поселка. Они вместе с жилыми и производственными филиалами Перми создадут благоприятные условия для жизни людей.

Но застраивать такие поселки пятиэтажными домами, как, например, в селе Лобаново Пермского района, вероятно, не нужно. Опыт, особенно украинских сел, говорит о том, что в этом случае зачастую получается не хорошее село, а плохой город. Об этом говорят и загородники, так как около трети их хотели бы по-прежнему работать в Перми, но жить в сельской местности, иметь рядом личное подсобное хозяйство. Их привлекает

Жить на Урале —

Жить Уралом.

Его дыханием дышать.

Всегда,

Во всем,

В большом и в малом,

Стремиться быть ему под стать.

близость природы, чистый воздух, а некоторых — привычка к деревенской жизни.

С ростом общественного производства и производительности общественного труда в нашей стране создаются условия для коренного изменения существующей системы оплаты за проезд на всех видах городского и пригородного пассажирского транспорта, вплоть до ее отмены. Это будет иметь принципиальное значение для жителей Пермского «созвездия» населенных мест, равно как и для жителей отдаленных районов самой Перми.

Советские люди приступают к выполнению десятилетнего пятилетнего плана, открывающего перед всей страной перспективы новых экономических

и социальных преобразований. Административно-хозяйственным и общественным организациям, всем нам необходимо мыслить не только в масштабах страны, области, Перми, но и учитывать насущные задачи по развитию Пермского «созвездия» населенных мест — в интересах пермяков и загородников.

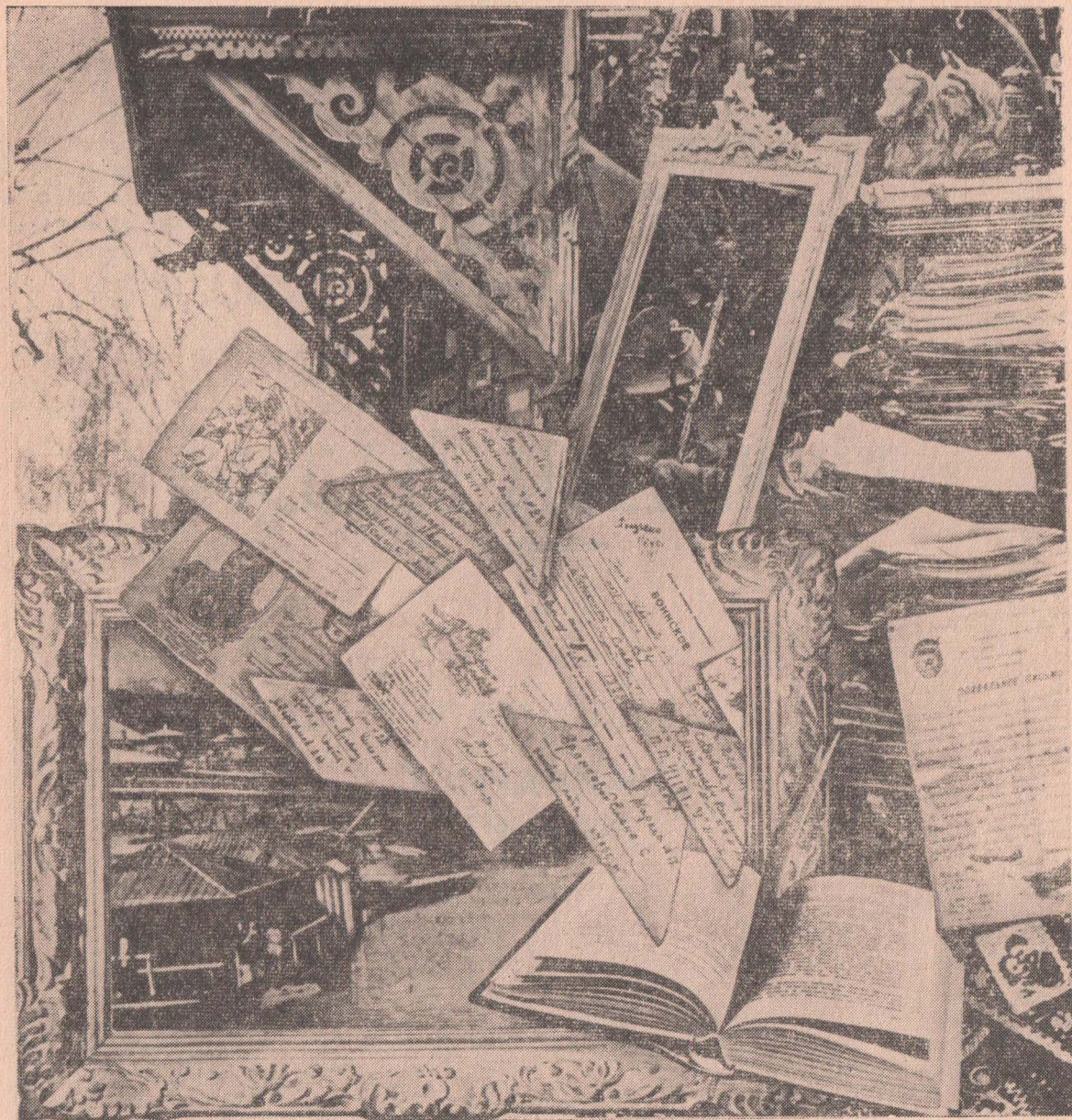
Следует помнить замечательные слова К. Маркса: «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила, обратно воздействует на производительную силу труда».

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ

Е. БОГОЛЮБОВ

**СЕМИНАРИСТ
МАМИН**

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ

Е. БОГОЛЮБОВ

СЕМИНАРИСТ МАМИН

С Пермью были связаны своей жизнью и творчеством писатели Ф. Решетников, Д. Мамин-Сибиряк, А. Гайдар, В. Панова и многие другие. Их связи с пермской действительностью — темы глубоких научных исследований. А «открыл» эту литературно-краеведческую тему профессор Е. Боголюбов, написавший докторскую диссертацию о творчестве Д. Мамина-Сибиряка.

Евгений Александрович Боголюбов (1890—1957) провел в Перми лучшие годы своей жизни. Он преподавал в педагогическом институте, воспитывал будущих учителей, влюбленных в его лекции, — подлинно научные, творческие и оригинальные, соединявшие политическую остроту и изящество изложения.

Кроме диссертации, Е. А. Боголюбов оставил около 70 научных работ по вопросам русской литературы: о разных сторонах и периодах творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка, о творчестве Ф. М. Решетникова, Н. И. Новикова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова.

Под редакцией Е. А. Боголюбова в Свердловске вышло 12-томное собрание сочинений Д. Н. Мамина-Сибиряка.

Заведующий кафедрой русской литературы декан филологического факультета Е. А. Боголюбов воспитал целое поколение сегодняшних научных работников, преданных делу учителей.

Докторская диссертация Е. А. Боголюбова состояла из шести крупных разделов, основанных на детальном исследовании рукописных материалов. Четыре из них были с сокращениями опубликованы на правах рукописи Пермским педагогическим институтом в 1944 году. От первого раздела «Пермский период жизни Д. Мамина-Сибиряка» осталась небольшая статья в альманахе «Прикамье» (1945, № 8) и объемистая рукопись. Об этой работе известный советский литературовед профессор Н. Ф. Бельчиков писал: «Евгений Александрович Боголюбов... сумел взглянуть на доступный всем материал по-новому и увидеть в официальных документах... сообщения о скрытых и давно забытых, но ценных для современного исследователя моментах живой истории роста общественного движения в 60—70-е годы и в таком отдаленном в ту пору крае, как Пермь».

Вот эту рукопись Боголюбова, в значительно сокращенном варианте, мы и предлагаем читателям. Пусть она будет знаком памяти о двух замечательных людях, связанных с жизнью Перми: писателе-демократе Д. Н. Мамине-Сибиряке и его исследователе профессоре Е. А. Боголюбове.

Т. Ф. Кулакова,
кандидат филологических наук.

Пермский период жизни Мамина-Сибиряка, охватывающий почти четыре года (с сентября 1868 до июля 1872), довольно слабо освещен в немногочисленных биографических исследованиях. Явление это в известной степени понятно и объяснимо.

В Перми Мамин-Сибиряк не написал ни одного художественного произведения и нигде не печатался, вообще был в полном смысле незаметным человеком, — тем семинаристом, про которого товарищи говорили: «Что за Мамин? Мы все мамины».

При всем том не может быть никакого сомнения, что пермский период сыграл значительную роль во всей дальнейшей жизни Мамина-Сибиряка, в формировании его мировоззрения, в подготовке из него замечательного художника Урала. Его товарищ по семинарии, а потом и по Медико-хирургической академии, пермский врач-общественник П. Н. Серебренников в неопубликованной биографии-некрологе Мамина-Сибиряка утверждает даже, что пермский период имел в жизни Мамина-Сибиряка гораздо большее значение, чем период обучения в петербургских высших учебных заведениях.

Это подкрепляется и собственными высказываниями Д. Н. Мамина-Сибиряка в письмах тех лет. Нигде в последующей переписке Мамина-Сибиряка мы не найдем такой страстной охоты к посторонним рассуждениям на общие темы, такого просветительского и пропагандистского жара, такого горения ищущего сознания.

К тому моменту, когда шестнадцатилетний юноша Дмитрий Мамин вступил в стены Пермской духовной семинарии, она была полна еще не остывших воспоминаний о недавнем и бурном прошлом, — о своем, так сказать, героическом периоде, отразившем горячее возбуждение и страстную социально-политическую борьбу эпохи 60-х годов, развернувшуюся благодаря могучей пропаганде Чернышевского и его соратников.

Автор «Краткого очерка истории Пермской духовной семинарии», помещенного в «Юбилейной памятной книжке для духовенства, изданной по

случаю столетия пермской епархии», передает эту историю в таких полунамеках: «Настроение, овладевшее русским обществом, находило отклик и у нас, в далекой Перми, и даже в нашем вертограде духовного юношества... Ученики... легко поддавались обольстительным речам мечтателей противурелигиозного и противуправительственного образа мыслей и стали заявлять протест: сначала дело ограничилось недовольством семинарской дисциплиною, но, мало-помалу расширяясь и укрепляясь, дошло до явного сопротивления ее правилам и распоряжениям начальства и даже до прямого участия в противуправительственных замыслах».

Проявления темного, но страстного недовольства были весьма разнообразны и своеобразны, — начиная от злого («зверского») запоя и изощренных пакостей начальству, вплоть до страшных семинарских «бунтов», во время которых разламывались печи, окна и даже — бывали случаи — физически уничтожались наиболее ненавистные учителя или администраторы, — все это знакомо читателю по колоритнейшим картинам из «Очерков бурсы» Н. Г. Помяловского.

От этого глухого, но глубокого недовольства открывались две совершенно различные дороги: большинство, чувствуя всю безнадежность протеста и не имея впереди никакой осознанной перспективы, заливало брожение чувств вином и грустно опускалось в поповство (которое ими самими рассматривалось как последняя ступень падения). Но были и такие, которые, соприкоснувшись с передовым движением эпохи, сообщали своему протесту вполне сознательный характер и демократическую окраску, искали опору в союзе с народом и в движении широких масс, черпали оптимизм в страстной вере в возможность и победоносный исход революции.

В жизни Пермской духовной семинарии конца 50 — начала 60-х годов (то есть еще до поступления в нее Д. Н. Мамина) мы видим яркие проявления всех этих сторон и явлений. Ректор Лаговский, автор «Истории Пермской духовной

семинарии», испытывает явное смущение, когда от изображения умилительных картин вынужден перейти к характеристике таких семинарских качеств, как «грубость, непослушание, дерзость, противление воле начальства, самовольные и поздним временем отлучки с квартир и из семинарского корпуса, переночевания вне заведения, пиროвания в квартирах ночью порою и днем в окрестностях города, пьянство, сопряженное с позором городу (?), с буйством, с опасностью жизни от опьяневших, холодность к богослужению и уставам церкви». Автор с прискорбием рассказывает также о случае ученического буйства, от которого пострадало «самое начальство»: в два часа ночи выбиты были поленьями окна в комнатах ректора семинарии.

Однако со всеми этими проявлениями полустихийного буйства, как ни были они неприятны, семинарское начальство могло бы еще примириться, — страшнее были признаки пробуждения у семинаристов критического сознания и острого брожения мысли, связанные с так называемыми «посторонними влияниями», то есть с революционно-демократической пропагандой, на что тоже указывал Лаговский.

Это наиболее страшное, с точки зрения семинарского начальства, зло постепенно стало вырисовываться все более ясно и ощутимо. В марте 1860 года ректор семинарии входил в правление с докладной запиской, в которой «изъяснял, что, по его неоднократному замечанию, ученики семинарии получают для чтения такие светские журналы и газеты, которые не дозволено читать, как малополезные и даже вредные в юношеском возрасте».

Потом, в ноябре того же года, ректор доносил семинарскому правлению, что им получено анонимное письмо, очевидно, от семинаристов, которые требовали для себя всяких вольностей вроде уничтожения между учениками «доносчиков», предоставления права ходить в светские собрания, права брать книги из общественных библиотек, сокращения длительности богослужения,

уничтожения «солдатской выправки», права выбирать старших, вежливого и гуманного обращения преподавателей с учениками. К этому ректор прибавлял еще, что между учениками «пишется и издается журнал». Во всем этом ректор видел «дух дерзости и вольности, ищущий себе необузданности, посягающий на то, чтобы приобрести в семинарии законное право и господство».

Образованная семинарским правлением специальная комиссия занялась расследованием дела, и тогда, к ее удивлению, нашлись ученики, которые смело и открыто заявляли о согласии с мнениями и требованиями, изложенными в анонимном письме, — они все перечислены в протоколах комиссии поименно и их оказалось 51 человек.

Но после этого движение недовольства и свободомыслия вовсе не приостановилось.

В конце мая 1861 года пермский губернатор Лашкарев и архiereй Неофит, каждый по своей линии, доносили в Петербург, что в пермском «духовном вертограде наук» раскрыто, по донесению семинариста Попова, целое гнездо пропаганды. Основной фигурой был назван преподаватель А. Н. Моригеровский. Губернатор высказал также подозрение, что «зараза» политикой идет и от двух приятелей Моригеровского — А. Г. Воскресенского и А. Н. Иконникова. Оба они выбыли из семинарии в связи с возникшими против них подозрениями в противоправительственной пропаганде. Иконников по выходе из семинарии открыл частную публичную библиотеку, куда принял библиотекарем Воскресенского. Вскоре вокруг этой библиотеки образовался кружок из интеллигенции и учащейся молодежи, потом при ней была организована воскресная школа. Все это давало теперь губернатору основание заподозрить ее в противоправительственной пропаганде.

Основная тяжесть обвинения легла на Моригеровского, который и был, по царскому повелению, после ареста и увольнения из семинарии сослан в Тотьму (Вологодской губернии). Вместе с ним пострадало около двух десятков семинаристов. Иконников пока что получил только строгое вну-

шение и был отдан под особый надзор губернского.

Вскоре, однако, дело значительно расширилось: флигель-адъютант Мезенцев (впоследствии шеф жандармов, убитый Степняком-Кравчинским) производил в начале 1862 года дознание о противоправительственной пропаганде в Казани и пришел к выводу, что наиболее видные казанские пропагандисты прибыли в Казань из Перми, где обучались раньше в семинарии, что они находятся в связи с членами подобного же пермского кружка. След, таким образом, и на этот раз вел к библиотеке Иконникова и к Пермской семинарии.

Иконников и Воскресенский были отправлены в ссылку, был уволен со службы преподаватель Стефановский, через которого осуществлялись связи пермского кружка с «Современником», взяты под полицейский надзор и затем уволены еще двое преподавателей семинарии (Лавров и Парадизов), арестованы и исключены многие замешанные в деле семинаристы. Кружок Иконникова был, таким образом, разгромлен, его библиотека закрыта, воскресная школа распущена. Казалось,

крамола была уничтожена начисто. На самом деле, как увидим позднее, она оставила глубокие следы.

Это было движение, равного которому по остроте протеста и силе действия не было среди пермской интеллигенции на протяжении по крайней мере полувека. А в жизни Пермской духовной семинарии это были страницы, ярче которых она ничего не видела вплоть до революции 1905 года.

Влияние движения 60-х годов на всю жизнь и духовную атмосферу семинарии позднейшего периода было настолько мощно и было воспринято самим Маминым-Сибиряком настолько глубоко, что нам представляется совершенно невозможным понять пути и мотивы его идейного роста (особенно на ранних этапах жизни) без учета описанных событий из жизни Пермской семинарии.

Это подтверждает заявление самого Мамина-Сибиряка, сделанное им в автобиографическом очерке «Худородные», который посвящен как раз семинарскому периоду. Изобразив черты и об-

НОВОЕ О ГАЙДАРЕ

Осенью 1925 года в Пермь приехал бывший командир полка Красной Армии Аркадий Петрович Голиков. Ветеран гражданской войны, не раз раненный в боях, выглядел совсем юношей. Будущему Гайдару был в ту пору всего 21 год. В Перми он приобрел свою первую и единственную гражданскую профессию — стал журналистом. На страницах пермской газеты «Звезда» впервые появилось имя «Гайдар», которое стало потом известно миллионам читателей.

Принято считать, что эта встреча с Уралом была для Гайдара первой. В действительности это не так.

В Москве в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в личном фонде писателя хранится подлинный мандат, выданный Гайдару в Стерлитамаке начальником Коммунистических частей Башсовреспублики. Этот город в начале двадцатых годов был столицей Башкирии, и штаб Коммунистических частей особого назначения находился там.

К сожалению, точная дата выдачи документа не сохранилась. На штампе стоит: «30 сентября 192...». Последняя цифра, нанесенная слабым ударом пишущей машинки, стерлась. Но на основании других биографических материалов о Гайдаре можно предположить, что стерлитамакский мандат выдан скорее всего осенью 1921 года.

Интересен и сам текст этого документа, который мы приводим полностью:

становку жизни пермской семинарии периода «отцов», то есть 40—50-х годов XIX века, Мамин далее говорит так: «Это было то время, когда умственное движение охватило разом всю семинарию, когда семинария зараз выставила ряд светлых голов — свою гордость и славу. Но налетел шквал — профессора в ссылке, светлые головы рассыпались по не столь отдаленным местам России... От этого движения остался широкий след в истории семинарии.

Затем наступило темное и грустное время».

Эти строки в высокой степени важны и характерны. Они показывают, что молодой Мамин, отталкиваясь от впечатлений «темной и грустной» семинарской современности, которая осуждается им беспощадно, обращается мыслью к традициям начала 60-х годов, в которых он видел явление не просто положительное, но прямо светлое и славное.

История жизни Пермской семинарии за этот период представляет собой картину сложных и противоречивых столкновений не успокоившихся еще «буйных мыслей» и «мятежного духа» пере-

довой части семинаристов с начальственными усилиями пролить «целительный елей» на закоренелые семинарские недуги, причем с течением времени в ходе этой борьбы сказывается все более заметное давление усиливающейся политической реакции.

Нужно сказать, что если реформы 60-х годов, даже подстегиваемые опасностью крестьянской революции, проводились с оглядкой и замедлениями, то реформы духовных семинарий власть проводила поистине «кряхтя и охая», по образному выражению В. О. Ключевского.

Заметное новшество, сыгравшее в жизни семинарии довольно важную роль, состояло в том, что семинаристам было предоставлено право поступать по окончании четырех классов в светские высшие учебные заведения, — мероприятие, как оказалось вскоре, слишком смелое, так как семинария поплатилась за это уходом из духовного сословия самой лучшей и талантливой части ее воспитанников.

На основании этого нового «Устава» были изданы местные документы. Наиболее интересным и

НОВОЕ О ГАЙДАРЕ

«Мандат.

Настоящий мандат выдан командиру 3-го отдельного Коммунистического батальона особого назначения тов. Голикову Аркадию Петровичу в том, что ему поручается формирование батальона и учет коммунистов обоего пола в возрасте от 17 до 60 лет для зачисления в отряд особого назначения в районе Тамьян-Катайского кантона.

Всем военным и гражданским учреждениям предлагается оказывать тов. Голикову всевозможное содействие в деле возложенных на него задач, имеющих боевой характер.

Тов. Голикову разрешается пользование телеграфом, телефоном по делам службы с подачей депеш по литеру «А» в меру действительной необходимости. Тов. Голикову по его служебному положению разрешается хранение и ношение при себе огнестрельного и холодного оружия.

Что подписями и приложением печати удостоверяется.

Начальник частей особого назначения Башсовреспублики (подпись неразборчива).

Начальник штаба (Воробьев)».

И хотя подпись под мандатом неразборчива, восстановить имя бывшего командующего частями особого назначения Башсовреспублики оказалось не трудно. Это

откровенным из них, сохранявшим действие в период обучения Д. Н. Мамина и, следовательно, отражавшемся на его ученической жизни, является постановление правления Пермской духовной семинарии «Об общих мерах к охранению доброй нравственности», принятое в 1869 году и опубликованное ко всеобщему сведению.

Начальство считало, что было бы лучше, если бы семинаристы вообще ничего, кроме книг церковных, не читали, если бы они ни с кем за пределами семинарии не общались. Но этот идеал по новым временам неосуществим — поэтому все заботы начальства направлены на возможное и наибольшее ограничение неизбежного зла. Даже для получения дважды цензурованной и специально подобранной литературы из семинарской библиотеки учащиеся должны были спрашивать разрешение у инспектора или ректора семинарии.

Постановление возлагало на инспектора и его помощника обязанности тщательно «следить за тем, а) чтобы посещение учениками публичных библиотек производилось только днем, а отнюдь не вечером; б) чтобы они не занимались чтением

в самих библиотеках, а только брали оттуда для прочтения на дом; в) инспектор непременно должен знать, кто именно из учеников посещает эти библиотеки; г) наконец, инспектор должен по возможности всячески разведывать (*sic!*), как идут дела в посещаемых учениками библиотеках, не предстоит ли там опасности знакомства с людьми подозрительными в каком бы то ни было отношении или же с книгами секретными. В случае замеченной опасности инспектор немедленно доводит об этом до сведения ректора и запрещает ученикам посещать такие библиотеки».

Дальнейшие пункты представляют своеобразное переложение знаменитого «Юности честного зеркала», но со внесением в него особого привкуса бытового ханжества и какого-то оцерковленного молчалинства.

Но, пожалуй, всего интереснее в своем наивном цинизме параграф 65-й: «Воспитанники отнюдь не должны ходить в кабаки, гостиницы и театры». Сам Щедрин едва ли мог придумать афоризм более убийственный.

В соответствии с духом всей воспитательной

НОВОЕ О ГАЙДАРЕ

ветеран партии, бывший директор Воскресенского химического комбината, а ныне персональный пенсионер Никита Степанович Опарин. Он живет в городе Воскресенске Московской области и охотно переписывается с уральскими следопытами, рассказывая о боевой службе Гайдара.

Н. С. Опарин сообщил, что Аркадий Голиков относительно недолго прослужил командиром батальона, участвовавшего в подавлении бандитизма и контрреволюционных выступлений — около месяца: «Поздней осенью 1921 года бои у нас на Урале затихли, — вспоминал Опарин. — Комбат Голиков попросил у меня разрешения уехать в Москву в Российский штаб частей особого назначения, чтобы добиться направления в Енисейскую губернию. В Сибири враги Советской власти тогда еще не были полностью обезврежены. Просьбу его удовлетворили».

Это письмо подтверждает, что мандат был выдан Гайдару именно в 1921 году, когда юному комбату было всего 17 лет.

Никаких других документов о пребывании Гайдара на Урале в начале двадцатых годов в ЦГАЛИ не обнаружено. Но здесь хранится не менее интересный документ, рассказывающий о первых шагах Аркадия Гайдара — журналиста. Это копия справки, выданной Гайдару пермской окружной газетой «Звезда».

На редакционном бланке напечатано:

«Тов. Гайдар (Голиков) работает постоянным фельетонистом в газете «Звезда»

системы находилась и система наказаний, разработанная в семинарских инструкциях также с большой подробностью.

Но жизненная практика была еще ниже и грубее, чем те идеальные, с точки зрения законодателей, нормы, какие нашли выражение в официальных документах.

Инструкция говорила о недопустимости «властительного тона, придиричivosti, бранности», а на деле, спустя уже целый десяток лет после введения ее в действие, в 1880 году, ректор семинарии архимандрит Иаков публично заявлял семинаристам: «Вы тупы, неразвиты, грубы, развратны, узки, дураки... Я это вижу своими умными глазами... Вы дикие звери, крапива, полынь, злое от вас распространяется по всей России... Я под топор подведу, кто не будет слушать меня. Горе вам».

Просматривая официальные данные самой семинарии о движении из класса в класс того курса, к которому принадлежал Мамин-Сибиряк, мы находим поражающую картину: в первом классе состояло 116 учащихся, которые занимались все

одной группой; из них окончили год благополучно и переведены во второй класс только 39 учеников, то есть ровно третья часть; получили переэкзаменовки или дополнительные экзамены 10 человек, оставлены в том же классе на второй год 60 человек и уволены из семинарии «по безуспешности» — 7 человек.

Таким образом, уже на первом году обучения «отошли в брак» 66% поступивших первоначально учеников, а полный шестилетний курс обучения закончили без задержек только 19 учащихся, или 16%. Эти цифры говорят сами за себя.

В произведениях Мамина-Сибиряка «Худородные», «Чудные дела» замечательно ясное понимание функциональной связи основных пороков семинарского быта с господствовавшим в семинарии духовным угнетением и нравственным насилием. Рисуя густыми красками, иногда с натуралистической обнаженностью, пьяный разгул, нравственную распущенность и жажду разрушения как характернейшие черты этого быта, Мамин-Сибиряк видит в них явление при тогдашних условиях не случайное и частное, а глубоко социаль-

НОВОЕ О ГАЙДАРЕ

уже более года. За это время его фельетоны приобрели широкую популярность среди читателей «Звезды».

Основным достоинством его фельетонов, помимо удачной литературной формы, считаются: прямота, искренность, умение подметить и выделить основной момент, заслуживающий внимание читателей. За истекший период его работы в газете было помещено около 200 его фельетонов и только по нескольким из них дела были прекращены из-за недоказанности.

Неослабный интерес, с которым читатели «Звезды» следят за фельетонами, десятки получаемых на его имя писем и приходящие к нему в редакцию за советами рабочие служат лучшим доказательством того, что тов. Гайдар сумел правильно подойти к постановке вопросов в понятной форме, вполне приемлемой для читателей нашей рабочей газеты.

Ответственный редактор.

Секретарь.

Копия редакционной справки не имеет даты. Но, судя по ее содержанию, можно предположить, что она составлена осенью 1926 года, когда Гайдар был необоснованно привлечен к суду за фельетон «Шумит ночной Марсель».

В этом фельетоне рассказывалось о следователе одного из судебных участков Перми Филатове, который днем допрашивал спекулянтов и дебоширов, а вечером

ное, своеобразный слепой протест против стремлений начальства подавить волю и мысль учащихся.

Замечательно также и то, как глубоко и правдиво понял Мамин-Сибиряк политическое существо послереформенной семинарской педагогики, тщательно маскировавшей свое крепостническое содержание под приглаженной фразой казенно-либерального образца. Пренебрегая фальшивыми внешними формами, он смело вскрывает суть новых порядков и прямо называет их своим именем — угнетение.

Несостоятельная в целом, лживая и лицемерная педагогическая система производила в семинарии прямо противоположное своим целям действие: она воспитывала моральный нигилизм, циническое отношение к самому принципу добродетели, пьяный разгул и озорство.

Но особенно ужасным для начальства было то, что не удалось достигнуть главной и основной цели — сломить и подчинить себе дух воспитанников, вытравить посредством реформы революционное брожение и направить сознание и волю наиболее даровитых и развитых учащихся на

убежденное служение церкви и власти. Дух революционного брожения был загнан в подполье, но он был жив и сохранялся именно в тех головах, которые составляли лучшие, жизнеспособные силы семинарии.

Два явления из жизни пермской семинарии (периода обучения в ней Мамина) особенно убедительно вскрывают этот важнейший факт семинарской жизни.

Первое — это массовый уход учащихся из богословских классов для поступления в светские высшие учебные заведения. Второе — многолетнее существование в Перми тайной семинарской библиотеки из книг, строго запрещенных для семинаристов. Идеино и, по-видимому, организационно она была связана с движением 60-х годов и, возможно, представляла собой уцелевшее от разгрома 1861 года ответвление библиотеки Иконникова.

В семинарской библиотеке имелась естественная научная литература примитивно-материалистического направления — Бюхнер, Фогт, Мошотт, Гексли, а также капитальные работы Дарвина, Се-

НОВОЕ О ГАЙДАРЕ

играл в оркестре частного рестораника «Восторг». Вот против этого «совместительства» и выступил Гайдар. Филатов счел себя оскорбленным и подал в суд на фельетониста. Суд состоялся 13 ноября 1926 года.

Если учесть, что Гайдар приехал в Пермь в последних числах октября 1925 года, то ко времени суда он действительно работал в газете «уже более года». Таким образом, наиболее точная дата выдачи редакционной справки вполне может определяться этими событиями.

Невольно преувеличено в редакционной справке количество фельетонов, написанных Гайдаром в Перми. Ведь в те годы никто их специально не считал, а потому число было указано приблизительно. Но сейчас точно известно, что за год с лишним работы в «Звезде» было напечатано (помимо очерков, рассказов, повестей) 107 фельетонов Гайдара. Это значит, что пермаки тех лет читали боевые гайдаровские фельетоны в среднем каждые три — четыре дня.

Рядом с биографическими документами в гайдаровском фонде № 1672 бережно хранятся рукописи многих литературных произведений писателя. Рукописи эти легко отличить от других хотя бы по тому, что на первых страницах тетрадей сохранились пятиконечные красноармейские звезды, которые любил рисовать Гайдар. Боевая красная звезда была для Аркадия Гайдара путеводной и в дни жарких сражений, и в дни мирной, по-настоящему боевой журналистской и писательской работы.

А. Никитин

ченова, Вирхова, Тимирязева. Социально-экономические дисциплины были представлены работами Берви-Флеровского, Милля, Спенсера, Прудона, Луи-Блана, Португалова, Лаврова-Миртова. Беллетристический и критический разделы располагали трудами почти всех виднейших представителей революционной и радикальной демократии: Добролюбов, Писарев, Шелгунов, Некрасов, Щедрин, Г. Успенский, Михайлов, Помяловский, Решетников, Левитов, Наумов, — только в виде исключения и вследствие его особой популярности сюда попал либерал Тургенев.

Но к этому нужно еще прибавить, что наиболее революционную часть библиотеки семинаристы, видимо, сумели скрыть от полицейского глаза. Бывший семинарист В. А. Ляпустин пишет: «Я помню роман Н. Г. Чернышевского «Что делать», книгу, зачитанную до последней степени, много страниц в ней было уже рукописных. Помню также «Историю цивилизации в Англии» Бокля, номера «Колокола» и «Полярной звезды» А. И. Герцена, или, как мы его называли, Искандера, его же «Былое и думы». Как сейчас чувствую ошеломляющее впечатление от его статьи «Крещенная собственность» и «Допотопное правительство и ископаемый епископ» (по поводу открытия мощей Тихона Задонского), затем помню «Исторические письма» Лаврова, несколько номеров журнала «Земля и воля» и книжки по естествознанию, из них, конечно, «Происхождение видов» Ч. Дарвина и «Жизнь растений» К. Тимирязева.

Как видим, и на этом участке семинарской жизни открывается картина упорной и страстной борьбы передовой семинарской молодежи против попыток погасить ее сознание и подчинить дух полицейской команде.

Мамин приехал в Пермь либо в самом конце августа, либо в самом начале сентября 1868 года. Из родного дома он вынес большую и горячую любовь к книге и чтению. «Круг» этого детского

и юношеского чтения хорошо известен из собственных воспоминаний Мамина: это прежде всего библиотека классиков родной литературы — Карамзин и Крылов, Пушкин и Гоголь, Кольцов и Некрасов, Тургенев и Гончаров; затем детская книга, начиная с «Детского мира» Ушинского и кончая рассказами Разина, Чистякова и других не очень многочисленных тогдашних детских писателей.

Екатеринбургская бурса, в которой Мамин начал учиться (1864), как известно, обожгла и поразила чуткого мальчика настолько, что он не мог в ней оставаться и умолил отца взять его обратно в Висим. При вторичной встрече (1866) он выдержал тяжелое испытание, но с величайшим напряжением всех нравственных сил и не без ущерба для морального и физического здоровья.

В бурсе царила хамская грубость училищного начальства, жестокие порки за малейшую провинность, бессмысленное зазубривание схоластических книг.

Училище выработало в Мамине своеобразный нравственный закал, который обеспечивал, так сказать, иммунитет по отношению к окружающей среде, оно воспитало в нем глубокую ненависть ко всем формам насилия.

Таков был предварительный жизненный опыт, который Мамин принес с собою в Пермскую семинарию в 1868 году.

Постепенный умственный рост и неуклонное «нравственное падение» — такова характеристика развития Мамина в Перми, как оно рисовалось во мнениях начальства и отразилось в официальных показателях ученического «паспорта».

За этими внешними «приметами» скрывается целое богатство переживаний и внутренних кризисов, которые раскрываются в черновых тетрадях Мамина под заголовком «Записки семинариста», в его неопубликованных письмах, автобиографических рассказах и повестях, в свидетельствах товарищей и знакомых.

В Перми у Мамина не было таких глубоких, «на всю жизнь» симпатий, какие он хранил, на-

пример, к своим висимским друзьям, не пробудился также интерес к местной общественной жизни. Отчасти это, конечно, объясняется бедностью общественной жизни самой Перми. На наши современные масштабы Пермь была тогда маленьким городком, в котором по проведенной в марте 1868 года переписи насчитывалось всего 19536 человек, зато церковью оказалось 14 и лавок 353. Подавляющее большинство жителей принадлежало к глубоко несимпатичным для Мамина социальным категориям — это было либо чиновничество, либо городское мещанство, либо купечество, при весьма ничтожной прослойке, почти отсутствии, «того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488). «Вид на Пермь с Камы, действительно, замечательно хорош, — писал Мамин, — могучая северная река разлилась здесь громадным плесом, который уходит из глаз; на левом берегу красиво рассыпался самый город; внизу пристани, вокзал железной дороги, а наверху красуются церкви, дома, домики и просто лачуги. Всякая красота, говорят, обманчива, а пермская в особенности, — стоит только подняться на этот крутой берег, и вы сразу попадете в настоящее захолустье, которого не прикроешь даже пятиэтажными домами. За последние годы Пермь, действительно, устроилась, но все-таки это скучнейший городишко, какой только я знаю».

По переписке Мамина в его семинарскую пору можно отчетливо нарисовать последовательные этапы его развития по четырем годам пермской жизни. Если обозначить эти стадии в общей несколько схематической характеристике, то первый год жизни можно назвать временем еще наивного и патриархального сознания; второй год — временем пробуждения критических взглядов, которые пока направлены преимущественно на бытовые черты семинарской жизни и еще не сложились в систему критического мировоззрения; третий год — временем глубокого кризиса и пере-

смотра мировоззрения в целом, временем искания новых взглядов и новой морали; четвертый — периодом оформления решений, основанных на новом жизнепонимании.

О первом моменте семинарской жизни Мамина — вступительных экзаменах — можно судить по автобиографическому рассказу «Старая реформа», в котором отмечены как некоторые внешние приметы именно пермской природы и жизни (семинария стоит «на горе, против желтого кафедрального собора», «на крутом берегу реки, к которой она выходит задними пристройками», она помещается «в длинном каменном трехэтажном здании». Река под городом «разливалась громадным плесом в версту шириной», за ней видна «темная масса далекого леса». «Важную роль в городе играет Черный рынок...»), так и самый дух и строй семинарской жизни, определяемые заголовком «Старая реформа».

Ряд важных дополнительных указаний относительно этого же первого года мы получаем в цитированном уже автобиографическом очерке «Худородные». Здесь обстоятельно и картинно изображен ход учебных занятий в семинарии, густыми красками зарисованы черты повального пьянства и разгула воспитанников, причем указывается, что сам Мамин принимал в этом некоторое участие. Показано стремление лучшей части воспитанников к светской книге и к горячим критическим рассуждениям о прочитанном.

В письмах второго учебного года у Мамина чувствуется уже несколько иное отношение к семинарии и окружающим. За год Мамин значительно вырос и освободился от гнетущего чувства страха и моральной подавленности. Правда, новое мировоззрение еще не складывается, но старое уже дает серьезные трещины и распадается, — происходит то брожение идей, которое предшествует коренной ломке всех взглядов.

В письмах Мамина этот процесс отразился довольно отчетливо и полно.

24 декабря этого же года Мамин без всяких комментариев сообщает родителям об одной но-

винке семинарской жизни — организации читальни для семинаристов. Сделано это было как противодействие против влияния на семинаристов частных и публичных городских библиотек и имело целью предложить семинаристам такую умственную пищу, которая с точки зрения начальства была наиболее полезна для «духовной гигиены».

Еще два важных письма датированы ноябрем 1870 года. В первом Мамин просит родителей узнать и сообщить, нельзя ли ему перевестись в Тагильское реальное училище, — это свидетельствует, конечно, об искании каких-то путей выхода из семинарии. Во втором он сообщает: «30 коп. израсходовано на билет из библиотеки Прощекальникова». (Частная пермская платная библиотека, обслуживавшая главным образом разночинную интеллигенцию).

Если вспомнить, как строго и тщательно семинаристам был прегражден доступ в частные библиотеки, то нужно признать, что сообщенный Маминым факт говорит об очень настойчивом стремлении к такой светской книге, какой не имела скудная семинарская библиотека.

В одном из писем этого периода Мамин уже довольно отчетливо выражает свойственную тогдашней передовой семинарской молодежи неудовлетворенность семинарской реформой и прямо заявляет о бесплодности схоластической семинарской науки: «Хотя и много шумели о преобразовании семинарии, но в сущности пользы немного. Что, например, я приобрел за четыре года учения? И что впереди мне предстоит? Я не знаю и вы также, а надеяться на «авось» — самая плохая штука... Наше положение в семинарии можно сравнить с положением ребенка, которому говорят, что белое совсем не белое, а черное, потому что святые отцы выкапывают всякую мертвечину, рухлядь никуда не годную и заставляют нас ее заучивать как что-то путное: время, самое годное для приобретения знаний почти на всю жизнь, время, которым мы должны бы дорожить, у нас пропадает на заучивание мертвечины, то есть классиков, — куда нам будут годны эти класси-

ки? Только ведь обманываем себя и других; никто еще никогда не делал старое новым, годным для употребления».

В письме от 7 апреля этого же года Мамин с видимым сочувствием сообщает родителям: «Ученики четвертого класса, и притом ученики самые лучшие, после окончания курса, то есть нынешним летом, выходят из семинарии и поступают в университет и прочие учебные заведения».

Все эти письма вместе взятые убедительно говорят о том, что у Мамина последовательно и неуклонно развивается сознательное, критическое отношение к действительности.

О дальнейшем расширении интересов и запросов Мамина можно судить по письму к родителям от 30 апреля 1870 года. Здесь он уже выходит за пределы семинарских дел и чисто учебных забот. Он пишет о получении из Петербурга от бывшего пермского семинариста Серебренникова письма с сообщением о попытках организовать новую форму студенческого быта, подсказанную, конечно, примером знаменитых «мастерских» Веры Павловны Розальской.

Здесь характерно не только то, что в лексиконе Мамина появились новые слова — «наниматели», «эксплоатация», — важен тон глубокого сочувствия новым людям, которые пробуют новыми способами бороться с этими нанимателями и эксплуатацией.

К тому же 1870 году нужно, вероятно, отнести и изображенный в очерке «Худородные» момент первого знакомства Мамина с сочинениями Писарева, которые сразу же произвели на него очень сильное впечатление.

Наконец, этот год знаменателен тем, что под влиянием книг и передовых сверстников Мамин приходит к своеобразному — правда, еще ребяческому и наивному — безбожию, о чем он рассказывает в очерке «Худородные».

Письма следующего, третьего года обучения представляют такой резкий и стремительный шаг вперед, что на переходе от второго к третьему нужно предположить какое-то большое и важное

событие в духовной жизни Мамина. Должно было произойти что-то весьма серьезное для того, чтобы с осени 1870 года он начал систематически просвещать своих родителей по части совсем новых взглядов на жизнь и чтобы в письме от 14 сентября он сразу огорошил их исполненной воинственности фразой: «Конечно, вы не будете спорить с Боклем, а также и я, что ничего не бывает от ничего, и все, что ни случается, есть продукт предшествующих обстоятельств». (Письмо не опубликовано, хранится в рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.)

Что же все-таки произошло? Ответить на этот вопрос можно почти с полной уверенностью. Мамин дважды рассказывал о своей летней встрече со студентами-практикантами, которая раскрыла перед ним «совершенно новый мир, необъятный и неудержимо манивший к себе светом настоящего знания и настоящей науки».

Через студентов Мамин прежде всего познакомился с мировоззрением и представителями того «естественно-научного» материализма, который был так популярен в 60-е годы. «Много лет прошло, а я как теперь вижу эту заветную полочку на стене, где заманчиво выглядывали объемистые томики геологии Ляйеля, «Мир до сотворения человека» Циммермана, «Человек и место его в природе» Фогта, «Происхождение видов» Дарвина. Сколько бессонных ночей было проведено за чтением этих книжек, и вера в естествознание разрасталась, крепла и в конце концов превратилась в какое-то слепое поклонение».

В беседах со студентами вопрос шел именно о новой системе мировоззрения, и потому, естественно, были подняты вопросы о значении и роли науки и искусства, об отношении к мужику и так далее. Насколько можно судить по свидетельству Мамина, эти вопросы разрешались его новыми знакомыми в писаревско-базаровском духе. Социальным наукам отводилась, по сравнению с естественными, второстепенная роль.

Трудно сказать, какие вопросы прямой политической борьбы обсуждались Маминым и его

друзьями и в какой степени они их занимали, — рассказать об этом с полной откровенностью он, возможно, не захотел по цензурным соображениям или из боязни скомпрометировать даже задним числом своих «просветителей». Очевидно, эти разговоры все-таки имели место.

Первоначально новая, писаревская, вера оказывала на Мамина значительное влияние: он был подготовлен к ее восприятию тем духом критики и неясного брожения мысли, которые он уже впитал в семинарии. Вера в прежних «идолов» была подорвана еще раньше — теперь она разлетелась в прах.

Когда после этого лета Мамин приехал в семинарию «дотягивать лямку своего ученического существования», он весь находился во власти нового отношения к жизни и был полон стремления его пропагандировать. Нужно думать, что именно в это время Мамин получил доступ и в подпольную семинарскую библиотеку.

Темы принципиального характера занимают основное место в переписке Мамина, причем писаревский подход к ним дает себя чувствовать до самого конца пермского периода. При этом вопросы социально-политической жизни ставятся в письмах не очень часто, быть может, из соображений известной предосторожности, но прежде всего, по-видимому, потому, что не они занимают первое место в сознании Мамина. Ведь с точки зрения Писарева (последнего периода его деятельности) проблема политическая подчинена проблемам естественно-научным.

Анализируя в связи с новым жизнепониманием итоги своих предшествующих занятий, Мамин приходит к выводу, что ему необходимо срочно заняться математикой и естествознанием.

Глубокое и искреннее возмущение всем строем семинарской жизни выражено в письме от 23 февраля 1871 года: «В семинарии у нас, кроме подлостей и пакостей на все руки, новостей никаких нет, — пишет Мамин. — Для чего существует наша семинария, для чего живут наши семинаристы? Все, все, на что бы ни посмотрели, носит на

себе печать поголовной глупости и мелочных, самых пошленьких интересов!»

Критическое отношение к семинарской жизни достигает здесь у Мамина высшей силы. Юноша проанализировал основы этой жизни и вынес им полное и убежденное осуждение.

Но он, конечно, хорошо понимал, что такое «кустарничество» не приведет даже к достижению его личной цели — получению подлинного образования, не говоря уже о более широких общественных задачах. Для осуществления всех этих задач нужно было покинуть семинарию и стать на путь глубокого и организованного изучения естественных наук, то есть нужно было поступать в высшее светское учебное заведение. И подготовка к этому, разговоры о нем, борьба за него составляют основную тему писем Мамина на четвертом году его обучения в семинарии.

В письмах домой Мамин подробно анализирует преимущества и недостатки целого ряда высших учебных заведений и, наконец, останавливается на Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. Привлекает Мамина практическая постановка занятий в академии и богатство вспомогательных учебных учреждений.

В письмах последнего года необходимо отметить замечательную устойчивость и резкость критического отношения Мамина к богословской и вообще всякой схоластике — тут он сделал вывод окончательный и не знает никаких колебаний.

Отчетливо проявляется здесь и стремление Мамина к жизненно-практическим знаниям, при некоторой даже недооценке научной теории («умозрения») и гуманитарных наук. Письма показывают веру молодого разночинца в себя и свои силы, готовность смело бороться с препятствиями.

Из всего сказанного видно, как вырос Мамин за время пребывания в Перми. В столкновении двух сил, боровшихся в семинарии за его душу, победила сила передовой демократической мысли. Мамин вышел на пути передовой демократической мысли и уже не сходил с них до конца жизни. Естественно теперь спросить, что он по-

лучил за это время как будущий писатель, художник слова.

Судить об этом гораздо труднее, прежде всего потому, что сам Мамин на эту тему говорит в своих письмах и произведениях очень мало. Сказалась ли тут его авторская скромность, или некоторая недооценка важности и серьезности этих занятий, или, наконец, сознание, что их значения не поймут родители, — но только остается фактом, что о своих литературных замыслах и занятиях он почти ничего не говорит в переписке семинарского периода. Следовательно, основные сведения об этом приходится получать уже не от него самого, а из вторых рук, от более или менее достоверных свидетелей его юности.

Один из этих свидетелей, доктор Серебrenников, отмечает существенное значение для формирования писательских способностей Мамина практики написания ученических сочинений, которая постепенно вырабатывала у семинаристов технику писательского дела и некоторые приемы очеркистского и беллетристического жанров. «Немалое влияние на развитие литературного таланта Дмитрия Наркисовича, — говорит Серебrenников, — оказало также и увлечение тогдашних семинаристов длинными сочинениями с явным подражанием тому или другому из корифеев русской литературы. Эта писательская жилка и зуд явились, очевидно, результатом журнальных статей, подражания им: сочинения писались иногда по частям с обычной припиской «продолжение будет».

Между преподавателями пермской семинарии нашелся такой, который привлек внимание учащихся к вопросам писательства и художественной литературы, а именно учитель словесности Иван Ефимович Соколов, сделавшийся вместе с учителем физики Баклановым любимцем воспитанников.

Влияние Соколова на Мамина было, несомненно, заметным и положительным — об этом мы имеем не подлежащие сомнению свидетельства современников и прежде всего — сестры Д. Н. Ма-

мина-Сибиряка Елизаветы Наркисовны Удинцевой: «Брат начал писать очень рано, — рассказывала она с его слов. — Крупную роль в первых его литературных шагах сыграл преподаватель словесности в Пермской семинарии И. Е. Соколов. Он страстно любил, великолепно знал свой предмет и умел заинтересовать им почти всех способных воспитанников».

С другой стороны, несомненное влияние на развитие литературных навыков у Мамина оказало участие его в подпольных ученических журналах, издававшихся в Пермской семинарии.

В речи-некрологе памяти Мамина-Сибиряка пермский врач Серебренников говорил, что в формировании мировоззрения писателя Пермская духовная семинария сыграла более важную роль, чем Медико-хирургическая академия и университет. Сам Мамин-Сибиряк также заявлял знакомым, что Пермская семинария дала ему больше, чем университет и академия.

В то же время Мамин в своей юношеской переписке и в позднейшем черновом наброске «Записок семинариста» («Очерки современной бурсы») дал гневную и беспощадную оценку всей системы семинарского воспитания и жизни: «Я убежден, что семинаристы гибнут, как мухи, именно потому, что они с детства попадают в казарменную, каторжную обстановку. Я знаю десятки людей, которые гибли в этой обстановке».

Мамин признавал, что семинарский период его жизни был для него временем громадного умственного роста. Но он вовсе не ставил его в зависимость от системы семинарского образования и воспитания, наоборот, он считал и заявлял, что вырос вопреки всему действию этой системы, что он счастливо спасся от угрожавшей ему гибели. Он ненавидел семинарию, но с благодарностью вспоминал свою юношескую пору с ее благородными исканиями и порывами.

Мамин начал с отрицания жизни и быта семинарии, но вскоре поднялся до осуждения всей социально-политической системы, как неразумной и несовместимой с требованиями подлинно человеческой жизни.

Мамин не сделал из этой критики революционных выводов и не поставил для себя главной и основной задачей мобилизацию народных масс на борьбу с самодержавно-политическим режимом.

Но в самом отрицании, прошедшем через сознание юноши глубоко и сильно, была великая жизнедеятельная сила. Оно помогло Мамину разглядеть врагов и друзей народа и верно оценить многое в окружающей жизни. Оно заставило напряженно всматриваться в те явления, которые были причиной народных несчастий, и побуждало рассказывать о них другим. Оно воспитало в нем ненависть к самодержавному насилию и гнету. Оно заставляло настойчиво и упорно искать путей выхода из этого отрицаемого мира к другой, более разумной жизни.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

**ИСТОРИЯ
ФАБРИК И ЗАВОДОВ**

А. НИЧИПЕРОВИЧ

**ГОРЬКАЯ
ПЕРМЯНКА**

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

А. НИЧИПЕРОВИЧ

ГОРЬКАЯ ПЕРМЯНКА

5 октября 1975 года исполняется пятьдесят лет с того дня, как геологическая экспедиция профессора П. И. Преображенского извлекла в районе Соликамска kern сильвинита. Впрочем, о наличии здесь калийных залежей было известно давно. Сохранилась запись, сделанная строгановским писцом: «Хотя в 1826 году в Соликамских частных промыслах также открыт пласт каменной соли, но соль сия в сравнении с открытой в Усольских промыслах не столь чиста, имеет вид сероватый и попадались куски даже красноватого цвета».

На нижегородской ярмарке 1896 года покупатели уже совсем отворачивались от пермianки.

— Желта очень. Да и вкус-то не сравнить с бахмутской...

Образцы красноватой пермianки были достав-

лены в музей Петербургского горного института, где известный русский химик Н. С. Курнаков установил, что в соли содержится более пяти процентов хлористого калия.

Несмотря на многочисленные предложения русских ученых и исследователей, царское правительство не дало согласия на разведку месторождения. Минеральные удобрения ввозились в страну из-за границы.

По-другому отнеслась к сообщению экспедиции Преображенского Советская власть. Уже в ноябре 1927 года был заложен первый на Верхней Каме комбинат — Соликамский калийный.

О его первопроходчиках и первостроителях, об основных вехах истории советского калия наш документальный очерк.

Первопроходчики

Россия не знала опыта проходки калийных шахт. После долгих обсуждений ученые пришли к выводу, что проходить их нужно способом замораживания, который применялся только за границей. Советское правительство приняло решение заключить договор с немецкой фирмой «Гефри-

шахтбау» на проходку двух шахт и поставку оборудования.

В Соликамске тем временем становилось все оживленнее. Геологи определяли площадку для будущего комбината, подбирался аппарат калийного треста, приезжали вербованные рабочие.

В мае 1927 года в состав членов правления вошел И. А. Баварский, который вскоре возглавил калийный трест. Как и другие работники, он не имел никакого представления о новой отрасли промышленности. Профессиональный революционер, Баварский еще до революции вступил в партию большевиков, сражался на фронтах гражданской войны, был начальником разведки Военно-Морских Сил на Черном и Азовском морях.

Вскоре в Соликамск прибыла группа молодых инженеров: И. А. Андрюков, А. Н. Андреичев, Н. Н. Скворцов, Н. П. Верденский, А. Ф. Козин, А. И. Шилов и другие.

«Для встречи нас, — вспоминает А. Н. Андреичев, — были высланы четыре подводы с валенками, тулупами, брезентом и охапками душистого сена. Уселись, укутали ребят и покатили».

Назавтра молодые специалисты пришли в трест, размещавшийся в бывшем монастыре. Их принял главный инженер Н. И. Галушко. «Вот это хорошо, вот это хорошо, — повторял он, — теперь будем работать», — и тут же распределил обязанности.

Николай Иосифович был инженером старой школы. Глубоко образованный, эрудированный, он успел поработать на соляных рудниках, участвовал в экспедиции по исследованию северных островов Новая Земля.

Галушко не мог бездействовать. Посовествовавшись с уральскими специалистами, он решил начать проходку шахты, не дожидаясь приезда немецев. Место для закладки шахты было выбрано в еловом лесу около речки Черная. Почва здесь болотистая, пришлось заниматься дренажем, отводить воду.

«Однажды мы пришли на смену, — вспоминает один из первопроходчиков И. Любимов, — и уви-

дели такую картину. В центре будущей шахты стоял с концом рулетки десятник Бурмантов, а штейгер Евдоимов намечал окружность. Следом за ним шли профессора Преображенский, Шадлун, наши руководители Баварский, Галушко и другие. Они ставили колышки.

Когда канавкой был обозначен круг диаметром в десять метров, от него проложили узкие дощатые тротуары. Мы набросали в ручные тачки черной жирной земли. Преображенский и Шадлун первыми отвезли ее на отвал.

На следующий день был изготовлен ручной ворот, с его помощью шахту углубили до шести метров, а затем перешли на проходку конным воротом».

Железная дорога в то время заканчивалась в Усолье. А стройка требовала все больше цемента, гравия и других материалов. Их доставляли на лошадях.

Недалеко от шахтного ствола был построен простейший бетоно-растворный узел, в котором установили бетономешалку, бункера для цемента, песка и гравия. Готовый бетон подавался к устью ствола.

Когда было пройдено около 30 метров, наконец-то прибыл представитель фирмы «Гефришахтбау» обер-инженер Кох. Он очень удивился, что русские решили самостоятельно начать проходку. Осмотрев все хозяйство, Кох отметил: «Гут». А познакомившись с оборудованием, присвистнул: «Бабушка».

Но договор все-таки пришлось изменить. На долю германской фирмы оставалось строительство только одного ствола. Кроме этого, фирма должна была производить крепление обеих шахт тюбингами.

На прощание господин Кох письменно изложил свои требования. В длинном списке он указал все, что следует подготовить к приезду представителей фирмы. Не забыл даже точно назвать количество столовых ножей, ложек, вилок...

И дело тут не только в немецкой педантичности. Представитель фирмы просто опасался, как

бы в таком глухом захолустье не пришлось голодать и терпеть другие лишения. Кругом грязь, бараки, и слишком уж неказистый вид у русских рабочих.

Да, немало невзгод и трудностей выпало на долю этих первопроходчиков. Сначала не было резиновых спецовок. Днем и ночью, зимой и летом на головы людей обрушивался ледяной дождь. Иногда посреди смены приходилось подниматься наверх за сухой робой. После работы прямо в бытовке получали стакан водки — и домой.

Утром 13 мая 1928 года в шахте случилась авария.

«Работали мы тогда на горизонте 61 метр, — вспоминал П. Т. Перминов. — Когда закрепляли последнее кольцо диаметром восемь метров, на голову стали падать комки земли.

— Николай, Новожилов, что там такое? — крикнул я товарищу, который находился на временном полке.

— Сыплет откуда-то, будь она неладная, — ответил он. А через минуту закричал:

— Братцы, беда, обвал. Ой, конец нам!

На людей полетели затяжки, потоком хлынула вода.

Один за другим углубщики полезли вверх. Выбрались все, но никто толком не мог объяснить, что случилось. Дежурный инженер А. И. Шиллов, сообщив об аварии в управление, вошел в бадью, приказав: «Опускайте».

Аккумуляторные лампочки слабо освещали зловещую тьму, рушились деревянные крепления. Под ногами стоял глухой грохот, хлестали водопады. Как стало известно позднее, приток воды составлял 5500 ведер в час.

Обо всем этом быстро узнали за границей. Буржуазные «пророки» радовались, что их лессимистические прогнозы оправдались: говорили, мол, что планы русских о калийной промышленности — миф. Так оно и есть.

Представитель фирмы «Гефришахтбау» господин Кох удовлетворенно ухмылялся: «Не совето-

КАРИКАТУРА ИЗ... ЧУГУНА

Редчайший барельеф из чугуна поступил в коллекцию народного музея Лысьвенского металлургического завода. Барельеф представляет собой старинную политическую карикатуру на царя Александра III и выполнен очень оригинально. Если его расположить горизонтально, он изображает голову лошади. Но если поставить вертикально, то лошадиная голова вмиг превращается в портрет усатого самодержца с полушариями короны на голове. Столь необычное превращение выбрано не случайно: Александр III получил в народе прозвище «Конская голова» за тугодумство и увлечение лошадьми.

Кто был автором столь дерзкой карикатуры?

Был он человеком смелым и не скрывал своего имени. На оборотной стороне чугунного барельефа сохранился оттиск эмблемы знаменитых каслинских промыслов, а рядом с ней строка: «С. Голяков. 1889 г.»

Жандармы всей России изымали эти поистине вечные карикатуры. Но, как видим, не удалось, сил не хватило.

Н. Сашин

В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ · В ХРАНИЛИЩАХ КРАЯ

вали ведь вам изменять договор. Видите, что получилось...»

В Соликамск приехали начальник Главного управления химической промышленности, ведущие специалисты горного дела. После длительного обсуждения был принят вариант ликвидации аварии, предусматривающий проходку ствола с завала небольшими заходками с предварительной цементацией без устройства подушек.

7 июня начались восстановительные работы. Через три с половиной месяца, 27 августа, ава-

рию ликвидировали полностью. И работа возобновилась еще более ускоренными темпами.

Чтобы убедиться в достоверности сведений, поступивших из СССР, Германия послала в Соликамск генерального директора калийного синдиката доктора Карау и специалиста, приглашенного из США, профессора Экштейна.

Высоких представителей встретили гостеприимно, отвели им отдельную комнату в монастыре. Но они не спешили отдыхать. Сразу же после приезда попросили показать шахты. Внимательно осматривали отвалы, все прощупывали руками, задавали вопросы.

За обедом профессор Экштейн допытывался:

— Скажите, в чем секрет? Как вы смогли все это сделать в таком медвежьем углу, с такими кадрами?

И сознался, что, приехав в Пермь, послал же-не телеграмму, что находится уже в глухой азиатской тайге, где на него могут напасть дикие звери.

Гостям понравилась не только проходка шахты. Каждый раз они просили оставить им после ужина графинчик со спиртным. Ночью они вставляли, наливали по рюмочке и с удовольствием причмокивали: «Гут руссише водка».

Возвратившись в Германию, зарубежные ученые писали о своей поездке в одной из немецких газет: «Представители Германского калийного синдиката навестили Россию. Ими установлено, что проходка шахт в Соликамске выполняется безукоризненно и в скором времени придется считаться с добычей калия в России».

На калийном фронте

В большом бараке спертый густой воздух, на веревках сушатся портянки, пермяцкие березовые лапти, брезентовая роба.

— Провались он, калийка. Казан ехать буду.

— К черту такую работу.

— Жизнь тоже. За чашкой супа стоишь три часа в очереди.

Скоро начнется собрание. За столом, покрытым мягким куском красной материи, секретарь партийки технический директор Н. И. Галушко и новый управляющий В. Е. Цифринович — высокий, с копной вьющихся черных волос. Он, кажется, не слышит выкриков, переговаривается с главным инженером, делает какие-то пометки в блокноте.

В. Е. Цифринович приехал на Урал в конце 1929 года по направлению ЦК ВКП (б). Несмотря на молодость (ему исполнилось тридцать), это был человек с большим опытом партийной и организаторской работы. Сын бедного кустара, он рано остался без матери и пошел «в люди». Прислуживал в лавках богатых торговцев, был учеником токаря.

С первых дней гражданской войны В. Е. Цифринович на фронте. Он редактор газеты в боевой группе А. В. Пархоменко, был начальником политотдела 27-й дивизии 5-й армии. Затем Цифриновича направляют на ответственную партийную работу в Крым. После этого почти год он возглавлял один из крупнейших райкомов партии столицы — Бауманский.

Новый управляющий знал, что на стройке нелегкое положение. Однако картина была намного неприглядней, чем это представлялось издалика. План капитального строительства не выполнен с отставанием на 9 месяцев. Всехимпром задерживал поставку чертежей и стройматериалов, медленно оформлялись заказы на импортное оборудование. Особенно плохо было с сооружением жилья и культурно-бытовых учреждений.

На строительстве насчитывалось 22 барака и общежития, но не было ни клуба, ни библиотеки. «Веселились» у пивных ларьков.

Новый управляющий обвел всех взглядом и начал свое выступление.

— Многие из нас проливали кровь на фронтах гражданской войны, голодали. За что? За лучшую жизнь, за социализм. Можно построить со-

циализм без калия? Нельзя! Калий — это минеральные удобрения, это металл и хлеб.

Зал притих. Люди вглядывались в открытое волевое лицо, и, казалось, им передавались его уверенность и энергия.

— Партия всегда выполняла свои планы. Мы построим комбинат, построим новый социалистический Соликамск со школами, больницами, парками. Конечно, нам очень трудно. Кругом еще много отсталости. А раз трудно — значит, надо драться, значит, сегодня здесь фронт. За культуру, за калий, за социализм!

«Калийный фронт», «Драться за калий, как подобает большевикам» — эти выражения в те годы стали крылатыми. И люди, действительно, как на фронте, сражались за рождение нового города и комбината.

Уже упоминалось, что немецкая фирма самостоятельно проходила вторую шахту и вела тубингование первой. По договору иностранные специалисты должны были обучать наших инженеров и техникум способу замораживания. Однако немцы тщательно охраняли секреты, не разрешали контролировать свою работу.

...В ночь с 18 на 19 апреля 1930 года в квартиру управляющего Союзкалия громко постучали. За дверью стоял запыхавшийся рабочий. Он молча переступил порог, сунул руку за пазуху, вытащил розовый комок.

— Вот... Смотрите.

Сильвинит. Это был сильвинит. Чуть влажный, теплый от человеческого тела, он искрился крупинками соли. Нет, не «искрился», сверкал. Маленький, величиной с детский кулачок, камешек горел ярче алмазов и бриллиантов, ярче любых драгоценностей.

Стало вдруг жарко. На лбу управляющего выступили крупные капли. Он лизнул камешек, поворачивал его во все стороны, пробовал пальцами уголки.

— Наверху уже взял. Из самой первой бадьи.

1 мая 1930 года пять вагонов, украшенных лозунгами и флагами, напрузили чудесной солью, отправили на поля.

И вскоре в адрес комбината поступила телеграмма: «Колхозцентр» от имени колхозников приносит глубокую благодарность за присланные вами пять вагонов сильвинита. Колхозники приложат все усилия, чтобы выполнить задание партии».

Не замедлили откликнуться на известие о победе советских калийщиков и за рубежом. Английская газета «Манчестер гардиан уикли» острожно замечала: «Если бы большевики смогли развить новую калийную промышленность в том темпе, какой намечен планом, это было бы беспримерным явлением не только в истории России, но и в истории мирового хозяйства».

Злобным воем откликнулись владельцы германских и французских калиевых заводов. Особенно неистовствовал один из ведущих монополистов А. Рейсберг. Газета «Вельт ам Абенд» призвала «скорее объявить крестовый поход против СССР», чтобы спасти монополию Рейсберга.

А вскоре на глазах всего мира крепко пошатнулся авторитет фирмы «Гефришахтбау». Русские не только оказались правыми в своих спорах о цементации пород. Вторая шахта, которую проходили немцы, только 30 мая пересекла сильвинитовую зону. Комиссия, принимавшая работу немцев, обнаружила много недоделок. После долгих препирательств, после вызова экспертов из Москвы и Германии, представители «Гефришахтбау» признали, что им предъявлены справедливые претензии.

В октябре 1930 года началась проходка шахт методом замораживания в Березниках. Все работы возглавляли соликамские инженеры П. Е. Пучков, Н. И. Калмыков, Н. Н. Скворцов, А. В. Суворов, П. Г. Васильев, В. Г. Бек, Я. П. Леонтовский. От услуг иностранных консультантов калийный трест отказался.

А трудностей оставалось много. Делегация соликамцев выехала в Москву. Посетив ВСНХ,

Всехимпром и ряд других учреждений, они добились решения многих вопросов, ускоряющих строительство. Группа инженеров во главе с Цифриновичем отправилась в заграничную командировку — знакомиться с работой предприятий калийной промышленности.

29 марта 1931 года вопрос о калийном строительстве слушался на заседании ЦК партии. В развернутом постановлении говорилось о необходимости обеспечить калийщиков всем необходимым, были отпущены средства для покупки оборудования, на стройку направлялся отряд специалистов. К концу года было построено надшахтное здание, солемельница, ТЭЦ и целый ряд подземных сооружений.

К началу 1934 года Соликамск вышел примерно на третье место в мире по добыче и переработке удобрений. На комбинате выросли свои кадры калийщиков, окрепла партийная организация, в рядах которой насчитывалось 426 человек.

Изменился и внешний вид города. Население Соликамска увеличилось в четыре раза. Здесь было построено свыше 50 четырех- и двухэтажных домов, ФЗУ, фабрика-кухня, больница, детские ясли, магазины, столовые. Прокладывался водопровод и канализация.

Сельхозкомбинат Союзкалия обеспечивал город картошкой и капустой (раньше их привозили из южных областей).

10 января 1934 года в адрес ЦК партии, Совнаркома и Наркомата тяжелой промышленности была отправлена телеграмма:

«Первый калийный комбинат на базе богатейших в мире калийных залежей, построенный по передовым образцам западно-европейской техники и превышающий их по масштабу, включающий в себя две шахты, солемельницу, химфабрику, теплоэлектроцентраль, склад сырой и фабричной соли, смешивающую и погрузочные установки, закончен».

9 марта постановлением Совета Народных Комиссаров Соликамский калийный комбинат имени 10-летия Октябрьской революции был зачис-

лен в число действующих. А вслед за этим из Москвы по телеграфу передали приказ Серго Орджоникидзе о назначении директором первого калийного комбината В. Е. Цифриновича, а главным инженером Н. И. Галушко.

Вскоре ВЦИК наградил большую группу калийщиков. Самую высокую награду, орден Ленина, получили В. Е. Цифринович, Н. И. Галушко, начальник капитального строительства Л. М. Фельдмахер, секретарь парткома А. И. Милуков и рабочий А. М. Казанцев.

Орден Трудового Красного Знамени украсил грудь А. Н. Андреичева, В. В. Аликина, И. И. Галагина, П. И. Преображенского, А. И. Касаткина, И. В. Попова, П. С. Леонтьева.

На Всесоюзную доску почета были занесены В. Е. Цифринович, Н. И. Галушко, Л. М. Фельдмахер, А. Н. Казанцев, А. И. Касаткин, А. А. Куравев.

2 апреля в Соликамске состоялся большой праздник. Тысячи людей пришли на митинг. Словно осуществленная сказка, дышали громадные корпуса, построенные их руками. Многие помнили, как семь лет назад стоял здесь черный еловый лес и одиноко журчала небольшая речушка.

СКВАЖИНА, ОТКРЫТАЯ В... АРХИВАХ

Такие находки бывают не часто. Студент-историк Пермского университета Р. Гуревич, помогая рабочим Пермского моторостроительного завода имени Свердлова создать музей трудовой славы, наткнулся на любопытные документы, испещренные колонками цифр и формул...

В начале 1930-х годов, когда завод еще только начинал строиться, геологи пробурили посреди тайги глубокую скважину. Искали обычную питьевую воду. Но вместо нее хлынула сероводородная. Как раз об этом и рассказали студенту найден-

А сейчас сверкали золотом над проходной слова: «Первый калийный комбинат имени 10-летия Октябрьской революции», гремела музыка, светились радостью лица.

С большим вниманием слушали шахтеры и химики речь своего директора.

— Главное — не зазнаваться, впереди много дел, много трудностей. Предстоит не только освоить новую технику. Мы строим второй комбинат в Березниках, мы должны дать стране крылатый металл... Калий есть — магний будет, — закончил свою речь Цифринович.

— Бу-уудет! — уверенно ответили тысячи голосов.

Даешь магний!

Рядом с сильвинитовым пластом лежит более мягкий и влажный — карналлит. Если эту соль расплавить, а затем пропустить через раствор электрический ток, то на катоде начинает появляться легкая зеркальная пленка — магний.

В те годы металл этот был очень популярным. Заграница скрывала секреты его производства.

СКВАЖИНА, ОТКРЫТАЯ В... АРХИВАХ

ные им химические анализы минеральной воды с неприятным запахом, но отличными лечебными свойствами. Тогда эту скважину на время закрыли. И... забыли. Питьевую воду дала другая скважина.

— А что если сероводородную воду подать теперь в заводской профилакторий? — предложил Гуревич.

— Идея отличная! — ответили врачи.

Забытая скважина найдена. Она оказалась под зданием патентного бюро завода.

А. Камов.

Проблема магния решалась трудно, упорно, настойчиво.

Уже в 1929 году начались лабораторные исследования — был построен первый опытный завод в Ленинграде, вопросами строительства и организацией работ которого руководил лично С. М. Киров.

В те же годы родилось мнение, что наиболее целесообразно получать магний не из карналлита, а из хлористых солей озер, как это делало большинство зарубежных стран, в частности Америки.

Управление Союзкалия решило объявить конкурс на конструирование электролизера непрерывного действия для получения магния из карналлита. В дни подведения итогов в Соликамск пришло письмо. Прислали его авторы одного из отвергнутых проектов, самые молодые участники конкурса инженеры Гуляницкий, Форенгольц и Котусов. Они сообщали, что не согласны с постановлением жюри, которое, по их мнению, было не совсем объективным.

Владимир Ефимович и заместитель главного инженера по магниевому производству Я. М. Хейфец еще раз детально изучили все проекты и остановили выбор на отвергнутой работе. Она привлекла смелостью решения, экономичностью. А так как последнее слово принадлежало Союзкалию, было решено изготовить ванну по коллективному проекту молодых специалистов и рекомендовать ее для испытаний на опытном заводе.

Испытания ванны закончились успешно. Она стала прототипом для промышленного производства и сохранилась в основе до нынешнего времени.

Постепенно росло число сторонников карналлитового метода, все больше молодых энтузиастов зажигалось этой проблемой. Однако «противники» калийщиков, среди которых было немало видных ученых, сдались не сразу. Задерживалось проектирование завода в Соликамске, выискивались новые и новые доводы в защиту хлормагния.

«Мы должны были затратить примерно около трех лет, — вспоминал позднее Владимир Ефимович, — для того, чтобы убедить целый ряд товарищей и организаций, что дедушка Менделеев не ошибался, когда семьдесят лет назад написал, что из карналлита можно получить магний.

Конец теоретическим дискуссиям положило вмешательство Центрального Комитета партии. Вопрос о производстве магния рассматривался на заседании ЦК. В принятом решении указывалось на необходимость немедленно приступить к сооружению завода на базе соликамских карналлитов.

В начале июля 1933 года рядом с первым калийным комбинатом началась подготовка строительной площадки для нового предприятия.

Все выше и выше поднимались корпуса магниевого завода. Рост самолетостроения требовал приблизить день рождения отечественного крылатого металла. Но в Советском Союзе не было специалистов, знакомых с промышленной выработкой магния. Одно дело опыты и расчеты, другое — практика.

Иностранные фирмы наотрез отказались консультировать и помогать в разработке проектной документации. Они обещали лишь показать, как используется магний в производстве. Но даже на этих условиях правительство приняло решение отправить группу соликамцев в заграничную командировку. Летом 1934 года В. Е. Цифринович, Я. М. Хейфец и Б. С. Гуляницкий выехали в США.

Соликамские инженеры проехали через всю страну с востока на запад. Их маршрут почти совпал с тем, который год спустя избрали И. Ильф и Е. Петров: Нью-Йорк — Детройт — Мидленд — Соленое озеро — Сан-Франциско — Лос-Анджелес, а затем через Филадельфию снова в Нью-Йорк. Как и авторы «Одноэтажной Америки», они купили легковую машину, нашли шофера, армянина из России, который хорошо говорил на русском и английском.

Уральцы побывали на химических и сталелитейных заводах, осмотрели предприятия Форда.

Им охотно показывали все, что делается из магния, начиная от детской тележки, кончая деталями для самолетов, автомобилей, дирижаблей. Не показывали только сам процесс получения металла.

И все-таки поучиться было чему. Соликамцам понравилась хорошая организация труда, высокая культура, механизация и автоматика. Становилось больно, что гениальные изобретения, труд тысяч талантливых людей используются для наживы и обогащения небольшой кучки толстошумов, что рабочий превращен в бессловесный придаток к машине.

«Вот мы были на предприятии у Форда в Детройте, видели там конвейер-конвейер. Ни я, ни мои товарищи не заметили, чтобы рабочие, тесно стоящие друг около друга, улыбались или хотя бы обмолвились словом. У них нет времени, их подхлестывает конвейер», — рассказывал Цифринович.

Соликамцы видели, как в хваленном Нью-Йорке люди роются в мусорных ямах, чтобы найти какое-нибудь пропитание.

В то время в США продолжался застой промышленного производства. Тысячи безработных, устроившись на крышах вагонов, спешили на юг, где наступала пора сбора фруктов. Сотни рабочих с семьями брели туда пешком.

Никогда не пустовало место в машине русских, его всегда занимал кто-нибудь из безработных. Нередко у них не было ни гроша, и русские делились своим обедом.

До предела было заполнено время командировки. Каждый день бешеная скорость, каждый день тысячи автомашин, летящих навстречу. Крикливые пестрые рекламы сливались в какой-то вихристый разноцветный клубок. Короткий ночной отдых, остановка на заправочной станции — и снова в путь.

Владимир Ефимович смотрел на бегущий серый бетон и представлял рядом не Америку, а Урал. Крепко сплелись лапами по бокам дороги ели, что-то разглядывают в небе кедр. На до-

роге указатели: Красновишерск — Чердынь — Соликамск — Пермь. Машины везут бумагу, металл, рыбу, алмазы.

Пароход плывет по Волге,
Дым пускает по трубе.
Ах, позволь, позволь, папаня,
Мне жениться по любви, —

начинал он напевать частушки, заметив, что товарищи устали или просто загрустили.

Шофер поглядывал веселыми черными глазами на советского директора. Сбавлял скорость.

Впереди огромный плакат величиной с трехэтажный дом, надрываясь, кричал:

«До Карлсбада 23 мили. Хорошая дорога. Знаменитые минеральные источники. Театры. Хорошие церкви. Блестящий пляж. Блестящие отели. Правь в Карлсбад».

Машина свернула в Карлсбад.

То, что увидели там соликамские инженеры, теперь известно многим из книги Ильфа и Петрова. Обыкновенный одноэтажный городок. Театры — два кинематографа с бандитскими боевиками. «Хорошие церкви» назойливо призывали неоновыми вывесками: «Приходите. Вы будете удовлетворены нашим обслуживанием».

Но город знаменит тем, о чем умалчивают в рекламах. Здесь прекрасные калийные шахты.

Директор предприятия принял соликамцев любезно. Он сам ознакомил их с производством, охотно отвечал на вопросы. Американцам понравились русские. Они прекрасно разбирались в технологиях, механизмах. Приятным было то, что советский президент калийной промышленности умел шутить, решая серьезные вопросы.

Американцы любят такую шутку.

А наших инженеров, пожалуй, больше всего удивило то, что их коллеги из далекого американского городка прекрасно знали всю историю советской стройки. Директор шахты называл безосновательно многие факты из биографии Владимира Ефимовича.

— Откуда такая осведомленность? — интересовались русские.

В кабинет пригласили консультанта фирмы по вопросам мировой добычи калия.

— Знакомьтесь, мистер Горчаков.

Консультант поздоровался и начал разговор на чистом русском языке. Потом отпрыск знаменитого княжеского рода бывлой России развязал одну из пухлых папок.

— Пожалуйста.

Там были собраны вырезки из газет и журналов по калийному строительству в Советском Союзе, все выступления в печати Цифриновича и других специалистов. Полное собрание.

Возвратившись из заграничной командировки, Владимир Ефимович вместе с товарищами написал подробный технический отчет. Он поделился своими впечатлениями с читателями «Правды», выступил с большим докладом на слете ударников в Соликамске.

«Наше пребывание в Америке лишний раз подчеркивает чрезвычайно большое значение магния, который должен сыграть важнейшую роль в развитии техники. Государства, овладевшие этим производством, ревниво охраняют его и не особенно желают делиться секретами с другими».

И, наконец, последний вывод и, по-моему, самый главный, сводится к тому, что Советскому Союзу в производстве магния надо взять упор на собственные силы, отнюдь не отказываясь от получения иностранной помощи».

Иностранной помощи так и не было. Ни Германия, ни США, конечно же, не желали помогать укреплению обороноспособности Советского государства. Предстояло быстрее завершить строительство, срочно готовить свои кадры.

Комбинат послал людей на опытный магниевый завод в Ленинград. Там проходили подготовку будущие рабочие ведущих профессий для основных цехов — электролизного, литейного и обезвреживания карналлита. Были открыты производственно-технические курсы в Соликамске, где учились аппаратчики для цеха разложения карналлита.

На работу в Соликамск приехали бывший главный инженер проекта завода М. В. Боярский,

молодые специалисты С. П. Соляков, Ю. Н. Караваев, М. П. Нестерова, К. И. Циренщиков, В. В. Шарковин и другие. Им смело доверили руководящие должности.

Уроки Серго

В ночь на 14 августа 1934 года в Соликамск приехал Серго Орджоникидзе. Прямо с вокзала Григорий Константинович направился на комбинат, побывал в некоторых цехах, побеседовал с рабочими.

Утром осмотр продолжался. Заметив, что количество сопровождающих увеличилось, нарком попросил:

— Думаю, товарищи, одни мы лучше познакомимся с производством. Со мной пойдемте вы и вы, — кивнул он Цифриновичу и главному инженеру.

Наркома интересовало все. Он спускался в шахту, обошел химфабрику, ТЭЦ, каждый цех. Всюду знакомился с людьми, здоровался по-просту, за руку.

Осматривая надшахтное здание, Серго обратился к начальнику шахты Леонтьеву:

— Скажите, у вас всегда так чисто или только сейчас?

Вокруг темных усталых глаз наркома сбежали хитрые морщинки.

Леонтьев, смутившись, ответил:

— Обычно грязнее. Это мы к вашему приезду наводили порядок.

Серго покачал головой:

— Что правду говорите — это хорошо. Но нужно, чтобы порядок у вас всегда, каждый день был, как на настоящем советском предприятии.

В то время плохо работала химфабрика. Не выполнялся план, не ладилась работа. Конечно, люди переживали, что такое совпало с приездом Григория Константиновича. Очень волновались.

Орджоникидзе спокойно, со знанием дела рас-

спрашивал у рабочих и инженеров, в чем трудность, интересовался работой машин. И вдруг очень тепло, по-домашнему обратился к одному специалисту:

— Вы почему такой скучный? Что-нибудь не ладится в семье? Или недовольны чем-то?

Завязался открытый душевный разговор, посветлели лица людей.

На ТЭЦ наркома познакомили со старшим инженером Т. А. Якимовым, который внес крупное рационализаторское предложение — проводить фосфатирование котлов для предохранения их от накипи и коррозии.

Серго живо заинтересовался работой рационализатора, попросил показать расчеты.

— А ведь вас можно ругать, — улыбнулся он. — Почему ничего не сообщили до сих пор об этом через печать? Нужно немедленно писать статью. Ваш опыт нам очень пригодится, особенно на железнодорожном транспорте.

Вскоре соликамский инженер выступил в газете «Техника», а вслед за этим началось проектирование завода по производству фосфатов.

По указанию Орджоникидзе, Т. А. Якимову была выдана большая денежная премия.

После комбината Серго осмотрел строительство магниевого завода, а затем предложил проехать в поселок. Он побывал в нескольких рабочих квартирах, заходил в столовую, магазины, детский сад. К концу дня медленной стала походка наркома, но он, так ни минуты и не передохнув, задавал вопросы, интересовался каждой мелочью.

— Может быть, попьем чаю, Григорий Константинович?

— Вы разве устали? — приостановился он на секунду. И скороговоркой ответил:

— Ладно, потом. Показывайте.

Нарком говорил, что настало время серьезно подумать о красоте, об архитектуре зданий, что нужно больше заботиться о быте. Почему не изменили неудачный, присланный из Москвы проект и оставили дома без балконов?

С. Орджоникидзе на калийном комбинате. Август 1934 г.

Вечером Орджоникидзе встретился с инженерно-техническими работниками и ударниками труда. Он извинился, что из-за недостатка времени не может побыть здесь дольше.

Сначала высказывались соликамцы. Они говорили о недостатках в своей работе, о том, что еще много неполадок.

Потом слово взял Орджоникидзе.

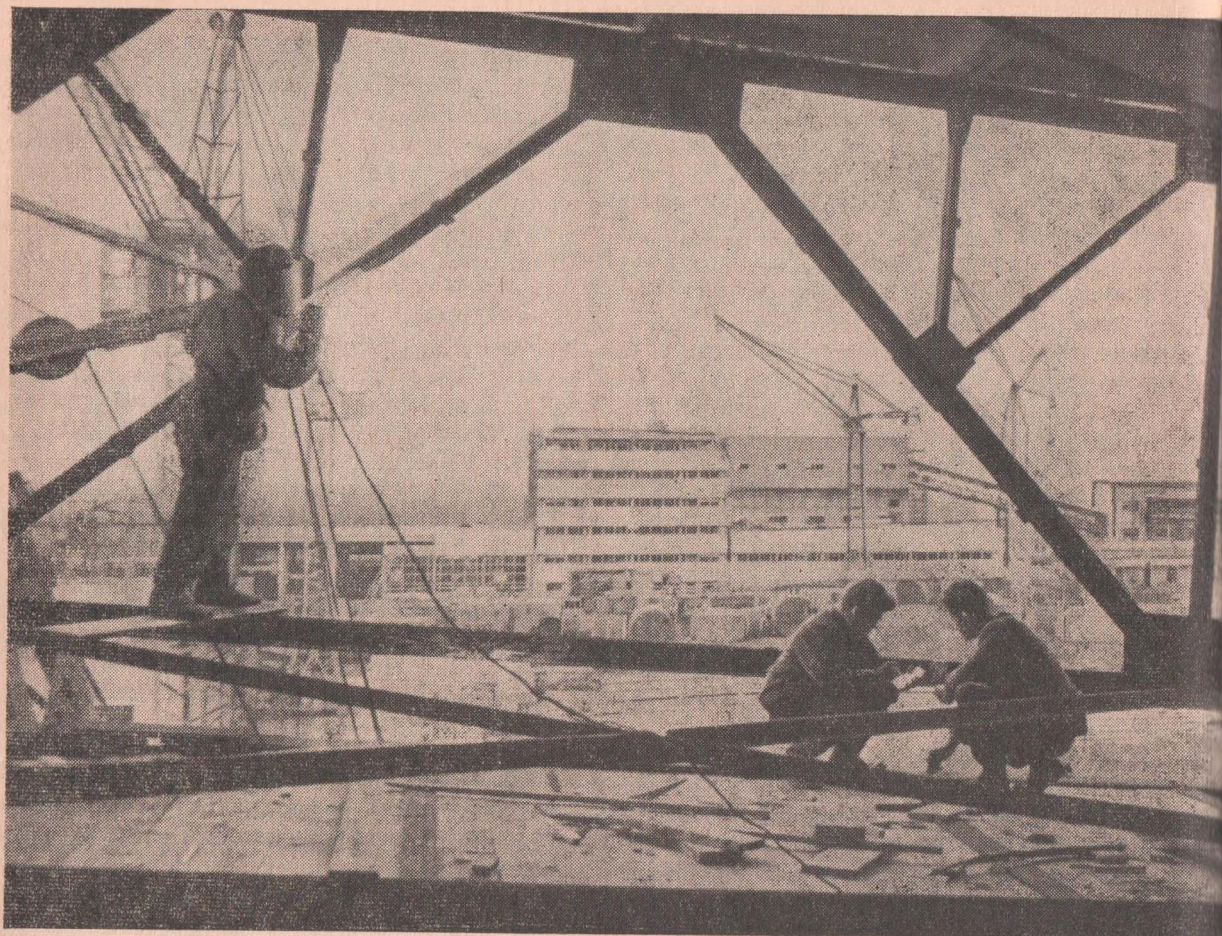
— Зря, мне кажется, вы так серьезно ругаете себя. Можно и похвалить. Я вообще не любитель рассыпать комплименты. Но то, что я здесь увидел, меня поразило. Я увидел серьезное солидное строительство. Здесь, на севере Урала, без шума и треска, в невероятно трудных условиях, вы создали опромное дело.

По приказу наркома десятки инженеров и рабочих комбината были награждены ценными подарками.

В 9 часов вечера Орджоникидзе уехал из Соликамска. Впоследствии он почти каждую неделю звонил на комбинат, интересовался ходом строительства магниевого завода, работой калийщиков.

В своих выступлениях Орджоникидзе настойчиво подчеркивал, что на химическую промышленность должно быть обращено самое серьезное внимание, — такое же внимание, каким в течение нескольких лет пользовалась черная металлургия. Химия должна быть выдвинута вперед во что бы то ни стало.

Нарком высоко ценил талант и организаторские способности директора калийного комбината. Выступая на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 12 декабря 1935 года, он назвал имя Владимира Цифриновича в числе лучших командиров советской промышленности. Когда при Наркомтяжпроме был создан Совет для решения

Строительство Второго Березниковского калийного комбината.

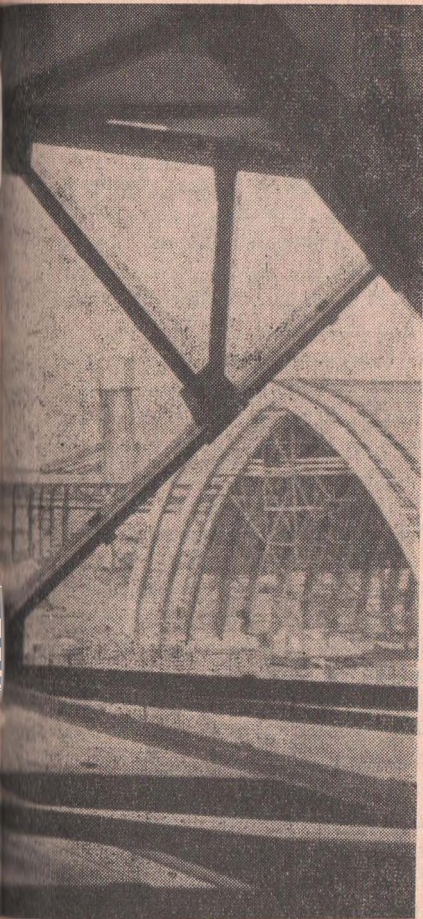
важнейших вопросов, членом этого Совета был и директор первого калийного комбината.

Калийщики поддерживали тесную связь с наркомом, делились с ним своими радостями и неудачами.

Получив первый магний, соликамцы изготовили из него макет самолета и отправили Орджоникидзе.

По примеру Стаханова

Хорошо начал свою жизнь первенец. В пусковом году было выдано на-гора миллион тонн сильвинита. Основная задача, стоявшая в то время перед коллективом комбината, заключалась в том,

чтобы как можно быстрее достигнуть проектной мощности. А сделать это без овладения техническими знаниями, без повышения общей культуры было, разумеется, невозможно. Большинство людей пришло на комбинат из деревни, многие не умели читать и писать, впервые в жизни увидели современные машины.

Широко известным становится в те годы имя комсомолки Вали Шиловой. Она в короткий срок закончила курсы ликбеза, стала одной из лучших мотористок. Примерно так же начинала свою биографию аппаратчица Вера Кузнецова и сотни других.

К апрелю 1935 года более шестисот человек выдержали государственный технический экзамен.

Но научить человека грамоте или управлять машиной это еще не все. И поэтому на комбинате началось соревнование за культуру, чистоту и порядок на рабочих местах. В цехах появились красные и черные флажки, шло наступление на грязь и беспорядок.

Калийщики старались шагать в ногу с передовыми предприятиями страны, быстро и активно подхватывали все ценные начинания. Так было и в дни, когда вся страна узнала о почине Алексея Стаханова.

...Небольшая комната секретаря парторганизации рудника заполнена до отказа. Сюда прямо со смены пришли машинисты, бурильщики, навальщики, руководители шахты и комбината. Комму не хватило стульев и скамеек, стояли у открытых дверей, в коридоре.

«...Пришел к своим товарищам и руководителям Алексей Стаханов, — читает секретарь парторганизации Попов передовую «Правды». — Его предложение просто и несложно: надо дело поставить так, чтобы машина рубала уголь действительно все 360 минут в смену. Элементарно? Да. Но этого еще нет в Донбассе. Там в шахтах машины работают 2—3 часа в смену».

— У нас тоже не намного больше, — вставил кто-то, — простаивают и конвейеры и вагоны.

Когда секретарь опустил газету, поднялся Петр Бастриков, широкоплечий мужчина с грубоватыми чертами лица, в распахнутой на груди рубашке.

— Правильно все там говорится. Как будто про нас. В шахте скрепер грузит за смену всего шестьдесят — девяносто вагонов, конвейер три-

дцать — сорок. А могут вдвое больше. У нас каждая смена полтора-два часа тратит на подготовку к работе, устраняет те недоделки, которые оставили товарищи. В это время машины и механизмы стоят. Много простоев бывает и по вине бурильщиков — дают крупную породу.

— Правильно говоришь, Петро, — поддержали Бастрикова.

— Говорить-то мы все умеем, — раздался чей-то голос из-за открытой двери. — Легче всего тыкать пальцем на прорехи. А что он предлагает?

Бастриков откашлялся, переглянулся со своим напарником Паньковым.

— Есть у нас предложение. Мы думаем, что к каждому машинисту можно прикрепить не одну камеру для обуривания, а две. И всем перестроить организацию труда...

Выступающих в этот день было много. Поделились своими планами об улучшении работы машинист скрепера Моисеев, навалыщик Гафиудинов, техник Гнеушев. Было принято обращение ко всем калийщикам.

А через несколько дней стало известно, что машинист врубовой машины Бастриков и бурильщик Паньков вырубили и отбурили 12-метровую камеру за три часа вместо семи. Смена Моисеева и Гафиудинова отгрузила 110 вагонов вместо 60.

Эта весть быстро облетела весь комбинат. Когда стахановцы поднимались из шахты, их встречали музыкой и цветами. Прямо у подъема состоялся короткий митинг.

Вскоре новаторы поделились опытом с другими шахтерами, показали на практике свои приемы работы. У Бастрикова и Панькова в каждой камере находилась врубовая машина, кабель и колонковая бурилка. Благодаря применению зубков и буров из твердых сплавов отпала необходимость менять их по несколько раз в смену. Если раньше врубовщик почти целый час помогал бурильщику, то теперь с этим справлялись гораздо быстрее.

К концу сентября по новому методу работа-

ли братья Ануфриевы, Санников, Гребешков, Косиков, Евсеенко и десятки других. Весь коллектив первого участка, возглавляемый коммунистом А. Воробьем, начал трудиться по-стахановски.

«Использовать до максимума всю технику, сделать рекорды обычной нормой» — под таким девизом стахановское движение проникало во все цехи, участки, бригады. Число стахановцев быстро увеличилось. В октябре их было 250 человек, в ноябре — 280, в декабре — 452.

— Стахановцы подсказали нам целый ряд дельных предложений, — говорил в одном из выступлений начальник шахты П. С. Леонтьев. — Раньше слесари и электрики не были заинтересованы в результатах труда забойных рабочих, так как получали зарплату повременно. Чтобы заинтересовать эту категорию работников, мы перевели их на сдельную оплату, зависящую от того, какой будет выработка механизмов. В результате сократились аварии и простои врубовых машин и конвейеров, на 27 человек уменьшился обслуживающий персонал.

До применения стахановских методов шахта отгружала 900—950 вагонеток в смену. Теперь эта цифра увеличилась до 1400—1500.

29 декабря 1935 года наркому тяжелой промышленности С. Орджоникидзе была отправлена телеграмма. «Калийный комбинат достойно выполнил годовую программу, сэкономив 5 миллионов рублей. Применяя стахановские методы, горняки перекрыли суточную проектную мощность шахты, доведя добычу до 8 тысяч тонн. Химики перерабатывают в сутки 4500 тонн руды, что также превышает проектную мощность фабрики».

Большую помощь оказали стахановцы в деле ускорения строительства магниевого завода. Замечательных успехов добилась бригада монтажников под руководством инженера В. Штаркмана. Она разработала способ сварки, который позволил увеличить коэффициент использования сварочного пласта с 0,5 до 0,75 — в то время цифра рекордная.

Подвиг продолжается

2 ноября 1935 года представитель бригады А. Шурухин выехал в Москву на Всесоюзный слет стахановцев треста Оргметалл. В своем рапорте слету, опубликованном в газете «За калий», члены передовой бригады писали: «Мы с гордостью рапортуем о наших достижениях. Вот они: тов. Пронин на сварке шва дает 36 метров, тов. Гусев — 32. Не отстают от них Трошин, Кравцов и другие. У нас нет ни одного сварщика не выполняющего заданий».

Даже в наши дни три года не показались бы большим сроком при сооружении завода подобных масштабов. А в 30-е годы основными орудиями строителей оставались лопата, кирка, мастерок. Побеждал энтузиазм, стремление довести до конца начатое дело. Люди трудились, забывая об усталости, не считаясь со временем. Нередко устраивались воскресники. В них принимали участие сотни калийщиков во главе с директором и другими руководителями комбината.

К началу 1936 года было закончено сооружение основных цехов. Одновременно с завершением монтажа оборудования шло его изучение и освоение, подбирались кадры.

9 марта главная подстанция приняла электрический ток от Березниковской ТЭЦ, а 14 марта в пять часов вечера первая ванна цеха электролиза выдала магний. Через три дня выход металла достиг проектного.

Молодой коллектив одержал еще одну крупную победу. Без помощи зарубежных фирм был получен крылатый металл, так необходимый стране.

Кстати сказать, один из пионеров создания новой отрасли промышленности Б. С. Гуляницкий после второй мировой войны познакомился с магниевыми заводами Западной Германии и Японии.

Оказалось, что молодые советские инженеры и исследователи не только не отстали от зарубежных специалистов, но кое в чем и опередили их.

Лет десять назад, когда я начинал собирать материалы для этого очерка, на Верхней Каме было два калийных комбината — Соликамский и Березниковский. Но уже составлялись проекты полной реконструкции первенца горной химии, закладывались новые мощные предприятия. И мне посчастливилось быть свидетелем трудового подвига наших современников.

Трудно начинался для строителей 1969 год. Недоставало рабочих, оборудования, нарушались планы сооружения важнейших объектов. Но березниковцы приняли обязательство ввести в эксплуатацию предприятие мощностью 3,5 миллиона тонн удобрений в год досрочно.

Тысячи людей откликнулись на призыв помочь ударной стройке. Ежедневно в отдел кадров треста № 1 приходили письма и заявления со всех концов Советского Союза. Предприятия-поставщики дали слово досрочно изготовить и отгрузить оборудование для калийного гиганта.

В те дни стало известно имя бригадира, ныне Героя Социалистического Труда, Сергея Сатушкина. Его коллектив выступил инициатором соревнования за ежедневное перевыполнение норм, за досрочную сдачу объектов с отличным качеством. И вскоре его примеру последовали все бригады стройки.

Не раз приходилось журналистам писать о трудовых победах монтажников Героя Социалистического Труда Александра Тарновского. По предложению этой бригады, оборудование устанавливалось одновременно с сооружением корпуса здания. Монтажники на 250—300% выполняли установленные нормы.

Конечно же, ни размах работ, ни уровень квалификации рабочих не идут ни в какое сравнение с 30-ми годами. Однако нынешнее поколение сохранило главные черты своих отцов — высокое

сознание гражданского долга, добросовестное отношение к делу.

Небывало быстрыми темпами развивается комбинат Уралкалий в девятой пятилетке. Досрочно введено в строй Третье рудоуправление в Березниках. 27 июня 1975 года пришла радостная весть из Соликамска: на полтора года раньше намеченного срока сдано в эксплуатацию Второе Соликамское рудоуправление. Уже сейчас мощность комбината Уралкалий более чем в 10 раз превышает производительность первенца калийной промышленности.

А неподалеку от действующих предприятий уже началось сооружение новых гигантов — Четвертого Березниковского и Новосоликамского комбинатов мощностью 7 миллионов тонн удобрений в год каждый.

Вдумайтесь в эти цифры: за четыре года выпуск минеральных удобрений увеличился почти на 75%!

Важно отметить, что это достигнуто не только за счет ввода новых производственных мощностей. Совершенствуется технология, создаются новые машины и механизмы. Так, на отработке калийных пластов сейчас применяется комбинированный способ выемки, который позволяет применять комбайновые комплексы. На некоторых рудоуправлениях горняки приблизились к поточной технологии.

Наряду с техническим перевооружением рудников совершенствуется и технология производства хлористого калия. Впервые в Советском Союзе на Первом Березниковском рудоуправлении

освоено производство крупнозернистого калия, внедрены флотомашины с кипящим слоем для флотации мелкозернистого продукта.

Новыми именами пополняется галерея передовиков соревнования. В завершающем году пятилетки добычная бригада И. Кривошекова приняла обязательство добыть за год комбайном «Урал-20 КС» не менее 250 тысяч тонн сильвинита. Эту инициативу поддержали бригады Н. Савчука, Н. Ковальчука, В. Мелентьева, В. Пашковича и других.

Центральный Комитет нашей партии, Советское правительство уделяют большое внимание развитию калийной промышленности на Западном Урале. В десятой пятилетке намечается вложить почти миллиард рублей для дальнейшего развития производства и технического перевооружения предприятий, разработаны конкретные меры по улучшению научных исследований, проектированию, выпуску современного оборудования. Предусмотрена большая программа жилищно-бытового строительства. К 1980 году Березниковско-Соликамский промышленный район должен выдавать 18 миллионов тонн калийных удобрений из 28 миллионов тонн, которые намечено производить в стране. Одновременно ЦК КПСС поставил задачу вывести за это время комбинат Уралкалий по техническому уровню производства и производительности труда на ведущее место в мире.

Подвиг на Верхней Каме, начало которому положено пятьдесят лет назад, продолжается.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

**ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО,
КУЛЬТУРА**

ВЕРА ПАНОВА

ПЕРМЬ В МОЕЙ СУДЬБЕ

•

В. ГОВЯЗИН

ПЕРМСКИЕ КНИЖНЫЕ СУВЕНИРЫ

•

Т. КЛЮЧАРЕВА

**«ПРОДЛИСЬ,
ПРОДЛИСЬ, ОЧАРОВАНИЕ»**

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА

ВЕРА ПАНОВА

ПЕРМЬ В МОЕЙ СУДЬБЕ

В пятницу 2 марта 1973 года, вечером, Вера Федоровна закончила вычитку книги воспоминаний «О моей жизни, книгах и читателях». А в шесть часов утра следующего дня Пановой не стало.

Буквально в самые последние дни своей жизни Вера Федоровна, тяжело больная, нашла в себе силы, чтобы прислать коротенькое письмо в Пермь, в книжное издательство:

«Дорогие пермяки, друзья и почти земляки мои!

Я родилась, выросла и значительную часть жизни своей прожила в Ростове-на-Дону; все послевоенные годы живу в Ленинграде, но город Пермь, где мне довелось прожить меньше двух лет, навсегда остался мне родным. И не только потому, что им, так сказать, вскормлены и пропитаны мои сочинения, но потому, как меня встретили люди этого города, начиная от работников областного издательства и до старушки уборщи-

цы Антонида Андреевны, вечная ей память, приютившей меня и мою семью в трудные годы эвакуации в своем приветливом домике на Артиллерийской улице, дом 6.

Никогда не забуду этих людей. И никогда не устану благодарить за широкую искреннюю доброту, проявленную ко мне, человеку, случайному в этом городе.

В дни, когда этот добрый, трудовой город, славный своими подвигами в деле строительства коммунизма в нашей стране, справляет свой юбилей *, я хочу числиться среди тех, для кого близки и любимы пермские улицы, прекрасная Кама, жаркое дыхание заводских труб.

В. П а н о в а ».

Книга воспоминаний Веры Пановой будет напечатана Лениздатом в 1975 году — в год 70-летия со дня ее рождения. Самая трудная пора ее жизни пришлось на войну. Для пермского читателя, естественно, наибольший интерес представляют главы, связанные с пребыванием Веры Федоровны в Перми. Они печатались в журнале «Нева» (1973, № 5) и еженедельнике «Литературная Россия» (1974, № 30, 26 июля).

Название публикуемых в сборнике материалов дано издательством.

* В. Ф. Панова имеет в виду 250-летний юбилей Перми.

Сразу после изгнания немцев из Шишак, Наташа написала письмо в Ленинград своему отцу Арсению Старосельскому. Письмо это получил сосед Арсения и написал Наташе, что ее отец был ранен на фронте и теперь вместе с дочерью Таней находится в Перми, куда и переслали Наташино письмо.

И вот пришло письмо из Перми, а в нем — оформленный по всем правилам вызов в Пермь на имя Наташи и мое.

В письме Арсений заверял, что в Перми мне будет обеспечена работа в газете, а остального я не боялась — чего мне было бояться после всего уже пережитого?

Опять были долгие сборы, опять нагружались рюкзаки, заготавливалась провизия на дорогу.

Наконец мы приехали в Пермь. Подъезжая, видели широкую ледяную Каму, прогрохотали по монументальному мосту. Снова я испытала отрадное чувство, что нечто задуманное исполнено, некая цель достигнута, всех довезла до места живыми и здоровыми, теперь надо постараться о том, чтобы насколько можно нормально устроить их — как-то это удастся?

Увы! Печально и неласково встретила нас Пермь II — обледеневшим вокзалом, морозным ветром, желтыми сосульками на вагонах, теснившихся на пути.

По деревянной лестнице, врубленной в снежный откос, мы вышли на широчайший проспект. Далеко друг против друга стояли пятиэтажные новые дома. «Это дома рабочих Мотовилихи», — объяснила встретившая нас Галя, новая жена Арсения. Я спросила, не работает ли она в Мотовилихе. Она ответила отрицательно — нет, она работает вместе с Арсением в редакции железнодорожной газеты «Сталинская путевка» корректором. А комнату в этих домах город дал ее отцу, эвакуированному вместе с нею и ее матерью из Москвы в начале войны.

Морозный ветер дул нам в лицо, мешки за нашими плечами были как каменные, сердце болело за ребят, так покорно тянувших эту тяжесть на

своих худеньких спинах. Я обрадовалась, когда мы дошли и Галя открыла перед нами дверь своей квартиры.

Недолга была радость. С первого взгляда стало ясно, что живут в этой квартире трудно и скудно. Еды не было никакой.

На другой день приехал Арсений. Я приступила к нему с расспросами и услышала подробный рассказ о сложностях тыловой жизни, о том, что у него, Арсения, от постоянного недоедания развилась дистрофия, что редактор газеты обещал мне дать работу в редакции, но я должна быть готова к тому, что этого заработка мне не хватит, так как буханка хлеба на базаре стоит сто пятьдесят — двести рублей, кило картошки — семьдесят пять, остальное соответственно.

«Что-нибудь да будет, — подумала я, — не для того же судьба провела меня через круги оккупационного ада, чтобы мои дети погибли от дистрофии».

Арсений был желто-бледен, с ввалившимися щеками. Видно было — изголодался человек.

— Что за люди у вас в редакции? — спросила я.

Он дал ответ в своем роде:

— Ребята шикарные.

Он повел меня в редакцию газеты. Я познакомилась с редактором М. Г. Гуревичем, секретаршей А. Г. Киян, художником Борисом Андреевичем Гладких, Ильей Алексеевичем Трифионовым и другими сотрудниками. По их просьбе рассказала им о моих скитаниях по оккупированной земле. Они мне понравились, а по тому, как меня слушали, поняла, что и я им понравилась.

И вернулась я к журналистской работе — в «Путевке» и в областной газете «Звезда», куда меня рекомендовал Гуревич. Выяснилось, что я ничего не потеряла из прежних журналистских навыков, моей работой были довольны.

По заданиям двух моих редакций я шла то на заводы, то в железнодорожные мастерские или в диспетчерскую, то в рабочее общежитие. Это было

мне привычно с давних времен, хотя силы были уже далеко не прежние. На трамвае ездить не приходилось — он всегда был переполнен, приближался к остановке со всех сторон увешанный людьми, пробиваться в него нужно было силой, я и не пыталась. Очень мучил меня холод, пронзительные ветры с Камы, морозы — зима опять была суровая, слишком суровая для нас, южан, а одежды наши не приспособлены были к морозам.

Вообще в первые мои пермские дни я растерялась — совершенно нечем было кормиться, и плохо бы нам пришлось, если бы не писательская организация.

В Перми жило много писателей из Ленинграда, в том числе — благодарная ему память — милейший и доброжелательнейший Михаил Эммануилович Казаков, с которым я познакомилась в Москве в дни успеха «Старой Москвы». Он представил меня своей жене Зое Александровне Никитиной, которая при этой писательской группе была чем-то вроде Литфонда — ведала ссудами, бытовым устройством и заведовала лагерем для писательских детей, основанным в деревне Черной в двух часах езды от Перми. Сами писатели жили в городе, в гостинице, которую все звали «семиэтажкой».

М. Э. Казаков встретил меня по-братски и сразу стал опекать. Он дал мне справку, что я член Союза писателей (то была ложь во спасение, но его авторитет был так велик, что никто не усомнился), я получила литфондовскую ссуду в размере тысячи рублей, и главное — все трое моих детей были приняты в детский лагерь в Черной. Лагерь состоял на особом снабжении, ребятам было обеспечено питание, кров, врачебный надзор, школа... Мы с мамой поселились по соседству с Черной, в деревушке Даньки, так что я ежедневно могла видеть детей, а они меня. Дочь Арсения Таня, сестра моей Наташи, тоже жила в лагере, а сам Арсений некоторое время работал там воспитателем.

Благодаря М. Э. Казакову нам с мамой выда-

В. Ф. Панова. Снимок военных лет. (Из личного архива пермского поэта Б. В. Шишова). Публикуется впервые.

ли продуктовые карточки, но получать по ним продукты нужно было в городе, и З. А. Никитина, спасибо ей, предложила мне сдать карточки в лагерь и получать хлеб в лагере. Это меня очень устроило — не нужно было ездить в город, хлеб мне выдавала кладовщица Александра Карловна. Вообще, много хороших людей я узнала в лагере — и Киру Николаевну Липхарт, на дочери которой впоследствии женился мой Боря, и прелестную семью Фуксов (с Витей Фуксом Боря жил в одной лагерной группе и дружил много лет),

и супругов Гор — писателя Геннадия Гора и его жену Наталью Акимовну. Все они были ко мне очень добры, со многими очень интересно было разговаривать. Особенно радовало меня то, что дети вернулись в культурную среду и смогут идти нормальной дорогой.

У Наташи возникла дельная мысль — за лето подготовиться и осенью сдать экзамен за 9-й класс, чтобы попасть в 10-й и в будущем году получить аттестат зрелости. В подготовке помогла ей писательница Е. Н. Куприянова, работавшая в Черной в качестве педагога.

В Даньках мы с мамой жили в бревенчатой избе, где было много тараканов и клопов, хозяйка не любила нас. Пожалуй, тяготилась нами.

Единственной радостью там была баня, которая хоть и топилась по-черному, но всякий раз воспринималась как счастье.

По-прежнему хуже всего было с одеждой, все изнашивалось, а взять было негде.

Через Пермское управление по делам культуры я получила некогда присужденную мне премию за «Старую Москву» — десять тысяч рублей; так появились деньги для уплаты за получаемые по карточкам продукты.

В то время я уже начинала чувствовать недомогание, сломившее меня впоследствии. Особенно по утрам при пробуждении было нехорошо с головой и с дыханием, и я понимала, что необходимо бросить курить, но не хватало воли. Я тогда вплотную занялась пьесой «Метелица», писалась она трудно, на ее протяжении надо было разместить десять равнозначных мужских ролей, это было как задача по тригонометрии.

Вдоль стены нашей комнаты стояла длинная лавка, она заменяла мне письменный стол, вместо стула был чемоданчик, на который я садилась, чернильницей была моя школьная невыливайка, но пьеса меня удовлетворяла, я чувствовала, что она говорит правду и учит хорошему. За стенкой гремела ухватом и горшками хозяйка, душенька мама иногда подходила и говорила тихо:

— Извини, я только на минутку тебя прерву.

Мне это не мешало, судьбы заключенных в нарвской синагоге слагались сцена за сценой, пьеса шла к концу.

Мы прожили уже весну и часть лета, когда как снег на голову грянуло известие: ленинградские писатели возвращаются в Ленинград, детский лагерь в Черной распускается, я должна забрать моих ребят к себе или уезжать с ними, куда хочу. Уезжать мне было некуда, и дети — Наташа, Боря, Юра и Таня — переселились в Даньки. В нашей комнатухе стало очень тесно, теснота отражалась на здоровье детей, хозяйка стала к нам еще нетерпимей, как-то вдруг выяснилось, что никакого пайка не хватит на такую семью, мои утренние приступы удушья и головокружения усилились.

Помню, было утро, когда я, вскочив от сна, не могла одеться. Я понимала, что надо преодолеть слабость, ехать в город, что если я опоздаю на поезд, то семья останется без хлеба, но пол уходил у меня из-под ног, дыхание останавливалось; только жестким усилием воли я заставила себя одеться и выйти из избы на морозный ветер.

Помню тоскливое чувство покинутости в тот день, когда все уехали и Черная опустела. Какими счастливыми казались мне уехавшие, какими лучезарными виделись мне их перспективы, как я хотела в Ленинград! Не знала я тогда, что давным-давно охладели к моей пьесе и Театр имени Моссовета, и Театр имени Пушкина, я воображала, что все эти колеса еще крутятся, что там меня дожидается интересная работа, твердый заработок, известность! Вечные розовые сны, пробуждаясь от которых, как бы сразу стукаешься головой о каменную стену. Но ведь снилось не от легкомыслия, а от того, что жизнь посулила, поманила удачей.

В неведении предстоящих жестоких разочарований я продолжала строить, как могла, наше пермское бытие. Директор радио Н. А. Волков предложил мне писать для их передач очерки и рассказы.

Я их писала, используя злободневный газетный

материал. За рассказ или очерк радио платило мне семьдесят пять рублей — рыночная цена килограмма картошки. Иногда за неделю удавалось написать два очерка.

Писала я теперь главным образом в редакции «Сталинской путевки», там же сама перепечатывала на редакционной машинке, там же по большей части и ночевала на редакционном диване; редакция стала моим домом. В Даньках жить становилось все трудней, мама и дети с трудом переносили эту жизнь, надо было с нею кончать.

Арсений познакомил меня с Людмилой Сергеевной Римской, директором областного книгоиздательства. Она предложила мне сотрудничать в областном альманахе «Прикамье», но у меня как-то ничего не придумывалось...

Тут, на мое счастье, возникло предложение бабушки Андреевны. Так звали симпатичную старушку, редакционную уборщицу. Не знаю почему она ко мне благоволила, хотя, несомненно, я доставляла ей лишние хлопоты моими ночевками в редакции и полными пепельницами окурков, скопившихся к утру.

Узнав о моем семейном положении, она сказала мне, что у нее имеется собственный домик на окраине и что, если я хочу, она готова сдать мне комнатку.

Чтобы решить этот вопрос, она повезла меня посмотреть домик. Он находился на Артиллерийской улице. Еще подходя к забору, из-за которого свешивалась черемуха, я подумала: «Хочу сюда».

Мне почему-то знакомым показался этот забор. И так же знаком был дворик, местами поросший мелкой зеленой травкой, и уютная кадушка под желобом, и деревянное крылечко, и когда-то зеленые ставни, выцветшие под солнцем, и маленькая кухня, и за нею комната с образами, фикусами и сундуком в углу.

— Вот эту комнату могу тебе сдать, — сказала Андреевна.

В тот день из Даньков приехал Юрочка — повидаться со мной. Я повезла его на Артиллерий-

скую и, заметив, как он смотрел на черемуху, дворик и комнату, спросила:

— Хочешь остаться здесь, не ехать больше в Даньки?

И даже сердце у меня сжалось — так он обрадовался, мой бедный ребенок.

Я с легким сердцем оставила его у бабушки Андреевны, а сама поехала в Даньки, чтобы привезти Борю. Он тоже был очень рад переезду из Даньков. В комнате, которую сдала мне Андреевна, была большая кровать. Андреевна определила ее для мальчиков. Таким образом, жилье для них было обеспечено, теперь надо было устроить маму и Наташу. Сама же я намеревалась ночевать на сундуке либо оставаться, как прежде, в редакции.

Реэвакуация ленинградцев и москвичей тем временем помаленьку продолжалась. Разъехались писатели, подобно мне оставшиеся в Перми после отъезда детского лагеря.

Наконец получил вызов в Ленинград и Арсений.

Л. С. Римская помогла, мама и Наташа получили комнату Арсения, мне только нужно было найти денег, чтобы прикупить хоть какой-нибудь мебелишки. Помнится, толику денег я получила от книгоиздательства благодаря опять-таки Л. С. Римской — в виде аванса под неведомо какие произведения для альманаха «Прикамье». Что же, я вскоре покрыла этот долг, и ни «Прикамье», ни издательство не понесли никакого ущерба.

Я забыла написать, что Наташин план сдать экстерном за 9-й класс удался, и в Перми она ходила уже в 10-й. Мальчиков я тоже записала в школу, и они учились нормально. Одно было плохо — из-за легкой одежды они очень зябли и часто болели. Не меньше, впрочем, зябли и мы с Наташей. В смысле питания было терпимо — мы имели карточки, бабушка Андреевна каждый день баловала нас самоваром.

Вообще, когда я слышала в то время жалобы некоторых эвакуированных, будто их плохо встретили в тылу, — меня эти жалобы возмущали; я

свидетельствую, что мне была оказана всяческая поддержка — и учреждениями, и людьми, да и другим эвакуированным тоже, когда речь шла о насущных вещах, а не о вздорных претензиях.

Весной 1944 года Наташа окончила среднюю школу. Как-то очень хорошо она написала выпускное сочинение, оно было даже цитировано в газете «Звезда». Мальчики благополучно перешли в следующие классы, я дописала «Метелицу», жизнь шла своим чередом.

Конечно, каждый день давался трудно. Например, мальчики заболели корью, а меня радио послало в командировку в Кудымкар, центр Коми-Пермяцкого округа, в составе отправляющейся туда бригады. Пришлось ехать, оставив больных ребят на попечение Андреевны и Наташи. В Кудымкаре, впрочем, было недурно, я там даже прилично заработала. Тамашнее издательство заплатило мне громадный по тем местам гонорар — две тысячи рублей за брошюру о коми-пермяцком художнике-самоучке Субботине-Пермяке. Сумма неслыханная, учитывая в особенности, что я была полным профаном в живописи. Секретарю окружка, однако, моя брошюра так понравилась, что он спросил у меня, не имею ли я к нему каких-нибудь просьб, касающихся быта, и когда я откровенно призналась, что мне очень нужны туфли, — дал мне записку на какую-то базу, и я получила пристойные кожаные туфли, каких у меня давно уже не было. В Кудымкар я по оттепели приехала в насквозь промокших худых валенках.

Я понятия не имею, читал ли кто-нибудь кроме секретаря окружка мою брошюру, но она вскоре была издана, это я знаю от кандидата филологических наук Л. А. Образовской, писавшей свою кандидатскую диссертацию о моих работах и знающей их судьбу лучше, чем я.

В общем, я вернулась из командировки с деньгами и приодетая и могла полакомить ребят вкусными вещами, купленными на базаре, а они, уплетая эти вкусные вещи, говорили с усмешкой:

— А ведь правда, мамочка хорошо пишет!

Война шла к концу, и в городах тыла началась широкая кампания по устройству эвакуированных детей, живших в детских домах, без родителей, без семьи. Редакция областной газеты «Звезда» послала меня собрать материал и написать очерк. Я увидела много печального и поучительного и, между прочим, обнаружила одну замечательную черту. Наиболее стремились получить ребенка на воспитание те люди, у которых было много детей. Помню одного милиционера и его жену, у них было трое собственных детей, жили они в коммунальной квартире, а между тем — как они добивались получить из детдома еще одного ребенка! Им отказывали, ссылаясь на неважное их устройство, а они продолжали, что называется, обивать пороги учреждений, пока не добились своего. Помню, как они вводили из детдома сиротку-девочку, держа ее за руки, как жена милиционера строила планы, как она оденет девочку (свои дети у нее были мальчики).

Все увиденное показалось мне так важно, что захотелось написать не очерк, а повесть, хотя бы совсем маленькую.

Я написала ее, эту повесть, за три недели, работая днем и ночью. Это были всего три с половиной авторских листа, но для меня это было очень много. Стало быть, я могу написать в прозе нечто более капитальное, чем очерк или газетный рассказ. Мои перспективы раздвинулись, мои надежды укрепились.

Фамилия того милиционера была Пирожков, на Урале это распространенная фамилия, и мою повесть я тогда назвала «Семья Пирожковых». С самого начала я ее готовила для альманаха «Прикамье», куда так давно приглашала меня милая Л. С. Римская. Она знала о моем замысле и приветствовала его.

Закончив повесть, я за две ночи перепечатала ее на машинке в редакции «Путевки» и понесла Римской. Она прочла ее и одобрила, пообещав напечатать в майском номере «Прикамья». И дала аванс. И просила писать еще. На радостях я в ближайшие дни написала еще большой рассказ

о старой сельской учительнице, но сама видела, что он получился плохим. И хотя он был помещен в той же книжке «Прикамья», но славы мне не принес, напротив.

«Семья Пирожковых» сразу стала жить легкой удачливой жизнью. В редакции «Звезды» устроили читку и обсуждение моей повести. Собрались работники книгоиздательства во главе с Л. С. Римской и несколько журналистов и писателей, в том числе и живший в Перми А. Ардов. Я прочла повесть, кажется, хорошо, сужу по тому, как меня слушали, некоторые даже со слезами.

...Неизъяснимую сладость доставили мне слезы и смех слушателей, и впервые я тогда ощутила, что могу внушать людям хорошие чувства.

Начались высказывания, и я услышала много добрых слов, самые сердечные и ласковые — от Римской и Ардова. Помню, он сказал, что удивлен, не ожидал... Поругали только неудачную сентиментальную концовку, я ее переделала на другой же день. Вообще почистила текст, стараясь сделать его крепче, жизненней, доходчивей. При описании детей очень помогли мне уже тогда мои наблюдения над собственными детьми, некоторые сценки я целиком списала с натуры.

Спустя годы, в Ленинграде, я вернулась к «Семье Пирожковых», и еще раз переписала ее по просьбе тогдашнего редактора альманаха «Ленинград», ныне покойного, Б. М. Лихарева. Переписывая, я поняла, что она неправильно названа, что главное драматическое лицо в ней и несомненно главный характер Евдокия, и назвала повесть ее именем. Под этим именем повесть с тех пор и переиздавалась, и на экраны вышла, и переведена на многие языки.

Эту скромную повесть я считаю подлинным дебютом в литературе, с нее я уверовала в себя и стала писать более свободно.

Как обещала Л. С. Римская, повесть была напечатана в майском выпуске «Прикамья», и вскоре в «Литературной газете» появилась рецензия, где весьма одобрялась «Семья Пирожковых» и очень был обруган (справедливо) напечатанный с

*В. Ф. Панова и Л. С. Римская. Пермь. 1947 г.
(Из личного архива Л. С. Римской). Публикуется впервые.*

нею вместе мой рассказ об учительнице. «Словно это писали разные люди», правильно отмечалось в рецензии. Я очень благодарна ее автору Е. Усевич, эта рецензия многому меня научила.

Там же, в Перми, я начала писать роман «Кружилиха». Но эта работа была прервана из-за поездки с санитарным поездом, о котором я написала впоследствии повесть «Спутники».

«Прикамье» с моими опусами вышло, если не ошибаюсь, в конце апреля 1944 года, а в мае

пермские писатели послали эту книгу в Москву, в Союз советских писателей, чтобы обратить на меня внимание москвичей. Инициатором этого доброго дела была ныне покойная Евгения Федоровна Трутнева, автор многих книг для детей.

Из Москвы написали, что просят меня, когда буду в Москве, зайти в областную комиссию Союза писателей, где намерены обсудить мою повесть «Семья Пирожковых».

И вот, высадившись в Москве после путешествия в санпоезде, я пошла в Союз. Председателя областной комиссии А. Д. Карцева не застала, но его секретарша Анна Яковлевна была в курсе дела. Я сказала ей, что не хотела бы, чтобы моя работа обсуждалась теперь, что прошу перенести обсуждение на то время, когда у меня будет готова новая повесть (я имела в виду то, что начала писать в санпоезде). Анна Яковлевна очень удивилась, но ответила, что передаст это Карцеву, и что желание мое будет уважено.

Другая же моя просьба, сугубо практическая, — достать мне билет до Перми — никак не могла быть исполнена, и я обратилась с нею в другое учреждение — Комитет по делам искусств на Неглинной.

Я не очень рассчитывала на его помощь, зная, как в те дни трудно было достать билет, но добрейший Николай Николаевич Чушкин встретил меня с величайшим радушием и сделал больше, чем я просила: дал официальную бумагу коменданту вокзала с просьбой устроить мне билет в Пермь и предложил участвовать в закрытом конкурсе на лучшую пьесу для детей.

Тут же я подписала договор и чуть ли не в тот же вечер получила деньги — так что опять возвращалась к детям и к маме с победой.

Смушал меня только срок представления пьесы на конкурс — какой-то фантастически короткий; но я была уже так крепко убеждена в своих силах, что решила об этом не думать. «Что-нибудь будет, — говорила я себе, — как-нибудь выйдет из этого затруднения».

И действительно, вернувшись в Пермь, я бы-

стро написала эту пьесу. Она называется «Девочки». Жюри конкурса отметило ее поощрительной премией, и она много лет шла в различных театрах страны.

Работа, начатая в санпоезде, решительно вытеснила из моей головы начатый ранее роман.

Закончив пьесу «Девочки», я отложила все и вплотную занялась тем, что впоследствии вышло под названием «Спутники».

Не покладая рук писала днем, а ночью думала о том, что уже написано, и о том, что еще надлежит написать. Одновременно с этим продолжала работу в газетах и на радио.

В то же приблизительно время Пермское отделение Союза писателей направило меня в Москву на пленум правления Союза. Я не была не только членом правления, я не была даже членом Союза писателей, но в Перми считали меня писателем и хотели, чтобы на пленуме был их представитель, и хотя меня смущал такой оборот событий, но я поехала.

Я исправно ходила на заседания пленума и впервые увидела там многих писателей, имена которых знала по книгам и газетам, в том числе О. Берггольц, С. Кирсанова, А. Прокофьева. Берггольц была тогда очень собою хороша — тоненькая, в черном платье, с головкой золотой, как подсолнечник. Из знакомых я встретила на пленуме Ю. Юзовского, которого помнила с ростовских времен, В. Кетлинскую. Я тогда не знала и не могла знать взаимоотношений этих людей и кое-что меня немало удивило, например то, что Прокофьев в своем выступлении бранил «Февральский дневник» Ольги Берггольц, очень нравившийся мне; по тогдашним моим понятиям поэту выступать так резко против поэта было нехорошо. Прокофьеву много хлопали, это меня огорчило. Но потом на трибуну поднялась Берггольц и, потряхнув своей подсолнечной головкой, сказала:

— Я не буду отвечать товарищу Прокофьеву, я прочту отрывок из поэмы.

И прочла кусок, начинающийся словами: «И

на Литейном был один источник», — и как про-
чала!..

Когда она произнесла последние строчки: «Год Ленинграда, год его зимы, год сталинградского единоборства», — рухнули такие аплодисменты, что казалось — сейчас обвалится потолок. Стало ясно, что победа в этом споре за Берггольц, и что, может быть, победа эта и не была бы столь явной, не выступи Прокофьев против ее поэмы.

Заседания проходили в красивом зале, обшитом резным деревом. К висячей галерейке вела узкая лестница. Я сидела на ступеньке этой лестницы. Подсел Юзовский, поговорили о Ростове. Какие-то незнакомые люди подходили, интересовались, откуда я, что написала.

Да, на пленуме было для меня интересно и приятно, но пленум кончился и я вернулась в Пермь, — на Артиллерийскую улицу к детям, на улицу Ленина в издательство.

Едучи на пленум, я взяла с собой уже узаконенную (только что) первую часть «Санитарного поезда» (так первоначально я назвала «Спутников»). Написанное, казалось мне, уже не стыдно показать людям.

В областной комиссии взяли мою рукопись и назначили день обсуждения. Вместе со мной должен был обсуждаться В. Овечкин, только что с большим успехом напечатавший в журнале «Знамя» свою повесть «С фронтовым приветом».

Кроме прозы, я дала на обсуждение две пьесы — «Старую Москву» и незаконченную «Метелицу». Меня очень обрадовало, что в числе лиц, долженствовавших участвовать в обсуждении, значилась А. Я. Бруштейн. Я думала: «Она меня защитит», — не догадываясь, что защищать будет не от кого.

Помню, с каким трепетом шла я на это обсуждение. Оно началось с драматургии. К моему удивлению, высказывавшиеся бранили мою «Старую Москву» за литературщину (только позднее я поняла, как это было справедливо), а «Метелицу» хвалили.

Кто-то сказал: «Видимо, у автора не было бу-

маги, и он на другой стороне листов «Метелицы» начал писать прозу, я прочел, это очень интересно», — так открылось обсуждение «Санитарного поезда».

Мне постепенно становилось все более неловко, когда на меня вдруг буквально хлынул град похвал. Бедная «Семья Пирожковых», хоть тоже была щедро хвалима, совершенно померкла в блеске этих похвал.

Критик Л. М. Суббоцкий, принимавший участие в обсуждении, сказал, что он покажет эту повесть (собственно, первую ее часть) редколлегии «Знамени», потом я узнала, что он был членом этой редколлегии. Он сдержал обещание — через несколько дней эта первая часть была прочитана Всеволодом Вишневским (главным редактором), Н. Тихоновым и А. Тарасенковым, заместителем Вишневого.

В областной комиссии мне сказали, чтобы я зашла в редакцию «Знамени» к Тарасенкову. Я пошла, конечно, сейчас же. Редакция представляла тогда собою ряд крохотных фанерных комнаток, похожих на птичник, где чирикали разные дамы. Они, как и Тарасенков, встретили меня отменно любезно, называя по имени-отчеству, и передали мне записку от Вишневого. Записка эта представляла собой лестную рекомендацию в Союз писателей.

Тарасенков тоже очень лестно отозвался о моем «Санитарном поезде», но сказал, что дал прочесть рукопись еще одному человеку, вкусу которого доверяет абсолютно. Он назвал имя Софьи Дмитриевны Разумовской, дал ее телефон и просил нынче же вечером ей позвонить.

Я позвонила и услышала милый щебечущий голос, говоривший самые приятные слова.

На мой вопрос о договоре с журналом Софья Дмитриевна ответила, что считает это дело безусловным решением, и что она будет моим редактором.

Действительно, все пошло на первых порах, как по маслу. Со мной подписали договор, выдали аванс, я побывала у Н. С. Тихонова и приняла

его совет дать повести другое, менее скучное название, только еще не могла придумать, какое.

Оставалось возвращаться в Пермь и заканчивать повесть, ее надлежало сдать в октябре уже целиком, до последней точки.

Заканчивала я повесть возле кипящего самовара бабушки Андреевны и на редакционных столах в «Сталинской путевке». Мне и хотелось скорее закончить эту работу, и жутко было — вдруг она окажется плохой и никто ее не напечатает. Хотя сознаюсь по совести — то, что я писала, мне нравилось. А я уже догадывалась, что если писателю нравится написанное, то понравится оно и читателям. Наоборот — то, что сам автор признает не интересным, читателю ни за что не понравится, более того: автор не имеет нравственного права предлагать читателям то, что не нравится ему, автору.

Начиная со «Спутников», еще в разгаре работы я сокращала рукопись, без жалости выбрасывая целые куски, если они казались мне неудачными. Выбрасывала из рукописи, после перепечатки, из машинописного текста, потом при правке корректур. Такие сокращения я считаю весьма плодотворными, без них, мне кажется, просто нельзя. То, что остается после этих вымарываний, и есть наилучший первоначальный вариант.

Писала я «Спутники» в общей сложности около восьми месяцев, одновременно продолжая работать в газетах и на радио. Ни одна моя книга не писалась так счастливо и легко.

В начале октября 1945 года я поставила в рукописи последнюю точку и поехала в Москву сдавать повесть «Знамени».

С волнением входила я в знакомые фанерные коробочки, где помещалась редакция. Все мои знакомые были на своих местах и встретили меня еще приветливее, чем прежде, — видимо, то, что работа сделана к сроку, повысило симпатию и доверие к безвестному автору. А. К. Тарасенков так и начал свою внутреннюю рецензию: «Мы не ошиблись, поверив, что повесть будет хорошая». Конечно, у редакции нашлись и замечания, и требования к рукописи. Моим редактором была милая Софья Дмитриевна Разумовская, с которой с тех пор я и связана дружбой. Дружба, правда, родилась не сразу. Сперва мы несколько раз подолгу сидели с Софьей Дмитриевной в ее крошечной уютной квартирке в Дмитровском переулке. Ее работа была очень своеобразна и очень полезна для начинающего автора. Она показывала на какой-нибудь эпитет и говорила: «не так» или «невкусно», и, как ни странно, я тотчас ее понимала. Иногда кончик ее карандаша указывал на мои языковые промахи, это тоже было очень для

А. Георгиев КНИГА СО ШТАМПОМ «РЕДКОСТЬ» ●

Среди книг и бумаг семейного архива жителя Березников Г. Мельникова, переданных его вдовой Л. Волковой в местный краеведческий музей, обнаружен редкий экземпляр седьмой книжки «Полярной звезды», отпечатанный в 1862 году в Лондоне. На титульной странице журнала латиничный штамп: «Редкость».

Впрочем, и без этого указания редкость книги не подлежит сомнению. Дело в том, что на некоторых ее страницах сохранился

оттиск еще одной старой печати, выполненной в форме эллипса: «Библиотека и архив Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Вот этот второй оттиск и делает книгу редкой вдвойне. Он говорит о том, что она когда-то входила в знаменитую зарубежную библиотеку русских революционеров, основанную ими в Женеве в трудные годы эмиграции. Книгами ее пользовался

меня важно, ведь я говорила (значит, сплошь да рядом и писала) на южном жаргоне, кишевшем неправильностями.

Больше двадцати пяти лет прошло с тех пор. Но до сих пор я благодарна судьбе за то, что она тогда взяла меня и бросила в тот санитарный поезд, а потом свела с товарищами из журнала «Знамя».

«Спутники» были напечатаны в 1946 году. С ними пришел ко мне большой литературный успех и начался новый период моей жизни, связанный с непрестанной, не прекращающейся ни на один день, напряженной литературной работой в различных жанрах. Но это уже материал для другой книги.

Война шла к концу, и одним из первых знаков возрождения прежней жизни стало мороженое. О том, что скоро опять начнут продавать мороженое, в Перми заговорили задолго до того, как это произошло. Почему этот суровый морозный город так любил мороженое, не знаю, но была свидетельницей незабываемой сцены.

Трамвайчик, в котором я приехала, был покрыт снежной крышей, окна обледенели: мороз был сорокаградусный. Заиндевел камень домов, у прохожих изо рта клубились облака. Неподалеку

от редакции областной газеты «Звезда» стояла женщина в белой куртке поверх стеганого ватника, к животу она прижимала короб, на коробе было написано «Мороженое».

Постовой милиционер на перекрестке мелко перебирал ногами, будто собирался пуститься в бег, — видать, промерз здорово. Посеменив ногами в новеньких блестящих сапогах, он покинул свой пост и твердо зашагал к женщине с корытом...

Он стоял и ел мороженое, а за ним уже выстраивалась очередь из отважных пермяков, любящих мороженое, и все это было знаком возрождения, знаком, что война и в самом деле близится к концу, раз уж снова продают любезное лакомство — мороженое... Раз уж снова появился в вольной продаже такой доступный товар — не надо пятирублевок, не надо трешек — побренчал мелочью в кармане, заплатил безделицу и наслаждался себе на здоровье, стоя на сорокаградусном морозе под свинцовым ветром, несущимся с ледяной Камы.

Весной 1947 года в Комарове, под Ленинградом, я вплотную принялась за «Кружилиху», начатую еще в Перми до поездки в санпоезде.

Рано утром я выносила столик в сад и писала, пока не немела рука. Там, в саду, была написана большая часть романа, правда, беспорядочно, это была просто стопка отдельных эпизодов. Пермь уже стала затушевываться в воспоминаниях, мне захотелось еще раз повидать ее заводы, людей, улицы, я решила поехать туда...

И вот я опять была в Перми, в милых местах, столько мне давших. На этот раз я одна жила в гостинице-семизатке, в приличном номере, где был даже телефон. Сев на пол, я взяла рукопись «Кружилихи» и стала раскладывать ее, как пасьянс. Из кусочков складывала главы, тут же заполняла пробелы. Заметила, что часто при ином расположении кусочков, при иных стыках между ними возникают новые, неожиданные интонации, усиливается впечатление.

Узнав о моей новой работе, мои друзья журна-

● КНИГА СО ШТАМПОМ «РЕДКОСТЬ» А. Георгиев

В. И. Ленин. Библиотека просуществовала за границей с 1904 по 1917 год.

Как попала книга на Урал?

— Пока что не установлено, — ответил научный сотрудник Березниковского музея И. Коновалов. — Известно лишь, что в годы минувшей войны Мельников был военным корреспондентом и политработником. Не исключена возможность, что редкая книга была привезена им из-за границы в 1945 году.

листы и литераторы выразили желание послушать ее. Я прочла им несколько глав, и они одобрили их.

С заводов приходили ко мне люди, рассказывали много интересного, что пригодилось при описании Кружилихи. Я с утра до вечера ходила по городу, впитывая его пейзажи, заходя в разные места, которых я раньше не знала. В Ленинград я вернулась в августе.

В романе «Кружилиха» среди многих действующих лиц есть целая группа мальчиков, работающих на производстве.

Впервые я увидела этих мальчиков в железнодорожных мастерских, куда редакция газеты направила меня за материалом для очерка. Я знала, что ушедших на фронт бойцов заменили на производстве женщины и дети нашей подлинно богатырской Родины, знала, что даже на заводе, изготовлявшем в то время мины, есть юные рабочие, что они не только бесстрашно делают мины, но и возят их по претрудной дороге, пренебрегая опасностью для жизни, так же мужественно, как пренебрегали ею советские воины на фронтах, лицом к лицу с фашистскими такками, под ливнем осколков и пуль.

Все это мы, люди тыла, знали, но тут, в железнодорожных мастерских, я впервые воочию увидела эти худенькие лица, эту мужскую деловую сосредоточенность за работой, эти детские руки в копоты и масле, держащие инструменты. А тут еще мастер, водивший меня от станка к станку, рассказал мне о том, как этим ребятам, его ученикам, попалась откуда-то однажды книга А. Дюма «Граф Монте-Кристо», как они ее читали по очереди, устанавливая очередь жеребьевкой, и до того увлеклись и отвлеклись, что стала страдать трудовая дисциплина и он, мастер Корольков, отобрал у них книгу. И как-то сразу я приняла решение: обязательно ввести в роман «Кружилиха» таких вот юных патриотов и этот эпизод с книгой, и даже родились слова «дети

завода», ставшие затем названием одной из глав «Кружилихи». А впоследствии этот мотив юношеского героизма прозвучал и в рассказе моем «Володя», написанном в 1959 году, и в рассказе «Валя», где героиня занимает рабочее место матери, убитой в первый год Великой Отечественной войны гитлеровской бомбой, и в фильме «Вступление», сделанном режиссером Игорем Таланкиным по этим рассказам.

В процессе доработки романа в круг «детей завода» вошли Костя Бережков и передовая юная работница Лидочка. Первого, талантливого рационализатора я нашла на заводе металлозаготовок, а вторую — на заводе, который изготовлял мины; она там работала на конвейере и давала высочайшие производственные показатели, за которые была награждена, кроме всеобщих восторженных похвал, орденом «Знак Почета». Именно по ордену я отличила эту белокурую девочку с длинными локонами, в нарядном светлом платице. Отличив, стала о ней расспрашивать. К моему удивлению, отзывы о ней были на редкость противоречивы. Одни ей удивлялись, расхваливали, превознося чуть не до небес, другие же, оставляя без внимания и грамоты, и орден, говорили об ее эгоизме, черствости, пренебрежении к людям, работающим хуже, чем она. Из всех этих пылких устных характеристик я и складывала характер Лидочки, за который меня так сурово осудили критики по выходе романа в свет (он был напечатан в журнале «Знамя» в 1947 году).

Критики утверждали, что передовой рабочий не может быть черствым эгоистом, и, наоборот, эгоист не может быть передовым рабочим. В Лидочкином случае это еще сложнее, так как черты черствости и даже жестокости она вносит и в свои отношения с обожающим ее хорошим молодым человеком Сашей. Тут мне нечего ответить товарищам критикам, кроме того, что я думаю о моральном существе человека иначе, менее односложно, о чем впоследствии высказалась совершенно откровенно в моей исторической повести

«Кто умирает?». И что именно такую Лидочку обрисовали мне в свое время люди из ее коллектива в том живом горячем разговоре, который состоялся тогда у конвейера.

Так как критики подмечают все, такая уж их специальность, то не обошли они своим вниманием и Костю Бережкова, зарабатывавшего своими рацпредложениями девятнадцать тысяч рублей за один месяц. Критикам почудилось, будто я таким образом во главе рационализаторского дела ставлю личный заработок рационализатора, а я только описала факт, о котором мне рассказали на заводе металлозаготовок. И видела этого парня, небольшого ростом физкультурного юношу с обыкновенными чертами лица и обыкновенной русской прядью, спускавшейся на высокий славный лоб.

Рассказываю об этом так подробно для того, чтобы показать, как складывался этот мой роман — факт к факту, лицо к лицу, так дети складывают картинки из кубиков. Позднее, когда я впервые ознакомилась с произведениями прекрасного немецкого писателя Томаса Манна, я заметила, что таким же способом созданы почти все его романы. Этот способ мне понравился, он дает возможность описывать жизнь во всех ее проявлениях, и с тех пор я все свои вещи, даже совсем маленькие, стала складывать именно так.

Так написана «Кружилиха» не только в целом, но и в большинстве действующих лиц. Я точно знаю, например, как зародился бывший кулак Мартьянов. Я проходила вблизи от железнодорожного полотна между станциями Пермь I и Пермь II и увидела каких-то невзрачных людей, сидевших на рельсах. А затем на заводе мне показали пожилого рабочего и сказали, что он бывший кулак, приехавший в Пермь в 1929 году, с тех пор работает на заводе и совершенно переродился: дисциплинирован и трудолюбив, дружит со старыми кадровыми рабочими и хвалит Советскую власть. При всем том в разговоре он оказался любителем острого словца, веселого поворота, дельности и всякого здравого смысла. Его

речь, манеру говорить я почти буквально перенимала от него самого. А старый рабочий в романе уже был: старик Веденеев, и я этих двух стариков подружила, и в картинку лег еще один кубик.

Самым трудным персонажем оказалась для меня Нонна Сергеевна, инженер-конструктор, понадобившаяся мне, так как я и сама не очень люблю романы без женщины, без любви. Эта Нонна бесконечно ускользала от меня. Я не любила техники и не интересовалась ею, а все мои обращения к многочисленным молодым женщинам-конструкторам, при всей интересности сопровождающих эти обращения разговоров, ничего для романа не давали. Именно в поисках этой Нонны (имя было сочинено заранее) я в 1947 году снова поехала в Пермь — возобновить поиски, глядеть и слушать еще и еще. И я нашла! С машинозавода имени Дзержинского ко мне в гостиничный номер пришла милая молодая женщина, очень красивая, с теми чертами лица, которые Тургенев в «Вешних водах» придал своей Джемме. И вот после стольких моих бесплодных исканий эта женщина вдруг села на гостиничную койку, накрытую безобразным шершавым одеялом, и, с первых слов поняв, чего мне от нее надо, удивительно просто и понятно рассказала, как после института пошла работать к главному конструктору завода, человеку знаменитому и избалованному вниманием. Как у нее на работе складывались отношения с начальством и с товарищами, как она чуть не вышла замуж за молодого художника из рабочей семьи, какое разочарование и стыд испытала, когда ее первая работа не была принята рабочими, словом, все то, из чего я сложила биографию моей Нонны. Не помню фамилии этой милой женщины, посетившей меня по просьбе моих знакомых, знающих о моей задаче. Помню только ее наружность, и как легко и непринужденно сидела она на койке, сложив руки на согнутом колене, и как доступен для меня, невежды, был ее рассказ о технике ее работы, да еще помню, что звали ее отнюдь не Нонной, как-то

совсем иначе, но имя Нонны, часто повторяющееся в романе, стало уже таким привычным, что я не нашла возможности окрестить мою героиню как-либо иначе. Так она и осталась Нонной и для читателей, и для меня. И даже тогдашний редактор «Знамени» Вишневский, прочитав мою рукопись и говоря со мной о ее героях, сказал о Нонне так:

— Это ваша Нонна — такая типичная русская интеллигентка, такой бодрящий вихрь — ух! Неудивительно, что она нравится матери Листопада, это ведь по существу тот же вихревой характер, о котором сказано: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Должна сознаться откровенно, что из читателей моя Нонна мало кому понравилась, ее гораздо больше ругали, чем одобряли, в письмах ко мне бранили ее за гордость, неуживчивость, почему-то за нечуткость — неужели из-за того, что она не приняла ухаживаний ничтожного Грушевого! Но к грушевым не склоняются гордые вихревые характеры. Той, что может на скаку остановить коня, не по пути с Грушевым.

А мне моя Нонна нравилась, я чувствовала в ней большую притягательную силу.

Незадолго до опубликования «Кружилихи» я пришла по делу в издательство «Советский писатель», мне навстречу из директорского кабинета вышел Борис Горбатов, восклицая: «Говорят,

вы написали роман с очень интересными женскими характерами!»

А когда все это к концу лета 1947 года было написано и сгруппировано, и уже был найден последний кубик — поездка Листопада в машине вокруг города и метель, и найдена последняя победная фраза Мирзоева: «Приехали, Александр Игнатьевич», я по старой своей привычке разложила на полу стопки исписанных листов и в последний раз стала исправлять рукопись. На этот раз задача была поставлена мною такая: перетасовать эти куски и кусочки романа таким образом, чтобы добиться как можно большего эффекта от столкновений разных кусочков и целых глав. Помнится, три или четыре дня я просидела за этим занятием, очень меня увлекшим.

Заново склеила мозаиковые частички в главах о приключениях Мирзоева в день его встречи с воскресшим комбатом, о потере Уздечкиным казенных денег. Нашла новую концовку для ночного разговора стариков Веденева и Мартыанова. Придумала рассказ о том, как Толька уходит из семьи, поставила в конце главы «Любовь». Я делала это, и мне эта новая конструкция нравилась.

...Все мы много пишем, братья-писатели. Немногих можно назвать ленивыми. Но из написанного следует публиковать, думается мне, лишь то, относительно чего ты уверен, что хоть несколькими людям оно принесет радость...

В. ГОВЯЗИН

*начальник производственного отдела
Пермской книжной типографии № 2.*

ПЕРМСКИЕ КНИЖНЫЕ СУВЕНИРЫ

Все началось в те памятные дни, когда страна готовилась к 50-летию юбилею Великого Октября. В производственных коллективах и на предприятиях горячо и заинтересованно обсуждали, как лучше встретить знаменательное событие: люди стремились не просто выполнить или перевыполнить план, но придумать и изготовить что-то новое, памятное, достойное великой даты.

Именно тогда у работников книжного издательства и типографии родилась идея о книжных сувенирах.

...В один из зимних дней 1967 года в типогра-

фию прибежала взволнованная и возбужденная Маргарита Вениаминовна Тарасова — старший художественный редактор издательства. Глядя на нее, нетрудно было догадаться, что она опять задумала что-то интересное.

Тарасова вообще человек беспокойный, ищущий. Задора, изобретательности у нее хоть отбавляй. Везде-то ей нужно: поговорить с наборщиками и переплетчиками, посмотреть, какие краски есть в типографии, какой расцветки ткань на переплеты.

— Не пойму, в каком она цехе у нас работает, — спрашивал как-то вахтер про Тарасову.

Нередко бывало так, что рабочий день Маргарита Вениаминовна начинала не в издательстве, а в типографии. Откровенно говоря, в другой раз бывало и не до нее, но все равно ее встречали тепло, радушно.

Так было и в тот день, когда Маргарита Тарасова пришла в типографию с мыслью выпустить книжку И. В. Зырянова «Уральские частушки о любви».

— Она у нас будет необычная, вот такая, — с искорками в глазах говорила художница, рисуя в воздухе маленькое оконце.

Понятно, что этому краткому сообщению предшествовала большая творческая работа в издательстве. Редакторы и художники десятки раз обсуждали размеры будущей книги, ее оформление, говорили о бумаге и материалах, о технологии. И наконец, когда редактор Альмира Георгиевна Зебзеева, технический редактор Тамара Васильевна Дольская и другие товарищи, причастные к созданию книги, одобрили ее проект, за работу взялись полиграфисты.

На открытом партийном собрании работники типографии сошлись на одном: уж сделать так сделать, чтоб книжка стала именно подарочной, сувенирной.

— Эта книга будет для нас экзаменом, — закончил тогда свое выступление директор типографии Иван Иванович Петрищев.

Работа началась.

— Набирать у нас будет Петрова, — единодушно решили наборщики. К тому времени Алевтина Григорьевна уже имела десятилетний стаж работы на строкоотливной наборной машине. После набора Петровой, как правило, можно сразу верстать, не читая, потому что на сделанных ею оттисках почти не бывает никакой правки, и корректору остается только поставить свою подпись.

Но на этот раз заказ был очень серьезный, править надо, но править опять нечего. На всякий случай сходили в корректорскую, спросили: может, гранки случайно не читаны? Нет, прочитаны, но текст набран так внимательно и квалифицированно, что корректор снова ограничился лишь одной подписью. В очень сложном мелком тексте наборщица не сделала ни одной ошибки.

Итак, можно верстать, то есть составлять книжку постранично. Перед началом верстки в наборном цехе встретились опытная наборщица-верстальщица Зоя Ивановна Акинфиева и технический редактор издательства. Обсудили все подробно. Основная сложность была в том, что это был не простой текст, а частушки, куплет от куплета отделялся звездочкой. Надо, чтобы верстка была приводной, из строки в строку, чтоб, глядя на просвет, совпадали звездочки и колонцифры (номера страниц). А какое тут совпадение, когда в одной частушке четыре, а в другой пять строк? Опять советы с техническим редактором.

Наконец, сверстали, сделали оттиск — пока примитивно, на обычной бумаге. Началась читка. Работали все: редактор, корректор, художники. Автор-составитель Иван Васильевич Зырянов, что называется, прописался в издательстве. Сократить или добавить строчки, переместить текст — как тут без автора?!

Будущую книгу в издательстве подписали к печати и отослали в типографию. Наступил завершающий этап работы над книгой — отпечатка тиража. Текст поручили отпечатать Нине Алексеевой, Вере Никитиной и Ире Мегаляинских, а красочную суперобложку — Александре Калашниковой. Кое-кто из них начал сомневаться в своих

силах, в успехе предстоящего дела. Однако начальник цеха Раиса Андреевна Денисова тут же пресекла все сомнения и категорически сказала:

— Кандидатуры утверждены, изменений не будет. Ваши имена уже занесены в выходные сведения книги, рядом с редактором и художником.

Подписной, потрепанный экземпляр пошел по рукам. И правда, все перечислены: печатники, наборщики, переплетчики. Все поименно прописаны. Не было еще такого в нашей типографии, чтоб печатника рядом с художником прославляли. Почетно и в то же время ко многому обязывает!

Инженерно-технические работники типографии долго подбирали бумагу. Нужна бумага тонкая, из толстой и книга будет толще, а при маленьком формате это нарушит общую форму. Кроме того, бумага должна быть отменной белизны и прочной на разрыв: издание не сезонное, делается на долгие годы.

Наконец бумагу подыскали. И бела и прочна — что надо. Но не зря говорят, что каждая бумага требует к себе особого подхода. Вот и тогда. Попробовали печатать — что такое? Оттиск тусклый, серый. Пришлось добавить еще другой краски — оттиск сразу изменился, стал плотный, насыщенный. Печать пошла.

На переплетчиков в типографии иногда смотрят так: дескать, работаете на всем готовом. Все уже набрано, отпечатано, сфальцовано, картон и материалы нарезаны. Чего же проще — возьми и делай переплет из всего готовенького. Но здесь другое дело. Изготовить такие маленькие крышки, да еще из кожи — все равно, что блоху подковать. Но трудность не только в этом. В Перми никто и никогда такие издания не делал, не только поучиться — спросить не у кого. Бывает, по другим книгам возникают вопросы, но выясняются они просто: загляни в технологические инструкции, там и ответ найдешь. А про такие малютки инструкции еще не написаны, ни приспособлений для них нет, ни оборудования. Одна надежда — мастерство и трудолюбие рабочих.

Первые операции у переплетчиков прошли благополучно. А стали подрезать — не получается. Книжка мала, подающая стенка (затло) не подталкивает книжный блок до ножа, и он опускается мимо, не обрезая поля. Опять стали думать, опять приспособливаться. Конструкторскую недоработку исправили на месте. Пошло дело. Все-таки смастерили блохе кафтан!

И вот наконец сувенирная книжка готова! Оценку творческому труду двух коллективов — издателей и полиграфистов — дала Междуна-

родная выставка книги, проходившая летом 1967 года в Москве. «Уральские частушки о любви» были награждены поощрительным дипломом. Это была победа!

Почти одновременно с «Уральскими частушками о любви» полиграфисты приступили к другому сувенирному изданию — книге стихов нашего земляка Василия Каменского. Во время работы над ней возникли новые трудности: формат-то в два раза меньше книжки Зырянова! Размеры первой были 65×120 миллиметров, а вторая — всего 45×50.

Если спросить любого работника издательства или типографии, кто вложил в эту миниатюрную книжку максимум творческого труда, то можно услышать один ответ:

— Художник издательства Владимир Вагин.

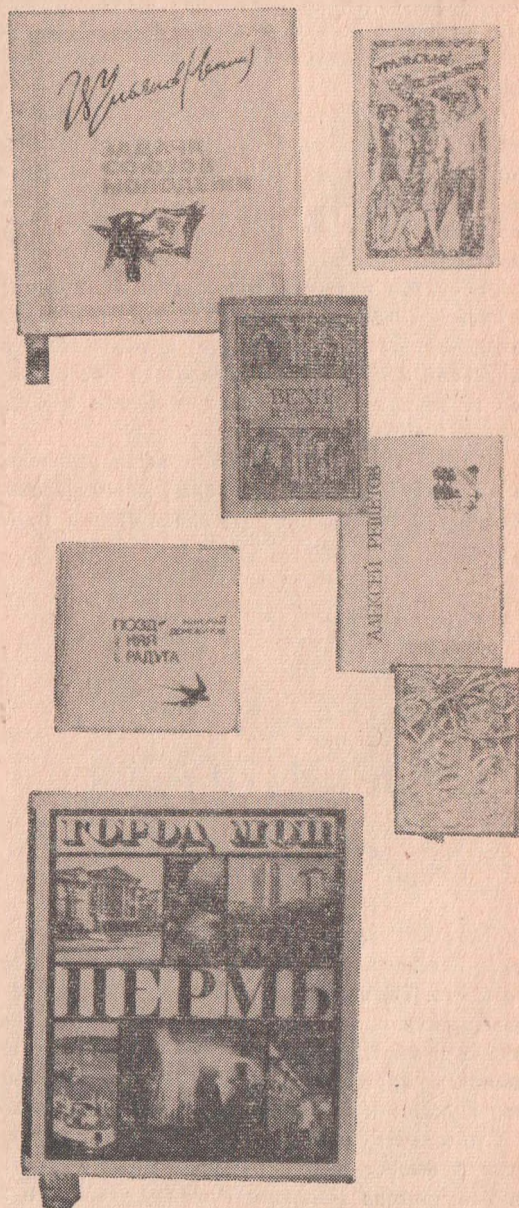
Это ему принадлежат конструктивная часть и все рисунки, так живо и ярко сочетающие эпоху стиха с современностью. Посмотрите на рисунки и все детали оформления внимательней и вы скажете, что они соответствуют только стихам Каменского! Так выразительно и тонко средствами графики сумел художник передать идейную направленность произведений.

Этот пермский книжный сувенир был удостоен Диплома первой степени на Всесоюзном конкурсе искусства книги. Красовалось это издание и на Международной выставке в Монреале.

Что и говорить, над следующими сувенирными изданиями работалось уже легче и увереннее. Хотя небольшой, но опыт уже был.

Высокую оценку получила книга В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти». Этот сувенир был изготовлен в Перми по заказу московского издательства «Советская Россия».

А потом что ни квартал, то новый сувенир. Одна за другой рождаются книги И. В. Зырянова «Чердынская свадьба» и «Уральская величальная» в оформлении М. Тарасовой. К двадцатипятилетию Победы читатели получили отличный подарок — миниатюрный сборник стихов «Голос мужества» (составитель И. Лепин), а к столетию

со дня рождения В. И. Ленина вышла подарочным изданием речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола «Задачи союзов молодежи».

Скажите, приходилось ли вам когда-нибудь держать в руках такой сборник стихов о матери, какой вышел в свет в Перми в 1972 году, — маленькая по формату, в добротном оформлении и полиграфическом исполнении книжка «Стихи о матери» (составитель И. Лепин).

Работники книжной типографии № 2 помогли и своим соседям — свердловчанам. По просьбе Средне-Уральского книжного издательства они выпустили к 250-летию Свердловска две сувенирные книжки малого формата — «Стихи о Свердловске» и «Вехи истории».

К 250-летию Перми в типографии издательства «Звезда» была отпечатана многокрасочная, объемистая и большая по формату книга В. Ми-

хайлюка «Город мой Пермь» — подарок жителям города к юбилею.

В 1973 году вышел самый маленький пермский сувенир — книжка с афоризмами Козьмы Пруtkова. Она напечатана на тонкой бумаге и на вид кажется не толще спичечной коробки. А ведь в ней 400 страниц! Знаменательно и то, что во всей книге нет ни одной наборной строчки, ни одной типографской буквы. Все нарисовано рукой талантливого художника В. Вагина. Вместе с полиграфистами, художниками и издателями над этим сувениром мастерски потрудились и... работники предприятий Перми и Татарии. Фугляр из прозрачного полистирола и лупа — это дело их умелых рук.

Создан не один десяток книжных сувениров. Впереди у издателей и полиграфистов работа над новыми книгами.

Т. КЛЮЧАРЕВА

«ПРОДЛИСЬ, ПРОДЛИСЬ, ОЧАРОВАНИЕ»

Многочисленные легенды о ней родились сразу после Всесоюзного конкурса, где она заняла первое место. Те, кому посчастливилось видеть ее на сцене, рассказывали не только о феноменальных данных и мастерстве юной танцовщицы. Они восхищались артистизмом, удивительной свободой, искренностью и обаянием школьницы из Перми.

Существует поверье, что любовь с первого взгляда бывает самой сильной. Именно так полюбили зрители Надежду Павлову — сразу и навсегда. Абсолютная естественность и одухотво-

ренность ее танца трогают сердце, и люди бесконечно благодарны ей за это прикосновение прекрасного.

Талант Павловой признали все — и авторитетные мастера балета, и самые непосвященные зрители, которые впервые встретились с искусством танца. В газетах и журналах появились десятки статей, авторы которых делились своими впечатлениями, размышляли о дальнейшей судьбе Павловой в искусстве, пытались анализировать природу ее таланта.

Известный педагог и балетмейстер, руководитель кафедры хореографии Ленинградской консерватории заслуженный деятель искусств РСФСР П. Гусев писал: «Трудно рассказать ее танец, надо видеть Павлову на сцене, чтобы понять ее неотразимое обаяние, очарование неподдельной

*Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна...*

скромности, застенчивости и одновременно эмоциональности. Вот воистину «душой исполненный полет». Ей в танце все доступно — и образ, и техническая виртуозность, и разнообразие стилей. ...Павлова создана для танца, и танец для нее — естественная форма существования. Удивительное явление».

«У ее танца — легкое дыхание», гибкая свободная линия. И в этой линии — некое таинство. Когда видишь Павлову на сцене, искусство классической хореографии кажется простым, несложным», — отмечала на страницах «Советской культуры» обозреватель Н. Аркина.

Один из ведущих балетных критиков заслуженный артист РСФСР Б. Львов-Анохин, увидев Павлову в «Коппелии», делится ощущением «редкой радости», которую он испытал на этом спектакле. «Талант Павловой сказывается в том, что почти все кажется у нее неожиданным, только что тут же рожденным, свежим и непосредственным. Даже давно известные, издавна «узаконенные» и установленные канонические движения, позы, положения рук, повороты головы и корпуса звучат у нее не заученно, а неожиданно, как бы «внезапно», словно она не выучила их на репетиции в классе, а сделала, повинаясь внутреннему импульсу.

Павлова... чувствует себя в стихии классического танца так же естественно, как птица в воздухе. Ее прыжки, когда она повисает, расплывается в воздухе в позе «шпагата», ее неправдоподобно большой шаг, изящество ее пируэтов, ажурный рисунок арабесков — все это поражает, почти ошеломляет, невольно спрашиваешь себя: неужели все это может быть, неужели это «на самом деле»...

И вот Павлова уже не ученица, а солистка Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского. Ее выступления в спектаклях текущего репертуара вызывают огромный интерес зрителей и пристальное внимание критиков и хореографов. Сванильда и Жизель, Китри и Джульетта — образы очень непо-

хожие, сложные, и в то же время дающие исполнителю возможность всесторонне высказать себя. Павлова танцует эти партии неодинаково: что-то в ее трактовке того или иного образа принимается безоговорочно, что-то рождает споры, над чем-то еще нужно поработать. Однако восторженные отзывы о ее таланте остаются неизменными. Список этих отзывов можно было бы продолжать бесконечно. Но одну характерную деталь хочется выделить особо.

Надежду Павлову сразу стали называть балериной. Нет, рецензенты не забывали о том, что ей многому еще предстоит научиться, многое постигнуть и осмыслить. Но все они отмечали пусть интуитивную, пока не вполне осознанную, но ярко выраженную одухотворенность и содержательность ее танца.

Балет, как и поэзия, лаконичен. Это искусство образное, символичное, оно призвано будить больше мыслей, чем заключено в его танцевальной речи. Танец Павловой заставляет размышлять, так как он никогда не бывает пустой демонстрацией технических возможностей.

И в этом заслуга не только балерины. Здесь надо отдать должное педагогам Пермского хореографического училища и прежде всего Людмиле Павловне Сахаровой, и по сей день продолжающей работать с Надеей. Кто-то из критиков заметил, что не каждому повезет иметь такого преподавателя, как Сахарова, которая владеет всеми тайнами профессии и главное — умеет передать их своим ученикам.

Недавний триумф Павловой и Ченчиковой принес пермскому балету и училищу широчайшую известность. Их победа закономерна, это не счастливый случай, выпавший на долю училища. Вспомним: до этого его воспитанники успешно выступали на международных и всесоюзных конкурсах и фестивалях, на гастролях. Пермская школа балета стала одним из ведущих звеньев хореографического искусства, ее выпускники — надежное пополнение многих театров страны.

Училище тесно связано с Пермским академи-

ческим театром оперы и балета имени П. И. Чайковского. Учащиеся выступают вместе с ведущими мастерами театра, набираются у них опыта. В свою очередь, многие солисты являются одновременно преподавателями, ведут уроки классического и характерного танца. Балетная труппа, состоящая в основном из питомцев училища, добилась в последние годы всемирного признания, о чем свидетельствует карта зарубежных гастролей.

30 лет существует в Перми хореографическое училище. С одной стороны, по сравнению с Ленинградским, возраст, прямо скажем, ребячий. Но с другой стороны — это пора зрелости, расцвета творческих сил. За три десятка лет достигнуты прекрасные результаты, дающие все основания для радости. Награды, призы и премии отмечают не только сегодняшние достижения. Они ко многому обязывают, они напутствуют на будущее.

...Каждый год впервые переступают порог училища малыши. Не все они станут такими, как

Подкина и Шлямова, Павлова и Кунакова, Асауляк и Шморгонер, но каждый из них будет верно служить одному из самых прекрасных и удивительных искусств и приобщать к нему тысячи людей. Этому их научат в училище.

Когда завершалась работа над этой книгой, в Пермь пришло известие: Надежда Павлова, закончив свой первый сезон в театре имени П. И. Чайковского, стала солисткой Большого театра. И радостно, и грустно было в тот день на душе у пермяков. Радостно оттого, что Надя вступала в прославленный коллектив крупнейшего театра страны, в труппу Большого балета, как нередко называют ее у нас и за рубежом. Было радостно сознавать, что воспитанница Пермского хореографического училища удостоена высокой чести выступать вместе с известнейшими балеринами и танцовщиками, совершенствовать и развивать свое мастерство и талант у Галины Улановой.

И все-таки пермякам было грустно расставаться со своей любимицей. Как-то даже и не верилось, что начнется новый сезон, и среди участников спектаклей зрители не увидят Надежду Павлову — преданную Джульетту, лукавую Сванильду, романтическую Жизель, задорную Китри. Не увидят знаменитых «павловских» прыжков «в шпагате» — невесомых, летящих, разрезающих пространство над сценой четкой, почти непрерывной линией. Сколько раз в такие мгновения восторженно замирал весь зал и, не успев перевести дыхание, в едином порыве обрушивал на сцену шквал аплодисментов. Сколько зрителей, заворо-

*В классах свет беспощаден и резок,
Визу выступления полуколонн.
Еле слышимым звоном подвесок
Трудный воздух насквозь просквозжен.
Но зато пирует все послушней,
Все воздушней прыжок; все точней...*

женных чудом, которое происходило прямо на их глазах, впервые по-настоящему постигали красоту и смысл классического танца на спектаклях с участием Павловой.

Да, нелегко расставаться с артистом, благодаря которому искусство прекрасного стало ближе и понятней. Такой артист навсегда остается

в сердцах благодарных зрителей. Поэтому, как бы там ни было, пермяки всегда будут гордиться тем, что талант Павловой вырос и окреп в стенах Пермского хореографического училища, что свой творческий путь одаренная балерина успешно начинала на сцене Пермского академического театра оперы и балета.

ОТЧИЙ КРАЙ
1975

ЭХО ДАЛЕКИХ ЛЕТ

Я. РАБИНОВИЧ

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА?

•

В., А. и Л. БАНЬКОВСКИЕ

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НА УРАЛЕ

•

Л. КАШИХИН

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШЕГО МУЗЕЯ

•

Ю. НАДЕЖДИН

КОЛЛЕКЦИЯ НЕ ПРОПАЛА БЕССЛЕДНО

ЭХО ДАЛЕКИХ ЛЕТ

Я. РАБИНОВИЧ,
*доцент Пермского государственного
университета имени А. М. Горького*

ГДЕ ЗАРЫТА СОБАКА

Эта курьезная история внешне напоминает веселый анекдот, хотя в ней нет ни капли домысла. Она целиком основана на документах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. Авторами этих документов были не веселые юмористы, а разгневанные царские чиновники самых высоких рангов. Да и повод для гнева был вовсе не шуточным: в газетах, выходивших в Пермской губернии, зло высмеяли полицию и нанесли ей публичное жестокое оскорбление. Сам факт был настолько необычным, а реакция высокопоставленных царских чиновников такой своеобразной, что мы предлагаем читателю судить обо всем из самих перво-

источников. Авторское же вмешательство будет ограниченным — мы лишь расположим документы в сюжетной последовательности и дадим небольшой комментарий там, где это необходимо для их понимания.

Прежде всего следует напомнить, что 80-е годы прошлого века были периодом «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции» (В. И. Ленин). Правительство тупоумного трусливого Александра III беспощадно расправлялось с революционным движением. Обыски, слежка, аресты, полицейские провокации стали обычным явлением. Свиристствовала цензура. Газеты подвергались жестоким гонениям за малейшее отклонение от требований цензурного устава. Все передовое и прогрессивное подавлялось и душилось.

Под строгим надзором находилась и единственная в Пермской губернии частная газета «Екатеринбургская неделя». В газете помещалась информация о местной жизни, иногда затрагивались отдельные непорядки и выражалась робкая надежда на благотельные реформы по «монаршей милости». И уж, конечно, ни одному из ее редакторов и издателей не приходило в голову публично оскорблять и высмеивать опору престо-

ла — всемогущее жандармско-полицейское ведомство и прокурорский надзор. И тем не менее...

Но передадим слово самим документам.

10 июля 1888 года в «Екатеринбургской неделе» за № 27 была помещена небольшая корреспонденция из Тобольска. Приводим ее полностью:

«Тобольск. За последнее время у нас в городе появилось, вероятно вследствие сильной жары, очень много бешеных собак, которые положительно терроризировали жителей, забегая во дворы и бросаясь на людей. 25 июля несколько таких собак с черным молсом во главе забежали во дворы: Марининской женской школы, дома члена управы И. И. Суханова и публичной библиотеки. Из последнего двора их смогли выгнать только на третий день. Число всех укушенных пока неизвестно, по слухам, таких более 15 человек. Сильно изранены и взяты на испытание: писарь воинского присутствия В. И. Бармин, брат содержателя библиотеки П. А. Суханов, член городской управы И. И. Суханов. Несмотря на усилия полиции, опасность и сейчас не уничтожена. Публика думает сама предпринять какие-либо меры для ограждения себя от подобных набегов».

Эта весьма обычная, ничем не примечательная корреспонденция была пропущена цензурой и поначалу не привлекла к себе бдящее око полицейских чиновников. Подобного рода сообщения часто помещались в газетах того времени, они не вызывали интереса у привычного читателя и разве только досужим обывателям давали пищу для послеобеденных пересудов.

Однако эта заметка произвела впечатление совершенно неожиданное. Поражены и уязвлены были высшие административные и жандармско-полицейские чины не только на местах, но и в столице. Потребовалось немногим более двух недель, чтобы брошенный в болото камень вызвал шумную реакцию. В разных местах проявилось беспокойство, и бюрократическая карусель завертелась.

Н. Александров

«ЧП»

Среди старопечатных русских книг, хранящихся в Пермской областной библиотеке имени А. М. Горького, есть уникальный экземпляр «Арифметики» Леонтия Магницкого, выпущенной в Москве в 1703 году. Этот самый старый учебник в Перми содержит 612 большеформатных страниц и три оттиска гравюр, сделанных на меди гравером М. Карнавским. Есть в книге и другие рисунки, а также записи ее многочисленных владельцев.

Приведем более полное название книги как знак глубокого уважения к учебнику, по которому учился когда-то сам Михайло Ломоносов: «Арифметика, сиречь наука числительная, с разных диалектов на славянский язык переведенная, воедино собранная... сочиненная чрез труды Леонтия Магницкого».

Древнюю русскую «Арифметику», вобравшую в себя опыт отечественной и зарубежной математической науки того времени, М. Ломоносов по праву называл «вратами учености». Даже в наши дни удивляет многообразие разделов учебника, затрагивающего почти все стороны жизни той далекой эпохи. Вот, например, как называется одна из глав: «Торговая складная и делительная». А вот заключительная часть учебника, поражающая воображение сегодняшнего школьника: «Толкование проблем навигацких, чрез вышеположенные таблицы логарифмические». Таков диапазон древнего учебника: от

Из секретного отношения тобольского губернатора в Главное управление по делам печати от 21 июля:

«...Названная корреспонденция есть злая и дерзкая выходка, направленная не против одного лица, а прямо против действия правительственных лиц».

Из конфиденциального письма директора департамента полиции к начальнику Главного управления по делам печати от 1 августа:

ИТЕЛЬНАЯ НАУКА» МАГНИЦКОГО

простейших действий арифметики — до тригонометрических задач и логарифмов.

История долгой жизни этого экземпляра книги пока что остается загадкой для библиофилов. Хотя внимательное изучение учебника позволяет сделать некоторые выводы: в пермскую «публичку» он попал в первые годы Советской власти. До этого книга хранилась в библиотеке пермской мужской гимназии, о чем напоминает старая печать, оттиск которой сохранился на титульном листе.

Где была книга еще раньше, сказать трудно. Ясно только, что училось по ней не одно поколение. И, не в пример учебникам наших дней, эту книгу хорошо берегли. Износившиеся страницы своевременно заменялись рукописными, благодаря чему он и дошел до наших дней в полном объеме.

На полях книг сохранились замысловатые рисунки, сделанные гусиными перьями. Ученики посвящали их темам самых трудных задач. А в конце книги, на плотном корешке, накопилось около сотни автографов ее владельцев, вернее, учеников. Правда, чернила выцвели и подписи эти теперь нелегко разобрать. Но одна сохранилась лучше других: «Тобольский мещанин Петр Романов руку приложил». Многие приложили к этой удивительной книге и свою руку, и свой разум!

«Признавая помещение упомянутой газетой такой дерзкой корреспонденции, явно свидетельствующей о крайне предосудительном направлении лица, составившего оную, я имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство... приказывать потребовать от директора «Екатеринбургской недели» сведений о личности автора корреспонденции, приняв, в случае отказа указать его, самые строгие меры против названной газеты...»

Просьба директора департамента полиции бы-

ла равносильна приказу. Немедленно в Пермь к губернатору был направлен запрос об авторе заметки. Начальник Главного управления по делам печати просил губернатора потребовать у директора «Екатеринбургской недели» необходимые сведения о зловредном авторе. При этом редактора газеты предупреждали, что «если он даст... неверный или уклончивый ответ на предъявленное ему требование, то против редактируемого им издания будут приняты строгие меры взыскания».

В чем же провинился автор корреспонденции? Что так обеспокоило в невинной заметке царских помпадуров? Ответ мы находим в тех же документах.

Из конфиденциального письма директора департамента полиции:

«При сопоставлении этой корреспонденции с имеющейся в департаменте полиции перепиской о произведенных в Тобольске 25 и 26 июня обысках и арестах разных лиц по обвинению их в государственном преступлении, нетрудно прийти к достоверному выводу, что изложенные в корреспонденции сведения всецело должны относиться к обстоятельствам обысков, произведенных в Тобольске 26 минувшего июня. Так, упоминаемые в корреспонденции, как израненные бешеными собаками, член городской управы Суханов и писарь воинского присутствия Бармин оказываются привлеченными 25 июня к дознанию при Тобольском губернском жандармском управлении по обвинению их в государственном преступлении, обысканными и арестованными 26 числа того же месяца».

Более детально объяснил смысл дерзкой заметки тобольский губернатор:

«За последнее время, — писал он, — в Тобольске открыто существование противозаконного общества, намеревавшегося путем насилий ниспровергнуть существующий порядок правления в России. Местное жандармское управление, совместно с прокурорским надзором, при участии полиции не 25, как сказано в корреспонденции,

а 26 минувшего июня произвело в городе несколько обысков и, между прочим, именно в тех домах, на которые открыто указывает корреспондент, давший правительственным лицам название бешеных собак, а одного из лиц прокурорского надзора, под руководством которого производится дознание, назвавший черным мопсом, в виду легкого физического сходства его с подобным животным».

От глумовского градоначальника Фердыщенки, который «при не весьма обширном уме был косноязычен», тобольский губернатор отличался многословием и тонкостью наблюдения.

«Слова «искусаны», — популярно разъяснял он содержание заметки, — следует перевести словами «привлечены к дознанию». Слова «пострадали более других и находятся на испытании» означают, что названные в строках этих полными именами лица, именно Бармин и двое Сухановых, подвергнуты аресту. Большою дерзостью отличаются заключительные строки, в которых автор говорит, что публика намерена сама принять меры, чтобы оградить себя от подобных набегов. В словах этих можно предположить угрозу вооруженного сопротивления при производстве дальнейших обысков или арестов».

Вот где, оказывается, была зарыта собака.

Сравнение жандармов и полицейских с бешеными собаками свидетельствовало не только о дерзости автора, но и о том, что он хорошо знал объект своей аллегории. Впрочем, сходство прокурора с черным мопсом (правда, легкое!) не отрицала даже сам тобольский губернатор, а уж ему ли не знать было своих чиновников. Но газета объявляла об этом публично — и это было оскорблением не только для тобольских церберов. Губернатор настоятельно потребовал незамедлительного и соответствующего «воздействия» на виновных. Высказанные им при этом оригинальные заключения делали честь его проницательности.

Из письма тобольского губернатора:

«...Оставление безнаказанным столь дерзкого

глумления над фактом немалой важности, каковым следует признать раскрытие противозаконного общества в городе, и над служебными действиями официальных лиц едва ли может быть терпимо. ...Почтительно прошу дать мне знать, будет ли на виновных наложено административное взыскание или мне следует обратиться к суду для разыскания виновного и привлечения его к ответственности. Причем позволяю себе высказать, что последний исход, по мнению моему, нежелателен, так как в таком случае лицам оскорбленным пришлось бы самим доказывать на суде тождественность свою с теми, кого подозревал корреспондент под именем бешеных собак и черного мопса».

Дабы не поставить оскорбленных в мало удобное положение, когда им пришлось бы доказывать, что под бешеными собаками и черным мопсом подразумевались именно они — тобольские жандармы и прокурор, высшие власти предприняли решительные «административные» поиски автора корреспонденции.

На запрос пермского губернатора из Екатеринбурга ответили, что заметку подписал некто Рязанов М. А., канцелярский служащий из Тобольска (указывался и его адрес). Тщательные розыски не дали, однако, результатов. В Тобольске подобной личности не оказалось. Так же безрезультатной осталась попытка обнаружить его следы по гонорарной ведомости: финансового вознаграждения за свою заметку автор не получал.

Итак, дело об оскорблении, говоря языком официальных документов того времени, осталось без последствий. Однако последствия все-таки были.

В том же Центральном историческом архиве в Ленинграде обнаружен еще один документ — конфиденциальное письмо в Главное управление по делам печати пермского губернатора Наумова, датированное мартом 1902 года.

При уме, обширность коего никем точно не была установлена, сей пермский губернатор, как

и упомянутый уже персонаж из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, был несомненно косноязычен. Тем не менее процитируем его эпистола с почтительным соблюдением ее стиля и оформления:

«В газете «Урал» (издававшейся вместо «Екатеринбургской недели». — Я. Р.) ...от 1 марта 1902 года в корреспонденции из Перми под заглавием «Бродячие собаки», весьма дерзкой по замыслу и издевательствам над жандармами и прокурорским надзором, аллегорическим рассказом о размножении бродячих бешеных собак сообщают о бывших обысках и арестах по политическим делам, причем зараженность бешенством у укушенных определяли доктор Храбровский и фельдшер Ширококов, измененные фамилии прокурора Пермского окружного суда Храбро-Василевского и начальника жандармского управления Широкова».

В., А. и Л. БАНЬКОВСКИЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ НА УРАЛЕ

Первый сейсмолог Урала и России

В начале 1862 года до Перми докатилось известие о сильнейшем землетрясении на далеком Байкале. В результате подземных толчков под воду опустилось 190 квадратных километров Цаганской степи. Новый байкальский залив называли Провалом.

В провинциальной, купеческой Перми о сиби́рском землетрясении, как и о многих других

Аналогичные заметки, как сообщал губернатор, были помещены в мартовских номерах и других пермских газет.

Таким образом, через 14 лет «тобольский эксперимент» успешно повторили в более широких масштабах.

К сожалению, мы до сих пор ничего не знаем об авторах этих корреспонденций. Трудно сказать и какие цели они преследовали: высмеять ли царский карательный аппарат, сообщить ли своим единомышленникам необходимую информацию или... Но не будем гадать. Авторы корреспонденций, проявив смелость и изобретательность, сумели поставить царских чиновников в смешное и нелепое положение унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекала. Использование местной печати, помимо ее воли и ведома, в борьбе с существующим строем, по-видимому, входило в традицию.

Подобных новостей, говорили недолго. И только Александра Петровича Орлова — двадцатидвухлетнего преподавателя математики Пермской гимназии — глубоко поразило и по-настоящему заинтересовало это труднообъяснимое явление природы. С этих пор беспокойная и многотрудная школьная жизнь уже не могла отвлечь учителя от раздумий о природе землетрясений. Он собрал множество книг и газетных сообщений о землетрясениях в Италии, Японии, Греции и других странах и убедился, насколько далеки от решения загадки подземной стихии.

Только через четверть века войдет в обиход ученых название новой науки о землетрясениях — сейсмологии. А что же было известно о подземных толчках в далеком 1862 году? Несколько работ известного немецкого путешественника и ученого Александра Гумбольдта, обзоры землетрясений Перрея, двухтомный труд Маллета, сравнительно небольшие, но важные работы Аббади, Шмидта, Пальмиери и множество статей

и брошюр, в которых первые попытки научного описания процесса землетрясения нередко соединялись с безудержной фантазией. Даже признанные светила зарождающейся сейсмологии были далеко не всегда правы. Например, Перрей считал причиной землетрясений приливы и отливы в огненно-жидком ядре Земли. Маллет и Гумбольдт придерживались еще аристотелевских представлений о вулканической природе всех земных катастроф.

Орлов тщательно изучал все доступные ему описания землетрясений. Но вдали от сейсмически активных областей планеты начинающему ученому трудно было искать пути к объяснению тайн подземной стихии. Ведь, как писал Гумбольдт об Азиатском материке, «Алтай есть крайний предел круга потрясений. Далее к западу на равнинах Сибирских, между Алтаем и Уралом, как и на всей длинной цепи Уральской, не было до сих пор примечено колебания». И несказанно рад был Орлов, когда убедился, что Гумбольдт просто-напросто заблуждается. В «Хронике землетрясений» Ван-Хоффа и в работе Перрея «О землетрясениях на севере Европы и Азии» Орлов обнаружил сведения о землетрясении на Нижнетагильском заводе 29 ноября 1832 года.

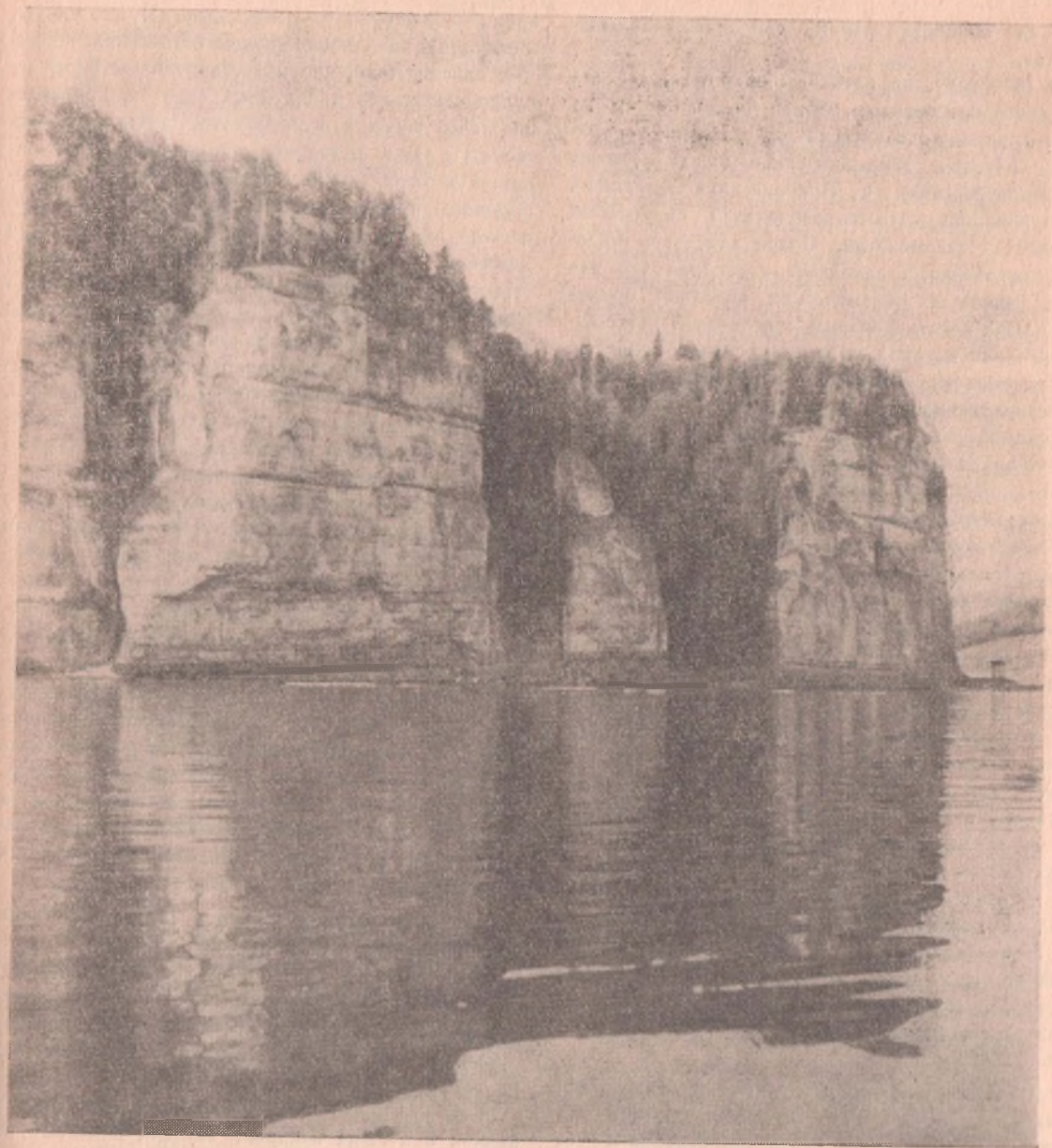
В «Материалах для географии и статистики России» нашлось сообщение о трех подземных ударах в 1813 году на Верхнетурском заводе. А в «Хозяйственном описании Пермской губернии», изданном в Перми в самом начале прошлого столетия, Орлов отыскал сведения об очень сильном землетрясении 12 мая 1798 года на всем Среднем Урале. Кроме особенно сильных подземных толчков в Перми, «чувствуемо было землетрясение в Кунгуре и в некоторых селениях и заводах Пермского, Кунгурского, Осинского, Екатеринбургского и Верхнетурского уезда, как это видно было из полученных отсюда в Пермском губернском правлении донесений».

Радость находок омрачала лишь крайняя скудость точных данных, добытых непосредственным наблюдением. И когда 14 мая 1867 года Добрян-

ский завод на Каме неожиданно всколыхнуло подземными толчками, Орлов немедленно взял отпуск и выехал для специальных исследований в район землетрясения. Многих свидетелей в различных деревнях расспрашивал сам Орлов, большую работу провели и его добровольные помощники. Всего было опрошено более ста очевидцев землетрясения в пятидесяти деревнях. В результате на большом пергаментном листе — «Выкопировке с плана Добрянской дачи» — появился подробный план района землетрясения и очерченная красным карандашом зона наиболее сильного сотрясения. Так появилась первая в России схема распространения землетрясений.

А Орлов продолжал собирать материал о подземных толчках, выбирал и анализировал отрывочные сведения о направлениях главных сотрясений, составлял формулы для определения неизвестных тогда скоростей распространения сейсмических волн в различных горных породах, вычислял глубины очагов землетрясений, проектировал новые приборы.

Перед отъездом в Иркутск в конце 1868 года Орлов уже закончил расчеты изобретенного им сейсмометра и изложил свои предложения об организации точных наблюдений над землетрясениями. Обо всем этом новый инспектор Иркутской гимназии Александр Петрович Орлов доложил весной следующего года на заседании Сибирского отдела Русского географического общества. Специальная комиссия совета общества в Петербурге, удостоивая эту работу малой золотой медали, записала в отзыве, что уральские исследования Орлова впервые проведены в «одной из местностей, в высшей степени интересных для теории землетрясений», и что эти исследования «побуждают перейти от неточных поверхностных наблюдений к наблюдениям точным, сделанным с помощью приборов». И, наконец, работы Орлова «указывают будущим исследователям

путь для обработки данных, собранных наблюдениями».

В 1872 году, по распоряжению Министерства народного просвещения, Орлов возвращается на Урал и, наряду с педагогической работой, продолжает изучать землетрясения, пишет статью «О землетрясениях в Приуральских странах». Предупреждая естествоиспытателей об особых трудностях сейсмологии, Орлов замечает: «Всякие заключения, касающиеся отрицания тех или иных фактов в динамических явлениях природы, должны быть делаемы с особенной осторожностью, ибо в такой мало разъясненной области, какова область сейсмических явлений, для полного безапелляционного доказательства отсутствия потрясений почвы в той или другой местности требуется слишком длинный период времени, или какие-либо другие побочные, но веские данные... Факты, собранные в одно целое, явно доказывают, что условия, благоприятствующие происхождению землетрясений, существуют не только в Уральских горах, но и во всей средней полосе Пермской губернии».

В конце июля 1873 года Орлов получил из Екатеринбурга от Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) письмо, извещавшее об избрании его действительным членом этого общества. Орлов ответил благодарностью и согласием, закончив, как и все свои письма, просьбой сообщать ему о землетрясениях на Урале. Два года спустя в «Записках УОЛЕ» была напечатана его «Краткая инструкция для наблюдения и собирания фактов о колебаниях земной коры в Приуральских странах». Впервые в России, за 30 лет до организации на Урале первой екатеринбургской станции, Орлов предложил систематически изучать землетрясения. Его рекомендации сохранили свое значение и для нынешних исследователей.

«При описании каждого факта сотрясения почвы желательно было бы иметь сведения по следующим рубрикам: место наблюдаемого сотрясения и обширность простираения последнего;

время наблюдения (год, месяц, число, час, минута и секунда); направление волны сотрясения; побочные явления, как, например, подземный шум, нередко слышимый в подобных случаях, направление этого шума и его свойства, трещины и расселины в земле и зданиях, направление этих трещин и расселин; общее состояние погоды предшествующей и последующей; ...если сотрясение произошло вблизи озера или реки, то каково было движение вод озера или реки при общем сотрясении и не произошло ли при этом какого-либо изменения в относительном положении уровней воды и суши. При собирании таких фактов за прошлые времена мне кажется следовало бы обратить внимание на различные местные архивы, в которых должны сохраниться какие-либо сведения о потрясениях почвы; особенно желательно было бы в этом отношении пересмотреть заводские архивы и войти в сношения с лицами, долго живущими в известных местностях и более или менее интересующимися теми или другими местными происшествиями».

В пермские, екатеринбургские и другие библиотеки Урала почти до самого конца прошлого века приходили новые книги Орлова — заслуженного педагога и талантливого ученого-сейсмолога. Четырнадцать работ по сейсмологии оставил Орлов. Среди них — выдающийся трехтомный труд «О землетрясениях вообще и о землетрясениях Южной Сибири и Туркестанской области в особенности» и главная книга Орлова «Землетрясения и их соотношения с другими явлениями природы».

Александр Петрович умер в апреле 1889 года. «Мы лишились одного из самых видных и деятельных наших членов... который был у нас почти единственным представителем новой и интересной науки — сейсмологии». Эти слова произнес в том году на заседании Русского географического общества известный геолог И. Мушкетов.

Книги Орлова давно уже перешли в разряд редких и ценных изданий. Но они являются не просто историческими реликвиями. По путям, на-

меченным Орловым, идут современные геологи, геофизики, сейсмологи. В их числе и уральские ученые.

Путь к тайнам землетрясений Урала

В первой половине нашего столетия знаменитому советскому геологу А. Н. Заварицкому, можно сказать, дважды чрезвычайно повезло. В 1923 году он впервые обратил внимание на очень существенные в геологической истории Уральских гор краевые надвиги. Эти надвиги происходят, когда несколько больших горных массивов, разделенных наклонными разломами, смещаются друг относительно друга, образуя нечто похожее на слоеный пирог. Скважина, пробуренная в зоне перекрытия таких блоков земной коры, нередко дважды и более пересекает одни и те же пакки горных пород.

Почти четверть века спустя такой же по характеру надвиг, но только гораздо более значительный по размеру и более активно проявляющий себя землетрясениями, Заварицкий открыл под Курильскими островами. Позднее надвиги, подобные Курильскому, стали называть «зонами Бенъофа», в честь видного американского геофизика, посвятившего много лет детальному изучению сейсмоактивных наклонных глубинных разломов.

Сейсмолог Калифорнийского технологического института Г. Бенъоф, может быть, даже не читая книг Орлова, самым настоящим образом шел по следам уральского ученого. Еще в 1873 году А. П. Орлов писал: «Едва ли существует какая-либо область на земной поверхности, о которой можно с полной уверенностью сказать, что она избавлена от землетрясений».

Да, к середине нашего века успехи сейсмологии были настолько велики, что этот вывод Ор-

лова уже не мог вызвать сомнения. В 1956 году Бенъоф, исследуя непрерывное накопление тектонических напряжений в верхней части земной коры, как бы продолжил тезис Орлова: «Все поверхностные землетрясения с интенсивностью восемь* и более включены в единую систему тектонической деятельности». А далее предположил, что, возможно, этот механизм связан с сокращением радиуса Земли.

По-видимому, Бенъоф не ошибся. Последние данные астрономии и наук о Земле показывают, что наша планета неуклонно сжимается. Только причина этого не в остывании планеты, как считалось раньше, а в постепенном вековом замедлении ее вращения приливными силами Луны, Солнца и больших планет солнечной системы. Сжатие Земли вызывает дробление земной коры на огромные тысячекилометровые глыбы и приводит их в сложное движение. Именно взаимными перемещениями глыб на сжимающейся планете объясняются и землетрясения, и современные медленные, так называемые неотектонические, движения земной коры.

Глыбы каменной оболочки Земли отделены друг от друга вертикальными и наклонными глубинными разломами. По вертикальным разломам происходит сравнительно несложное по своей природе относительное сдвигание глыб. А вот по наклонным разломам глыбы, как правило, надвигаются одна на другую.

Во время такого надвига возникли и наши Уральские горы. В очень давние геологические времена в северном полушарии планеты образовался наклонный на восток глубинный разлом, отделивший Восточно-Европейскую и Западно-Сибирскую глыбы. Известный советский геолог Н. Шатский очень образно назвал подобные глубинные разломы рельсами, определяющими развитие огромных областей земной коры. Со времени образования Главного уральского разлома

* Интенсивность восемь — величина при оценке энергии землетрясения. (Прим. авт.)

стоянии рудничные выработки, И. Кржижановский совершенно верно назвал «сплоченность пород». Он первым доказал это строгими математическими расчетами. Уплотненные за многие сотни миллионов лет породы — это своеобразные жесткие мосты, переброшенные в толще массивов над всеми горными выработками планеты. Эти природные невидимые мосты и несут на себе главную тяжесть вышележащих плотных и рыхлых осадочных толщ. Но нередко «сплоченность» пород доводится тектоническими силами до перенапряжения и тогда происходит неожиданный разрыв подземного горного массива — это самый жестокий бич горняков.

В начале нашего века новый случай на французской шахте привлек внимание многих специалистов. На этот раз внезапный выброс углекислого газа и четырех тысяч тонн угля произошел при проходке не горизонтальной выработки, а вертикального шахтного ствола. Это была очень неприятная новость. Отныне не только кровля, но и стенки рудников таили в себе опасность. Подземная стихия с каждым годом становилась все более многоликой.

Взрывы под землей следовали один за другим и в угольных шахтах, и в медных рудниках, выводили из строя сотни метров выработок и в пластах калийных солей, и в толщах апатитовых руд. Даже при открытых разработках внушительных размеров каменные блоки с грохотом «отстреливались» от стенок карьеров без всякого участия в том человека и более того — совершенно для него неожиданно. Огромные силы до поры до времени сжатых мощных природных пружин далеко отбрасывали от забоев и корежили многотонные механизмы, сводили на нет длительную работу по проведению и креплению горных выработок, непрерывно угрожали человеческим жизням.

В первые послевоенные годы внезапные выбросы угля произошли на шахтах Кизеловского угольного бассейна, но здесь они не сопровождались выделением газов. За свой быстротечный,

почти взрывной характер эти явления получили название горных ударов.

С 1947 по 1961 год на шахтах Кизеловского угольного бассейна произошло больше 250 горных ударов. На длительное время выходили из строя отдельные шахты, участки, шахтные поля. Бассейн терял сотни тысяч тонн добычи. Потребовались значительные средства на восстановление шахтных выработок. Нередко казалось, что нет возможности победить разгул подземных сил, нет способов предсказать время и место их проявления.

Укротители горных ударов

Никогда еще ни в одной стране горная наука не брала свои самые трудные проблемы в такую жесткую осаду. Геологи, петрографы, физики, химики, маркшейдеры, механики, люди самых разных специальностей взялись за усмирение подземной стихии. Научную работу по изучению горных ударов на шахтах Кизела возглавил Всесоюзный научно-исследовательский институт горной механики и маркшейдерского дела. При проведении экспериментов ученые и инженеры научились производить под землей горные удары в определенных местах «по заказу» геофизиков. По специальным реперам, отличительным знакам, вмонтированным в угольные пласты и в окружающие породы, маркшейдеры определили величины смещений шахтных выработок и боковых массивов после горных ударов. Как и рекомендовал в свое время Орлов, для определения характера сотрясений горных пород были использованы специальные наклонометры.

На шахтах Кизеловского угольного бассейна появились сейсмоакустики с аппаратурой Института физики Земли Академии наук СССР. На угольных пластах были установлены геофоны — тончайшие регистраторы подземных звуков. Сейсмологов уже давно удивлял непрерывный

шум в недрах Земли. Тектонические процессы ни на секунду не приостанавливают своей работы. В Кизеле сейсмоакустики установили, что почти такие же, но только гораздо более четкие поскрипывания и потрескивания рассказывают о непрерывной работе, совершаемой подземными силами на шахтных полях. Вывод был ясен: повышенная сейсмическая активность угольных пластов требует для своего изучения специальной стационарной аппаратуры.

Вскоре над угольными пластами шахты имени Урицкого начала работать сейсмическая станция «Углеуральск», с помощью которой было произведено сейсмическое районирование шахтных полей.

Так, спустя столетие после составления Орловым схемы Добрянского землетрясения, появились почти такие же схемы шахтных полей с нанесенными на них зонами, опасными по горным ударам. Сходство горных ударов и землетрясений оказалось отнюдь не свойством чисто внешнего характера. В сентябре 1960 года произошел такой мощный горный удар, что сейсмические сотрясения от него ощущались на поверхности в радиусе до шести километров.

Через некоторое время выяснилось, что одна сейсмическая станция не может обеспечить регистрации и прогноза всех горных ударов. Особенно препятствует этому густая сеть тектонических нарушений на территории Кизеловского бассейна. Многие сейсмические волны затухали в разломах и сбросах, не доходя до приемников станции. Иногда сейсмографы хорошо регистрировали очень далекие землетрясения, например в Чили, но «не слышали» горных ударов, происшедших почти по соседству со станцией. Поэтому датчики сейсмографов разместили вдали друг от друга на разных шахтных полях, что позволило значительно ускорить изучение сейсмических характеристик Кизеловского района. На основании всех этих работ угольный бассейн, ранее считавшийся почти не опасным, отнесен к 4—5-балльной сейсмической зоне.

Наступило время, когда проектирование гор-

ных выработок на шахтных полях проводится с учетом опасности горных ударов. Наряду с использованием общих прогнозов удароопасности, составляемых по данным сейсмической станции, горняки успешно прогнозируют небольшие по размерам участки шахтных полей. Для этого с поверхности земли в нужный пласт пробуривается скважина, и по вынутым из нее столбикам керна или даже с одной только помощью скважинного тензометрического датчика определяются необходимые горно-геологические свойства участка пласта.

Петрографические, физико-химические и другие исследования показали, что горные удары обусловлены очень высокими запасами потенциальной энергии, накопленными горными породами при их сжатии. Аккумуляции энергии способствовало и то, что кизеловские угли едва ли не самые крепкие во всей нашей стране. Из-за этой крепости они не «текли» под высокой нагрузкой, а уплотнялись и приобретали свойства сильно сжатой пружины. И поэтому стоило такой перенапряженный угольный пласт лишь вскрыть горной выработкой, как тут же начинались горные удары.

После приобретения самых разносторонних знаний о характере удароопасных пластов стало возможным заранее тщательно рассчитывать и принимать обоснованные меры борьбы с горными ударами. И практика горных работ быстро подтвердила правильность таких мер. Оказалось, что самый удароопасный угольный пласт не так уж сложно обезвредить, перераспределив его избыточную энергию в менее напряженные участки горных массивов. Для этого прежде всего нужно было выбрать уголь из выше- или нижележащих неудароопасных пластов. Очень важным нововведением был отказ от проходки многих горных выработок по самим угольным пластам. Выработки для вентиляции и внутришахтного транспорта стали проводить по соседним с угольными пластами монолитным горным породам.

При новой системе разработки не только резко снизилось количество горных ударов, но была

получена большая экономия угля. Раньше едва ли не половину угольного пласта горняки вынуждены были оставлять в так называемых «целиках», обеспечивающих устойчивость главных горных выработок и безопасность работ. Теперь же начали вынимать из-под земли гораздо более существенную часть запасов угля.

«Разряжать» опасные угольные пласты горняки научились самыми различными способами. Например, закачивая в пласт воду под высоким давлением, можно снизить хрупкость угля, а следовательно, и его удароопасность. Специальные «сотрясательные» взрывы хорошо разгружали пласты в краевых частях шахтных полей и в зонах тектонических нарушений. В некоторых случаях выгодно бурить из горных выработок в толщу угля опережающие скважины большого диаметра; при этом угольный пласт отдает свою энергию серией микроударов, направленных внутрь этих скважин.

За последние 15 лет количество горных ударов, приходящихся на каждый миллион тонн добытого угля, уменьшилось более чем в 20 раз. Это очень большая победа кизеловских горняков.

Самым, на первый взгляд, удивительным было открытие возможности использовать огромную энергию угольных пластов для добычи угля без присутствия человека в забое. Для этого была сконструирована и изготовлена канатная пила, представляющая собой огромную петлю обычного троса, армированного небольшими фрезами. Стоило всего лишь только подпилить нижнюю часть удароопасного пласта, как ближняя к пиле часть пласта на всю мощность начинала вываливаться в забой. Силы подземной стихии, познанные и направленные рукой человека в нужное русло, стали служить людям.

Если очень мощный горный удар 1960 года нанес Кизеловскому бассейну ущерб в полмиллиона рублей, то энергия угольного пласта, обузданная канатной пилой, за очень короткий срок сэкономила более одного миллиона рублей. Этот же самый принцип подсечки напряженных уголь-

ных массивов специальными фрезами применяется сейчас в Донбассе.

Разумеется, это еще только начало укрощения подземной стихии. Вслед за канатной пилой на кизеловских шахтах проходят испытания новые высокопроизводительные машины, все более широко использующие природную энергию.

Опыт горняков Кизела давно уже перешагнул за границу Урала в Донецкий, Кузнецкий, Сучанский и другие угольные бассейны страны. Накопленный на шахтах Урала опыт борьбы с горными ударами используют ныне горняки ГДР, Польши и Чехословакии. Несколько лет назад за разработку мер, обеспечивающих безопасность ведения горных работ, большой группе кизеловских и пермских угольщиков было присвоено звание лауреатов Государственной премии Союза ССР.

Работой по изучению чрезвычайно сложного механизма горных ударов, внезапных выбросов угля и газа занимаются сейчас специалисты более чем двадцати институтов Академии наук СССР и Украины, ряда министерств и ведомств. И по-прежнему на переднем фронте широких научных исследований подземной стихии уральские горняки и сейсмологи.

Служба землетрясений Урала

Предложенные Орловым методы инструментального исследования сейсмических катастроф, созданные им каталоги и специальные карты Кавказа и Средней Азии были впервые использованы при изучении алма-атинского землетрясения 1887 года и ахалкалакского на Кавказе в самом конце прошлого века. Говоря о создании сети постоянных сейсмических станций во всей стране, Орлов не признавал распространенных тогда взглядов об «одинаковости» землетрясений и при-

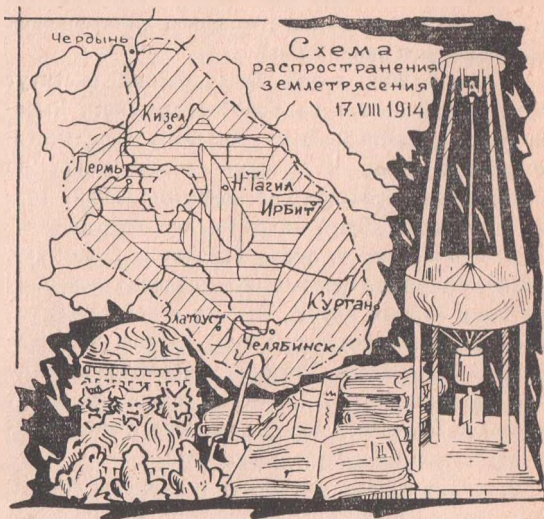
зывал исследователей чрезвычайно тщательно изучать специфику каждого сейсмического района. Он не устал обращать внимание на «скудость научных познаний не только о причинах факта, но и о самом факте во всех его формах и модификациях, обусловливаемых разнообразными местными обстоятельствами».

В 1906 году была осуществлена едва ли не самая давнишняя мечта Орлова — в Екатеринбурге наконец открылась первая на Урале стационарная сейсмическая станция. Семь лет спустя здесь были установлены высокочувствительные сейсмограф и горизонтальные маятники конструкции известного русского сейсмолога академика Голицына. Так начали воплощаться в жизнь замыслы Орлова об организации систематических инструментальных наблюдений за землетрясениями Урала.

Едва была закончена работа по установке на Екатеринбургской сейсмической станции нового совершенного оборудования, как, словно по заказу, 17 августа 1914 года на Среднем Урале произошло одно из наиболее сильных из известных здесь землетрясений. Зона его распространения протянулась от Чердыни на северо-западе до Троицка и Кургана на юго-востоке. Особенно неожиданно для сейсмологов было землетрясение 1934 года в Губахе, где в течение трех месяцев наблюдались толчки силой до четырех баллов.

В 1959 году вошла в строй вторая уральская сейсмостанция «Углеуральск». Уникальный сейсмический исследовательский центр впервые в нашей стране был создан на территории угольного бассейна и предназначен для регистрации горных ударов, уточнения их механизма и энергии. Наблюдения на этой станции дали новые очень важные данные по оценке сейсмичности Пермской области. Уральские ученые и специалисты окончательно убедились в необходимости постоянного учета и контроля за современными тектоническими процессами на Урале.

Если нанести на карту Урала места землетрясений, начиная с первого, описанного в 1693 году,

то эпицентры большинства из них оказываются в пределах Кизеловского угольного бассейна, то есть в том же самом районе, где происходят горные удары. Совпадение не случайное. Сосредоточение здесь сейсмических процессов убеждает в том, что главное усилие при взаимодействии неотектонически подвижных Западно-Сибирской глыбы и Балтийско-Волго-Уральского срединного массива приходится на Средний Урал.

Новые сейсмологические открытия ведут к углубленному изучению связей между неотектоникой и сейсмичностью. Очень верно писал когда-то Орлов: «Сила, медленно и спокойно изменяющая уровень страны в известном направлении, и сила, быстро совершающая изменение того же уровня в том же направлении, суть модификации одной и той же силы». Иначе говоря, неотектонические движения земной коры рано или поздно приводят к землетрясениям. Поэтому изучать эти родственные природные явления нужно совместно.

Исследование горизонтальных неотектонических движений особенно важно, потому что в результате этих движений происходит постепенное

накопление в земной коре мощных, уплотняющих горные породы напряжений.

В начале 60-х годов Свердловский институт горного дела провел на Гороблагодатском, Высокогорском и Покровском железорудных месторождениях очень интересные исследования по определению характера сил, деформирующих горные выработки. Было открыто, что горизонтальные напряжения в околорудничных подземных массивах намного превышают давление лежащих над ними горных пород. То есть с действием горизонтальных сжимающих сил связаны наиболее мощные напряжения, которые, накапливаясь по мере развития неотектонических процессов, могут превзойти прочность пород или силы трения между отдельными блоками земной коры.

Углубляя горные выработки и нарушая тем самым упругое подвижное равновесие массивов пород, сжатых и своей собственной тяжестью, и тектоническими силами, человек время от времени вызывает небольшие искусственные землетрясения, которые и называются горными ударами. Точно так же, как и землетрясения, горные удары регистрируются и прогнозируются сейсмическими и другими методами. Трудность такого прогноза обусловлена прежде всего необычайной сложностью распределения напряжений в слишком уж неоднородной земной коре. И поэтому уральские сейсмологи неуклонно расширяют фронт научных работ.

К исследованиям первых двух уральских сейсмических станций в начале 60-х годов присоединилась сейсмическая лаборатория Института геофизики Уральского научного центра АН СССР. А совсем недавно третья сейсмическая станция появилась в Башкирии, на берегу реки Белой.

Чтобы избежать всевозможных производственных помех, высокочувствительные сейсмографы станции опущены в специальное подземелье на 60-метровую глубину. Во время регистрации землетрясений на Урале свердловские сейсмологи всякий раз проделывали очень трудоемкую вычислительную работу по определению эпицентров

подземных толчков. Ведь большинство сейсмических станций нашей страны почти не слышит многих слабых уральских землетрясений. Теперь, когда начала работать новая сейсмостанция, установление эпицентров землетрясений уже не представляет такой сложной задачи. Это облегчит путь к познанию глубинного строения Урала.

Можно уверенно предположить, что в самом недалеком будущем на помощь сейсмологам придут принципиально новые способы высокоточных измерений неотектонических движений земной коры. В Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Антарктиде уже проходят всестороннюю опытную проверку лазерные дальномеры. Если лазерный передатчик и зеркала-отражатели лазерного луча установить на различных движущихся друг относительно друга блоках земной коры, то такой дальномер может измерить сдвигения блоков в миллиметрах и даже долях миллиметра за год.

Использование же стационарных лазерных установок с несколькими базовыми реперами-отражателями позволит выполнять такую трудоемкую для сейсмологов работу, как выделение границ активно перемещающихся блоков земной коры. Это создаст надежную основу для сейсмического районирования территории и для определения напряженного состояния горных массивов. Постоянный контроль и изучение наиболее опасных, тектонически перенапряженных зон Земли со временем позволит найти необходимые меры для постепенной «зарядки» этих высоких напряжений задолго до землетрясения.

Но гораздо более существенным результатом предстоящих детальнейших сейсмологических исследований будут особые электротектоностанции и другие сооружения, использующие энергию тектонических движений на благо человека. Конечно, на пути к осуществлению этих планов, нередко еще кажущихся фантастикой, сейсмологам предстоит большая, напряженная, но очень интересная работа. И приятно сознавать, что вся эта работа была начата у нас на Урале Александром Петровичем Орловым.

Л. КАШИХИН,

*старший научный сотрудник
Государственного архива
Пермской области.*

ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШЕГО МУЗЕЯ

Однажды мне попала на глаза открытка — письмо. Его написал Н. Д. Топорков профессору Казанского университета Н. А. Фирсову. Письмо содержало сообщение о смерти пермского историка Д. Д. Смышляева. Документ сам по себе интересный. Имена Топоркова, Фирсова и Смышляева хорошо известны историкам Прикамья. Но тогда меня заинтересовал не текст письма, а синий штамп, оттиснутый на лицевой стороне открытки: «Пермский литературно-театральный музей. Инв. № 882». О существовании такого музея в Перми мне ничего не было известно. Сразу же возникли вопросы: когда существовал такой музей, где помещался, кто его организовал и, главное, какими материалами и экспонатами он располагал?

Начались поиски сведений. Старожилы и сотрудники музеев города, к которым я обращался, ничего не слышали о таком музее. Тогда я решил тщательно изучить материалы Государственного архива Пермской области. Специального фонда музея в архиве не оказалось. Материалы культурно-просветительных учреждений Перми также не помогли. Тогда я решил посмотреть фонды личного происхождения. Их за последние годы в архив было принято немало. На государственное хранение поступили чрезвычайно интересные и зачастую уникальные документы одного из зачинателей музейного дела на Урале краеведа И. Г. Остроумова, артиста и режиссера А. И. Чай-

кина, огромный архив-коллекция А. К. Шарца, инициатора сбора личных архивов замечательных деятелей Урала, архив целого поколения одаренных в разных областях культуры и науки Сиговых, материалы пермской писательницы Е. Ф. Трутневой, семьи врачей Бажановых, художника А. Н. Зеленина и многих других интересных людей нашего края. Документы об их жизни и деятельности приведены в порядок, описаны, заключены в коробки и поставлены на полки областного хранилища для нужд будущих поколений.

Сведения об интересовавшем меня музее, причем довольно исчерпывающие, я нашел в большом и ценном семейном фонде П. С. Богословского, завещавшего все свои бумаги Пермскому областному архиву. Павел Степанович Богословский (1891—1966), профессор Пермского университета, крупный ученый-литературовед, долгие годы занимался изучением литературного и фольклорного наследия Прикамья. Обнаруженные в его фонде документы позволили выяснить следующее.

В конце 20-х годов профессор П. С. Богословский решил осуществить свою давнишнюю мечту — создать первый на Урале литературно-театральный музей. Некоторыми ценными экспонатами П. С. Богословский уже располагал, но их было явно мало: требовалась помощь краеведов, литераторов, артистов, коллекционеров. Чтобы привлечь внимание общественности к музею, Богословский в марте 1929 года издал листовку-обращение, которая начиналась так:

«Постановлением правления Пермского университета при последнем учреждается специальный, необходимый по соображениям учебного и научно-культурного характера, историко-литературный и театральный музей для собирания, хранения и изучения всякого рода материалов широкого литературно-театрального значения и, в частности, связанных с местным краем (Уралом и Прикамьем)».

Далее листовка призывала общественность поддержать это полезное начинание университета

и передать в музей портреты, бюсты, фотографии, биографический материал, рукописи, письма, воспоминания, литературные альбомы, афиши и другие вещественные и письменные материалы по истории литературы, театра, быта. Эта листовка сыграла, по-видимому, немаловажную роль в комплектовании молодого музея.

Итак, по архивным материалам удалось выяснить, что литературно-театральный музей был организован в начале 1929 года по инициативе П. С. Богословского при поддержке общественности Урала. Помещался музей в круглом зале университета на улице Карла Маркса (ныне старое здание пединститута). Помещение вскоре стало тесным для музея. На это неоднократно жаловался П. С. Богословский университетскому начальству. Сохранились две фотографии помещения музея. На них видно, что не только стены, но даже дверцы шкафов и столы были заняты экспонатами.

Какими же экспонатами располагал музей? В личном фонде самого Богословского удалось отыскать всего несколько документов со штампом музея. Среди них — адрес казанских студентов и стихи, посвященные знаменитому пермскому оперному певцу А. Н. Круглову, голосом которого некогда восхитился молодой Шаляпин, рукописный журнал пермских семинаристов «Республика» № 2, пригласительный билет на свадьбу поэта-футуриста И. В. Казанского (Игнатьева), указы сената и распоряжения местных властей о борьбе с «прилипчивыми» болезнями (чумой и моровой язвой) за 1772 год, статья неуставленного автора «Народный склад в некоторых произведениях П. И. Чайковского».

В других личных фондах архива документы со штампом музея обнаружены у А. И. Чайкина. Артист-самоучка, библиофил и краевед, он всю свою жизнь собирал материалы по истории русского и советского театра. В их числе фотопортреты артистов С. М. Муратова, Н. Гукасова, В. И. Каторского, М. В. Веселовской, Дубровской, письма артиста Ф. Е. Шилова, программы и афиши

театральных постановок в Перми, Пензе и Керчи за 1898—1931 годы.

Большой удачей в ходе поисков стала обнаруженная в фонде Богословского ученическая тетрадь, на которой рукой Богословского было написано: «Предварительная общая инвентаризационная запись поступлений в литературно-театральный музей при Пермском университете». Датирована тетрадь январем 1929 года. Возможно, что эта дата указывает время заведения тетради.

На первой странице мелким уборым почерком по порядку инвентарных номеров записано: портрет Мамина-Сибиряка худ. Стеблова; письмо Л. Н. Толстого (1897), поступило от студента Филиппова. Далее — рукопись нашей пермской писательницы А. А. Кирпищиковой, автограф стихотворения А. Жарова, письмо М. Горького и... короче говоря, что ни запись, то открытие.

Собрать такие сокровища было, конечно, не так-то просто. Записи поступлений обрываются на № 18606. Этот номер должен значиться на последнем документе — фотографии писательницы Микулич. Такие же номера были и на других найденных документах, входивших сорок шесть лет назад в коллекцию музея.

Перечислить все записанные в тетрадь экспонаты музея просто невозможно. Огромную ценность музейной коллекции представляли подлинные документы и фотографии А. М. Горького, Л. Н. Толстого, В. Я. Шишкова, П. И. Чайковского, В. Г. Короленко и многих других всемирно известных деятелей русской культуры, а также материалы местных уральских писателей, артистов, художников.

Записывая в тетрадь новые материалы, Богословский отмечал, от кого они поступили. Чаще всего встречаются фамилии А. И. Чайкина, А. А. Луканина — известного в свое время в Перми педагога-музыковеда, а также имена представителей пермской интеллигенции Е. И. Косвинцева, А. И. Тихонравова, А. С. Серебrenникова, Г. И. Марковой, А. Р. Карвовской, В. А. Падалко. Все они оказали большую помощь музею.

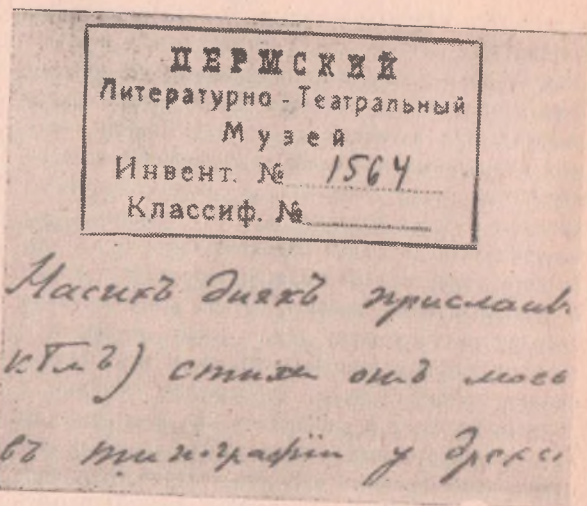
Среди их пожертвований в тетради Богословского значатся рукописи писателей, ноты, дневники, воспоминания, письма, рисунки, портреты, фотографии, программы театральных постановок, афиши, книги и многое другое.

А вот значительная часть материалов о Шишкове попала в музей благодаря многолетней дружбе, которая связывала писателя и профессора. Шишков бывал в Перми и гостил в семье Богословских. Сохранилась афиша Пермского литературно-театрального музея, в которой сообщалось, что 1 сентября 1931 года музей устраивает платный вечер прибывшего в Пермь известного советского писателя В. Шишкова. Писатель должен был прочитать несколько своих произведений. Сбор от этого вечера шел в пользу музея.

В октябре 1931 года газета «Звезда» опубликовала еще одну статью Богословского, в которой он вновь обратился за поддержкой к общественности. «Учрежденный в 1929 году постановлением Пермского университета литературно-театральный музей, — писал Богословский, — в настоящее время располагает уже настолько значительным собранием материалов, что может в недалеком будущем, при наличии благоприятных условий, сделаться не только солидным научно-учебным заведением университетского типа, но и большим культурно-социальным органом массового просвещения, единственным по своему характеру музеем».

Но, к сожалению, надежды П. С. Богословского на «благоприятные условия» не оправдались. В 1932 году он переехал в Москву, так, по-видимому, и не успев передать музей в надежные руки. Об этом свидетельствует и тот факт, что после 1931 года ни в печати, ни в архивных материалах мы не находим сведений о существовании этого музея.

Но Богословского дела музея продолжали волновать. Через год после отъезда из Перми он писал своему ревностному помощнику по созданию музея А. И. Чайкину: «Как Вы знаете, с литературно-театральным музеем дело в плачевном

состоянии. Говорят, что часть материалов была выдана вкладчикам. Но кому и когда? И почему такое отступление от принятого решения? Я все-таки этого дела оставить ни в коем случае не могу...» В августе того же 1933 года он снова пишет А. И. Чайкину: «На днях я был у В. Д. Бонч-Бруевича (помните, он был секретарем у В. И. Ленина и управделами первого Совнаркома?). Бонч-Бруевич весьма интересуется литературными материалами музейного характера. Я побеседовал с ним о нашем детище и думаю, что этот вопрос удастся скоро сдвинуть с мертвой точки. Как только наступит благоприятный момент, я буду действовать».

Спустя пятнадцать лет Богословский вернулся в Пермь, преподавал в университете. И снова он думал о музее. В его бумагах сохранилось представление ректору университета А. И. Букиреву, в котором он убедительно доказывает необходимость создания литературно-фольклорного и театрального музея. «В виде справки могу указать, что около 20 лет назад мною был основан литературно-театральный музей при Пермском уни-

верситете... Благодаря связям с представителями литературы и искусства (в частности, с писателем А. Н. Толстым, письма которого по вопросу о создании университетского музея у меня сохранились), при активной поддержке многих местных культурных деятелей, при активном участии студентов, моих учеников, в литературно-театральном музее в течение двух лет удалось сконцентрировать до 20 000 объектов самого различного характера из области литературы, науки и культуры. К сожалению, судьба этого любовно собранного материала после моего перевода в Москву осталась мне неизвестной. У меня сохранились, между прочим, фотографии — снимки с данного музея, а в кабинете языка и литературы нашего университета я обнаружил редкую и ценную книгу «Летопись русского театра» П. Арапова 1861 года издания со штампом литературно-театрального музея. По-видимому, это случайно сохранившийся экземпляр».

Ю. НАДЕЖДИН КОЛЛЕКЦИЯ НЕ ПРОПАЛА БЕССЛЕДНО

Заметно волнуясь, хозяин дома выкладывал на стол пять внушительного вида томов в потертых картонных переплетах с одинаковым заглавием, сделанным от руки: «Пособие для режиссера». Волнение его, человека, знающего толк в следопытских делах, вполне понятно: перед нами документы нешуточной ценности.

На обложке каждой книги — штамп Пермского литературно-театрального музея. Уникальная экс-

Но ни в 40-е, ни в 50-е годы Богословскому так и не удалось восстановить музей. Этому помешали многие причины и, прежде всего, болезнь ученого и его возвращение в Москву, где он и умер в 1966 году.

А музей, вернее, его ценные экспонаты? Что же все-таки стало с ними? Неужели они навсегда утрачены для науки, истории? Возможно, что экспонаты этого единственного тогда на Урале уникального музея, помеченные его штампами, все же уцелели и до сих пор хранятся где-нибудь в библиотеках наших вузов, музеев или в коллекциях частных лиц.

Перед краеведами Перми стоит задача отыскать хотя бы часть их. Опись экспонатов музея, та ученическая тетрадь, которую составил П. С. Богословский более сорока лет назад, будет служить верным ориентиром в их дальнейших поисках.

позиция до сих пор считалась потерянной при обстоятельствах, не ясных даже старожилам-краеведам, знающим о своем городе, кажется, все и вся...

В начале тридцатых годов коллекция «тайнственно исчезла», музей закрыли. Стало ли это следствием запоздалых пролеткультовских веяний или попросту чьего-то невежества — не сами по себе обстоятельства исчезновения экспозиции, думается, сейчас важны. Главное, как выясняется теперь, она не была в свое время уничтожена. Последняя находка «Пособия для режиссера» — обнадеживающий довод в пользу такого утверждения. Разыскал эти книги краевед Александр Аполлонович Бирюков, серьезно занявшийся в последние годы судьбой коллекции.

— Однажды я увидел у своего знакомого, — рассказывает А. А. Бирюков, — открытки со штампом литературно-театрального музея. Откуда они, спрашиваю. На толкучке, говорит, у мальчишек

купил. Тогда я впервые подумал, что удивительная коллекция, быть может, не пропала бесследно. Мои поиски увенчались успехом. На рынке мне удалось приобрести несколько открыток со штампами музея. И вот недавно в архиве ныне покойного ученого-филолога Викторина Александровича Будрина обнаружены пять из шести томов «Пособия для режиссера». В. А. Будрин был одним из тех, кто отлично понимал общественную ценность коллекции, и постарался, чтобы она не была потеряна.

Перелистываем альбомы, всюду помеченные: «Дар артиста-пермяка Андрея Ивановича Чайкина». Большой труд, начатый, очевидно, еще в первом десятилетии нашего века. Здесь взятые из периодики того времени театральные рецензии и обзоры, в том числе и самого Чайкина, письма о зарубежном театре, проблемные статьи, эпиграммы, вписанные от руки. На снимках — актеры в ролях, сцены из спектаклей. Детальная панорама русского, главным образом провинциального, театра предреволюционных лет дана на ясно обозначенном общественно-историческом фоне: газетная хроника, иллюстрации переносят нас на заседание Государственной думы, в окопы первой мировой войны, в сад царского дворца, в убогую хату горемыки-крестьянина.

Установить, что еще содержала экспозиция, оказалось делом не трудным: в Перми живут и здравствуют люди, не раз бывавшие в круглом зале нынешнего педагогического института, где на университетском педфаке помещался музей. По их утверждениям, в коллекцию входили, в частности, рукописи Вячеслава Шишкова; рукопись

романа Алексея Толстого «Петр I», переданная в дар музею автором через Шишкова; материалы по истории Театра рабочей молодежи (ТРАМ); ме-муары известной русской певицы Ковельковой, выступавшей на сцене пермской оперы; редкие афиши — вся коллекция А. И. Чайкина.

Профессор П. С. Богословский показал пример завидной преданности идее организации в Перми литературно-театрального музея. В декабре 1947 года он публикует в «Звезде» обращение к жителям города с призывом воссоздать экспозицию. Он с гордостью сообщал о том, что первым вкладчиком в новую экспозицию стал ректор университета А. И. Букирев, что проведены переговоры с писателями М. Шолоховым, А. Фадеевым, К. Симоновым, Вл. Бахметьевым, А. Караваевой, поэтом В. Каменским и они обещали свое содействие, что ученый совет университета включил в план научной работы на новый 1948 год издание бюллетеня литературно-фольклорного музея (так он теперь именовался).

Музея, по рассказам учеников Богословского, так и не удалось тогда восстановить. То немногое, что удалось собрать на кафедре для музея, попало в архивы...

Надо искать, а уцелевшее взять на учет. Документы экспозиции есть в музее театра оперы и балета, в Государственном архиве, в кабинете Д. Н. Мамина-Сибиряка пединститута, наверняка в личных собраниях старожилов. Может быть, стоит показать все это на стендах интереснейшей выставки.

Это будет первый шаг к воссозданию единственной на Урале коллекции.

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СЛЕДАМ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

7

Н. Аликина. Первый советский радиь

РАБОЧАЯ ГВАРДИЯ

15

Б. Пахучих. Этажи Трофима Ходыкина

Б. Чернев. Высокий класс

Н. Кузнецов. Два победных года

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

23

А. Ожегов. На рассвете

Художественно-документальная повесть

П. Хитров. Проба сил

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

77

Коммунисты Пермской области в годы Великой
Отечественной войны

Г. Конин. Свет немеркнущий — ленинский свет
Ф. Тараканов. Так мы начинали
С. Николаев. Хроника полувека
(фрагменты)

ПРОБЛЕМЫ КРАЯ

125

Д. Ризов. С любовью к лесу
М. Степанов, В. Волин. «Созвездие» населенных мест

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ

139

Е. Боголюбов. Семинарист Мамин

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ

155

А. Ничиперович. Горькая пермянка

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, КУЛЬТУРА

173

В. Панова. Пермь в моей судьбе
В. Говязин. Пермские книжные сувениры
В. Ключарева. «Продлись, продлись, очарованье»

ЭХО ДАЛЕКИХ ЛЕТ

197

Я. Рабинович. Где зарыта собака?
В., А. и Л. Баньковские. Землетрясения на Урале
Л. Кашихин. По следам исчезнувшего музея
Ю. Надеждин. Коллекция не пропала бесследно

ОТЧИЙ КРАЙ

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Составитель
А. Ф. ОЖЕГОВ

РЕДАКТОР Т. КЛЮЧАРЕВА
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР Н. ГОРБУНОВ
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Т. ДОЛЬСКАЯ
КОРРЕКТОР З. КАПЕЛЬКИНА

Сдано в набор 18/III 1975 г.
Подписано в печать 9. IX.
1975 г. Формат бумаги тип.
№ 2 70×84¹/₁₆. Печ. л. 14,0
(усл.-прив. л. 14,98), бум. л.
7,0; уч.-изд. л. 20,681. ЛБ02167.
Тираж 7000 экз. Цена 68 коп.
Темплан 1975 г. Изд. № 56.
Зак. 461. Пермское книж-
ное издательство. 614000,
г. Пермь, ул. Карла Марк-
са, 30. Книжная типография
№ 2 управления издательств,
полиграфии и книжной тор-
говли. 614001, г. Пермь,
ул. Коммунистическая, 57.

Отчий край. Коллектив авторов.
О 88 Составитель А. Ф. Ожегов. Пермь,
Кн. изд-во, 1975.

219 с.

Основные разделы сборника посвящены историко-революционной теме, истории развития индустрии Прикамья, культуре и искусству края, природе. В отдельном разделе рассказывается об интересных поисках и находках краеведов. Читатели найдут в нем материалы, посвященные 30-летию Победы и 50-летию Коми-Пермяцкого национального округа.

О $\frac{20904-84}{M152(03)-75}$ 56—75

93 56

ИЗДАНО
ПЕРМСКИМ
КНИЖНЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ

С. ТОРОПОВ. СТО ПУ-
ТЕЙ, СТО ДОРОГ. 1972.

Г. ЧАГИН. ЧЕРДЫНЬ.
1972.

В. БУШМАНОВ. ПРО-
БУЖДЕНИЕ ТАЙГИ. 1973.

В. МИХАЙЛЮК. ГОРОД
МОЙ ПЕРМЬ. 1973.

ПЕРМЬ. БИБЛИОГРАФИ-
ЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.
1973.

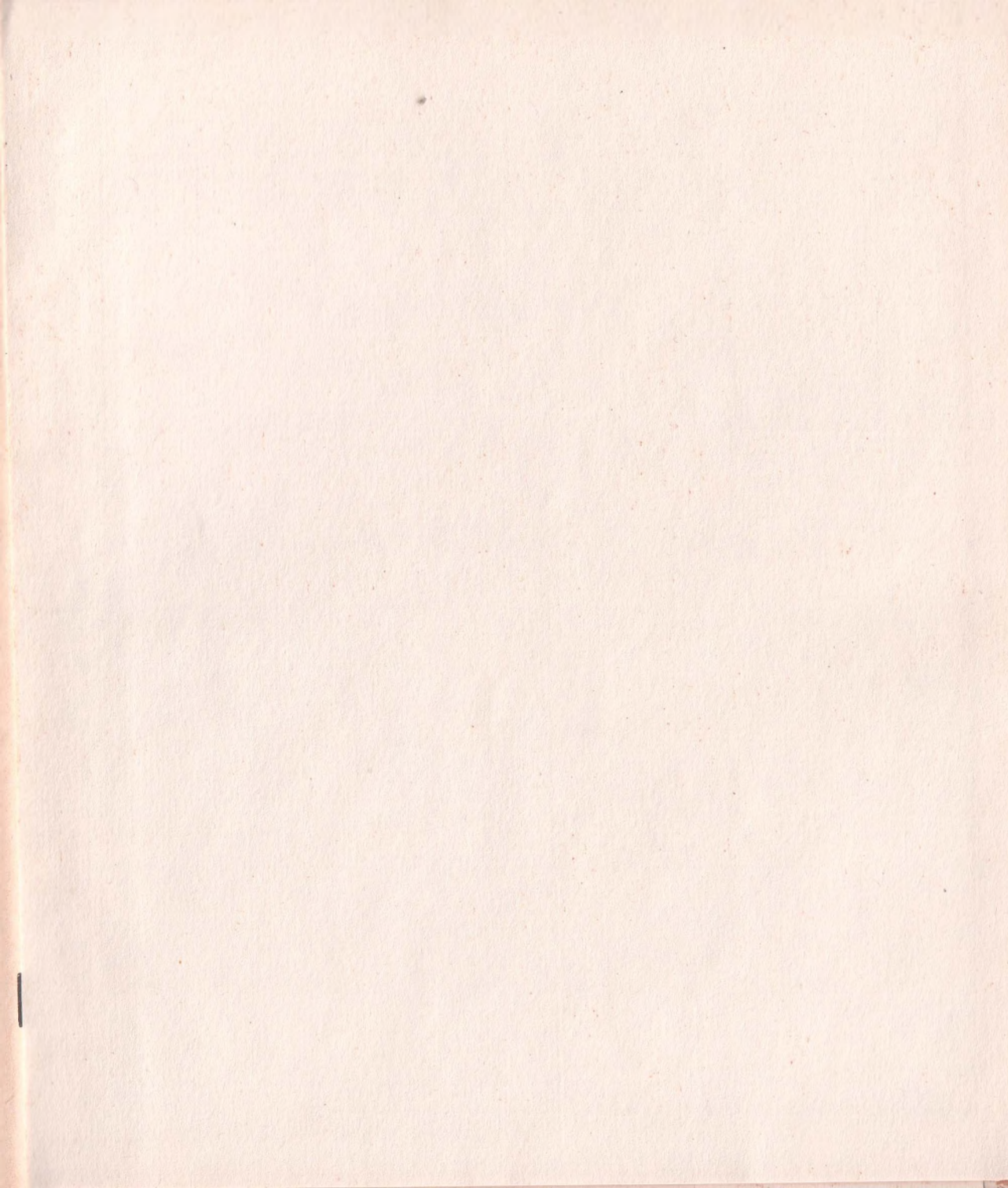
С. МУХИН. ГРИБНАЯ
ПОРА. 1974.

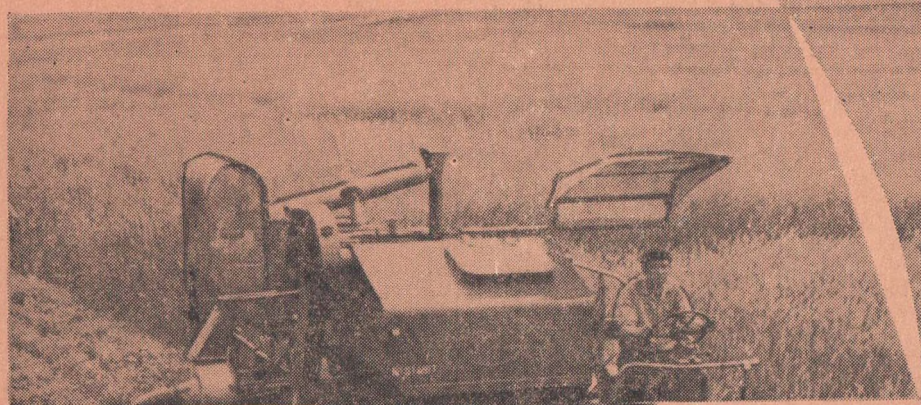
НА ЗАПАДНОМ УРАЛЕ.
Коллектив авторов. 1974.

*Е. ДОРОФЕЕВ, В. ЛУ-
КИН.* КУНГУРСКАЯ ЛЕ-
ДЯНАЯ ПЕЩЕРА. 1975.

УЛИЦЫ ПЕРМИ. Справочник.
1975.

СОЛИКАМСК. Путеводитель.
1975.

68 коп.

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО • 1975